

A person with a large backpack is climbing a snowy mountain peak. The person is in silhouette, wearing a red shirt. The background is a vast, snow-covered mountain range under a clear blue sky. The overall color palette is dominated by blues and whites, with the person's red shirt providing a focal point.

ЯКОВ ШАФРАН

ВОСХОЖДЕНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

2020

**АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Яков Шафран

ВОСХОЖДЕНИЕ

Психологический роман

**«Новые Витражи»
2020**

УДК 82-31
ББК 84(2)6
Ш 30

Шафран Я. Н. Восхождение: психологический роман. – М. : «Новые Витражи», 2020. – 340 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

«Восхождение» — это роман автора-психолога, созданный в 2008 — 2019 гг., о семье, одиночестве, любви и страсти, о психологии становления индивидуальности из личины «лишнего» человека, о вере и неверии, о духовном здоровье и патологии, об истоках извращенности и предательства, о клевете и насилии, о психологии преодоления сложных жизненных обстоятельств. Это также роман о жизни в Москве и провинции, о России, о красоте природы и прелести любого времени года. Одним словом «Восхождение» — это роман о жизни во всех ее психологических аспектах.

ISBN 978-5-6043697-4-6

© Шафран Яков Наумович,
автор, 2020
© Шафран Яков Наумович,
оригинал-макет, оформление,
2020
© Радько Виктория Владимировна,
оформление, 2020
© РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи»,
2020

К ЧИТАТЕЛЮ

Читатель, открыв книгу, ждет, видимо, развитие сюжета приключенческого, детективного или, не к ночи будь помянут, политического, либо, на худой конец, исторически-гламурного и дамско-эротического жанра. Однако поспешим уверить читателя, что он не найдет в изложении ничего из вышеперечисленного, встретившись с обычными людьми, участвующими, правда, в не совсем обычных событиях, столкнувшись с не совсем обычными обстоятельствами, с их внутренним миром, с их внутренней психологией, или, иначе говоря, психологией личности. Эти процессы, в зависимости от установки человека на добро либо зло, на любовь либо ненависть, на общее либо сугубо частное, ведут к победе социального или, наоборот, асоциального в нем. А над всеми этими людьми, всеми процессами... Но не будем опережать действие романа. Читатель сам разберется, что к чему. Скажем только, что за личным, человеческим всегда стоит надличное, а людские чувства и поступки, развитие людских судеб выражают порой развитие судеб более высоких общностей, так как в малом отражается большее, а в большем — малое. Все взаимосвязано.

Россия — «...мировая цивилизация, ... великая интеллектуально-нравственная держава справедливости и чести» — сказал генерал Л. Г. Ивашов. Трудно не согласиться с его словами. Поэтому все, что ведет к снижению или уничтожению интеллекта, к снижению или уничтожению нравственности, лишению справедливости в жизни и чести как отдельных людей, так и в целом нашего народа, — это есть явления не достойные, не добрые по своей сути, которые нужно преодолевать и на личном, и на общем уровне.

Автор надеется, что хоть в некоторой степени он смог осветить эти вопросы в своем романе через судьбы своих героев. Но об этом судить читателю.

Психологический роман

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»
(См. Примечания, с. 335)

ЧАСТЬ I

Древний Ангел с тверди небесной, то есть из так называемого тонкого мира, наблюдал за происходящим на земле. Он был настолько древен — только здесь, у Земли, он был уже свыше восемнадцати миллионов лет,— что ничему не удивлялся. К тому же Ангел не мог нарушить божеского закона свободы воли ни ангелохранителей людей (как личных — кто заслужил,— так и коллективных: от двух — трех до пятидесяти — ста и более личностей) и их взаимоотношений с опекаемыми, ни свободы воли самих людей. Он мог только предупреждать, подсказывать, ибо свобода воли — залог развития, совершенствования, эволюции и самих существ, и всего Мироздания.

Дело же с этим на Земле обстояло нехорошо, планета отстала в нравственном развитии своих обитателей. И это при том, что сроки подходят. Ведь еще почти две тысячи лет тому назад было сказано, что будет Новое Небо и Новая Земля, когда станет видна Правда, и лжи уже не спрятаешь за масками. Таким образом, исполнится указанное в Священном Писании пророчество. Бог будет все и во всем, и Имя Его будет одно. Тогда вся «цифра» и все основанные на ней построения, планы и теории канут с Земли в лету...

И Ангел печально задумался о том, сколько же не готовых людей пострадает от этого...

ГЛАВА 1

«Стань человеком!»

Двое московских приятелей, встречавшихся лишь изредка в виду занятости одного из них, когда виделись, проводили время за долгой приятной беседой. Однако сегодня одному разговор, судя по его лицу, не очень нравился.

— Опять сомневаешься? — Светогонов не любил, когда Иван впадал в задумчивость.

— Ладно, пойдем, пора уже... — ушел от ответа Бескрайнов.

— Ну, пойдем, составлю тебе компанию!..

Друзья говорили об отношениях Бескрайнова, с их общей знакомой, Надеждой, молодой богатой женщиной, которой родители и бездетная тетка обеспечили безбедную жизнь, да и от Земфинова, певца, немало получившей в свое время. Иван это хорошо знал, но Светогонов почему-то постоянно напоминал. Он встал и недовольно, как ребенок, которого отрывают от игры и заставляют идти в школу или садиться за уроки, посмотрел на приятеля. За окном замигала темно-фиолетовая реклама.

Светогонов был доброжелателен и легок в общении, что позволяло Бескрайнову сносить постоянные поучения своего старшего друга — разница в возрасте между ними была около двадцати лет.

Они спустились на лифте, вышли на большую многоголосую улицу. Стояла середина мая, деревья по обеим сторонам ярко зеленели, а небо было таким девственно голубым, что Ивану остро захотелось подняться в него и парить над всеми оставшимися внизу делами и человеческой суетой...

Оба приятеля весьма контрастировали друг с другом: Иван был высок и худощавого телосложения, светловолос и кудряв, с широким подвижным лицом и быстро меняющимся выражением карих глаз, был одет в джинсы и просторный серый свитер. Виктор же, напротив, — немного выше среднего роста, плотного телосложения, одет в строгий черный

костюм, белую рубашку и полосатый галстук. Лицо его, окаймленное короткими рыжеватыми волосами, говорило об уме, уверенности и знании жизни.

Они сели в его припаркованный шикарный черный «Мерседес-Бенц» и поехали в сторону улицы Мосфильмовской.

Иван, о чем-то задумавшись, глядел на улицу через боковое стекло. Оба молчали, и в салоне автомобиля повисла скука...

... Бескрайнов в семье был единственным сыном и внуком. От бабушки по отцу ему досталась в наследство двухкомнатная квартира у станции метро «Полянка», а от родителей, погибших в автокатастрофе — трехкомнатная в Новых Черемушках. Он, неженатый, один обитал в своей однокомнатной в Бибирево, а эти две квартиры сдавал за немалые деньги, на которые и жил. Потому Светогонов и озаботился женитьбой своего холостого друга. Сам же он был женат на молодой актрисе — около двенадцати лет тому назад первая жена оставила его вместе с малолетней дочкой и уехала с видным ученым-физиком в США. И сейчас он жил с Людмилой и дочкой семнадцати лет в квартире на Новом Арбате, откуда приятели только что вышли.

Бескрайнов всю жизнь прожил в Москве, сначала с отцом и матерью, а когда учился в институте — с бабушкой. Работу он оставил сразу же, как только представилась возможность иметь доход с жилплощадей.

Ивану шел тридцать второй год, но до сих пор никакой реальной профессии (по институтской специальности инженера-механика никогда не работал, и уже все позабыл) у него не было. У всякого постороннего, некоторое время пообщавшегося с ним, эмоционально неустойчивым, изменчивым, возникала мысль, что он имеет дело с несколькими личностями. Порой Бескрайнов готов был всех обнять и расцеловать, прослезиться от сентиментальных чувств, обуревавших его, а через некоторое время мог раздражаться в ответ на доброе к нему отношение. Поэтому мнений о нем было столько же, сколько людей, которые его знали.

С детства невнимательный и мечтательный, падкий на различные выдумки, будучи до опьянения впечатлительным, мальчик не любил строгих правил. Ему нравилось все фан-

тастическое, да и он сам мог сочинить любую небылицу. Рассеянный, — что часто сопряжено с вышесказанным, — он допускал ошибки в письменных заданиях, и только благодаря матери, буквально сидевшей над ним и постоянно проверявшей его работы, учился на твердую четверку.

Иван был очень влюбчив, с шести лет всегда был кем-то увлечен и воображал себя мужем своей возлюбленной. Однако внешность — худое, костлявое, но широкое, как блин, лицо, большие, торчащие в стороны уши, и непривлекательное телосложение — не способствовала взаимности со стороны молодой поросли противоположного пола, — те старались при нем оказывать всяческое внимание другим ребятам, что еще более толкало Ваню к уходу в себя, в мир фантазий. Это во многом усиливала и мать, почему-то не разрешавшая ему уходить далеко от дома и требовавшая прихода из школы час в час. Поэтому он не посещал никаких кружков и секций вплоть до четырнадцати лет (лишь в этом возрасте он начал обучаться игре на гитаре), придумывал себе различные миры и жил в них, как в реальности.

Отец... Бескрайнов любил его не так сильно, как мать. Тот был всегда спокоен, холоден — по крайней мере, внешне — и мало принимал участия в жизни сына. О матери же Иван вспоминал часто, видел перед собой ее лицо: печальные глаза, слегка дрожащие губы, когда она интересовалась его делами и увлечениями, — видимо, уже тогда чувствуя, что ничего путного не выйдет, — нежную улыбку в ответ на его радость. И в такие минуты он страдал, что мало выказывал ей своей любви. Теперь уже не вернуть прошлого — не обнять, не поцеловать, не сказать ей добрых слов, — теперь она так далеко, что уже не вернется оттуда никогда и не узнает, как он ее любил и продолжает любить.

В детстве — и позже, уже в юности — Ваня частенько принимался читать, но то же воображение мешало ему, и, прочитав несколько страниц, он уносился в далекое, неведомое, фантастическое, потом забывал обо всем этом и увлекался уже другим. Никто по-настоящему не занимался им, не интересовался, чем живет, никто не пытался организовать его тонкую психику, душу, воспитать в нем целенаправленность и устремить к чему-либо конкретному. Поэтому, когда Иван вырос, реальная жизнь мало интересовала

его — он часто, лежа, мечтал, и так мог провести несколько часов, после чего, истощенный и пустой, шел бесцельно бродить по улицам. А еще его внимание притягивали истории о необычном, и чем они были страшнее, тем больше.

В институте Бескрайнов только записывал лекции, ничего не учил и не изучал, а к экзаменам зубрил — лишь бы сдать, чтобы не было «хвостов». С сокурсниками ему было скучно, они были все какие-то реальные, и он, едва досидев до конца лекций, убегал к себе и в себя.

После получения диплома Ивана устроили в одну престижную фирму, и он мог там сделать быструю карьеру. Но временной режим, регламентация, сроки исполнения заданий, да и сама работа претили ему, и единственным его желанием было — поскорее пойти домой. Но нужны были средства для существования, и он продолжал ходить на работу...

У Бескрайнова не было твердых убеждений, какого-либо кодекса поведения. За душой он имел лишь обрывки специальных знаний, оказавшие когда-то на него впечатление чужие мысли и слова и постоянно вертящиеся в его сознании воспоминания. И то, что Иван не совершил до этой поры ничего скверного или преступного, он был обязан привитой ему с детства матерью моралью — этакой системой табу, не более того. Загробную жизнь он не принимал, единственной считал это существование от рождения до смерти, а далее — темная пустота.

Однако нельзя сказать, что не было в молодом человеке вообще ничего постоянного, — была все же в нем страсть к красоте, к природе, к фотографированию, к сочинительству стихов, прозы, подбору мелодий на гитаре. Но беда была в том, что он и в этом не мог сосредоточиться на чем-то одном, довести дело до конца и перейти к другому. Начав что-то, он быстро уставал, бросал, а отдохнув, терял интерес к прошлому делу, брался за другое, новое, — и так без конца...

Как это назвать: лень, непостоянство, рассредоточенность сознания, неумение заняться чем-то серьезным, неприученность и нелюбовь к труду? Как ни назови, а результат налицо: в свои тридцать один с небольшим Бескрайнов фактически был никем...

— Так ты женишься на ней?.. — спросил Светогонов.

— На ком?..— очнулся Иван.— А... ты про Надежду?..

— А ты про кого?

— Гхм... Ну почему сразу женишься? Почему ты можешь просто жить и наслаждаться жизнью: игрой в бильярд, преферанс, на тотализаторе «и прочая, и прочая», а я не могу?

— Хочешь поиграть с ней или с ее деньгами?

— Ха-ха-ха... И то и другое! Но иногда вдруг найдет и так захочется тихого семейного, чего-нибудь такого... А, все чушь собачья!

— Ну, уж и чушь, с такими-то деньгами...

— С такими деньгами и есть чушь...

Бескрайнов понимал, конечно, что обеспеченная жена не чушь. Просто ему надоели, хотя и легкие, нравоучения своего старшего приятеля, который постоянно побуждал его к женитьбе, к деланию (именно так!) карьеры, занявшись чем-нибудь стоящим, к жизни — «как все живут». «И это он мне, художественной натуре, во всем ищущему вдохновения, музы, импульса жизни, говорит?!» — думал он. С другой стороны, Иван, в глубине души понимал, что Светогонов, все же в чем-то был прав. Ведь ничего он так и не создал к своим годам...

— Стань человеком!

Вот снова завел свою «песню» приятель.

— Я и так человек!.. И еще побольше некоторых!..— грубо ответил Бескрайнов и отвернулся, остановив свой взгляд на какой-то ядовито-зеленого цвета вывеске, не вникая в ее содержание. Видно было, как желваки заходили на его скулах.

— Ну, вот и обиделся...

— Все, на сегодня хватит, Виктор! Я пошел домой.

— Как знаешь, Иван,— Светогонов остановил машину.

ГЛАВА 2

Зареченские пенаты

По улице городка Зареченска в одинаковых, белых, отличающихся только цветом лент, соломенных шляпках от палящего полуденного солнца, смеясь и разговаривая, шли две девушки.

— Тебе бы только смеяться, хохотушка,— сказала старшая из них.

— А тебе бы только посерьезничать,— тут же парировала другая.

— Мг-мг...

— Ну правда, Настя, что тебе подарить? Хочется, чтобы это понравилось и тебе, и — а вдруг! — потенциальному жениху.

— Вероника, ты опять за свое? — Улыбнулась, как улыбаются проказникам-детям, Настя.

Завтра у Анастасии будет день рождения, а младшая сестра все никак не могла выбрать подарок для нее.

Сестрам было двадцать пять и восемнадцать лет соответственно. Но по тому, насколько отличались по поведению серьезная молодая женщина и ее смешливая сестренка, можно предположить, что разница в возрасте значительно больше.

Анастасия чуть покровительственно глядела на Веронику своими большими добрыми и чуть печальными голубыми глазами. Через правое плечо ее была перекинута длинная светло-русая коса.

Настя после учебы в областном университете работала учителем в школе, но присматривалась и, как любила говорить, «искала себя» в гимназии или лицее. Она писала стихи, чем занималась еще с ранних студенческих лет, и посещала литобъединение.

Вероника же раздумывала, куда бы пойти учиться. Она, в отличие от старшей сестры, была еще игруней да хохотуньей, веселье так и бурлило внутри этой стройной, с короткой

стрижкой темно русых волос, девушки, ожидая повода вырваться наружу. Она чтению предпочитала живое общение и всегда искала момент, когда можно посмеяться или пошутить. Вот и сейчас на ее раскрасневшемся лице сияли синие глаза и ослепительная белозубая улыбка до ушей.

Родители сестер, Тамара Ивановна и Петр Терентьевич,— учителя в одной из местных школ, причем потомственные, и в доме у них — занимавшая все стены большой гостиной огромная библиотека. Анастасия любила читать и перечитала уже большую часть книг. Во второй половине дома жила еще одна читательница — соседка, Раиса Никифоровна, уже давно бывшая на пенсии и любившая возиться в саду и огороде. Она, хоть не была с соседями даже в дальнем родстве, любила шутить: «Ты, Настя, в чтении вся пошла в меня!». Конечно же, с хозяйственными делами частного дома она одна не справилась бы, и соседи давно уже, не мелочась, помогали ей — так уж повелось, что сад и огород у них были общими. Раиса Никифоровна была женщиной довольно строгих правил, очень собранная, любила все вокруг себя организовывать, нисколько не сомневаясь в своих действиях, считая их, идущими на благо всем. Соседи давно это поняли и не мешали ей. Оттого все были на своем месте, и всем было хорошо...

— Ну, так что же тебе подарить? — Вновь, искоса поглядывая на Анастасию, заулыбалась Вероника, идя, как по веревочке, и грациозно двигая бедрами.

— Отстань, дари, что хочешь,— серьезно, но мягко, ответила сестра, открывая калитку, ведущую к их дому, и с удовольствием вдыхая благоухающий белый ландыш.

В большом саду кроме скамеек была устроена беседка и что-то наподобие коротких аллей. В саду, наряду с вишнями, яблонями и другими плодовыми деревьями, по окраинам росла рябина, ближе к дому — сирень, а на противоположном конце, за изгородью, белели березки. С другой стороны дома был огород. Ну и, конечно, как водится в частных домах в российской глубинке, всюду, радуя глаз и обоняние неповторимым сочетанием райских запахов,— цветы: в палисаднике, на клумбах и вдоль дорожек.

Вообще местность, где находился их дом, была очень живописна. Перед домом расстилалась широкая река, а за

ней, вдоль всего дальнего берега — ровные луга и поля, вернее, что когда-то были ими и что когда-то давало генетически присущую человеку радость будущего плодородия, а сейчас заросшие бурьяном. Левее от моста всеми оттенками зеленого вплоть до синего темнел лес. Неподвижная гладь реки, словно зеркало, отражала сосны, березы и ивы, росшие на ближнем берегу. А в легкой, туманной и зыбкой дали вода казалась светло синей и сливалась с таким же небом. Были слышны стоны чаек, изредка нарезал волны быстроходный катер или резвая моторка. Если спуститься по тропинке к самому берегу, то можно увидеть старую вербу и лежащий в воде большой камень, над которым, когда идет сильная волна, брызги рисуют небольшую, но красивую радугу. Вокруг полукольцом, как часовые, стоят деревья и берегу покой этого отдаленного от городского шума уголка. Пройдя вдоль реки по тропинке вправо, метров через двести, выйдешь к роднику, чуть слышно позванивающему в небольшой ложбинке у старой ели, приглашая напиться своей чистой земной водицы. К нему ежедневно за здоровьем приходят и приезжают издалека горожане — умываются, пьют и увозят с собой живительную влагу-эликсир.

Отсюда было хорошо видно, как весь пологий спуск от дома к реке покрывали заросли кустарника и деревья, а за домом, вверх от реки, простирался город, и все его дома тоже утопали в зелени. Потому, вдыхая здешний воздух, человек легко наполнялся бодростью и энергией. Вокруг, радуясь этому уголку ладного мира, трепетали на ветру березки, стрекотали кузнечики и пели многочисленные птицы...

У одной из клумб у дома стояли Тамара Ивановна и Раиса Никифоровна и разговаривали. Девушки помахали им рукой.

— Вы обедать будете, гулены?

— Да, мама, проголодались жуть! — воскликнула Вероника.

— Пойду, покормлю,— озаботилась Тамара Ивановна.

— Не беспокойся, мам, отдохни, сами управимся,— сказала Анастасия и, взяв за руку сестру, направилась к крыльцу.

— Какие они у тебя красавицы, Тома! Вот бы моему, не-

путевому Ивану, одну из них.

— Пишет? Давненько что-то не приезжал...

— Да вот, поди, уж лет пять, как не было! И письма шлет раз в полгода.

— Может, чем серьезным занялся?

— Ой, Тамара,— вздохнула Раиса Никифоровна и, махнув рукой, направилась в свою половину большого кирпичного дома, по пути слегка касаясь темно-темно-фиолетовых, почти черных цветов. «Как то бишь их название? — подумала. И не смогла вспомнить, что с ней весьма редко бывало.

ГЛАВА 3

Замок из слоновой кости

Прошел месяц, и Бескрайнов со Светогоновым встретились вновь. Друзья сидели за летним, уличным столиком ресторана «Villa della Pasta» на Пятницкой. Рядом высилась бело-красная Климентовская церковь*.

В отличие от Ивана Виктор Викторович внешне был очень спокоен и бесстрастен, говорил всегда кратко и несколькими тщательно отобранными словами. Однако в глазах его то и дело мелькала искра какой-то внутренней усмешки, но тут же скрывалась за спокойной доброжелательностью. Он относился ко всему с некоторым скептицизмом и даже небольшим цинизмом, но ровно в рамках приличия.

Светогонов родился, учился и работал в Москве, не выезжая, кроме отпуска, никуда на продолжительное время. Он был москвичом до корней волос. Взгляды на жизнь у него формировались не как у большинства — телевидением, бульварными газетами и гламурными журналами,— а в достаточно узком кругу московской элиты, в котором он вра-

---

* Действующий православный храм священномученика Климента папы Римского в Москве — памятник русской архитектуры XVIII века.

щался. Виктор Викторович, резко отличаясь от многих людей своего уровня, конечно, проводил иногда летний отпуск на заграничных южных морях, но не был фанатом этого, напротив, любил отдыхать и в отпуск, и в выходные в красивейших местах Подмосковья и других регионов России. Живя в своем московском мире, Светогонов знал в подробностях все, что делается в городе, в администрации столицы, был в курсе всех мировых событий, и не из теленовостей. Он был московским чиновником, происходившим из семьи советских управленцев, и входил в так называемый столичный бомонд.

Как же сошлись столь разные по положению люди, как Светогонов и Бескрайнов? Познакомились они случайно на отдыхе в Хосте, куда Виктора Викторовича «занесло» из любопытства. Иван привлек его своей непосредственностью, и он решил сохранить для разнообразия это знакомство...

Была середина рабочего дня, но улицы были заполнены людьми, а мостовая забита машинами. И Светогонов официально был еще на службе. Но на таковую у него уходила лишь первая половина дня, до тринадцати часов. К чести его следует сказать, что уже в восемь утра он был на работе. В час пополудни с друзьями обедал в отдельном зале одного из облюбованных ими ресторанов. Обед всегда был изысканным, со многими блюдами и дорогим вином. Иногда, если был серьезный повод, они заезжали и в другие рестораны и продолжали возлияния до самого вечера. На работу в это время их мог призвать только звонок секретарши с вызовом к начальству или с сообщением о срочном деле, требующем безотлагательного решения или присутствия. Поздний же вечер Светогонов всегда проводил с семьей дома или в театре, в концертном зале или в гостях.

Сегодняшний обед он решил разделить с Бескрайновым.

— Ну, как пообщался? — спросил его Светогонов.

— Да, еще как!..

— Я смотрю, ты взволнован?

— Да, но до сих пор она волновала меня своей недостижимостью и таинственностью, а теперь еще и абсолютной прагматичностью. Редчайшая женщина — полная противоположность мне.

— А не влюбился ли ты, Ванюша?

— Хм... В бесчувственную?

«Да, прагматичности в ней — хоть отбавляй,— подумал Бескрайнов. Он при последней их встрече предложил ей не лишать себя маленьких радостей — поехать вместе полюбоваться природой, пойти на показ моды, в театр, на что она ответила, что ей от этого всего скучно, что все это, видите ли, несерьезно... А чуть шаг к ней делал, так она: «Тише, тише, что это вы так разволновались?» — У нее, видимо, уже какой-то комплекс старой девы,— а может, муже-девы? — начинает формироваться... А как хороша, черт возьми! Как грудь-то колышется в такт движениям. А какая артикуляция, когда говорит! — такие целуются крепко,— вспоминал Иван.— Да что ж это я, уж и впрямь, не влюбился ли?» Он говорил ей о раскрепощении, о радости, о счастье брать от жизни все... А она: «Я и так счастлива, у меня богатая внутренняя жизнь!» Как будто заперла себя в замок из слоновой кости, или какой там еще есть, и не подпускает. «А сам ты не прочь ли пробраться в этот самый замок, а, дружище?» — сам у себя спросил Бескрайнов. Он снова начал толковать ей, мол, посмотрите на себя, вы красивы, но красота пропадает зря, жизнь уходит, и нет никого, кто мог бы быть садовником этого прекрасного розового куста по имени Надежда и ежедневно слагать стихи!.. Иван покраснел при воспоминании о том, что подумал в те минуты: «Потеет ли она во время близости?». «Да, брат, во вред, во вред тебе воздержание!» Он продолжал тогда, мол, вы должны владеть своим мужчиной, а мужчина должен владеть вами, жизнь должна быть наполнена любовью и так далее в этом же роде. А она в ответ: «А,— говорит,— любовь-морковь, знаем, мол, знаем...»

Красное закатное солнце струилось между домами, сквозь ветви деревьев посылало свои прощальные лучи, которые множились, отражаясь от стекол окон, и как бы говорило: «Долга будет ночь, потому, чтобы не потеряться во тьме, помните меня, дети мои, помните, помните...»

— Интересно был ли у нее кто-то после мужа? — поинтересовался Светогонов.

— Не знаю.

— Блудливости-то в ней, похоже, и следа нет. Может, просто, действительно, фригидна?

— Может. Но, скорее, здесь другое.

— Что? — спросил Светогонов.

Бескрайнов вспомнил, что когда, чтобы чуть перевести стрелку, он завел разговор о любви к людям, так она ему, — мол, вы однажды уже говорили о девушках, мечтающих о таких платьях, как у меня, о молодых людях, не имеющих достаточно средств, чтобы получить хорошее образование, о больных, не способных заплатить за спасительное, но дорогостоящее лечение... Мне, мол, эти разговоры скучны, тем более вы как-то очень интересно чередуете их с различными вариациями на тему любви между женщиной и мужчиной. Тут она *залилась* каким-то странным, тихим клекочущим смехом, и изумленный Иван не знал даже, как ей ответить. «А вы сами-то любите людей, — спросила она, вдруг посерьезнев, — и что для них делаете?» — «Мало, — ответил он, — делаю». — А она: «Ну, вот и начните с себя!»

Ни о чем таком, конечно, Бескрайнов рассказывать не стал, но заключительные слова беседы с Надеждой он все же поведал приятелю:

— «Найдите-ка, — говорит, — мне мужчину, который смог бы сохранить, умело распорядиться и преумножить мой капитал, да так, чтобы капитал остался моим, мужчину, который не пустил бы по миру, а лелеял и холил меня и мои деньги. А уж об удовольствиях я и сама позабочусь без ваших консультаций!...»

— Вот как! Холодная и уверенная констатация. Это придает делу несколько иной оборот!

— И я понял: вот чем она живет, вот почему ее ничто не волнует, не тревожит и, как говорится, не колышет, вот почему она от всего скучает и не живет той жизнью, которой живут все вокруг. Это не фригидность будет, а почище. У нее есть цель — построить несокрушимую крепость, за непробиваемыми стенами которой обеспечено жить, и не в жалкие здесь и сейчас, а в здесь и всегда! Неужели и правда, что самые гордые женщины — более всего зависимы от денег, а Виктор? А ведь ты прав, я к ней равнодушен.

— Да, похоже, серьезная дамочка — с такой лучше сходиться, не влюбляясь. Ведь известно — можно влюбиться и ненавидя. А вот жить так нельзя... Что касается ее, то подумай, ведь такая тебе и нужна, она сделает из тебя человека.

— Опять ты за свое?! Боюсь, она погасит мою страстность, а другие состояния мне скучны... Горя, я бы создал галерею ее фотопортретов, сочинял бы романы, а может быть и роман написал. Давно, кстати, думаю о романе, да все жару не хватает...

— Ты о многом давно думаешь, да все заканчивается пожеланиями, да вздыханиями...

— Смеешься надо мной, а ведь я, правда, хочу этого!

— Хочешь, вижу, что хочешь, но только говоришь, а не делаешь. Делать, делать надо!

— Не хватает чувства, горения...

— Так зажги свечу и подставь под зад!..— зло сказал Светогонов, поднялся и, подойдя к своей машине, припаркованной недалеко, добавил: — Прощай, меня еще дела ждут, писанины много, отчет...

Бескрайнов ничего не ответил, только махнул на прощание рукой и, понурившись, пошагал в сторону шатра пивной. Стояла середина июня, но листва на деревьях и кустах начала выглядеть как в конце августа, так как вот уже недели три было очень жарко.

Невеселые мысли крутились в голове у Ивана. Вспомнил разудалое время учебы в институте, когда жил на полном обеспечении родителей и, имея много денег на карманные расходы, кутил и развлекался, как мог. Вспоминал, как после окончания института родители отказали в помощи, сказав, что теперь сам должен зарабатывать на жизнь, как мыкался, оставшись без средств, если не считать жалкой зарплаты. Вспоминал, как приходилось работать, работать и работать, даже дома, даже в выходные, а так хотелось заниматься фото, музыкой и писать. С тоской думал и о том, что вот уже как пять лет есть деньги и время и не нужно думать о зарботке, и тратить на это жизнь, а так ничего и не создал, к чему лежала душа...

Иван зашел в пивную, взял две кружки светлого холодно-го пива и, сев за свободный зеленый столик у окна, стал, глядя на улицу, медленно поглощать живительную влагу. А по серому тротуару шли люди — серьезные и не очень, медленно шли и быстро, но все как один казались чем-то озабоченными. Видно было, что двигались они не бесцельно, как это бывает у гуляющих людей.

Незаметно в голове у Бескрайнова зароились планы. «Вот,— думал он,— займусь фотографированием Надежды... Нет, прежде запишу все наши беседы с ней и мои мысли по поводу этих бесед... А может вначале стихи для будущих романсов. Конечно, стихи!.. Нет, для стихов страсти маловато, вдохновения не хватит... Может подобрать мелодию на гитаре? Опять не так, вначале нужны стихи, так лучше и легче будет... Напишу заметки для начала. Да, напишу и... положу в стол, как уже было раньше... А может, роман? Как же!.. Для романа нужен стержень, накал внутренний. А где его взять, чем разжечь себя? Займусь-ка я фото... А захочет ли она, чтобы я снимал? Вот вопрос... Господи, опять замкнутый круг! Мне уже тридцать один, а я все хожу по кругу, по этому проклятому кругу, и не вырваться, и не вырваться!.. Тоска желтая... Что делать?..»

Допив пиво, Иван медленно вышел на улицу и бесцельно побрел по ней, ни на кого не глядя и не замечая ничего вокруг, гоня нахлынувшие на него и овладевшие им мысли, постепенно освобождаясь от неприятного состояния.

Уж что-что, а это он научился делать хорошо, благо давно практиковал. Спокойствие возвращалось в его душу. А вместе с ним и скука.

«Поехать что ли в Зареченск?» — подумал он и утвердительно взмахнул рукой.

ГЛАВА 4

Надежда

Бескрайнов был знаком с Надеждой Черновой около полугода. Она была разведена, бывший ее муж служил офицером в очередном далеком гарнизоне, и ни в какую, — «Есть же еще на свете такие чудачки, если не сказать хуже...» — думала Надежда, — не желал выбраться из глуши в столицу или хотя бы поближе, мечтая пройти службу чисто, без протекций, опираясь только на свои способности. Надежда просто от него сбежала, ну, конечно, соблюдая все юридические фор-

мальности.

Она была из обеспеченной московской семьи. Отец, полковник в отставке, после короткой трехлетней службы в гарнизоне, пребывал все время в столице при военкоматах. Мать ее умерла, и с отцом случилась редкая метаморфоза. Гулявший всю жизнь, как говорят, не пропускавший ни одной более-менее приличной юбки, после смерти супруги, доброй, мягкой, милой и терпеливой, он вдруг остепенился и стал жить почти пуританской жизнью.

Когда дочь приехала в родительский дом, Георгий Иванович все свободные деньги, а их у него водилось немало, стал тратить только на нее.

Надежде было двадцать семь, но она, судя по ее беседам с отцом, еще раз замуж не торопилась и, с благословения папашы, обожавшего дочь, собирала еженедельно у себя своих знакомых.

У Надежды была еще тетя Нина Ивановна, сестра отца, не уважавшая и не любившая его за прошлые его «шалости», за страдания его жены, которую любила, как родную сестру. Когда-то Нина Ивановна была очень красивой, за ней увивались многие, но в отличие от брата она вела строгую жизнь, «не разменивалась на пустое», как любила повторять. Она жила неподалеку, муж, в прошлом завмаг, а теперь хозяин крупного торгового здания, бывшего универмага, в центре Москвы, устроил так, чтобы семья Георгия Ивановича жила рядом, в районе Чистых Прудов. Детей у Нины Ивановны не было, хотя прожила замужем всю жизнь, и потому горячо любила племянницу и заботилась о ней.

Решив поехать в Зареченск, Бескрайнов на другой день отправился к Надежде, чтобы проститься. Надежда с Ниной Ивановной были дома и смотрели телевизор. У их ног лежала мохнатая собачонка с голубым бантом на шее и сквозь пряди шерсти бусинками глаз глядела на Ивана.

Нина Ивановна поднялась, приветствуя гостя.

— Молодой человек, прошу за стол! — Она любила быть хлебосольной хозяйкой.

Бескрайнов послушно пошел за ней. «И кстати!» — подумал он, будучи голодным, да и очень вкусно готовили в этом доме.

Иван познакомился с Надеждой на одном из новогодних балов, какие устраиваются для закрытого круга лиц определенного уровня, и куда вхожи Светогонов,— взявший его с собой,— и Нина Ивановна с супругом. Бескрайнов, плохо себя почувствовавший там — температурил: простыл, наверное,— раза три пригласил Надежду на танец и, поговорив с ней немного, ушел. Только потом через Виктора, хорошо знакомого с Ниной Ивановной, он стал искать продолжения знакомства. И вскоре стал другом семьи, которому всегда были рады, что было для него весьма неожиданно.

Надежда была высокой, статной, красивой и лицом, и фигурой, воспитанной молодой женщиной, внешне спокойной, как бы бесчувственной. Несмотря на то, что она уже побывала замужем и поучаствовала в длительных семейных переделках, у нее было лицо невинной девушки, и вся она излучала здоровье и какую-то ладность. «Что же кроется за этим?» — часто задумывался Бескрайнов. Но только очень внимательный наблюдатель, заглянувший близко в ее глаза, мог заметить легкую тень, быстро пробегающую в них.

Иван, привыкший к непринужденному общению с женщинами, был недоволен тем, что Надежда была достаточно холодна с ним и держала на расстоянии. Он много раз пытался понять ее внутреннюю сущность, но, несмотря на весь свой опыт волокитства, так ничего и не смог уяснить себе. И от этого, будучи очень тщеславным, мучился и искал все нового и нового случая расколоть этот «крепкий орешек». Казалось бы, во время их недавней беседы ему это удалось. Но стоило вновь встретиться с Надеждой и увидеть ироническую улыбку на ее темно-вишневых неприступных губах, немедленно прятавшуюся за прядью длинных черных волос, как от его «знания» не осталось и следа. И это было для Бескрайнова настоящей пыткой.

Во время обеда, когда за столом завязался оживленный разговор ни о чем, пришел Георгий Иванович.

— Есть не буду, с друзьями пообедали,— тут же с порога заявил он.

— С друзьями? — спросила, сомневаясь, Нина Ивановна. Нина, с друзьями! Сколько раз тебе нужно повторять, нет у меня уже никого!..

Психологический роман

— Ну, конечно, конечно... — поджав губы, проговорила сестра. — Посидишь с нами?

— С удовольствием! — сказал Георгий Иванович и со смесью любопытства и настороженности посмотрел на Бескрайнова.

Однако с приходом Георгия Ивановича разговор как-то затих и быстро прекратился вовсе. Все дообедали молча, лишь изредка поглядывая друг на друга.

После обеда отец поцеловал дочь и ушел к себе. Нина Ивановна стала показывать видео-слайды ее последней поездки во Францию. Надежда с Иваном, посмотрев немного, вышли из комнаты.

На сей раз разговор их был краток. Она хотела пригласить Ивана, как обычно, в свою комнату, но Иван сказал, что сегодня вечером уезжает в Зареченск к бабушке немного развеяться. Надежда пожелала ему успехов в этом и счастливого пути. На сем наши герои и расстались...

Собрались Ангелы на свое ангельское совещание и стали делиться впечатлениями от дел земных. И наш Ангел сказал слово о своей зоне ответственности:

«Люди старшего поколения более нравственны и больше думают об общем,— рассказал он.— Хотя и среди молодежи есть таковые. Однако заметно различие и упадок».

Согласились с ним все Ангелы и вынесли решение:

«Такая же картина наблюдается по всей Земле. И немудрено, ибо усилились испытания, возросли искушения. Жаль, но не все выдержат их и не обретут Новое Небо и Новую Землю...»

«Потому так активизировались низшие слои невидимого мира,— сказал наш Ангел,— ведь каждому хочется, чтобы больше было подобных ему...»

«Подобных? Поясните, пожалуйста, каких именно»,— спросил молодой Ангел-стажер.

«Уже есть такие категории — людьми их назвать сложно — особой: как падшие: наркоманы, алкоголики, бомжи и подобные им, заражающие же этими пороками и сопутствующими болезнями других; как, прямо скажем, животные, ибо такова их сущность и таковы дела: приобретатели и накопители сверх разумных пределов, чревоугодники, прелюбодее, развратники, насильники всех мастей и убийцы; как зомби — тупые исполнители чьих-то идей, программ и заданий (ибо благие дела не делаются через бессмысленное исполнение); сюда же можно отнести и «лишних людей», не знающих кто они и зачем они, великовозрастных детей, не имеющих занятия, и всех уровней лжецов, отвлекающих сознание от эволюции общего блага»,— сказал Председательствующий.

ГЛАВА 5

Корни — и что выросло...

У Бескрайнова была бабушка по линии матери, Раиса Никифоровна. Ей было чуть более семидесяти лет, и жила она, как уже знает читатель, в небольшом городе Зареченске — районном центре N-й губернии.

Судьба Раисы Никифоровны необычна и интересна. Дед ее — офицер царской армии, всю Первую мировую провоевавший на фронте и не получивший ни единой царапины, погиб в восемнадцатом на улице во время облавы. Жена же его, бабушка Раисы Никифоровны, происходившая из семьи уездного врача, никогда не выезжала из родного городка и всю свою жизнь проработала учительницей в средней школе. У деда был брат, заменивший Раисе Никифоровне в детстве дедушку, преподававший в губернском университете и дослужившийся там до должности профессора, заведующего кафедрой русской литературы. В тридцать первом его арестовали из-за лишней пары новых ботинок в прихожей — было тогда такое поветрие, — после чего он сгинул безвозвратно. Конечно, не из-за ботинок, — наверное, уже в тюрьме ему, несдержанному на язык, «пришили» более серьезную статью со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ведь репрессивный аппарат был создан теми, кто хотел изрядно проредить народ, чтобы некому было выдвигаться на выборах...

Что и говорить, тяжелая жизнь выпала на долю матери Раисы Никифоровны. Родилась Мария Николаевна в многообещающий 1910 год. Но затем первая мировая и воследовавшая революция, террор, гражданская война, разруха и потом, после некоторого затишья, время горячечной борьбы за власть, наветов, доносов и арестов пришились как раз на все ее детские, подростковые и молодые годы, на учебу в областном пединституте, не принеся с собой ни покоя, ни счастья. Вышла замуж она только в двадцать семь за инженера одного из заводов в таком же районном городке той же

области. В «черноворонковом» тридцать восьмом родила Раечку, единственную свою дочку. Затем снова война и снова страх... Работала она с начала тридцатых в редакции заводской газеты, вначале просто журналистом, а с сорок первого, когда редактор ушел на фронт, редактором. Умерла Мария Николаевна в марте пятьдесят шестого, переломно-перестроечного года, всего на сорок шестом году жизни — не выдержало сердечко всех тревожных и пертурбаций.

Отец Раисы Никифоровны был 1906-го года рождения из рабочих. Мальчишкой прибился к Красной Армии. После гражданской трудился токарем, учился на рабфаке, в институте. Так и проработал на том же родном заводе, что и Мария, жена его, всю жизнь, с перерывом на войны тридцать девятого — сорок пятого годов, дослужившись в пятьдесят седьмом до директора. А умер Федор Петрович в восемьдесят седьмом, на восемьдесят первом году жизни от инсульта, может быть, из-за тогдашнего крушения всего и вся.

Муж Раисы Никифоровны, Геннадий Константинович, был партработником в Зареченске (куда она и вышла замуж), из новых, шестьдесят пятых — шестьдесят седьмых годов выпечки, но крепкий и характером, и физически из семьи рыбаков архангельского Поморья. Его унес очередной инфаркт в год дефолта.

Мать Бескрайнова, Лариса, окончив среднюю школу и музыкальное училище, поехала в Москву учиться музыке дальше. А через год сообщила родителям о своем решении выйти замуж. Ее избранником был молодой перспективный начинающий журналист одной из центральных газет. Родители, естественно возражать не стали, а если бы и стали, то, что это могло изменить, ведь характер у Ларисы был такой же, как и у отца — крепкий. Поэтому, скрепя сердце, как на чужбину, отдали ее в столичную жизнь.

Худо ли бедно ли двадцать пять лет прожили родители Бескрайнова вместе, и надо же было такому случиться, в год серебряной свадьбы, они, прервав странную закономерность преждевременных смертей членов семьи — через поколение — то мужского, то женского пола, оба разбились насмерть, когда ехали на своей машине на отдых в Крым.

Вот и вся краткая и довольно трагичная — под стать времени — история этой семьи. Так и осталась Раиса Ники-

форовна на свете с единственным внуком. Однако и его-то редко теперь приходилось ей видеть.

Раиса Никифоровна была высокой, статной, но не полной, с ясным, спокойным и достаточно строгим выражением глаз. Короткой стрижки, совершенно седые волосы окаймляли ее лицо, практически лишенное морщин. Чуть заметные маленькие усики на верхней губе подчеркивали ее мужественный характер. В молодости она была стройной, красивой и подвижной девушкой, и что-то от этого, говорят, сохранилось у нее до сих пор.

Когда не было работы по дому, она садилась в свое любимое под белым покрывалом кресло и уходила в себя. О чем думала в это время, никто не знал, но, судя по поднятой голове и опущенному взору, по спокойному и благородному выражению лица, по свету, исходящему от нее, мысли ее были чисты и светлы, высоки и глубоки. Все старались не беспокоить ее в эти часы, чувствуя, что внутри происходит сейчас что-то очень важное.

Бабушка большую часть своей жизни проработала руководителем крупной организации и поэтому, по необходимости, была партийной, но говорить об этом не любила. Она была достаточно строга, но и снисходительна, и это прекрасно сочеталось в ней. Поэтому ее и боялись, и любили, и никто не мог бы сказать, что он больше испытывал по отношению к ней. Но что Раису Никифоровну уважали все, кто с ней соприкасался, в этом не было никаких сомнений.

Часто она, когда еще работала, пользуясь авторитетом у начальства, вступалась за незаслуженно обиженных, несправедливо наказанных и нуждающихся людей. Начальству это не очень нравилось, однако поскольку Раиса Никифоровна была незаменимым работником, да и начальству помогала, чем могла, ей частенько шли навстречу.

Когда же она уходила на пенсию, провожать пришли даже те, кто уже давно не работал в организации, и те, кто хорошо знал ее в городе. В зале не было свободных мест, и многие стояли. Таким уважением она пользовалась в народе.

На пенсии у нее, конечно, не было крупных дел, но весь день был наполнен заботами. Закончив работу по хозяйству, она планировала ее на другой день, только после этого читала, гуляла по саду, шла в гости или просто сидела у окна,

выходившего на реку, не уставая любоваться пейзажем, ни разу еще не повторившемся до мелочей во всем своем красочном многообразии в течение всей ее жизни.

Раиса Никифоровна была человеком, удивлявшим других своей одновременно простотой и неоднозначностью, силой духа и отсутствием заносчивости, умом, но не гордым, а сдержанным, и полным непоказной любви сердцем.

Несмотря на это и на уважение к ней, истинно близких друзей у нее было мало. Такое часто бывает с человеком, много отдающим себя другим. А на прочих женщин она не походила — в «чужой огород» не заглядывала, «шпилек» подпускать не любила, поэтому знакомств по-соседски не водила. Некоторые пытались, как часто бывает в отношении людей чистых, очернить ее. Но она не отвечала на это, хранила спокойствие и достоинство. И постепенно все клеветническое рассасывалось и следа не оставалось.

Среди немногих же близких был Степан Алексеевич Бобров, давний собеседник ее и друг, руководитель строительной организации с большим опытом работы в своей области и глубоко верующий православный человек.

... Бескрайнов нагрязнул в гости не предупредив. Первую минуту они с бабушкой помолчали, испытывая неловкое чувство, охватывающее давно не общавшихся людей.

Был уже довольно поздний вечер, но на ужин по поводу приезда внука были приглашены соседи с дочерьми. Иван почувствовал себя очень хорошо, будто возвратился издалека в родную семью, в которой, вспомнил он, две девочки всегда наполняли дом вечным весельем и смехом. Однако девочки эти заметно повзрослели и похорошели.

Стол мигом покрылся разносолами и другими вкусными вещами, о которых Иван частенько вспоминал в своей московской жизни. Он проголодался и энергично и молча ел все, что стояло на столе, в то время как все наперебой говорили, вспоминая его последний приезд и свои впечатления о том времени. Девушки при этом задорно смеялись и пытались немного поддеть его, вызывая на откровение.

Но Иван, видимо, очень устал, то и дело принимался дремать, и бабушка, погрозив пальцем шалуньям, увела его спать. Почти не раздеваясь и не разбирая постели, он прилег на кровать и тут же заснул. Сон был тяжелым, с какими-то

путаными сновидениями, но проспал Иван долго.

После завтрака Раиса Никифоровна повела Бескрайнова показывать сад и огород. Здесь ее как подменили. Она стала оживленно и даже радостно рассказывать про все это садово-огородное тонкое и долгое дело: что они сажают да как ухаживают, чтобы все выросло, чтобы урожай был хорошим; какие фрукты, ягоды и овощи бывают, если за ними правильно ходить, и что это все нужно делать постоянно и последовательно, а иначе... Но тут она замолчала на полуслове, заметив, что ему все это не интересно. Иван смотрел по сторонам, следил за птицами, бабочками и стрекозами, разглядывал и нюхал цветы, запрокинув голову, окунался в бескрайнее голубое небо.

Бабушка мысленно махнула рукой и пошла по своим делам, оставив внука наедине с тем, что его интересовало. А он, опьяненный чистым воздухом и красотой, спустился по тропинке к реке.

Река в этом месте с прозрачно-зеленоватой водой широко и неторопливо текла среди заросших деревьями берегов. Иван загляделся на ее спокойное течение и окунулся в воспоминания. Вспомнилось ему, как он с отцом и матерью, когда они еще были живы, впервые стоял здесь, на этом берегу. Так получилось, что, когда у родителей совпали отпуска, они единогласно решили ехать в Зареченск. Это было последнее лето перед их гибелью...

От печальных воспоминаний Ивана отвлек шум моторной лодки. За ней шлейфом шла пенистая дорожка, и волны стали накатывать на берег. Иван разделся и с разбега бросился в воду. Зажмурился, перед внутренним взором быстро пробежали черные и серые полосы. Прохладная изумрудная нега приняла его в свои объятия, смывая усталость, печаль, он почувствовал, как в него входит сила, энергия и спокойствие. Он плавал, пока хватило сил, радуясь всему окружающему. Выходить на берег не хотелось, казалось, так бы и остался в воде, но она была не достаточно теплой, и он с сожалением вышел на берег.

«Эх, и зачем этот технический прогресс с его механическими городами-мегаполисами, заводами и машинами? — подумал он. — Жить бы среди этой красоты и больше ничего не нужно...»

Иван еще постоял, любуясь противоположным берегом, где вдали лес, поднимаясь по склону холма, менял свою окраску с зеленой и до светло-синей на самом верху. Ему было спокойно и хорошо, так бы и стоять, ни о чем не думая, просто любуясь.

...За обедом Бескрайнов казался задумчивым, хотя никаких мыслей в голове у него не было, уж он это точно знал.

«О чем он все думает?» — спрашивала себя Раиса Никифорова.

И вдруг Иван начал рассказывать ей о своих музыкальных и поэтических опытах, о плане написать роман. Встал, убежал в комнату и вернулся с тетрадками заметок и альбомами карандашных набросков, стал читать стихи и отрывки из будущего романа. Потом принес гитару и стал наигрывать мелодии, поглядывая на бабушку.

— Ванюша, ты бы лучше девицам соседским сыграл, да почитал,— сказала она, втайне мечтая, чтобы ему понравилась Анастасия, хотя она знала, что та симпатизирует другому человеку.

— А тебе не нравится, бабушка?

— Ну, почему, нравится... А чем ты в Москве занимаешься, так и не рассказал ведь?

— В Москве?.. — немного смутился Иван. — Да вот этим и занимаюсь...

— Только этим?! Ну, не дело это... Что и работы никакой серьезной нет у тебя?

— А это, что, несерьезно?!

— Ты что, и вправду, нигде не работаешь?

— Нет. По-прежнему сдаю квартиры, и на это живу. Хочу писать, сочинять, стать фотохудожником!

— А сколько тебе лет, Иван? — и, не дожидаясь ответа, спросила: — Что ты уже написал, сочинил, что сделал конкретного?

— Пока еще ничего серьезного, но вот скоро...

— Блажь все это! — решительно сказала бабушка и поднялась.— Если ты за двенадцать — пятнадцать лет ничего не сочинил, то все это — блажь и прикрытие для безделья!

— Бабушка, ты ничего не понимаешь в этом! Это — творчество. Ведь не все можно выразить словами. Сказанное — это не совсем то, что внутри. Отсюда и непонимание.

— Я думала, ты серьезным человеком стал,— прервала его Раиса Никифоровна.— А ты...

И, не договорив, вышла, оставив его одного.

... Несколько дней они с бабушкой старались насколько можно избегать друг друга. Раиса Никифоровна была недовольна его образом жизни, но не хотела обидеть редко появляющегося внука. А Иван, не желая никаких объяснений, убегал на берег реки и любовался окружающим пейзажем. Да вот незадача, он с каждым днем восхищал его все меньше и меньше. И, наконец, ему стало просто скучно...

ГЛАВА 6

Музыка души

У Анастасии сегодня день рождения. Родители — Тамара Ивановна с Петром Терентьевичем — и Раиса Никифоровна общими силами устроили праздничный вечер. Гостей было немного: две школьные подруги — Людмила и Ольга (все остальные друзья разъехались к тому времени кто куда), Валерий, Сергей и Елена — трое молодых людей из литобъединения, где Анастасия занималась, и Виктор Анатольевич Быстров — доцент кафедры русской литературы зареченского педагогического колледжа, созданного в новое время на базе местного педучилища, известный в городе писатель и руководитель местного же литобъединения «Старт». Не было только Степана Алексеевича Боброва, друга Раисы Никифоровны. Сильная простуда не позволила ему приехать. Он звонил накануне, поздравлял Настю, свою крестницу, извинялся, что не сможет быть.

В два голоса, но, не перебивая друг друга, как-то слаженно, как один человек, от души, обнимая и целуя, поздравили Настю родители.

Все чокнулись, выпили и закусили.

Встал Виктор Анатольевич со своим тостом:

— Дорогая Настя! Мне приятно поздравить тебя, так как

при этом получаю право поцеловать красавицу.— Настя заделась в улыбку то ли от комплимента, то ли от выпитого.— Но мне не менее приятно поздравить тебя и как талантливую писательницу и поэтессу, будущую покорительницу читающей российской публики, как ныне покорила меня, скромного почитателя и поклонника.

— Ну, что вы, Виктор Анатольевич! Какая она покорительница? Она только-только стала публиковаться, да и то в районном масштабе. А вы уж так ее! Чуть ли не в героини бывшего соцтруда произвели. Да и себя представил скромным читателем-почитателем. Хитер, батенька, ох, хитер!..

— Раиса Никифоровна, я только собрался поцеловать, а вы... Не вас, заметьте. Вы, хоть и слабый пол, но...

— Слабый пол? Я что, похожа на гниющую доску?

— Позвольте! — Не отвечая, ловко обходя бабушку и все же чуть настороженно косясь на нее, поднявшуюся, чтобы принести очередное блюдо, Быстров чуть споткнулся, едва не наступив на дорожке на зеленую ящерицу, поморщился, но подошел к Насте, поднял ее со стула и расцеловал в обе щеки, при этом чуть-чуть привлекая к себе.

Всем стало немного неловко, и более всего Насте, красной от такого напора признаний и поцелуев. Разрядил ситуацию Валерий, взяв пару аккордов на гитаре, кивнул друзьям, и они вместе запели любимый Настин романс. Его подхватила Настя с подругами, а потом и все за столом.

Песня была напевной и душевной, настроила всех на добрый лад, на теплоту и доверительность, как это часто делает хорошая русская песня в небольшой компании, да за рюмочкой другой вина.

Настя попросила Сергея прочесть его новое стихотворение. Тот, не жеманясь, спокойно стал декламировать

О, музыки пленительные звуки,
Все вновь и вновь волнуете вы нас,
В душе порой усиливая муки
Любви, тоски, страданья и разлуки,
И радость вы нам дарите подчас.*

---

* Здесь и далее стихи Якова Шафрана

Психологический роман

*Порою обаятельно ленивы,
Порою вы, ликуя и звеня,
Словно капель весною торопливы,
Словно поток в горах нетерпеливы,
Словно бокал искрящийся вина.
Порою вы безмерно холодны,
Порою вы предчувствием объаты
Грозы, борьбы желанием полны
Со злом людским, за розовые сны
Вы в бой идете как солдаты.
О, музыки пленительные муки,
Когда вокруг все меркнет и молчит,
И лишь глаза и ласковые руки
В груди рождают сладостные звуки.
И вот душа с душою говорит.*

Стихотворение поддержало лирический лад, но последние слова, отнюдь, не отвлекли, а, напротив, вновь привлекли внимание к Виктору Анатольевичу и его «поздравлению». Однако Настя нашлась, подошла к фортепиано и заиграла из Моцарта. Гости, воодушевленные музыкой, снова пели, читали стихи и в промежутках произносили тосты.

Только Бескрайнов ощущал себя как-то неловко в этой компании. С одной стороны, это была его среда — литературно-музыкальная, одним словом, художественная, с колышущимися языками свечей, с душевностью общения и томным ожиданием новых чувствований и переживаний, но, с другой, — он предпочел бы здесь быть единственным литератором или музыкантом. Внутри него шла борьба: участвовать: читать свои стихи, играть на гитаре — или не участвовать. Ему и хотелось, и не хотелось этого. Вот если бы вокруг были только слушатели. Он не хотел сравнивать себя с кем-то другим, или чтобы его сравнивали... Он закрыл глаза. Мягкая чернота объяла его...

Нужно сказать, что Бескрайнов никогда не ощущал доброго отношения к себе ни от начальника, в пору своей работы в учреждении, ни от других людей, кроме одного-двух близких ему. Многие считали Ивана недалеким и безответным, хотя внутри он был уверен, что не так прост, как думают. Поэтому он сторонился больших компаний, давно ме-

чая о независимости...

— Иван, а может, вы нам что-нибудь прочитаете или сыграете? — спросила Настя, одновременно весело, вопросительно и удивленно глядя на него.

Бескрайнов как-то стушевался, покраснел, что-то промычал и, наконец, выдал:

— Я?.. Не-нет... Нет, вы не подумайте... Потом...

Некоторое время он глядел на нее с удивлением, будто пытаясь что-то вспомнить. В ее спокойном лице с большими голубыми глазами было столько знакомого и вместе с тем неизвестного... Она, если и изменилась со времени его последнего приезда, то немного. Только выросла и стала красивее, чем тогда. Постройнела, взгляд стал более задумчивым и глубоким. И улыбка чаще появляется на лице.

Настя, подняв брови, посмотрела на него долгим пристальным взглядом: «Не плохо ли ему? — Но, решив: — Да, бог с ним!», — отвернулась к своим друзьям.

«Вот интересно — я ведь так хотел почитать что-то свое, а когда представилась такая возможность, то не захотел, — подумал он. — Не воспользовался той свободой, которая есть, а стремлюсь к большей. Почему так?..»

Старшие потчевали молодежь и друг друга отменно приготовленными кушаньями и следили, чтобы в рюмках не кончалась домашняя наливочка. Но, устав, в конце концов, от пения и еды, люди перешли к разговорам.

Незаметно образовались две группы. Старшие, как водится, перешли к обсуждению житейских и городских вопросов, начиная с непрекращающегося роста на все и про все цен и тарифов и до новейших веяний в администрации. Молодые же стали, полушутя, вспоминать школьные годы и своих товарищей: кто, где и чем занимается, события литобъединения, мечтать и планировать свою будущую жизнь или просто болтать и смеяться между делом, и все это, словно играя, как умеет делать только молодежь.

Бескрайнов, отвлекаясь от своих мыслей и не забывая при этом закусывать — уж очень все было вкусно, — с интересом наблюдал за теми и за другими, прислушивался и впитывал все, о чем они говорили. Нельзя было сказать, что ему это было интересно, но уж точно любопытно — может, что-нибудь вставит в свой будущий роман.

А еще он заметил, что слова каждого имеют свою особую интонацию, и если, не вникая в смысл говоримого, просто слушать, то речь звучит как музыка души этого человека. Жаль, что он не умеет записывать звуки нотами...

Сейчас уже трудно восстановить, кто первый сказал о России. И незаметно две группы непроизвольно слились в одну и сразу же наметились две точки зрения. Старшие, как люди, перешагнувшие пятидесяти — шестидесятилетний рубеж, следуя возрастной психологии, склонялись к тому, что все лучшее уже произошло в прошлом (хотя, и впрямь, без всякой психологии, многое в минувшей действительности было лучше нынешнего). Молодежь в основном говорила, что и раньше были хорошие моменты, но жить нужно настоящим, и все главное происходит сейчас. Виктор Анатольевич имел собственное мнение. Он упирал на то, что на Западе все уже выработано и опробовано, и нам не нужно ни восхищаться прошлым, ни измышлять неведомое будущее, а требуется только взять это готовое и применить у себя. О будущем же не говорил никто.

Конец дебатам положила Раиса Никифоровна. Она завела свою любимую пластинку с песней «Русское поле», и запела сама, слова песни подхватили Тамара Ивановна и Петр Терентьевич, Валерий подобрал аккорды на гитаре, и часть молодежи стала тоже подпевать. Даже те, кто не пел вслух, пели в душе, это было видно по глазам. Иван, как наяву, увидел поле, по краям усеянное лютиками и васильками.

Ах, песня, обыкновенная песня! Но какое большое дело творит. Радость и любовь зарождаются в сердцах, созвучие душ происходит. Даже печальные звуки и слова в итоге укрепляют, а уж жизнеутверждающие и подавно. Она может разбудить людей и подвигнуть на поступок и на великие деяния в самое тяжкое время. И даже в самой обычной повседневности может напомнить нам о родных полях и о милых глазу березах... Вот что такое песня в России!

— Хорошая песня, что и говорить! — сказала бабушка, когда закончили. — Умели написать!

— Да уж, песня хоть куда... — насмешливо протянул писатель.

... Время было уже достаточно позднее, когда гости, попив чаю с тортом «Наполеон» домашнего производства, ста-

ли расходиться. Остались только школьные подруги, Людмила и Ольга, они еще долго разглядывали старые фотографии, шутили и говорили о чем-то, о своем, о девичьем.

Бескрайнов вышел из дома, решив прогуляться перед сном. От дневного зноя не осталось и следа, было прохладно, и улица буквально звала идти и идти, обещая покой и отраду, как это бывает тихой летней ночью. Он слегка касался руками листьев росших на обочине тротуара деревьев, это смиряло резвость мыслей и чувств, так не нужную в эту пору суток. Сквозь ветви подмигивали фонари, а там, где не было городских огней, в небе сверкали звезды — в Москве такое изобилие их редко можно увидеть. Кругом стояла тишина, также непривычная московскому уху, лишь иногда раздавался шум редкого автомобиля или всхлип гитары и смех молодежи.

ГЛАВА 7

«Господь труды любит», или Свое дело

Утром Раиса Никифоровна позвонила Степану Алексеевичу, осведомилась о его здоровье и рассказала о вчерашнем вечере.

Степан Алексеевич Бобров был человеком холостым, лет пятидесяти, но выглядел гораздо моложе своих лет.

Следует сказать, что Раиса Никифоровна долгие годы была дружна с его родителями. Позже с ними подружились и Тамара Ивановна с Петром Терентьевичем. Так и общались семьями, *держась* друг за друга, как говорится, и в радости и в горести.

Постепенно Степан Алексеевич, хорошо проявивший себя в различных жизненных ситуациях, заслужил уважение и, когда его родители умерли, стал близким другом Раисы Никифоровны.

В прошлом он был офицером, и его хорошенько поматало по разным гарнизонам. Отслужив пятнадцать лет и полу-

чив возможность демобилизоваться, он вернулся в родные места, в родительский дом, и сразу устроился на работу в бригаду строителей частной фирмы. И не некие «волшебные» средства и жадность, как у некоторых, к карьере и готовность все и вся употребить в свою пользу, а просто большая работоспособность, золотые руки, сметливость, неоднократно проявленные организаторские способности, порядочность, умение ладить как с начальством, так и с товарищами по работе, быстро вывели его в бригады, а затем и директора. Работу он считал угодным Богу делом. «Господь труды любит», — говаривал он.

«Торговый рубль широк да короток, а земляной тонок да долог»*. Вскоре на заработанные и взятые в кредит (а тогда они были гораздо дешевле, чем ныне) деньги Степан Алексеевич, — конечно, не без протекции Раисы Никифоровны, — учредил свою строительную фирму, которой занимается по сей день. Успехом ее он обязан, может быть, и тому, что не брался за многое, но то, что делал, старался делать хорошо. И фирма вскоре стала довольно крупной в строительном деле, вначале по районным масштабам, а затем и за пределами области.

Степан Алексеевич в общении был мягким, добрым и вежливым человеком, за этим чувствовалось глубокое достоинство и уверенность в себе, однако свою душу он ни перед кем не раскрывал. Его приветливость всегда располагала к себе как работника, так и клиента. Когда дело касалось работы, Бобров говорил быстро, четко, уверенно, аргументируя в пользу того, что было выгодно клиенту в решении его проблемы. Все в нем дышало спокойствием, движения были плавны и уверенны, собеседник чувствовал, что перед ним человек, отлично знающий, что стоит на правильной дороге, что занимается своим, *по душе* делом и имеет свою твердую систему взглядов, человек, довольный собой.

С работников, начиная с рядового и до руководителя подразделения, он мог строго спросить и даже наказать, но делал это так, что люди знали — это по делу и без зла в ду-

---

* Русская народная поговорка.

ше. И они всегда имели возможность оправдаться и исправиться, не впадая в раздражительность, не накапливая в душе негатив. Степан Алексеевич много делал для людей, при этом ничего не обещая им.

У него был конкурент — Расстегаев Михаил Дмитриевич. Не сказать, что они были врагами не на жизнь, а на смерть, но нервы он Степану Алексеевичу потрепал изрядно и был ему, если не полной, то довольно большой противоположностью. Достаточно сказать, что «своя» фирма — это просто-напросто «прихвачиванное» в начале девяностых бывшее государственное СУ*. Людей своих Расстегаев держал в ежовых рукавицах и достаточно хорошими заработками, благодаря выгодным подрядам, получаемым его фирмой через закамouflированные взятки и «левые» работы в элитном коттеджном поселке.

В отличие от конкурента, жившего, что называется, в разнос, Бобров вел здоровый образ жизни: не курил, выпивал только по большому поводу, всегда был очень чистоплотен и аккуратен как в рабочей, так и в выходной одежде, делал утром зарядку под открытым небом, в любую погоду в рядом расположенном лесу бегал трусцой, часто ездил на велосипеде, а зимой катался на лыжах, до глубокой осени купался в пруду, принимал контрастные души и обливался холодной водой, питался только здоровой пищей и соблюдал режим дня.

Он всегда говорил дело и говорил хорошо — просто, без умничанья, напускного глубокомыслия и без всякой «иностранины», перемежающейся «феней», которые употребляются ныне «цветом» общества нашего. Сказанное Бобровым вызывало глубокое уважение к себе и почтительность собеседника, который, кроме того, чувствовал наличие чего-то большого *внутреннего*, что не выражалось Степаном Алексеевичем, но что он непременно хотел выразить, для чего всматривался в человека, словно подмечая — умный или нет, достоин ли для приятия? И когда видел, что да, то давал важные рекомендации.

У Степана Алексеевича был старый, еще со школьных

---

* Строительное управление

лет, друг — Галкин. Он, несмотря на свои сорок пять, выглядел молодым парнем, был невысокого роста, сухопар, строен, подтянут, со внимательным взглядом глаз, что вместе с густыми бровями, нависшими над оправой, придавало ему строгости. Их дружба, если эти отношения в настоящее время можно так назвать, была относительной, так как взгляды их практически на все — кроме производства — сильно отличались. Взять хотя бы то, что Галкин был коммунистом, с часто свойственными таковым идеальными взглядами на все и вся вокруг.

... В выходные дни Степан Алексеевич часто навещался к Раисе Никифоровне с соседями, и обязательно что-то приносил им.

Когда он приходил, все собирались в гостиной у Раисы Никифоровны и с интересом слушали его рассказы из истории России и церкви, о православной вере, здоровом образе жизни и профилактике заболеваний. А он мог говорить об этом бесконечно, ибо очень любил и хорошо знал эти темы, хотя никогда не изучал их специально, во многом будучи много читавшим самоучкой. Все знали, что Бобров на первое место ставит веру в Бога и нравственность, полагая, что никакие знания и успех не могут помочь человеку сами по себе, если он не с Богом. Нет, он не был идеальным, но *стремился* к тому, чтобы все было по правде и добру.

... Прошла неделя, как Степан Алексеевич не появлялся, и Раиса Никифоровна предложила Ивану съездить к нему.

— Я очень хочу, чтобы ты познакомился с ним. Это крупный предприниматель в нашем городе, духовный, верующий, умный и образованный человек. Тебе будет интересно поговорить с ним.

— Бабушка, сколько ему лет?

— Пятьдесят три будет в этом году.

— С чего ты решила, что мне будет с ним интересно? Это же человек другого поколения!..

— Другого поколения? А как, по-твоему, опыт и мудрость передаются, не из воздуха же они берутся?

— Судьбу насиловать нельзя, дорогая бабушка, она сама изнасилует. Опытом может быть только то, что я сам приобрел. Ничей опыт мне не интересен, да и ничего мне не даст. Что касается мудрости, то ее я добуду в процессе собствен-

ных размышлений. Это будет моя мудрость, а не чья-то!..

— Ты же не пуп земли, Ваня, и не можешь постигнуть все и вся за такую короткую, пусть даже целую свою жизнь, Как говорится, ум хорошо, а два лучше. Один человек от Бога в два раза больше ума получает, а другой и в три... К тому же к уму, полученному от рождения, кто-то приобретает мудрость от учения и от правильной жизни. Другие люди прошли что-то свое, достигли чего-то, нажили собственный опыт, додумались до чего-то, и это может быть полезным кому-то, хотя бы для осознания, что есть еще вот *такое*, есть еще вот *такие* мысли, *такие* идеи. А уж выводы каждый человек волен делать сам.

— Бабуля, не хитри. Почему ты хочешь, чтобы я послушал именно этого человека и прямо сейчас?

— Потому, что он мой близкий друг, и общение с ним для меня — это постоянное учение, несмотря на то, что он мне в сыновья годится. И я хочу подарить тебе самое дорогое и ценное, что у меня есть. Ты же примешь от меня в подарок ценную книгу или целую библиотеку?

— Конечно, не откажусь!..

— Вот, а Степан Алексеевич больше чем библиотека!

— Ну, хорошо, как-нибудь познакомимся...

— Он всю неделю проболел, и я должна его проведать. Ты хочешь, чтобы я одна поехала на другой конец города?

— Ну, если только проводить... Ох, и умеешь же ты, бабушка, уговаривать!

— Поехали, Ваня, не пожалеешь. Настя, поедешь с нами?

— Да.

ГЛАВА 8

«Без царя в голове», или Две стороны одной медали

Степан Алексеевич жил в своем собственном коттедже на окраине города. Двухэтажный дом производил легкое и радостное впечатление, благодаря не только своей светлой окраске, но и архитектуре, вписывающейся в окружающий ландшафт и соответствующей российскому менталитету, в отличие от многих других помпезных, а порой и вычурных современных домов.

Радужный хозяин встретил гостей у входа. Это был высокий, статный, широкий в плечах человек. На лице его выделялись живые, лучистые, добрые глаза, отличающиеся уверенным взглядом.

— Добрый день, мои хорошие! — приветствовал он Раису Никифоровну и Анастасию. — Как звать-то, доброго молодца?

— Иваном, — сказала бабушка, подталкивая его.

— Ну, а меня Степаном Алексеевичем. — Он протянул свою широкую открытую ладонь.

Иван неуверенно протянул руку и почти не ответил на крепкое рукопожатие Боброва.

— Что так слабо руку жмете? Ослабли что ли на бабушкиных харчах? — пошутил Бобров.

— Да нет... Так... это я... — смутился Иван и побледнел.

— Ну, ничего, ничего. — Степан Алексеевич примирительно похлопал его по плечу. — Проходите, дорогие, в дом!

Дом изнутри был так же светел и прост, как и снаружи. В нем все было благоустроено, красиво, говорило о хорошем достатке и, в то же самое время, не было ничего лишнего.

Хозяин провел гостей в большой зал, в красном углу которого висели иконы и теплилась лампада, и усадил за низкий столик в удобные кресла. Как бы сама по себе вошла домработница и поставила на стол поднос с чайным сервизом. Из длинного носика заварного чайника шел ароматный

запах доброго чая.

Степан Алексеевич встал — за ним встали и гости (Ивана подняла бабушка) — и произнес короткую молитву.

— Мой любимый! Как всегда ты, угодник, на высоте, — сказала Раиса Никифоровна и улыбнулась, показывая на чай, после того, как все вновь уселись за столик.

— И варенье твое, черничное.

— Да, уж вижу, вижу, спасибо, Степан Алексеевич.

— Да не на чем, — полушутливо ответил тот.

— Ой, да что это я, совсем позабыла! Благо-го-да-рю!

— Вот, совсем другое дело. Благо дарить — это совсем не то, что «Спаси тебя Бог!».

— Верно, верно.

Раиса Никифоровна уже знала, что в старину на «Благодарю!» близкие, знакомые, верующие люди отвечали: «Слава Богу!» А между чужими, прежде всего по духу, людьми шли в обиход такие слова: «Спасибо» и в ответ «Пожалуйста», мол, да, Бог спасет, а ты пожалуйста сто, — рублей, конечно. Взглянув на Анастасию, она отметила про себя, что та не только внимательно слушает, но и с удовольствием внимает Степану Алексеевичу. Иван же, до этого не подававший никаких признаков жизни и, похоже, скучавший, несколько ожил при последних словах Боброва.

— Чем занимаетесь, мил человек? — после долгого изучающего взгляда спросил Бескрайнова Степан Алексеевич.

— М-м-м, пишу роман... Фото-художественные работы... Немного музыки сочиняю...

— Фотографию люблю, сам увлекаюсь! А вы что-то привезли с собой? Покажете?

— Да нет, в Москве остались...

Бобров, когда бывал на охоте, на рыбалке, за ягодами и грибами ходил, непременно брал с собой аппарат, не мог мимо красоты просто так пройти, обязательно фотографировал, а потом смотрел, вспоминал... И все лучшие фотографии с собой на флэшке носил, друзьям показывал, делился с ними этой красотой.

— С удовольствием посмотрю, — заинтересовался Иван.

Золотом блеснул на поверхности стола и чайном сервизе упавший из окна солнечный луч. Бескрайнов увидел как из-за белых облаков выглянуло солнце.

— Конечно. А вот вы сказали, что пишете роман... Я так понимаю, он у вас в процессе производства, и незаконченное, естественно, не показывают. Но у вас есть что-то напечатанное, дадите почитать?

— Напечатанного нет... — ответил Бескрайнов и ступешлся. — Так, незаконченное, нужно еще поработать, отрывки, записи...

— Настоящий мужчина должен от чего-то отказываться и на чем-то концентрироваться. — Анастасия сочувственно взглянула на Ивана и тут же перевела взгляд на Боброва.

«Сколько же ему лет? — подумал Степан Алексеевич. — И на что он живет? Или у них там, в Москве, только жулики крупнеют, как говорится — *«одни воюют, другие воруют»*, — а добрые люди мельчают? Если он профессионал, то у него должны быть с собой фотографии и напечатанные произведения. А если нет, и он занимается этим как любитель, то откуда черпает средства к жизни?»

— Где-то работаете? — спросил он.

— Квартиры он в Москве свои сдает, на то и живет, — ответила за Ивана бабушка, прихлебывая из чашки чай.

— А образование-то есть?

— Есть, институт...

— И не работаешь? — Он незаметно перешел на «ты».

— Человек должен делать то, что ему приятно, что он хочет, к чему лежит его душа...

С этим Бобров был согласен. Жизнь не нужно наполнять мелким — мелочей и без того хватает, а то, что есть, должно быть добротным. Но при этом человек должен чем-то приносить пользу людям и, в качестве социального ответа, получать средства на жизнь. А уж сколько, зависит от вклада. Если же он, по тем или иным причинам, не смог самореализоваться так, чтобы только эта деятельность была единственной, то должен работать в иной сфере.

— Так нужно же хоть какую-то пользу приносить?! — воскликнул Степан Алексеевич.

Луч солнца, до этой минуты вновь прятывшегося за облаком и выглянувшего, брызнул прямо в глаза наклонившегося к розетке с вареньем Ивана. Он выпрямился.

— Простите, но кому какое дело, как я зарабатываю?

— Да, зарабатывай, кто что говорит... Сдаешь квартиры,

и сдавай... Речь ведь не об этом! Речь о том, что тебе уже скоро тридцать два будет, а что сделал полезного, где произведения, где фотовыставки, где музыка?

— Во мне!

— Ну, Раиса Никифоровна, он «без царя в голове»!

— Это так, Степан Алексеевич! — опустил голову, произнесла та.

— Вот, Иван, Суворов в юности писал средненького уровня стихи, мечтая о славе поэта. Переживал... Представляете, не зная, какая другая слава ждет его в будущем. Может, и вы в чем-то другом себя проявите?..

«Я сам себе царь!» — подумал Бескрайнов. Он угрюмо молчал. Ему не нужно было никаких «царей» ни в голове, ни вне ее.

— Ну, а в Бога ты веруешь? — спросила бабушка.

— Нет, не верю!

Настя удивленно вскинула голову на Ивана.

«Сейчас они начнут говорить, что разве все могло возникнуть случайно — удар молнии, столкнулись две молекулы, и вот она — жизнь?» — подумал Бескрайнов. Но его не интересовало, как все это образовалось. Просто он не хотел быть чьим-то рабом. И следующим вопросом — он знал это — будет: «А талант у человека разве не от Бога? Или это тоже твоя собственность?.. Вот Бог тебя спросит...» и так далее. Но ведь человек уже рождается с талантом. Это простая генетика, наследственность...

«Многие современные молодые люди поздно взрослеют и до сорока лет или слишком нерешительны, равнодушны, ленивы и недоверчивы, или все отрицают, критикуют, циничны, во всем видят пошлость, не замечая, что сама их критика становится пошлостью. Но и то и другое — часто две стороны одной медали...» — размышлял Бобров.

— Но, если Бога нет, то и вечной жизни нет,— сказала тихо Анастасия.

— Да, нет! Поэтому нужно брать от жизни здесь и сейчас все, что можно!

Капля черничного варенья чуть не упала с ложки Ивану на брюки, но он вовремя наклонился вперед.

— Кто же тогда определяет, что хорошо, а что плохо, если не Бог? — спросил Степан Алексеевич.

— Сам человек и определяет, что для него хорошо в данный момент, а что плохо.

— Тогда человек, живущий ради сиюминутных выгод и удовольствий, может на хорошее сказать — это плохое, и наоборот, и спокойно жить дальше. Разве это может привести к чему-то доброму?

— Куда там! — включилась в разговор Раиса Никифоровна. — Мы это «хорошее» уже видим на каждом шагу.

«Да, алкоголики, наркоманы, извращенцы, бомжи, брошенные дети, садисты, проститутки, порнография. А телевидение? — Если бы такое было в сороковые годы, Победы нам не видеть, как своих ушей. А что останется потомкам после нынешней молодежи? — Глупые посты в блогах и эсэмэски. Народ вымирает — люди уходят из жизни в молодом возрасте! Это все расплата за безбожную жизнь!» — внутренне вскипел Бобров, но сдержал себя.

Иван всегда хотел хорошего людям, и он тоже был неравнодушен к негативным моментам современной жизни, но часто успокаивал себя: «Ну что я могу сделать со всем этим?». Неясные мысли-вопросы, — что он, в силу данных ему способностей, как писатель и художник сделал для спасения от этих напастей? — конечно же, посещали его, но так же легко и уходили.

— А вот отец Сергей говорит... — начала, было, Раиса Никифоровна, но Иван резко перебил ее:

— Да эти отцы — такие же люди, как и мы, а рясы их — это личина, чтобы обозначить свое особое положение!..

Когда Бескрайнов горячился, его тянуло на сладкое. Он зачерпнул варенье, но не рассчитал, и капля его все же упала ему на брюки. Никто этого не заметил, или все сделали вид, что не заметили.

— Как вы можете, Иван, так! — не выдержала Анастасия, а Степан Алексеевич, взяв за руку Раису Никифоровну, одновременно с суровостью и состраданием глядящую на внука, как это могут только бабушки, и готовую дать ему отпор, в ответ только покачал из стороны в сторону головой.

— Начал, как говорится, гладко, а кончил... Вот так, за просто, взял и обругал — и доволен собой, — проговорила Раиса Никифоровна.

— Ничего, ничего... — успокаивающе улыбнулся ей Бо-

бров.— Конечно, человеку свойственно болеть более всего за близких. Да, народ наш, может быть, где-то излишне безответен и смиренен, но все же тверд в своих глубинных скрепах, а потому по-прежнему силен и живуч, и это — главное, это всех и вся со временем поправит и улучшит.

Бескрайнов молчал, он и не хотел продолжать этот разговор, не зная, что ответить на все это. Внутренне он считал себя нормальным человеком, а тут... В его душе появилась некая обида. «Был бы я ничтожным, слабым человеком... А то ведь я силен, уживчив, моя душа полна добрыми чувствами, хорошими стремлениями и откликается на боль и страдания других. Почему же они, не разобравшись в том, что живет во мне, так не добры и не справедливы? — думал он.— Но, с другой стороны, может быть, они в чем-то и правы? Я дожил почти до тридцати двух лет, да, это — факт. А хорошо ли это? Ведь, и правда, ничего путного. Чем я помог людям, страдающим, не могущим найти выхода из сложных ситуаций, приниженным и тем безответным, о которых только что упоминал Бобров?» Бескрайнов был очень чуток к горю даже чужих, это у него было с детства. «Это нужно включить в роман, включить зарисовки темных сторон жизни и показать людям путь спасения через красоту, через любовь, через...» — подумал Иван и остановился, не находя слов для продолжения своей мысли.

— Вот это твоё молчание и свидетельствует о Боге лучше всяких слов! — сказал Степан Алексеевич и пригласил гостей к себе в кабинет.

Однажды наш Ангел вел занятие в школе молодых ангелов. Тема была: «Что такое ад, и как людям его избежать?»

«Все люди хотят в своей жизни райских условий для себя и стремятся к ним. Страшась смерти, даже душа атеиста подсознательно мечтает о рае и боится ада», — сказал Ангел.

«Но многие люди не знают, что такое ад. А церковная живопись: сковородки, на которых черти жарят грешников, не удовлетворяет современного человека», — возразил молодой.

«Да, все так. Ад же — это продолжение тех же страстей и желаний, что мучают человека при его земной жизни, но в невидимом мире, будучи неисполнимы по определению, т. к. нет тела, обрекают душу на сильные страдания. Она буквально горит на их огне. Душа ищет выход и находит его, вселяясь в слабого земного человека, заставляя его совершать действия, которые она не может совершить в невидимом мире, и наслаждаясь удовлетворением человека от внешних ему страстей и желаний».

«А как человеку противостоять этому, как спастись?»

«Спасение в двух заповедях Любви: —Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею, все разумением твоим” и —Возлюби ближнего своего, как самого себя”. Следование им, даже движение к их исполнению, не позволит сделать другому того, чего человек не хочет по отношению к себе. Это можно делать из любого жизненного положения. —Не думайте о положении, лучше думайте о движении. Помочь можно только тем, кто действует” (Древняя мудрость)».

«Да, воистину, нет религии, кроме Истины! — воскликнул молодой ангел».

ГЛАВА 9

В храме

На пригорке, недалеко от реки, словно уверенно идущий по волнам житейского моря курсом в заповеданный порт Спасения корабль, высился храм, своими пятью серебристыми куполами символизирующий Христа и четырех евангелистов. Шлемовидная форма куполов говорила о, вот уже на протяжении многих веков, духовной брани, ведущейся Церковью с силами зла, а кресты — об искупительной победе Спасителя. Храм во имя святителя Николая Чудотворца был двухэтажным, сложенным из красного кирпича и белого, которым была выполнена окантовка окон и дверей самого храма, а также алтарного выступа, паперти и портала, а также фронтоны и кресты на стенах. Рядом стояла столпообразная, квадратная и многоярусная колокольня примерно сорока метров высотой. Стены храма и колокольня не были, как водится, оштукатурены, так как камень (кирпич также можно считать камнем) есть символ самого Христа. Священное Писание рассказывает, что истукан из глины и железа, который видел во сне царь Навуходоносор, и представлявший собой образ четвертого Царства, или Римской империи, был в прах разрушен камнем, оторвавшимся от горы. Этот камень с тех пор стал прообразом Спасителя — основателя Нового Царства над царствами, «которое вовеки не разрушится», по пророчеству пророка Даниила.*

Настоятелем этого храма служил священник отец Сергей. Это был невысокого роста, совершенно седой человек. Голова его сидела на крепкой и короткой шее, которая естественно переходила в широкие и прямые плечи, и если бы не священнический сан, то его можно было принять за борца. Большой высокий лоб священника был изрезан длинными горизонтальными бороздами. Его большие серые глаза внимательно

---

* Библия. Современный русский перевод. — М.: Российское Библейское общество, 2017. — 2640 с.. Дан. 2: 44

смотрели из-за стекол очков в тонкой никелированной оправе, над которой дугами поднимались седые кустистые брови, на собеседника. В уголках возле глаз, даже за стеклами, были видны расходящиеся тонкими лучиками морщинки. Обычно он ходил в простой черной рясе. Движения отца Сергия были размеренны и неторопливы. Все в нем показывало его скромность и смирение.

Матушка Пелагея была под стать отцу Сергию, тоже невысокого роста, прямой осанки, но с чуть наклоненной вперед и вниз головой. Ее открытое, улыбающееся, с крупными чертами лицо, продолговатые глаза, их мягкий взгляд, руки, поступь, то, как она всегда на полшага держалась за мужем, говорило о доброте, достоинстве и терпении.

Отец Сергей был крещен младенцем, тайно, среди ночи, за завешанными (как рассказывала потом его бабушка) темно-синими тяжелыми шторами окнами, сельским священником далекого села, так как его родители были партийными людьми. В детстве бабушка часто возила его в церковь, но, опять же, в дальнюю, совершенно в другом конце областного центра, где они тогда жили, чтобы, не дай бог, никто из начальства или из школы не увидел. Позже, когда уже учился в педагогическом институте, Сергей сам тайно посещал сельскую церковь, так как числился комсомольцем и хотел завершить свое образование. В храме у него было свое любимое место, где он тихо произносил молитвы, которым научила его бабушка. Он воспитал в себе добрую душу, полную любви к людям, хотел видеть вокруг себя исполнение заповедей Христовых.

В 1987-м году — лукавый попутал — Сергей занялся политикой: гласность и все прочее, видя в этом реализацию справедливости, но уже через пару лет понял, что это не его и не то, за что себя выдавало — пришел бес и привел с собою еще семерых, — так как, борясь с взяточниками, хапугами, бюрократами, многие стремились занять их должности, а получив желаемое, — он видел это, — сами постепенно, прикрываясь лозунгами и популярными речевками, становились такими же, как и их предшественники, да еще похлеще. И тогда он вновь обратился к духовности. Нет, он не ушел в монастырь, а стал участвовать в мирянских движениях, чтобы активно проповедовать слово Божие среди людей,

чтобы помогать больным, слабым, находящимся в психологически тяжелой ситуации и брошенным, ибо вера без дел мертва, как учил Спаситель. Но когда Сергей стал говорить об этом и о церковных вопросах, то некоторые священники, в том числе и занимавшие ответственные должности, говорили: «Вы в православии только без году неделя, *как вы можете?!*» И он понял, что кое-кто плохо понимает природу Церкви, думая, что она — это только служители. А Сергей, крещенный еще младенцем, не является, оказывается, членом Церкви! Это было очень обидно и болезненно. Появились мысли, что среди людей, из тех, кто должен был быть примером, есть недостойные вечной жизни, ибо грешны и злы, а некоторые водители их, — кому это положено и кто призван к этому, — очень мало делают для исправления таковых. А с другой стороны, осуждая ханжество, а в ряде случаев и пустосвятство, он чувствовал, что все более и более впадает в раздражение и отчаяние, что есть великий грех, а также в соблазн — считать себя наисовершеннейшим. Поэтому, оставив осуждение и уныние, Сергей нашел единомышленников, и они создали реальное, действенное братство: собирали средства, помогали людям, проводили работу против абортот. Теперь он был научен видеть за показным человеколюбием и набожностью истинное положение дел и находить добродетели там, где их быть вроде бы не может. Не сразу все получалось — «очам казалось близко, а ногам обидно», — бывало, приходили мысли, что все это — одна мечта, а может быть, и искушение, и за ним самим бесы ходят. Но когда польза от деятельности их братства стала очевидной, владыка предложил ему как руководителю стать священнослужителем. Он же, считая себя недостойным этого, занимавшийся, кроме общественной работы, еще и преподаванием в школе, отказывался. Однако человек предполагает, а бог располагает, и дело дошло до того, что уже даже близкие и друзья стали советовать ему — принять дьяконский сан.

Будучи рукоположен, Сергей, кроме непосредственной помощи священнику в проведении богослужения, как оно сейчас только и принято повсеместно, продолжал заниматься делами милосердия, как и диаконы при апостолах.

Через некоторое время настоятель предложил Сергию рукоположиться в священники. Но он хотел заниматься

именно тем, что делал до сих пор и потому еще три года оставался диаконом, осуществляя миссионерское служение, хотел, чтобы это стало в Церкви обычным и понятным — повсеместным делом, более того — насущной душевной потребностью православного человека.

Прошло время и церковный приход — община, люди, — священников не хватало ни в приходе, ни в их благотворительной миссии «Дело Любви», — сами попросили его принять сан. «Но как без соответствующего образования и практических навыков? Ведь хуже нет оказаться не на высоте дела!» — думал Сергей. Однако владыка, предложивший ему стать настоятелем нового храма во имя святителя Николая Чудотворца, успокоил, сказав, что он многое уже знает, а опыт придет в процессе служения, к тому же образование можно получить и заочно в областной Духовной семинарии.

Чем же теперь положение нашего Сергея стало отличаться от положения даже рядового священника? А вот, по его словам, чем: он должен больше молиться, больше изучать Писание и Предание, чтобы Бог, благословляя, посылал дары Духа Святого для духовного окормления верующих: наставлять, направлять к покаянию, открывать духовное осознание у людей, реально, действенно помогать им в сложных жизненных делах. «Отец Сергей должен быть действительно духовным отцом — людям!» — говорил он себе.

... Сегодня, как обычно в воскресенье, Степан Алексеевич пришел на обедню. Но весь он был еще в беседе с Галкиным — они утром встречались, жили-то рядом... Кирилл Олегович много говорил о ссудном проценте, о том, что банки должны быть инвестиционными центрами и давать деньги не в рост, а беспроцентно на развитие конкретных производств и проектов, участвуя затем в прибыли — и только! Бобров был полностью «за», но не соглашался с собеседником по поводу резкого пути решения этого вопроса, на чем оппонент, как коммунист, горячо настаивал. Бобров же считал, что все должно идти от Бога, через руководство страны, когда все общество будет готово к этому. Так они и расстались, не придя к общему мнению...

... На заповедном месте в храме Бобров встретил Раису Никифоровну и Настю. Служба не начиналась — оставалось еще минут тридцать, — и в храме было немного людей.

Нужно сказать, что храм во имя Святителя Николая внутри не был похож на многие храмы, которые видел Степан Алексеевич. На его стенах совсем не было росписей — ни райских кущ, ни адских мук, ни вселенских соборов, — они были просто побеленными. Зато они и столпы, поддерживающие купол, со всех сторон были увешаны многочисленными иконами. Но более всего привлекал взоры прихожан пятирусный иконостас*, отделявший алтарь** от средней части храма, который представлял собой настоящую многочастную*** икону. Центральные врата — царские**** — были со стороны алтаря закрыты завесой. Справа от них были иконы: Иисуса Христа и Николая Угодника, а слева — Богородицы. Вверху иконостаса было изображено распятие.

— Приветствую вас, — тихо, с легким наклоном головы, произнес Бобров.

— Приветствуем, — также поздоровались Раиса Никифоровна и Анастасия.

Знакомые, несмотря на то, что стояли рядышком, и до начала службы еще было время, не разговаривали, ибо знали, как следует вести себя в храме. Каждый сосредоточился на своем внутреннем и на предстоящем богослужении.

Но вот появился протоиерей Сергей — он сегодня вел службу — с диаконом, перед царскими вратами поклони-

---

* Иконостас (от икона и греч. stasis — место стояния), — сплошная стена, составленная из икон, отделяющая алтарь от главного помещения (наоса) православного храма. Иконостас принадлежит к числу наиболее ярких явлений восточно-христианской культуры. Получив особое развитие на Руси, он стал национальным символом, воплощающим новшество православного храма (*Энциклопедия «Кругосвет»*). Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия).

** Алтарь — (лат. высокий жертвенник) самая важная, главная часть храма — восточная. Здесь совершаются священнослужителями богослужения и находится главная святыня — престол, на котором таинственно присутствует Сам Господь и совершается таинство Причащения Тела и Крови Господней (сайт «Православный календарь, словарь», сайт «Встреча с Православием»).

*** Многочастная иконная доска (щит) для прочности могла скрепляться шпонками. Между примыкающими друг к другу краями досок врезались небольшие фигурные шпонки. (Там же).

**** Царские врата — двустворчатые двери напротив Престола (в алтаре), главные врата иконостаса в православном храме. (Там же).

лись, молясь, поцеловали образа Спасителя и Богородицы, поклонились ликам всех святых и, обернувшись, всем людям, и затем вошли в алтарь для совершения священнодействия — первой части литургии*. А для прихожан в это время стали читать третий и шестой часы**.

По завершении службы в алтаре вышел диакон с кадилом, чтобы приветствовать всех собравшихся в святую трапезу любви. Церковь наполнилась благоуханием. Вышел из алтаря и священник. «Слава в вышних Богу и на земли мир, и в человеках благоволение!» Протоиерей и диакон совершили еще ряд действий, в конце которых хор пропел «Аминь» и началась следующая часть литургии.

В это время каждый из наших знакомых думал и молился о своем: Раиса Никифоровна — о внуке Иване, чтобы Господь вразумил его на правильную, деятельную жизнь, чтобы тот нашел себе невесту хорошую, хотя бы вот и Настю, верующую и серьезную девушку, а она уж наставит его на путь истинный; Анастасия — о работе и о любви, что так естественно для девушки ее лет, чтобы Степан Алексеевич обратил внимание на нее, на ее чувства к нему; Бобров — о России, чтобы вышла она из всех этих кризисных неурядиц, санкций и связанных со всем этим трудностей, чтобы люди стали жить достойно, а также об Украине — ведь один народ, одна страна, а такое творится! Просил он Господа и о преодолении больших трудностей в своем предпринимательском деле — в работе своей строительной компании, в укреплении его самого от действий недобросовестного конкурента. Каждый из них молился о разном, но все делали это от души, из глубины их сердец шли к Господу обращения.

---

* Литургия (греч. λειτουργία — «служение», «дело») — главнейшее христианское богослужение в Исторических церквях, во время которого совершается таинство Евхаристии. (Там же).

** Третий час (девять часов утра) — воспоминаются произошедшие в это время суток Суд Пилата и, позднее, сошествие Святого Духа на апостолов. Шестой час (двенадцать часов — полдень) — воспоминается грехопадение прародителей и пригвождение Иисуса Христа ко кресту. (Там же).

Доходили ли они до Него? То для нас, читатель, неведомо. Знаем мы наверняка только, что души их чисты и возвышены, а потому верим, что их слова дошли до Спасителя, очень верим!.. «Господу Богу помолимся!» — поет диакон. Идет служба, идет литургия, молятся люди; их слова, мысли, обращения и молитвы — на совести каждого. Все люди разные, и не нам судить...

Но вот наступает главнейший и святейший этап литургии — Евхаристия*, также состоящая из ряда молитв, песнопений и действий. И наконец, звучит возглас диакона: «Со страхом Божиим и верою приступайте», хор поет: «Бог Господь и явися нам» и «Благослови грядый во имя Господне», и протоиерей выходит на солею**, читает молитву и приобретает прихожан Тела и Крови Спасителя. После причащения служителей начинается причащение мирян. Подходят, скрепив руки на груди, по очереди: вначале с младенцами, потом мужчины и женщины, семьи — вначале муж, потом жена и дети по старшинству, — причащаются Святых Даров и с благоговением, с также скрещенными руками, отходят, у отдельного столика принимают запивку и съедают частицу просфоры.*** Во время же причащения поется: «Тело Христово примите, Источника бессмертия вкусите».

---

* Евхаристия заключается в освящении хлеба и вина особым образом и последующем их вкушении. Согласно апостолу Павлу, при этом христиане причащаются Тела и Крови Иисуса Христа 1Кор. 10:16, 1Кор. 11:23-25). Евхаристия, согласно православному вероучению, дает возможность верующему соединиться с Богом во Христе, а регулярное причащение необходимо человеку для спасения души. (Там же).

** Солея — возвышение пола перед алтарной преградой или иконостасом в христианском храме. Кроме того, сам алтарь находится на возвышении, и таким образом солея является как бы продолжением алтаря наружу. Со стороны средней части храма солея обычно ограждена невысокой решеткой. (Там же).

*** Просфора, устар. просвира (др.-греч. *ρ ο ο ρ* — «приношение»; мн. ч.: просфоры) — богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии для таинства Евхаристии и для поминания во время Проскомидии живых и мертвых. (Там же)

Причастились и Степан Алексеевич, Раиса Никифоровна и Настя. После окончания литургии и проповеди общающийся долго и досконально — сколько бы ни было людей и вопросов у них — отец Сергей благословил и наших знакомых, поговорил и пригласил своих добрых и верных прихожан на трапезу.

Трапезная представляла собой большую комнату, в которой проводились, кроме того, занятия воскресной школы и, по мере надобности, собрания. Сейчас в ней Т-образно составленные столы были покрыты скатертями. Отец Сергей, как и положено ему по сану, сел во главе стола, справа от него по старшинству сел отец Никодим, слева — отец Виктор. Возле отца Никодима расположился председатель приходского совета и несколько его членов. А Степана Алексеевича, Раису Никифоровну и Анастасию отец Сергей благословил сесть также поближе к себе — рядом с отцом Виктором. После пения молитвы, диакон прочел за аналоем* житие, которое все внимательно слушали, не приступая пока к еде. Потом, после благословения иереем молитвами перед вкушением пищи, началась сама трапеза.

— Как поживаете, сестра? — спросил Сергей у Раисы Никифоровны.

— Благодарение Господу, батюшка!

— Слышал к вам внук из Москвы приехал?

— Да, батюшка.

— Ну, как он?

— Ой, прости, Господи... — со вздохом произнесла она.

— Ничего... Как-нибудь с Божьей помощью встретимся, побеседуем. Все в руках Господних, не торопитесь.

— Да, отец Сергей, хорошо.

— Вот-вот... — Сергей чувствовал, что между бабушкой и внуком уже возникли трения и потому помолчал, внутренне помолился за них.

— А вы как, сестра? — обратился он к Насте. — Нашли работу, какую хотели бы?

---

* Анало́й, или Аналогий (др.-греч. ἀναλογεῖον, ἀναλόγιον — подставка для икон и книг) — употребляемый при богослужении высокий четырехугольный столик с покатым верхом; иногда аналои бывают складными (разножки). (Там же).

— Пока нет, батюшка.

— Ну, ничего, ничего, дочь моя, найдете, тем более что дар учителя у вас есть, я же вижу.

— Прости, Господи, какой там дар, отец Сергей, но ишу, не отступаюсь.

— Не отступайтесь. А дар — от Бога, не вам принадлежит, потому смирение, хоть и хорошее дело, но не уменьшайте того, что не вами дано.

— Простите, батюшка.

— Бог простит... Как там молодые у вас на фирме, у которых народился сыночек? — спросил Сергей, обращаясь уже к Боброву. — Думают крестить?

— Беседую с ними, батюшка, но дело медленно продвигается...

— Это продвигать не нужно, а то, что беседуете, хорошо. Только не давите. В духовных вопросах сила только во вред. Рассказывайте о пользе, дайте почитать из историй людских, что дает крещение даже во младенчестве. Все должно сознательно с их стороны произойти. А вы как будущий крестный ответственны и за них, и за ребенка — и, прежде всего, за духовное их состояние. Поэтому не торопитесь.

— Да, батюшка, так и буду действовать с вашего благословения.

Скромная, но сытная, трапеза подошла к концу. Пропели молитву, и наши знакомые по старшинству — вначале Степан Алексеевич, потом по очереди — Раиса Никифоровна и Настя — подошли к отцу Сергию за благословением.

ГЛАВА 10

Здесь и сейчас, или Персона нон грата

Как-то Бескрайнов решил развлечься и зашел в ночной клуб на дискотеку. В Москве он захаживал в такие места, они везде, на своем уровне, были во многом похожи друг на друга, поэтому, когда он оказался внутри, было впечатление, что находится

в дешевом заведении где-нибудь на окраине столицы.

Внутри, как всегда, звучала громкая, порой оглушительная музыка, было сильно накурено, в воздухе витали густые винные пары, смешанные с запахом туалетной воды, духов и пота. Люди танцевали, пили, ели и общались, короче говоря, веселились, кто как мог.

Иван присел на свободное место за одним из столиков. Его соседями оказались три женщины: две, судя по общению между собой, приятельницы: одна лет сорока пяти и другая лет около тридцати, и третья тоже лет тридцати, если, конечно, можно было точно определить их возраст при довольно слабом освещении и задымленном воздухе. Две приятельницы, обменявшись с Иваном парой вежливых и ни к чему не обязывающих фраз, снова занялись собой, а третья дамочка, полуобернувшись к Ивану, улыбнулась и обнадеживающе моргнула несколько раз своими длинными ресницами.

Это была довольно привлекательная особа. Она имела прямую осанку, голову держала высоко, руки спокойно лежали на коленях. Совсем маленькая, почти детская грудь, благодаря позе и покрою блузки, как-то выгодно смотрелась и привлекала к себе взор.

«Темпераментная» — отметил про себя Бескрайнов и улыбнулся ей в ответ.

— Как зовут вас, прекрасный пришелец?

— Пришелец, это звучит гордо, — пошутил Иван.

— О, да мы с юмором. — Улыбнулась во все лицо дамочка да так и застыла с улыбающимся широким ртом, полным больших белых ровных зубов, резко контрастирующих со смуглым лицом. Голова ее была покрыта копной рыжих волос, уложенных в довольно игривую прическу, глаза блестели и лучились какой-то необычной добротой. И все это время, пока Бескрайнов разглядывал ее, она продолжала растягивать рот в ослепительном оскале. Его так и подмывало сказать: «Закрой рот, я уже все сказал», а вместо этого:

— Как вы обворожительны, — произнес он.

— Вау, вау! — почему-то произнесла рыженькая, продолжая так же улыбаться и придвигаясь чуть-чуть ближе.

— Потанцуем? — предложил Иван, и подумал: «Зачем мне это нужно? Я же совсем не хочу танцевать, пришел сю-

да просто посидеть».

— О, да, конечно!..— экспрессивно отозвалась дамочка.— Меня зовут Лариса!

— А меня Иван.

— Боже, как экзотично!..

«Похоже, она достаточно глупа,— отметил он.— Нужно как-нибудь незаметно от нее избавиться».

Лариса была стройна, с гибкой талией, и ловка в танце. Белая тонкая шея, смелые требовательные взгляды и ярко красное платье зажигали воображение. Руки ее, на первый взгляд, жили какой-то особой жизнью, но очень скоро стало ясно, что их деятельность вполне соответствует целям хоззяйки. А цели у нее были самые, что ни на есть, простые, и она их не скрывала.

«А нужно ли мне это?» — все думал Иван, а сам начал отвечать ей скупыми намеками на взаимность.

Лариса Гвоздикова, а это была она — известная в городе любительница удовольствий, искавшая их везде, где только можно было, не пропуская ни одной возможности, считая потерянным время, если не было свиданий, если ей не признавались в своем желании или хотя бы не делали комплимент, и жившая всем этим и за счет этого женщина, к которой на самом деле тянуло. Честолюбивая и завистливая до мозга костей, она, несмотря на свою любовь к удовольствиям, всегда помнила о выгоде, ибо прекрасно понимала, что время бежит и, когда она станет старой и некрасивой, только деньги и связи смогут обеспечить ей безбедную жизнь. А пока была молодой и красивой, она, не выбрасывая из головы расчета, неслась по дороге удовольствий без передышки, не давая себе возможности о чем бы то ни было задуматься.

С отрочества просто один вид представителя противоположного пола вызывал в Ларисе сильное возбуждение. Когда же она повзрослела и у нее был свой парень, ее буквально изводила постоянная нужда в половом сношении с ним. Кроме этого у Ларисы было много других парней. Когда она не могла по тем или иным причинам встретиться со своим Юрой или с кем-то из знакомых, у нее возникало настолько сильное желание полового акта, что она после непродолжительной попытки бороться с этим, как одержимая, выбегала из дому и принималась охотиться. Поведение Ларисы стало

известно многим, и Юрий, в конце концов, бросил ее. Однако, кроме таких вспышек, и в обычном состоянии при виде, казалось бы, достаточно доступного мужчины ее одолевала та же неуправляемая страсть, сопровождаемая буквально похотливой судорогой. У Ларисы теперь был покровитель, которого она по-своему любила, но по-прежнему всякого мужчину, с кем оставалась один на один, пыталась затащить к себе.

Добропорядочные горожане не любили, осуждали ее или просто игнорировали, считали, что некоторые молодые люди спились, стали наркоманами, бросили вуз, потеряли семью, работу с «помощью» нее и таких, как она. Считала ли она подобное своими победами, переживала ли она из-за этого, или считала лишь издержками неудержимого веселья, ради которого жила, трудно сказать. Что было у нее в душе и на уме, этого никто не знал. Единственное, что можно утверждать со всей определенностью — она никогда не грустила, по крайней мере на людях, и очень мало времени оставалась наедине сама с собой.

... Бескрайнов с Ларисой танцевали и танцевали, в промежутках потягивали красное итальянское вино из высоких бокалов и снова танцевали, без умолку болтали и смеялись.

И так далеко было прежде: и бабушка со своими девушками-соседками, и Светогонов, и Надежда, и стихи, и роман, и музыка, и Бобров со своими разговорами, и все-все. А важным и главным, и таким приятным и увлекательным было только то, что было здесь и сейчас, такое простое и очень доступное счастье, от которого не было сил отказаться.

И Иван не отказался...

... На следующий день, вечером, Бескрайнов поехал к Ларисе. Он бы поехал и раньше, но решил выдержать время, чтобы не показаться мальчишкой. У него было двойное чувство. С одной стороны его безумно тянуло к ней. Хотя он, пытаясь восстановить в памяти все, что происходило между ними там, в ее квартире, так и не мог ничего вспомнить. Это было то, что можно было представить единственным путем — повторить все сначала. А с другой стороны, что-то настолько угнетало душу Ивана, что он чувствовал даже легкое подташнивание. Короче говоря, он и стремился к Ларисе, и бежал от нее одновременно. В таком состоянии он и

добрался до ее дома.

Но на звонок никто не ответил. Соседка, как будто только и ожидавшая, что кто-то позвонит в дверь Ларисиной квартиры, выглянула и сказала, что к «кравле» приехал мужчина на дорогом авто и увез ее в неизвестном направлении.

Бескрайнов по-прежнему находился в состоянии борения противоположных чувств и где-то даже обрадовался, что Ларисы не оказалось дома. Но как только он подумал, что ее увез другой мужчина, одурманенное страстью воображение нарисовало ему такие картины, от которых ему хотелось бежать, куда глаза глядят, найти Ларису, отбить, отобрать и подчинить своей безраздельной власти обладания.

Только вот где искать? Иван поймал такси, оно было красного цвета («Опять этот красный цвет!» — подумал он) и стал объезжать по очереди все рестораны города. Несмотря на волнение и определенное умственное помрачение, он трезво рассудил, что поскольку Лариса живет одна, то обеспеченный и уважаемый мужчина, который наверняка женат, может повезти женщину только в ресторан.

В одном из центральных ресторанов Бескрайнов и нашел эту парочку. Они сидели в полукабинете, пили вино и разговаривали. Судя по выражению лиц и поведению Ларисы, можно было понять, что они знали друг друга уже давно.

Иван, не узнавая себя, на каких-то ватных ногах подошел к столику и, чтобы не было заметно, как у него тряслись руки, оперся о него.

— Вау! Кого я вижу! И что здесь делает милый Ванюша?

— Лариса... но ведь... мы... это... — начал что-то мямлить тот и замолчал.

Седовласый мужчина, сидевший рядом с Ларисой, холодно, брезгливо и молча смотрел на него сквозь линзы очков в дорогой оправе.

И Лариса, с той же бесконечной улыбкой и светящимися необыкновенной добротой глазами, неотрывно глядела на Ивана. Вдруг Бескрайнов вспомнил где-то прочитанное: «Когда женщина похожа на ангела, то берегись и знай, что в ней сидит дьявол».

Что-то животное, звериное, холодное и липкое поднялось из необозримых глубин Ивановой души, он взял за горлышко бутылку, замахнулся и... — дальнейшее стало восприни-

маться его сознанием, как при замедленной киносъемке,— стал опускать руку с бутылкой на голову соперника.

— А-а-а! А-а-а! — завизжала Лариса и с невероятной проворностью, схватив с дивана подушечку, подставила ее под удар, тем самым значительно смягчив его. Но, тем не менее, мужчина, закрыв глаза и безвольно опустив руки, стал оседать и сползать с дивана на пол.

На крик прибежали официант, швейцар и дежуривший в фойе милиционер*...

Когда Бескрайнова вели к машине милиции, была ночь, дул сильный, холодный и какой-то колющий ветер, луна, мчась среди обрывков темных, почти черных туч, лукаво поглядывала на Ивана. Душа его испытывала боль и муку от неожиданно нагрянувшей беды...

... Седовласым мужчиной, так и не успевшим произнести ни единого слова, был важный городской чиновник, Андрей Николаевич Полутченко. Он был умным, солидным человеком, каждое слово его ловилось с большим вниманием. Его боялись, ибо чувствовали в нем большую силу. Не было ни одного православного праздника, когда бы его не видели в главном храме города. Говорят также, что Полутченко покровительствовал нескольким благотворительным фондам.

Был Андрей Николаевич высок, статен, с широким, почти круглым лицом со сросшимися на переносице густыми бровями. Хотя он был сед, на лице его не было ни одной морщины. Говорил Полутченко мало, но всегда к месту, и грамотно строил свою речь, в отличие от многих чиновников разного уровня.

Инцидент, который произошел в ресторане, был настолько для Полутченко неожиданным, что он вначале растерялся, чего давно с ним не происходило. Но у него хватило сообразительности тут же отправить Ларису на такси домой. Милицейские узнали Полутченко, поэтому ни к нему, ни к Ларисе вопросов никаких не было. Следует сказать, что не прошло и десяти минут после отъезда Ларисы, как Андрей Николаевич собрался и разработал план действий. Прежде всего, он позвонил в отделение милиции, куда повезли Ива-

---

* События происходили в 2008-м году.

на и, представившись, попросил дежурного отпустить его, так как не имеет к нему никаких претензий.

На следующий день все работники ресторана, начиная от уборщицы до директора, и все сотрудники отделения милиции получили в конверте премию от известного в городе благотворительного фонда за заметный вклад в дело повышения городской культуры и порядка.

Бескрайнову же через бабушкиных знакомых было предписано, если он не хочет снова в «обезьянник» и далее в КПЗ, не появляться в общественных местах в течение года.

ГЛАВА 11

В Москве. Воспоминания.

Не в силах вынести «домашний арест», Бескрайнов через неделю уехал в Москву. Лежа в поезде на верхней полке и глядя в темное, ночное окно, он крепко задумался обо всем, что произошло с ним в течение его краткого пребывания в Зареченске. Сказать, что это были размышления, будет не совсем правильно. Скорее, он впал в некое тягучее мысленное состояние, где перед его внутренним взором и слухом медленно проплывали все эпизоды и лица, звучали слова, обрывки фраз. Снова и снова он видел и слышал это, придавая отдельным элементам то одну, то другую окраску и оценку.

Итогом этого процесса было решение, приехав в Москву, плотно заняться написанием романа, включив в него все, что произошло с ним в последнее время, и воспоминания о своей прошлой жизни. Перво-наперво он решил все это записать и систематизировать. Легко решить, но с чего начать?

... Москва встретила Ивана неприветливо. Шел мелкий-мелкий холодный и колючий дождь, дул сильный ветер, было зябко и неприятно. Казалось бы, сама погода способствовала затворничеству и исполнению запланированной работы. Бескрайнов заперся в квартире, отключил все телефоны, сел за стол и задумался... Стекло мелко царапали капельки дождя, над домами висело серое, непроглядно пасмурное

небо, не на чем было остановить взгляд, и внимание, уже подготовленное принятым ранее решением, ушло в прошлое.

... В детстве Иван был маленького роста, полный, с короткой шеей, но длинными, почти до колен руками, с торчащими в стороны большими ушами, при разговоре посапывал, как хрюшка, и был прыщав. Одним словом не мог он нравиться девочкам.

Однажды Ваня был влюблен в девочку Наташу. Он написал стихи, принес ей и, как бы случайно, уронил на письменный стол. Наташа читала их подругам и знакомым ребятам и вместе со всеми смеялась...

Уже в старших классах, одна девочка, его очередная любовь, взяв в руки его самую неудачную фотографию, сказала: «Вот это твоя самая настоящая морда!..»

После всех этих «любовных» опытов Иван решил, что его никогда не будут любить.

... Бескрайнов исправно записал на бумагу эти воспоминания, однако детство почему-то отпустило его, а всплыло воспоминание, связанное не с ним, а с его другом.

Николай женился сразу после института. Нужно сказать, что, в отличие от повзрослевшего Ивана, он не пользовался успехом у девушек. Был он невзрачным — ни фигуры, ни голоса, ни лица, одним словом, ну, ничего. Искал он девушку простую, необразованную, желая покорить ее единственным своим козырем — интеллектом и помочь вырасти духовно. И Николай нашел такую, но не учел одного, что не менее, а более, может быть, важным, является родство душ. Но о душе в ту пору он и не думал. И как потом, когда все печати были поставлены, оказалось, девушка попалась злая, что довольно успешно, всеми силами, скрывала до свадьбы. А для друга, с тонкой, нежной и доброжелательной душой, злые отношения были как ножом по горлу. Дело приняло совсем худой оборот, когда жена его забеременела. Совестьливый, он не мог и речи теперь завести о разводе, ибо это сопровождалось бы абортom. Вскоре у них родилась дочь.

В дочери Николай души не чаял. Жилось ему несладко, и несколько раз он в порыве страданий уходил к матери, но снова и снова возвращался и обнимал, и целовал свою ненаглядную малышку. Дочка любила отца без памяти.

Худо ли бедно ли прожили они так десять лет. И душа Николая маялась между злой женой и любящей дочуркой. Но вот однажды он не выдержал: когда жена завела себе любовника, ушел навсегда.

Но доченька его все больше тянулась к нему и не хотела даже слышать ни о каком отчине или ухажере мамы. Однако время все-таки сделало свое дело, отсутствие рядом любящего и любимого отца, постоянные беседы с ней матери и других людей, действительно желающих помочь матери выйти замуж и устроить жизнь, да и некоторые факты из биографии Николая, ставшего далеко не святым человеком — появились женщины на стороне, — постепенно сделали свое дело. И к девятнадцати годам с дочерью произошла метаморфоза, произошел какой-то душевный перелом, и на место сильной любви пришла не менее сильная нелюбовь.

Однажды, когда Николай сетовал на это, Иван сказал:

— А что же ты хотел после всего?

В связи с этим Ивану вспомнились стихи одного поэта:

*«Все идут с работы. Вечер.
Летняя пора.
Но вот мне бежит навстречу
Кто-то со двора.
Огибая всех прохожих,
Руки — два крыла,
Так на птицу ты похожа
В те часы была.
Быстро мне на грудь взлетела,
Обняла, любя,
И прижалась щечкой белой,
Доченька моя.
И трудов как не бывало,
И легка душа,
Если б сердце только знало,
Что тогда оно теряло,
Жалость заглуша.
Не вернуть поры той давней,
Сколько ни зови.
Ведь на свете самый главный
Грех — против любви!»*

Бескрайнову пришли на ум слова Боброва: «Благие намерения вымостили дорогу в ад!» Николай хотел помочь простой девушке получить образование, знания, создать семью. Но куда привели его эти намерения? Разве то, на что он обрек свою бывшую жену, то, как к нему теперь относится его дочь, да и его жизнь — это не ад?

Неужели и вправду есть Бог и Его воля, и если воля человека совпадает с ней,— только тогда будет благо? «Да ну, глупости,— мысленно отмахнулся Иван,— просто судьба такая...»

ГЛАВА 12

Детство и отрочество Виктора Быстрова

В это же самое время Виктор Анатольевич Быстров, видимо, по некоему стечению циклов, ритмов или еще чего-то космического, тоже окунулся в воспоминания. Только, в отличие от Ивана, в этом он ушел еще дальше — в раннее детство.

А оно, прямо скажем, было тяжелым у него. Виктор мог расти простым, ну разве, немного стеснительным, но не глупым мальчиком, в меру слушающимся жесткую, порой до жестокости, мать, и выглядевшим довольно обаятельным ребенком. Если бы...

В школе он, робкий и застенчивый, был предметом насмешек одноклассников и совершенно беззащитным перед ними. Когда Витя, придя в класс, обнаруживал, что забыл дома учебник, тетрадь или что-либо еще из принадлежности, что случалось с ним весьма часто, то на него находил какой-то ступор, порождаемый, наверное, ожиданием жестокого осуждения со стороны матери, и он, молча, сидел за партой, тупо глядя на ее доску. Ребята смеялись над ним, а учительница удивлялась. «Что с тобой?» — спрашивала она и, не получив ответа, говорила: «Ты что, немой, языка у тебя нет что ли?!» Дело доходило до того, что, когда ему нужно было в туалет, он боялся поднять руку, чтобы отпроситься, и до конца урока мучился от нужды.

А тут еще частые головные боли и головокружения, рассеянное внимание, что мешало сосредоточиться. Витя плохо усваивал материал на слух, потому учился с трудом и, вместо того чтобы, быстро сделав уроки, как все ребята, пойти гулять, самостоятельно усиленно занимался дома. Разве это могло способствовать его сближению с ребятами?

Витю еще больше дразнили и часто, видя его безответность, били. Он прятался в кустах, в сарае, на чердаке, порою, не вылезая, ждал, когда вечером придет мать, и плакал. А она только смотрела на него с сожалением и полупрезрительно улыбалась одними губами. О, лучше бы она этого не делала!.. Потому, наверное, обида всю его жизнь слезами накапывалась на глаза из глубины его души.

С детства мать Виктора была чрезмерно требовательна. Жестокая и деспотичная, с властным характером и яркой выраженностью семейного лидера она часто унижала своего мужа и била сына. Отец же был слишком мягок и абсолютно безволен. Но иногда у него «просыпался раж воспитания», и тогда он срывал свою униженность на ребенке. В результате у мальчика в душе образовалось как бы два полюса: один — твердо и жестко мужской, на месте женского мягкого и по-матерински всепрощающего, и другой — напротив, со всеми перечисленными женскими чертами, вместо отцовско-мужского. Между этими полюсами, когда,— как уже потом, будучи взрослым и постигнув азы психологии, понял Быстров,— его мужская часть души не могла опереться на твердо-отцовское начало, а женская — на мягко-материнское, возникло противоестественное напряжение. А в довершение он случайно, днем, стал свидетелем полового акта между своими родителями и, учитывая их характеры, можно отлично представить, что он увидел...

Накопившееся и продолжающее накапливаться напряжение требовало выхода и находило его в издевательствах над младшими и более слабыми детьми,— он любил щипать, колоть и мучить их, были и приятно-садистические, а потому часто повторяющиеся, опыты с бабочками, стрекозами и далее — с кошками. Но у кого в раннем детстве не было раздавленного жучка и бабочки или стрекозы без крыльев? В дошкольные годы это естественно и говорит о познании ребенком мира. Лишь в младших классах школы та-

кая жестокость может свидетельствовать о начинающейся психопатологии. Это были звоночки, и их не услышали...

Постепенно Виктор вырос в замкнутого, тревожного и до ранимости сверхчувствительного отрока. Это, конечно, возникло не вдруг, а пришло из раннего детства — воистину, ищите в младших классах. Иначе, без внешнего влияния, — а его не было, — и не могло произойти с ребенком, с одной стороны, лишённого любви и ласки матери, а с другой — нормального мужского воздействия отца, то есть полноценного родительского воспитания. Трудности и отсутствие нормального общения у Вити со сверстниками и девочками породили боязнь контактов с людьми вообще и с девушками в особенности, а отсюда и крепкое убеждение в своей неполноценности. Постоянная нехватка положительных эмоций и симпатий, привязанности и любви, соперничества кому-то и неумение понять, как и на что это влияет, способствовали необратимым изменениям психики. Кроме того он был неспособен — и в этом сам часто убеждался — защитить себя ни физически ни морально. Но, как известно, все это психикой, дабы избежать суицида — что не всем и не всегда удается, — должно чем-то компенсироваться, и Витя прятался от действительности в мире собственных фантазий. А там было и обвинение всех, только не себя, в своих неудачах, и мечты о мести обидчикам, и сочинение фантастических историй — а иногда просто незаконченных сюжетов, — и проведение каких-то «чемпионатов», где спортсменами выступали фишки, а результаты определялись игральными кубиками. Уже в позднем подростковом возрасте увлечением стала политика, и что ни на есть либерализм, вернее, то, что внушалось западными радиостанциями. Он рано освоил радиотехнику и собственноручно сделал приемник с диапазоном волн менее одиннадцати сантиметров, то есть незаглушаемых. В своих фантазиях Виктор представлял себя, «делающим деньги» и, по мере накопления капитала, могущим совершать все, что заблагорассудится его душе, свободным от всех и вся. Острое переживание вновь всплывавшей в памяти враждебности к нему и издевательств над ним приводило к возрастающему с годами чувству ненависти к окружающим людям.

Конечно, все это можно было преодолеть, сформировать у ребенка способность оценивать ту или иную ситуацию с различных точек зрения, терпимо относиться к другим мнениям и суждениям, если бы хорошее, разумное и своевременное воздействие. Но, увы, Виктором, как читатель уже понял, никто всерьез не занимался и в отроческом возрасте, не корректировал его поведение, потому все это благополучно перекочевало в дальнейшую жизнь, когда что-то изменить уже сложно, а может быть, и невозможно.

Чувства Виктора, видевшего много ненависти и страха, грубости и злости, становились все более свернутыми. В этом случае, как известно, не приходится говорить об интуиции, о понимании невербальной информации, умении «понимать между строк» и тем более об этических ценностях и о внутренней гармонии.

Но, по мере взросления, у Вити постепенно стали исчезать депрессивные состояния с проявлениями постоянной обиженности и ощущения непоправимой неполноценности и бессильной ярости. В голове его что-то сработало и на смену пришло супер компенсированное восприятие собственной личности в виде ее исключительности. И это происходило тем более сильно, чем больше Виктор терпел неудачи в отношениях с девочками — те по-прежнему публично насмеялись над ним и его чувствами и, в лучшем случае, избегали его.

Поэтому затаенное, подсознательное чувство несправедливости и убежденность в своей исключительности устремляли все мысли и желания Виктора к изменению, — но не себя! — а окружающего, абсолютно к нему враждебного и потому, по его мнению, несправедливого мира. Взрослая жизнь должна была полностью компенсировать все его прошлые страдания. Он — этот мир — должен быть неминуемо переделан, и кардинально, то есть стать «справедливым», чтобы такие, как Виктор, могли занять в нем достойное, а может быть, и главное место.

Так искаженное сознание, которое само по себе не более, чем крупинка Жизни, потеряв всякую умеренность, ринулось к покорению и господству над Ней...

Вновь обозрел Ангел землю и вновь опечалился... Сроки близки, а большинство людей как были, так и остались потребителями, в лучшем случае — душевными и духовными, но потребителями. «И то хочу, и это!..» и так — до бесконечности. А чтобы отдавать, служить людям по своим талантам и способностям в обмен на полученное, — но без гордыни, — так этого нет и в помине. Ведь даже самодостаточно мыслящие люди в своей массе таковы. Часто такие потребители дают себе обещания измениться, напрягаются... но «воз и ныне там». И при этом пытаются еще учить жизни других...

Но есть среди этих самодостаточных вообще скептики и циники, для которых существует только то, о чем они хотят думать. Сами себе боги. Что хочу, то и ворочу, как говорится. Часто это сочетается с развитым частнособственническим инстинктом, который и реализуется на деле. И здесь уж очень не поздоровится тем, кто попадет под их хищную руку. И это еще самодостаточные, а ведь большинство совсем не думающие...

Ангел глубоко вздохнул. Люди в большинстве своем смотрят глазами и испытывают желания, влечения и страсти, порожденные своими зрительными образами, в лучшем случае делают, пусть и не верные, но умственные построения. Но ведь «зряче только одно сердце и главного глазами не увидеть». Люди не умеют ни смотреть, ни мыслить сердцем, а ведь там Бог. «Царство Божие внутри вас есть», — сказал Христос. Смотреть сердцем и мыслить сердцем — это значит смотреть глазами Бога и мыслить как Бог.

А это и есть путь к совершенному, божественному человеку.

ГЛАВА 13

«...И стали они жить в том человеке еще вольготнее...»

«Судьба...» — подумал Бескрайнов и вспомнил целую эпоху жизни длиною в пару лет.

Как-то на глаза ему попала книжка по индийской философии. Он прочел ее за день, так его заинтересовало то, о чем там писалось. Иван пошел в «ленинку», записался в читальный зал и месяц читал все, что можно было прочитать на эту тему, включая о буддизме. Это направление почти полностью поглотило все свободное время, и его мысли были связаны только с этим. Постепенно Бескрайнов перестал читать обычные книги, посещать музеи и театры, рисовать, фотографировать, писать стихи (тогда о романе еще речи не было), ходить на концерты классической музыки и даже на дискотеки. Он просто не испытывал теперь в этом никакой потребности. Иван перестал интересоваться простыми дружескими отношениями с людьми, стал думать только — ни больше, ни меньше — о высокой, неземной любви и дружбе. Стал носить простую одежду и даже перестал обращать внимание на опрятность, мог месяц ходить на работу (а он тогда еще работал после института) с дыркой на брюках и в ботинках, носки которых давно просили есть. Мысли его были только о высоком, только о самосовершенствовании, и ради этого Иван готов был во многом отказывать себе и другим людям...

Сейчас, когда Бескрайнов вспоминал то время, он чувствовал пустоту в душе. И на самом деле, ничто человеческое не посещало ее в тот период. Так Иван прожил два года...

Потребовалось очень много усилий и его самого, и других людей, чтобы он вышел из этого состояния, «приземлился» и стал интересоваться земной жизнью, работой и отношениями. Но все же без последствий не обошлось.

Позже кто-то рассказал ему притчу о человеке, из которого изгнали беса, а тот, погуляв достаточное время, решил

посмотреть, что там, в его бывшем обиталище происходит. Глядит, а там пусто. Тогда он пошел и привел вместе с собой еще семь бесов, и стали они жить в том человеке вольготнее, чем жил первый бес... Иван потом понял, что тогда, постигнув высокое и очистившись, вместо того чтобы, благодаря этому, встать на путь активного служения людям по своим способностям, он возгордился и отделился от жизни. Но поскольку подобное притягивается подобным, то его гордыня притянула к себе еще «семь бесов», и когда он потом с головой окунулся в жизнь, то не отказывался уже ни от чего...

Нужно сказать, что к тому времени, к двадцати четырем годам, он превратился из «гадкого гусенка» в довольно симпатичного статного парня. Однажды зимним утром Бескрайнов выглянул в окно, увидел сказочно кипейный, за ночь укутавший землю снег, искрящиеся на солнце сосульки, деревья в пушистом убранстве, и его обьяло предчувствие чего-то необычного. Внутри зазвучала музыка, чего уже давно с ним не было. В этом состоянии Иван прожил весь день, а вечером решил прогуляться по улице, уж очень красив был закат январского солнца в этот вечер.

Навстречу ему шла молодая женщина, что-то промелькнуло между ними, и он, набравшись смелости, сказал ей какие-то слова. Она улыбнулась в ответ, и они разговорились...

... Татьяна, а ее звали именно так, приходила по вечерам в его одинокую квартиру, в которой Иван жил после окончания института. Оказалось, что она была замужем и, как рассказала, несчастна в браке. А по словам классика, как известно, все несчастны по-своему*. У нее рос маленький сын, и была она такая нежная и домашняя, что Бескрайнова буквально захватывали потоки тепла к ней. Из окна его квартиры далеко-далеко были видны многоэтажные дома, уходящие в перспективу под углом к его дому, и вечером, потушив в комнате свет, они любовались, словно на звезды, на тысячи окон-огоньков.

Нельзя сказать, что между Иваном и Татьяной отноше-

---

* «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 12 тт. Т. 7. «Анна Каренина». — М.: Изд-во «Правда», 1984. Часть I, гл. I, с. 1.

ния были идеальными, были размолвки и охлаждения, но сердца брали верх, и прежнее возвращалось. После того они старались быть внимательнее и добрее и дарить друг другу немного больше радости, чем обычно.

Они встречались на час, и когда она уходила к семье, к ребенку, то у него все чаще возникало чувство потери.

И предчувствие его не обмануло.

Бескрайнову с каждым разом тяжелее становилось воспринимать упорное нежелание Тани оставить мужа и выйти за *него* замуж. Она все время это откладывала на потом, а он, по молодости, хотел всего сразу и сейчас. Теперь Иван понимал, почему ему хотелось так, а не иначе. Ведь он привык жить сначала с мамой, а потом с бабушкой, и ему нужна была в доме хозяйка. Потому он решил расстаться с Татьяной, но пока ей ничего не сказал об этом.

У него была одна знакомая, сослуживица Елена, которая была к нему очень равнодушна и буквально «бегала» за ним. И Иван решил сделать ей предложение, на что та сразу же согласилась. Они запланировали день подачи заявления в ЗАГС, составили список необходимых приготовлений и вещей, и он, довольный, вернулся к себе. А там его ждала Татьяна...

Прошел год с их *первой* встречи, а он забыл. Таня стояла у окна и смотрела, как вьюга заметает на улице все вокруг, и окно было настолько запорошено, что, хотя был вечер, не было видно привычного моря огоньков. Иван извинился за свою забывчивость, и тут же что-то подарил ей, а она принесла давно приготовленный подарок. Они были близки в этот вечер, Татьяна много говорила, обещая сказать ему позже (только не сегодня) о каком-то сюрпризе. Угрызения совести жгли Ивана, но он старался подавить их, следуя решению брать от жизни все.

В условленное время она пришла, и лицо ее было серьезно и тожественно. Иван же вместо того, чтобы выслушать, в чем заключался сюрприз, о котором она обещала рассказать, начал говорить ей о том, как было бы хорошо, если бы и у него была семья, а они, встречались бы, как свободные люди. «И привел тот бес с собою еще семь бесов...»

Она вздрогнула, но, подумав, что он шутит, решила подыграть ему, и шутливо спросила:

— Что, уже и кандидатура есть?

— Есть,— серьезно ответил Иван...

Давно это было, но память нарисовала все так живо, будто только вчера они сидели и разговаривали.

Татьяна отвернулась, и так стояла, не поворачиваясь к нему, с опущенными плечами. А Иван все говорил и говорил, развивая свою идею об их свободной любви.

Наконец, спросил:

— Татьяна, а о каком сюрпризе ты говорила?

— Нет, нет, это я так... Пустяки...— и, не оборачиваясь, вышла из комнаты.

Он бросился за ней в прихожую, хотел проводить, но она не дала и ушла... не простившись.

На следующий день Бескрайнов встретился с Еленой, чтобы обсудить еще несколько практических вопросов. Но та была чем-то угнетена, казалось, какая-то мысль мучает ее.

— Что случилось, Лена?

— Иван, вот мы все уже решили, обо всем договорились, даже мелочи почти не упустили. Но ведь мы до сих пор с тобою не были близки... Как-то это все не *так* у нас...

— Так в чем же дело, Лена? Это легко исправить,— сказал молодой человек. «...И стали они жить в том человеке еще вольготнее, чем жил первый бес».

Долго ли сказка сказывалась, да быстро дело делалось, и при обоюдном непротивлении сторон молодые люди оказались в постели. И тут, вот незадача, впервые в жизни у такого молодого и крепкого парня случилось фиаско. Ничто не помогало, ни ласки, ни возбуждающее питье. Нервное раздражение усиливалось, и оно еще более усугубляло дело. А тут и Лена со своими утешениями. Что-то внутри Ивана поднималось против нее, и с каждой минутой все сильнее и сильнее. Вскоре он почувствовал, что если останется с ней еще несколько минут, то не знает, что скажет и что сделает. Иван встал, оделся и, мямля что-то на ходу, быстро ушел.

Бескрайнов очень торопился домой, будто там его ждет Татьяна и обижается, что его долго нет. Было скользко и скользко, но он бежал, не разбирая дороги. В одном месте, где была полоса оттаявшей земли (видимо здесь неглубоко под землей проходила труба отопления), он поскользнулся и на всем лету плюхнулся в эту грязь и лицом, и белоснежной

своей курткой. Весь грязный, измазанный и жалкий Иван задворками добрался до своего дома и, стараясь ни с кем не повстречаться, поднялся к себе. Татьяны у него не было. Иван, уставший и вымотанный, как был во всем грязном, опустился на пол и поник головой. Он понял, что совершил нечто непоправимое...

«Так ты и в Бога не веруешь?» — вспомнил сейчас он слова Степана Алексеевича. «Вот тогда бы он встретился мне!» — неожиданно подумал Бескрайнов...

В одиночестве он стал переживать случившееся. С Еленой Иван больше не стал поддерживать отношений, и Татьяна больше не приходила. Но однажды она пришла, и рассказала обо всем. Оказалось, что в тот вечер, когда он упал, убегая от Елены, или, наоборот, стремясь к Татьяне, в это самое время, Таня сделала аборт. «Так вот оно что, беременность! В этом заключалось то *важное*, что она хотела мне сообщить!» Татьяна говорила холодно, чувствовалось, что душа ее уже далеко от него. Иван, молча, слушал и чувствовал — что-то главное в его жизни безвозвратно потеряно, что душа его снова наполнилась пустотой, но уже не просто пустотой, а какой-то внутренней белой, ледящей оцепенелостью. И это состояние возможно еще долго, а может быть, и всегда будет жить в нем. А ведь совсем недавно Иван так ждал Таню, и она так торопилась, буквально летела к нему.

И теперь он очень хотел вернуть ее, пусть их отношения уже не будут такими, какими были, лишь бы она осталась. Но Татьяна простилась с ним навсегда...

Вот такая история приключилась с Иваном.

... Бескрайнов устал от воспоминаний. Он лег в постель, но перед тем, как заснуть, увидел лицо Степана Алексеевича. Он хотел было припомнить то, что тот еще ему говорил тогда. Но тут же что-то замелькало, заплясало в его уме, одни образы, обрывки мыслей и слов сменяли другие, вскоре Иван, уже не различая кто, что и откуда, заснул поверхностным и беспокойным сном.

ГЛАВА 14

Сам себе бог

Проснувшись и выпив чашку кофе, Бескрайнов набрал номер телефона Светогонова. Тот еще был дома. Друзья договорились встретиться на станции метро Алтуфьевская — стояло солнечное воскресное утро, и Светогонов пригласил Ивана за город, на свою дачу.

Шоссе в область, как всегда в это время, было забито — пробка протянулась на многие километры. Часы показывали около десяти утра, но уже стояла сильная жара. Положение усугублялось обилием выхлопных газов, из-за чего, несмотря на духоту, открыть окна в салоне было невозможно.

— Воды? — спросил Светогонов.

— Нет, пока воздержусь...

— Почему так рано вернулся? Ты же уезжал на лето?

— Так получилось...

— Ну, да, ну, да... Как бабушка?

— Она, как всегда, самодостаточна.

— Замучила советами?

— Да, нет...

— Тебя нужно поучить уму разуму, бездельника.

— Ну, уж ты скажешь!..

— А что, не так?

— Вот и ты, Светогонов...

— Что достали тебя там? Кто же это, если не секрет?

— Да, есть там один человек, Степаном Алексеевичем зовут, бизнесмен... Послушай Виктор, а ты веришь в Бога?

— Эко тебя угораздило!.. С чего это ты вдруг?.. А, понятно... Поэтому сбежал?

— Нет, не поэтому! Что ты заладил: сбежал, сбежал, просто уехал, так нужно...

— Ну, ладно, ладно, не сердись, мой молодой друг.

— Ты так и не ответил. Ты веришь в Бога?!

Светогонов долгим и проницательным взглядом посмотрел на Ивана. Он всегда во всем сомневался и верил только в реальность мысли. «Я мыслю, следовательно, существую».

вую»,— сказал Декарт, и был прав. Неужели этот молодой бездельник, как он частенько про себя называл Бескрайнова, еще этого не понял? Скорее всего, нет, иначе бы не задавал глупых вопросов.

— Я верю только в реальность,— все же произнес он.

— А я для тебя реальность, я для тебя существую?!

— Ты для меня существуешь только тогда, когда я думаю о тебе.

— А в остальное время меня просто нет?

— Так точно.

«Ну, здесь уже перебор,— раздраженно подумал Иван,— или он шутит». Он стал глядеть на лесополосу, идущую вдоль шоссе, и постепенно успокоился... Бескрайнов часто задавал себе вопрос: откуда берется мысль? И сам себе отвечал: это продукт работы мозга, продукт мыслящей материи. Но откуда взялась мыслящая материя? Он был знаком с теорией эволюции Дарвина — хорошая, стройная теория, прекрасно все объясняющая. Мысли и живи, живи и мысли себе во благо, что еще нужно? «Но если все в моем мышлении, то и должно все происходить так, как я мыслю, размышлял Иван.— Почему же в жизни происходит много иррационального, логикой необъяснимого и порой настолько неожиданного, что человек не сознанием, а сердцем, душой чувствует как наказание, воздаяние или, наоборот, как награду за что-то?»

— Ты, и вправду, так думаешь? — спросил он.

— Иван, я вправе думать о том, о чем хочу! О том, что ты говоришь, я думать не желаю, следовательно, это для меня не существует. А зачем говорить о том, чего нет?

— Да, ты, брат, софист!

— Называй, как хочешь, только в печь не суй.

Но Бескрайнов думал об этом, значит, это, следуя логике Виктора существовало. И если исходить из теории естественного развития, мыслящая материя возникает случайно из вечного и неразумного, хаотичного материального мира. Тогда в мире кроме мыслящей и пассивной материи ничего больше нет. И единственный носитель этой мыслящей материи, человек и есть бог.

— Я мыслю и делаю — вот это для меня реально, а то, есть ли Бог вне меня, или я сам бог, меня не волнует, и я не

думаю об этом, значит, этого для меня нет! — как бы продолжил вслух мысленный диалог Светогонов.

— Значит, для тебя возможно все, о чем ты подумаеть, а точнее, пожелаешь?

— Ну, допустим, мое воспитание не позволит всего!

— А воспитание другого позволит...

— Мне до этого нет дела. Я отвечаю за себя.

— Перед кем отвечаешь?

— Перед собой.

— Значит, ты — бог.

— Для себя.

— Вот ты и ответил на мой вопрос, каждый — сам для себя бог, и делает, что хочет.

— Ну, как знаешь...

— Я тут вспоминал вчера кое-что, интересные вещи происходят в жизни... Получается, не все так просто и однозначно, как мы думаем.

— Слушай, братец, а не свихнулся ли ты часом?! Что там с тобой произошло, не скрывай, может, чем помогу? — Светогонов достал было из «бардачка» апельсин, но тут же положил его обратно.

— Поможешь? Может быть, может быть... — задумчиво ответил Иван, барабанив пальцами по черной коже сиденья.

... Пробка, наконец, рассосалась, и машина покатила по относительно свободному шоссе дальше. Они открыли все окна в салоне, и сквозной ветерок обдувал наших ездоков, значительно облегчая их участь.

Вокруг простирались подмосковные пейзажи, о которых можно писать и писать, и никогда не повториться. Вот и сейчас им встретился интересный уголок. На поляне, образованной стоящими полукругом, открытым к дороге, высокими березами, росла маленькая, но пышная, елочка. Росла она в самом центре поляны, и возникал естественный вопрос, как она сюда попала, если на километр окрест не видно ни одной ели. Елочка была такая пузатенькая, ровненькая и так уверенно вписывалась в пейзаж, будто говорила: «Я главная, и все вокруг для меня растет, потому что я здесь. И на это место взглянули только потому, что я расту на поляне, в самом центре, и не будь меня, никто бы не остановил своего внимания на пейзаже, и на этих протрушках-березах.

Значит, они существуют только потому, что я живу».

Шоссе неслось под колеса машины, ехать было еще далеко, и друзья, наговорившись, молча глядели на окрестные картины, разворачивающиеся перед ними.

Впереди, недалеко от дороги, люди пилили огромную вековую сосну, росшую в красивой сосновой роще. Друзья остановились, уж очень интересно было узнать, зачем они это делают, а заодно и поразмяться немного.

— Что делаете, мужички? — спросил Светогонов.

— Пилим, как видишь.

— Вижу, что пилите. Спрашиваю, зачем пилите?

— Хозяин приказал.

— Хозяин чего, служивые?

— Участка этого.

— А что он хочет от этого участка, хозяин ваш?

— Хочет гостиницу придорожную с рестораном построить, да автозаправку тут же.

— Так километра три отсюда, если назад ехать, огромная пустошь, почему там бы не построить? И такую рощу срубить бы не пришлось.

— Знаем, знаем, там тоже земля свободная, можно было бы... Но тут пруд рядом, метров сто, да места красивые, вот он и решил здесь.

— А каков по площади участок?

— Да гектаров пять отхватил...

— Так сколько же леса, и всей красоты этой убрать нужно?

— Так, почитай, все пять гектаров и уйдут, лес только за прудом останется.

Друзья прогулялись и вернулись в машину.

— Этот хозяин — сам себе бог, и делает, что хочет, — сказал Бескрайнов, когда они сели.

— Да, он делает, что хочет. Другой вопрос, что мне это не нравится!

— А ему какое дело, что тебе не нравится?

— Получается никакого...

— Вот и все дела, брат...

Какое-то время они ехали в полном молчании. Вокруг дороги стояли красавицы березы, одна лучше другой. Умытые вчерашним дождем стволы их сияли белизной и, отражая яркие солнечные лучи, казались еще белее. Листва была

также не по-июльски ярко-зеленая и тихо колыхалась под легким ветерком. Внизу меж ними росла высокая трава, уложенная вчерашним ветром-хулиганом, дувшим в разные стороны, в замысловатую прическу, в которой стебли-пряди находили одна на другую в разных направлениях.

Они проехали еще немного, и взгляду открылось удивительное зрелище. Это было настолько красиво, что они затормозили и, съехав на обочину, вышли из машины. Перед ними был смешанный лес, березы росли вперемешку с другими лиственными, а также хвойными деревьями. Лучи солнца падали на землю сквозь густую листву, и то ли дело было в угле их падения, то ли они каким-то чудесным образом преломлялись, но были они светло-голубыми, будто само небо просачивалось на землю. И это сочетание стволов всех цветов и оттенков, ярко-зеленой листвы, солнечных пятен на омытой шелковистой траве с этой проливающейся с неба голубизной было настолько необыкновенным, что друзья надолго замерли, любуясь этой красотой.

Но вдруг лучи исчезли, и вся удивительная картина сразу свернулась, словно кто-то выключил освещение. Выйдя из леса, они увидели, что солнце скрылось за невесть откуда взявшимися облаками. На земле краски сразу померкли, но контрастное зрелище, как на картинах Куинджи, представляли собой облака — они кучерявились ярко-белым на темно-сером и серым на белом и в несколько разорванных слоев пытались, латая друг друга, скрыть солнце, поставить непроходимую преграду между ним и землей, и всем тем, что на ней жило, и, борясь, создавали в небе неповторимый узор.

ГЛАВА 15

Просто психология, или «Неужели это написал я?..»

Бескрайнов предложил Надежде встретиться, и она, как обычно, пригласила его к себе домой. Дома была и тетя.

— Здравствуй, здравствуй, молодой человек! Что-то быстро вернулся, а говорил до осени,— с порога приветствовала его Нина Ивановна.

— Так получилось...

— Привет, Иван! — Спасла его от дальнейших объяснений Надежда.— Пойдемте ко мне.

— Ну, поболтайте, поболтайте,— вослед им сказала Нина Ивановна.

Они перешли в комнату Надежды.

— Как отец? — спросил Бескрайнов.

— Ничего, все бегаёт, решает мои вопросы, которые придумывает сам,— заботится. А как ваша бабушка?

— Бабушка в своем амплуа, дай ей Бог здоровья.

— Что, достала?

— Нет, просто бабушки никогда не перестают быть бабушками... Как вы проводили все это время?

— Я должна дать отчет?

— Нет, нет... Я просто так...

— Посещала разные тусовки, была в театрах, на концертах, в музеях,— все, как вы учили...

— А нашли своего суперделового мужчину, которому могли бы подарить свою любовь?

— Я никого не искала, не ищу, и не собираюсь искать, и любить никого не собираюсь.

— Я не в том смысле, чтобы прямо искать... Но вы же хотите, чтобы рядом с вами был мужчина-управляющий?

— Да, но он должен найтись сам!

— Разве так бывает?

— Если человек хочет, все будет!

— Не все происходит по воле человека...

— Вы там случайно не уверовали? — спросила Надежда, поправляя воротничок белой блузки.

— Ну, что вы...

Они немного помолчали. Бескрайнову хватило недавнего диспута со Светогоновым, и он не хотел повторения этого с Надеждой, поэтому сказал:

— Я тут недавно прочел одну интересную книгу по психологии. Скажите, у вас была строгая мать?

— Да, а что?

Из той книги Иван знал, что психика человека формиру-

ется в детстве и во многом определяется соотношением характеров родителей. Вот он и попросил Надю рассказать о своем детском их восприятии.

Она любила подобные темы и с большим удовольствием поведала ему о своей матери, которая действительно была строгой и серьезной женщиной, никогда не смеялась и не любила шуток, анекдотов и розыгрышей, от которой дочь, даже в раннем детстве, не видела тепла, нежности и ласки, а уж после и подавно. Когда Надя была подростком, та наводила порядок в ее комнате так, как хотела, а уж о том, чтобы побаловаться дома или на улице, и речи не могло быть, в своем присутствии она этого не позволяла. Отец же боялся матери, боялся даже слово против сказать. Но это вовсе не мешало ему втихую увиваться за каждой юбкой. Жена знала об этом, страдала, но гордость и характер не позволяли ей даже намекнуть ему. При ней же отец был тише воды, ниже травы и делал все, что та ему говорила.

— Все, как в учебниках,— сделал вывод Бескрайнов.— У строгой, а порой и жесткой, матери и мягкохарактерного отца сын всегда, впоследствии, страдает комплексом неполноценности, а дочь даже превосходит мать в своей силе и неуважении к мужчинам.

— Так вот зачем вы выпрашивали меня о родителях,— чтобы подвести к тому, что я плохо отношусь к мужчинам!

— Вовсе нет, просто это психология.

— Все просто, что непросто...

Они замолчали. Вдруг Иван увидел лицо Анастасии. Нет, это было не видение, он увидел ее внутренним взором, вспомнив о ней. Они виделись совсем недавно, и образ ее хорошо запечатлелся у него в памяти. Анастасия смотрела на него своими большими голубыми глазами, светло-русая коса была перекинута через плечо. Сейчас он невольно сравнил их, Надежду и Анастасию, и ему стало скучно (скука почему-то усиливалась от белой блузки, отметил он), стало не о чем говорить, захотелось уйти. «Что это вдруг Анастасия, с какой стати, ведь я совсем не знаю ее?» — подумал он в замешательстве. Значит, было что-то в ней такое, особенное, если она возникла перед ним теперь, после анализа им причин, сформировавших Надин характер.

Неловкое молчание все продолжалось, пока Нина Ивано-

вна не пригласила молодежь пить чай. Бескрайнов из вежливости остался. Пришел Георгий Иванович, и они все вчетвером еще поговорили о том о сем. Иван простился наконец, пообещав зайти на следующей неделе, и ушел.

Он понял, что образ Надежды блекнет в его душе по сравнению с тем, другим образом, представшим сегодня.

... Мысли об Анастасии не выходили у Бескрайнова из головы. Всю дорогу домой и дома, что бы ни делал, он думал о ней. «Есть ли на свете такая женщина, которая любила бы меня всю свою жизнь, невзирая ни на что?» — вертелось у него в голове. И, как бывает у творческих натур, его не покидало желание запечатлеть образ Насти, выразить с помощью искусства, дать выход напряжению чувств, вызванных ею. Иван метался по квартире, брался за карандаш, начинал что-то наигрывать на гитаре, записывал целую стихотворную строфу, тут же зачеркивал ее, писал еще, рвал бумагу... Так в порывах и метаниях прошло около двух часов, в итоге он обессиленный упал на диван и лежал, глядя в потолок, словно там пытаясь найти творческое решение, но или не находил его, или не знал с чего лучше начать.

Чувство презрения к себе ядовито-зеленой волной поднималось в душе Ивана. Ему идет уже тридцать второй год, а он до сих пор не может ни на чем сконцентрироваться и что-то создать. «Почему я всего боюсь? Почему чье-то слово производит на меня такое большое впечатление?» И еще Бескрайнов знал, к тому же, что его бедой было чрезмерно развитое воображение, когда он, вдохновленный замыслом, начинал представлять себе весь творческий процесс поэтапно вплоть до результата. Воображение его было так быстро и живо, что сознание воспринимало этот виртуальный процесс творения, как реальный. И получалось, что Иван уже создал свое творение, создал быстро, оно получилось хорошим, и он получил признание. Казалось, теперь воодушевленный этим воображаемым успехом Бескрайнов должен бы приступить к его реальному претворению в жизнь, но вот тут-то и начиналось главное. От активной игры фантазии творческая энергия, так необходимая для реализации замысла, куда-то полностью улетучивалась, и он, опустошенный, уже не в силах был что-то начинать в реальности, ему представлялось это тяжелым и трудным, и в поисках новых впе-

чатлений, то есть новых источников энергии, Иван переключался на нечто другое.

Вот и сейчас с Иваном происходило то же самое. В мыслях он уже сделал фотопортрет Анастасии, и прекрасный; написал талантливое стихотворение, посвященное ей, сочинил к стихам задушевную музыку и спел эту песню под гитару, вызвав бурные аплодисменты воображаемой публики.

Бескрайнов встал, и на глаза ему попался альбом с репродукциями картин известного художника, который он смотрел вчера и оставил раскрытым на одной картине, поразившей его. Она передавала неповторимый колорит и неба, и леса, видимо, в октябре — каждое дерево, каждый листочек жили своей особой жизнью — и, в то же время, создавала чувство единства всего со всем. А женщина и мужчина как выписаны! Сразу на ум приходит мысль, что любовь сама создает красоту и находит ее вокруг. Гениально!

Но откуда художник взял эти краски, эти тона и полутона, эти переходы, как он мог так запечатлеть мимику, взгляды, жесты, движения и все, что создало этот шедевр? Кто дал ему все эти умения? Неужели этому предшествовал длительный период напряжения воли, упорного, тяжелого труда по отработке отдельных приемов, обретения техники, неужели понадобилось перевести горы материала, чтобы научиться *так* писать, чтобы одним еле заметным движением, штрихом, мазком сделать картину такую, трогающей душу? «Но ведь и у меня есть и горение, и чувство прекрасного, и умение сделать оживляющий, заставляющий чувствовать «штрих» и «мазок», будь то слово или игра светотени. Почему же все это не реализуется в произведениях, куда уходят все мои силы?» — думал в отчаянии Бескрайнов.

И тут он вспомнил, как один мудрый человек говорил ему: «Познай себя, познай, кто ты и для чего пришел на этот свет. И береги энергию, ведь если ты получил свыше способности и таланты к поэзии, то не нужно собственную жизнь превращать в жизнь своего сиюминутного лирического героя, а, наоборот, наблюдая жизнь, переносить ее смыслы в свои произведения».

Иван выдвинул ящик письменного стола и стал перебирать бумаги. Вот он достал папку, раскрыл ее и начал по одному перекладывать из нее на стол печатные листы. Но

вдруг собрал их и положил обратно. Потом достал откуда-то снизу толстую старую тетрадь, исписанную синими чернилами, полистал ее, вернулся на первую страницу и прочел:

«Я буду ежедневно и ежечасно служить людям, творить добро своими делами, словами и мыслями. Только ради этого стоит жить, в противном случае это будет не жизнь, а существование. А существовать я не хочу, лучше тогда не жить вовсе. Помощь людям ради Добра, Истины и Красоты, что может быть лучше и благороднее такой жизни. Отныне день за днем я буду жить так!»

Это был его дневник, запись была датирована пятым сентября 1996 года, тогда ему, студенту третьего курса института было девятнадцать. С тех пор прошло почти тринадцать лет, и вот он снова держит в руках свой старый дневник.

«Неужели это написал я?.. — подумал Бескрайнов. — И после этого ничего не сделал, *ни-че-го* за все эти годы!..» На новой странице он поставил дату: 10 июля 2008 года, желая, видимо, что-то написать, однако... погасил свет, подошел к окну, отдернул штору. Уже была ночь, безоблачное небо было усеяно звездами, теми же самыми, что и тогда, когда Иван писал эти строки. Но разве он думал, что у него будут свидетели, да еще такие!? Сколько они повидали на своем веку, слышали слов, обетов, клятв. Есть поговорка: «Что написано пером, не вырубишь топором». Почему древние знали это? Может быть, они знали о Книге Жизни и Книге Мертвых? По преданию в Книгу Жизни записывается все из жизни человека. Свет отражается и уходит во Вселенную, и так же, как свет от звезды идет и после ее потухания, так и с поступками и делами человеческими — в пространство постоянно уходит его персональная «кинолента» со всеми подробностями. Но и мысль имеет волновую природу, и еще более тонкую, чем свет. Значит, транслируются и наши мысли, и наши желания. А если это так, то, может быть, где-то, среди звезд, находится и записывающее устройство — вот тебе и Книга Жизни!

Холодные огни уличных фонарей бесстрастно светили в свой последний ночной час. В одном из окон крепко спящего дома напротив горел огонек. Может, там кто-то страдает или радуется, может, мечтает, любит или жалеет себя. Возник образ, что ночной порою сны витают над домами и мол-

ча разговаривают со звездами. А может и правда?

Иван включил свет, положил тетрадку в стол, постоял немного в задумчивости и решил, что утро вечера мудренее.

ГЛАВА 16

«У каждого по-своему...»

Бескрайнов получил письмо от бабушки.

«С днем рождения тебя поздравляю! Как ты там, Ванюша,— писала та.— Зачем уехал, посидел бы дома, и обошлось бы. И день рождения отметили бы по-семейному. А то побыл неделю, и снова тебя нет. Пять лет, внучок, не было, и опять нет. Приедешь ли? Соскучилась ведь! Настя с Верой часто вспоминают тебя, переживают тоже, что так вышло. Ты им интересен. Не хочешь выбрать кого из них себе в невесты? Я так думаю, Анастасия тебе бы больше подошла, серьезная, характерная девушка, не в пример сестре, той бы только посмеяться да пошалить. А вот Настя... Как бы я была рада, может, бог даст, до правнуков доживу. Степан Алексеевич о тебе тоже вспоминал. Ты уж прости его, не любит он людей не при деле. Ну, у каждого свои принципы, не обессудь. Да и то, может, в его бизнесе поработаешь, если захочешь, я с ним говорила, он не против, или другое дело у нас найдешь. А между прочим будешь сочинять, писать, музицировать, кто мешает, подумай, Иван! И Виктор Анатольевич о тебе спрашивал, известный писатель у нас, тоже может помочь напечататься. Наверное, есть уже что-то готовое, сколько лет-то, чай, пишешь? Ребята из литобъединения и подруги Настины собирались снова у Анастасии, пели песни свои, читали стихи, рассказы, жалели, что не было тебя. Приезжай, Ванюш, приезжай, поживи хоть лето, а захочешь и вообще оставайся, комната у тебя своя, отдельная, будешь всем доволен. *Твоя бабушка*».

Бескрайнов ходил по Тверскому бульвару и по соседним улицам до позднего вечера. Ему так хотелось ни о чем не думать, но мысли все время возвращались к письму бабушки

и к Анастасии. Как и обещал метеопрогноз, пошел мелкий, затяжной и какой-то мрачный, серый дождь. Навстречу ему, словно понурые тени, шли люди с зонтами, погруженные в себя, в свои проблемы и мысли. Вдруг среди туч, будто смеясь над дождем, выглянуло солнце, а рядом с ним — кусок синего-синего неба. Дождь перестал, и откуда-то на тротуар неожиданно высыпала детвора. Но вот уже нет ни сини, ни солнца, снова сомкнулась хмурь с хмарью, и вокруг, кроме дождя и утомленных людей, снова ничего и никого не было.

Бескрайнов зашел в кафе. В прокуренном зале он пробрался к единственному свободному столику. Играла музыка, стоял гул непрерывного говора, но Иван так устал, так хотелось отдохнуть, что его ничего не раздражало сейчас.

— Простите, у вас свободно?..— вдруг раздался над ним голос.— Ба, да это ты, Ваня?!

Бескрайнов поднял голову и увидел своего хорошего знакомого в бытность свою студентом.

— Привет, Валерий! Тоже от дождя забрел?

— Да, зонтик не взял... Ну, как ты, где ты, как успехи?

— Работаю, работаю...— нехотя ответил Иван, и подумал: «Ну, все, сейчас начнется!».

— А где, если не секрет?..

— Ну, понимаешь... Процесс... вдохновение...

— Понял... Иван, я всегда говорил, что у тебя талант, еще в те годы это было видно. Да поболее, чем у кого-либо. Но и тогда я говорил — лень и разбросанность тебя погубят! Но хоть что-то удалось?

Бескрайнов отшутился.

— Все также паясничаешь... Нет, я спрашиваю, написал что-то, опубликовал? Фамилии твоей не встречал, но, может быть, псевдоним...

— Все в процессе подготовки...

— И этот процесс длится уже двенадцать лет...

Иван промолчал, но видно было, что разговор ему крайне неприятен. Еще в студенческие годы Валерий его сильно раздражал своими поучениями.

— У каждого по-своему...— наконец выдавил он, извинился и, наскоро простившись, вышел из кафе.

Встреча сильно выбила Бескрайнова из колеи. Снова мысли о своей жизненной неполноценности закружились в

сознании. «А есть ли у меня вообще талант? — подумал он.— Может, отсутствие его, бесталанность — это даже хорошо, намного лучше маленьких способностей. Что толку в самообмане? — Одно издевательство над собой, нелепая жизнь! Не лучше ли будет, если успокоиться?»

Стараясь освободиться от этих мыслей, он не нашел ничего лучшего, как выпить в первой же встречной «забегаловке». Тепло разлилось по всему телу, а дурман по сознанию, ушли прочь до этого волновавшие мысли и вопросы, и Иван отдал бы сейчас и жизнь свою, и душу свою дьяволу, лишь бы не думать ни о чем, и сохранить навсегда это бездумное животное счастье. И он хорошо добавил выпивки.

... Много ли, мало ли прошло времени, когда Бескрайнов очнулся на лавочке в каком-то сквере. Часы показывали четыре утра, и была та самая темная пора, когда за два часа до рассвета нет луны. Не видно ни зги, и темнее уже быть не может. К этому времени потухли все огни, и не было светового зарева над городом. Не проблеснет ничего лишнего, случайного на ясном, очистившемся от дождевых туч небе. Только звезды холодно скучают в вышине без восторженных, задумчивых, молящих и ждущих глаз людей, обращенных к ним по вечерам, где нет городских огней. Солнце еще далеко за горизонтом, поэтому нет ни намека на какое-то просветление на северо-востоке небосклона. Да, темно по эту пору. И тем желаннее рассвет, тем более волнительно ожидание первого проблеска, даже чуть заметного свечения. Душа ждет этого, как озарения, нового рождения, воскресения. Все силы телесные и духовные, находившиеся на спаде, потихоньку подтягиваются к линии старта, чтобы с первым намеком на рассвет изготовиться и по сигналу пробившегося из-за горизонта луча броситься на дистанцию дня, в новую жизнь. И стоит вытерпеть эту тяжкую полосу темного времени, чтобы пережить долгожданный рассвет. И пропеть в душе вечный гимн: «Да здравствует солнце!» Но это только для тех, кто вытерпит и дождется.

... «А не поехать ли и впрямь в Зареченск, и закрутить там роман с Анастасией?» — подумал Бескрайнов, и, качнувшись, треснулся своей хмельной головой о ствол растущего рядом с тротуаром дерева.

— Блин... — проговорил он и понуро побрел к метро.

Наш Ангел знает, что редко бывает в жизни не оплаканное слезами и не насыщенное душевными стонами. Но творчество начинается тогда, когда человек, хоть на недолго, входит в жизненную гармонию. Поэтому говорится, что все в себе. Главная же ошибка людей — уверенность, будто они сами по себе, вне Единой Жизни. Отсюда отсутствие сотрудничества между собой и с Ней, отсутствие ответственности за все внутри человека. Эгоизм его создает и все более укрепляет сомнение и самообольщение, лишь бы отрезать луч Света, идущий к нему. И таким мнится, что не личная строптивость отъединяет их от других, а что окружающие люди всячески мешают им развиваться и развивать в себе божественное достояние, которое есть в них как бы само по себе, как данность. Наш Ангел знает, что это затемняет смысл жизни. А отсутствие настоящего дела, определяемого только смыслом, рождает уныние и тоску. От них — дурные животные желания и страсти, калечащие душу. По законам Мироздания это вызывает определенные обстоятельства в жизни, воспринимающиеся как удары, что только и может избавить от такого бытия. Но сколько же можно «бить по голове», так можно превратить ее в деревяшку. И просто диву даешься, на какие ухищрения не пускается человек, дабы уйти от этого или замаскироваться извне — но не измениться внутренне. А некоторые пытаются спрятаться в так называемой любви, забывая, что любить — это не значит смотреть друг на друга, любить — это вместе смотреть в одном направлении. Но от себя не уйти. И тьма навязывает человеку свою программу: «Вначале обеспеченность, потом тело и здоровье, а творчество и дух — в конце». И человек, как говорится, готов. Да и человек ли это уже...

ГЛАВА 17

«Голову сломать можно!...»

Поезд мчал Бескрайнова все дальше, колеса на стыках отбивали такт одной им ведомой мелодии, а неумолимо убегающие пейзажи под уже темным небом, пролетающие мимо станции и полустанки бессознательно рождали в душе тоску. Мысли возвращались к посетившим в Москве воспоминаниям и к беседам со Светогоновым и Надеждой.

Он начал было анализировать их, но в голове был полный сумбур, а чтобы упорядочить мысли, необходимо достать записи, уединиться и попытаться выстроить логическую цепочку происходившего. Однако место было неподходящим для этого — в купе соседи попались на редкость говорливые, по коридору туда и сюда сновали пассажиры и, сменяя друг друга, торговцы предлагали свои товары. К тому же природная лень и неведомая тоска нашли необходимые доводы не в пользу таких занятий. Поэтому Бескрайнов, сказав себе: «Будет время, будет место...» — откинулся на спинку вагонного дивана и закрыл глаза.

Но забыться не удалось. В сознании всплыл образ Светогонова и его слова: «Ты для меня существуешь только тогда, когда я думаю о тебе». «Значит, если следовать логике Виктора, и мои воспоминания, и все люди, с ними связанные, существуют лишь, когда я думаю о них. И если я не буду думать об этом, то их для меня просто не будет. Но как защититься от воспоминаний, если они приходят порой произвольно, независимо от твоего желания? И почему они приходят? Какой в этом смысл? И какой смысл в том, что они несут какую-то эмоциональную, чувственную нагрузку, если я могу им просто запретить, и они уйдут? Если человек может решать думать или не думать, и о чем думать, то в таком случае получается, что он и есть сам себе бог. Только вот одна загвоздка — откуда берутся мысли, которые не я думаю, и воспоминания, и внутренний голос, часто не согласный со мной, с моими решениями, поступками?»

Бескрайнов все же вышел в коридор.

«Получается, что есть я и, видимый и невидимый, внешний мир. Я могу от всего внешнего отгородиться, так же, как от того, что за окном — могу смотреть и не видеть, могу глаза закрыть, занавески задвинуть или, вообще, штору опустить. И буду сам для себя богом, что хочу, то и буду думать, что захочу, то и буду делать. Но внешний мир от этого не перестанет существовать, и если там кто-то или что-то есть, что призвано реагировать на мои мысли, чувства и поступки, то должен или должно как-то проявляться...»

Поезд резко затормозил и остановился. Послышались восклицания, все засуетились, начали смотреть в окна. Но, видимо, ничего серьезного не произошло, и состав тронулся. Мимо проплыла высокая церковь, окруженная большой резиновой рошей. Иван пожалел, что фотоаппарат далеко в чемодане, настолько было красиво сочетание белой церкви и берез под лучами заходящего солнца. Лирическое настроение охватило его всего, так захотелось творить, творить и творить. Он выпрямился, потянулся всем позвоночником вверх и, держась за поручень, откинулся назад, будто у него за спиной висел тяжелый рюкзак, полный его трудов... Но вместо рюкзака ощутил удар локтем в спину.

— Мужчина, смотреть нужно, не один ведь! Хорошо кипятком не облилась, а то бы на вас остатки вылила! — На него глядела рассерженная женщина с полупустым дымящимся стаканом в руке, рядом с ней на полу была лужица.

— Простите, не видел...

— Простите-простите... Все вот так, сначала сделают, а потом прощения просят!..

Настроение было испорчено, и Бескрайнов вновь уселся на свое место. «Почему от добра, от красоты сердце как бы расцветает и раскрывается, как цветок, а от зла сжимается? — подумал он.— И еще, если я сам себе бог, то мой разум — это все, последняя инстанция для меня, мои мысли, принципы, доводы имеют первостепенное значение и только они верны, в противном случае, я не бог. Отчего же столько промахов? Где же истина?.. Если не во мне, то вовне, а значит у кого-то высшего, кто ею обладает...»

Иван вспомнил Надежду, их последнюю встречу, ее холодность к нему, саркастичность, может, излишнюю делови-

тость, но это его уже не трогало, ибо все угаšlo.

«Нет, творческий человек не должен привязываться к чему бы то ни было, тем более создавать прочные связи,— думал он.— Ничто человеческое не должно быть чуждо, но оно не должно раздавить его. Человек должен одухотворять все живое и неживое, одухотворять их в своей душе и отдавать людям, но при этом он должен рисовать реалистические картины жизни, чтобы люди видели там себя, свои недостатки и становились лучше. И критерием должна быть душа самого творца, его чувство, его видение... Значит, сам себе бог или кто-то вовне, но имеющий свое представительство в душе человека? Но, если верно последнее, уже не я творец, а тот кто-то... Голову сломать можно!..»

Бескрайнов достал записную книжку и написал все эти рассуждения, чтобы внести их в будущий роман.

«Когда же я приступлю уже к этому роману? Может, там, у бабушки...— подумал он, и перед ним всплыло лицо Анастасии, каким он видел ее последний раз у Степана Алексеевича.— Настя, Настя, вот кто мне нужен! Завести любовь с ней, а там что будет... Это должно всколыхнуть меня, дать пищу чувствам, душе и вдохновению!»

Иван снова вышел в коридор и прижался лбом к оконному стеклу. Уже была ночь, и если поставить ребром кисти рук рядом с лицом, чтобы в глаза не попадал свет, то между полустанками можно увидеть звезды, несущиеся над землей вместе с поездом и составляющие с ним одну загадочную вселенную. А когда мимо, в обратном направлении, проплывали дома с редкими огнями, то воображение, околдованное ночью, рисовало простые и теплые картины человеческой жизни. Но это все, как небыль, тут же исчезало в бесконечной ночи, где реальными были только поезд и звезды. Время растягивалось за поездом по рельсам, а Бескрайнову все не хотелось спать. В окно стал накрапывать дождь, а в голове пульсом бились мысли, и не было забытья Ивану в этот поздний час, несмотря на усталость. Все, произошедшее с ним в последний месяц, как бы толкало в спину незавершенностями, а загадочное будущее волновало и беспокоило неизвестностью, страхами, что опять все будет как всегда. Бескрайнов боялся, что лень, безделье, увлечения, отсутствие сосредоточенности и другие недостатки опять превра-

тят его желания в несбывшиеся мечты, что ничего не изменится. На смену одному часу приходил другой, а перед внутренним взором Ивана была пелена...

ГЛАВА 18

И вновь в родных местах

На вокзале в областном центре Бескрайнов взял такси прямо до самого Зареченска, не захотел трястись сорок минут в автобусе. Водитель попался неразговорчивый, и Иван задремал, благо всю ночь практически не спал.

Очнулся он, когда подъезжали к городу. Дорога шла по берегу, и была видна блестящая на солнце широкая река. Дышалось легко, как обычно бывает возле воды. Стояло утро, но над некоторыми домами уже вился дымок. Был выходной, и многие хозяйки с утра готовили обед.

А вот и родные места! За рекой ярко зеленели луга и заросшие травой поля, березы и ивы, росшие на этом берегу, ближе к дому, приобрели уже позднелетние оттенки. Выше по тропинке, среди пышного сада, виднелся родной дом с черепичной крышей, над его трубой также вился дымок. И воображение Бескрайнова тут же нарисовало вкусный и обильный обед с домашней наливочкой, после которого его непременно ждала белая постель на пышной перине...

Из калитки вышла бабушка, видимо, она высматривала внука с крыльца, а увидев такси, поняла, что это он едет.

— Ну, слава Богу! А то я уж не надеялась, что сегодня будешь. Здравствуй, здравствуй, дорогой!

— Здравствуй, бабушка! Не удалось на тот поезд билет взять, пришлось на другой, — ответил Иван, расплачиваясь.

Они обнялись, поцеловались.

— Пойдем, пойдем, думала ужином накормить, а теперь уж завтраком. — Раиса Никифоровна, отвернувшись, провела рукой по глазам.

— Да, завтрак это не ужин...

— Устал, небось, с дороги, спать хочешь?

— Да, есть маленько, не откажусь.

— Ну, и ладно, отдохнешь.

У веранды среди цветов на утреннем солнце стояла Анастасия. Сегодня ее длинные волосы были заплетены в две косы, которые спереди удачно окаймляли молодую красивую грудь под приталенным длинным голубым сарафаном. Ее глаза, как всегда, были внимательны, доброжелательны и чуть-чуть печальны. В руках было лукошко с яйцами, видимо, она шла из курятника и шум подъехавшей машины, возгласы бабушки и Ивана, остановили ее.

«Боже, мой,— подумал Бескрайнов,— родной дом, изумительная природа, близкие люди,— идиллия, одним словом. И красивая молодая женщина! — Что еще человеку нужно? Но вот я встречаюсь со взглядом ее прекрасных голубых глаз и вижу, что они немые, по крайней мере ко мне. Я смотрю и ничего не могу прочесть в них...»

— Что будешь есть, Ваня? — и она стала перечислять приготовленные блюда.— Все твое любимое приготовили!

— Бабушка, все буду понемногу, проголодался, дай только в себя прийти.— Он не мог оторвать взгляд от Насти.

А она, улыбнувшись, сделала несколько шагов навстречу Ивану, протянула ему руку, поздоровалась. Он, не отпуская руки, не отрываясь, продолжал смотреть на нее. Та посерьезнела, на мгновение опустила глаза, а когда подняла, в них можно было прочесть ум, душевную глубину и доброту, оттененную легкой печалью. Не было там только улыбки. Мягко, но уверенно отняв свою руку, она поднялась на веранду, и перед тем как скрыться в дверях, полуобернувшись, все же приветливо посмотрела на него.

«Какая красивая и одновременно серьезная девушка! Видимо, многие за ней увиваются. С такой просто так роман не закрутишь...» — подумал Бескрайнов.

— Внучок, а где отдыхать ляжешь, у себя или на веранде постелить, или на сеновале? — не унималась бабушка.

— На сеновале,— чуть подумав, ответил он.

— Бабушка, а чем Настя занимается, когда свободна?

— Уйму книг перечитала. Да, ведь она и сочиняет!

— Да, знаю... А можно ее попросить почитать?

— Отчего же, попроси...

У Ивана на душе было спокойно, тепло и светло, ничто не беспокоило, хотелось, чтобы это состояние не исчезало и продлилось вечно.

... На завтрак-обед в это утро выходного дня собрались все: Раиса Никифоровна, Иван и соседи с дочерьми. За столом царило легкое и радостное общение, какое бывает всегда в русских семьях, когда собираются свои. Были и смех, и юмор, не обошлось и без легких подкальзываний.

— Что-то случилось, Иван, что вы так быстро уехали? — спросила Тамара Ивановна.

— Дела потребовали... — нехотя ответил Бескрайнов.

— Дела у него! Деловой ты мой,— то ли серьезно, то ли шутя сказала бабушка.

— Раиса Никифоровна, ну почему у Ивана не может быть срочных дел в Москве?

— Могут, могут,— загадочно произнесла Вероника и этак заговорщицки посмотрела на Бескрайнова.

— Ну, да... конечно... Мг... — покраснел тот.

Вероника захихикала, а Анастасия слегка улыбнулась.

— Что вы шалуньи привязались к человеку?! — вступил Петр Терентьевич.— Вам-то что за дело, какие заботы?

— А что так быстро к нам, уже управились? — Вероника снова тихо засмеялась.

— Вера, что ты, в самом деле, сказано же!..

— Соскучился.— Иван благодарно посмотрел на Настю.

Это было сказано так по-родственному и так просто и естественно, что наступило короткое молчание, после которого уже никто не возвращался к предыдущей теме.

Завтрак продолжался в непринужденной обстановке, говорили о том о сем, Анастасия рассказала о школе.

— А нравится преподавать, Настя? — спросил Иван.

— Да, нравится, я люблю детей, они, как миры, загадочные и индивидуальные. И в то же время у них очень много общего. И учителя вызывают интерес. Хорошая у нас школа.

— Но вы же пишущий человек, а школа отнимает столько сил, в том числе и душевных, столько времени, даже дома! Как вы это совмещаете, как на все находите время?

— Ну, я не такая уж и пишущая... — засмушалась Настя.— Да, пишу, когда приходит вдохновение, по вечерам, по ночам иногда, выходные есть, в конце концов.

— У меня к вам просьба, почитайте свои стихи.

— Только не сейчас...

— Конечно, не сейчас,— Раиса Никифоровна положила на Настино блюдо ее любимое вишневое варенье.— Вечером соберемся и почитаем. И тебя попросим, ты ведь пишешь, Ванюша. А мы послушаем, верно? — обратилась она ко всем.— Страсть люблю стихи и песни под гитару!

— Хорошо, я с удовольствием,— сказал Бескрайнов и долгим взглядом посмотрел на Настю.

— Да,— произнесла Анастасия, не поднимая глаз, но было заметно, как легкая печаль появилась в них. Думала она, с каким удовольствием спела бы сейчас для другого человека.

— Ну, Ванюша, отдыхать! Я тебе на сеновале приготовила, как ты хотел. Правда, ты ведь знаешь, что сеновал-то у нас слово одно, но все же сено есть сено, не обессудь.

Бескрайнов прошел в сарай, упал на подстилку, на спружинившее под ним сено, и почти сразу же забылся глубоким без сновидений сном.

... Когда Иван проснулся, было уже за полдень. Через двор он прошел в комнату бабушки. Раиса Никифоровна сидела за столом и что-то записывала в большую тетрадь.

— Что, бабушка, все по хозяйству хлопочешь?

— Хозяйство порядок любит, а деньги счет...

— Ты бы в выходной хоть отдохнула!

— Скоро у Вероники осенью день рождения, нужно ей что-то подарить.

— Подарим.

— Подарим! Ты дари, что хочешь, а я подарю свой подарок! Скажи лучше, не присмотрел ли в Москве какой работы? Лето кончится, что делать будешь?

— Бабушка, расслабься! Говорили уже об этом...

— Расслабься, расслабься... Как ты что ли?

— Ну, вот опять... Не успел приехать...

— Ладно, отдыхай пока, что это я, действительно...

— Прогуляюсь, ведь соскучился по нашим местам!

Бескрайнов вышел на веранду и, еще не спустившись по ступенькам, залюбовался и садом, и беседкой, и цветами кругом, и далью за рекой. «Какая ширь, как красиво и никогда не может надоест!» — подумал он, сошел во двор и пошел по направлению к реке. Как старые добрые знакомые

встретили Ивана старая верба у тропинки и большой камень у воды. Иван вдыхал чистый свежий речной воздух, дотрагивался до деревьев, росших на берегу, иногда на несколько минут застывал, прильняв к какому-нибудь из них.

В сознании всплыло лицо Анастасии, ее глаза то чуть веселые и насмешливые, но в глубине всегда серьезные, то подернутые тихой печалью, ее молодая красивая и такая волнующая грудь под сарафаном и в обрамлении длинных и тугих кос. У Ивана гулко забилося сердце в предвкушении, что он увидит ее сегодня вечером. Бескрайнов одновременно радовался и опасался, сможет ли просто слушать ее стихи, разговаривать с ней, любоваться, как поэт и фотограф, или увлечется ею до безумия, как он это часто делал, поддавшись очарованию и не признавая никаких преград. Иван понимал, что Анастасия, хотя и молодая, но очень серьезная, и если заводить с ней роман, то непременно с семейным продолжением. Но готов ли он к этому? Или все кончится романом-увлечением с последующей близостью, постепенным остыванием и расставанием, как у него бывало всегда, и к чему он, видимо, уже привык? Бескрайнов не знал, что будет, но чувство захватывало его, ему было хорошо и тепло, жизнь становилась интересной и приобретала смысл.

«А... будь что будет!» — подумал он и пошел к роднику. У родника все также шумели березы и чирикали птицы. Но вокруг на поляне всюду был мусор после пикника. Кто-то хорошо погулял здесь, а убирать оставил другим, хотя кругом валялись большие оранжевые пакеты. Иван повернулся, и пошагал прочь.

ГЛАВА 19

«Куда бежишь, и от кого?»

А вечер удался на славу. Стояла середина июля, но была еще самая-самая летняя погода. Небо было чистым, без единого облачка и таким глубоко голубым, каким оно бывает в этой полосе России, в данное время года ближе к закату. Все радо-

вало глаз: и темно-голубая, даже синяя, вода в реке, и листва, и стволы деревьев в лучах заходящего солнца, отливавшие золотистыми и желто-зелеными красками, и темно-темно-зеленое царство, где лишь изредка поблескивали белые стволы берез — там, куда не падал солнечный свет. А где река делала изгиб, из темных береговых зарослей выглядывала вымостка для рыбалки, и на ней два рыбака, пользуясь предзакатной порой, быстро разматывали свои удочки. Все замерло перед заходом солнца, неподвижные белые кувшинки и застывшие кусты, и деревья впитывали последнее перед ночью тепло, и только одна чайка медленно парила над водой, лениво пошевеливая крыльями, словно исполняя прощальный танец перед наступлением темноты.

Среди городской зелени в лучах вечернего солнца светила высокая белая церковь, блестели ярким золотом кресты. Дома также светились каким-то особенным светом, словно старались в эту пору быть покрасивее, понаряднее. Даже столбы электропередачи по-праздничному вышагивали вдоль улиц, натягивая провода, словно струны, наверное, готовясь сыграть на них свою электрическую мелодию.

Вдоль тропинки, ведущей к реке, среди высокой травы и полевых цветов ярко голубели на высоких стеблях цветы цикория и золотились зонтики пижмы. Все цветы вечером не так, как днем, по-особому пахли, источая накопленный за день аромат. А из-за леса, что рос с другой стороны дома, снопы яркого золотисто-желто-розового света устремлялись вверх в небо и, ежеминутно меняясь, создавали неповторимую игру оттенков.

Вечер был так хорош, что стол для ужина накрыли в саду возле беседки. Он ломился от домашних разносолов, а в середине, как всегда, красовались бутылки с домашней наливкой. Видно было, что домочадцы любили иногда устраивать застолья. И, действительно, в этом присутствовал домашний, по-соседски хороший дух, столь любимый в народе, царила неповторимая семейная атмосфера. Раиса Никифоровна и Тамара Ивановна, потрудившись днем, восседали за столом и только расставляли посуду и блюда, что приносили из дома говоруньи и хохотуньи — Анастасия и Вероника. Да, да, мы не оговорились. Видно, вечер повлиял на Настю, она была сейчас более весела и разговорчива.

— Хохотушки, не забудьте рюмки! — кричала им вслед Раиса Никифоровна.

— А вот забудем, из чего пить будем? — смеясь, стихами отвечала ей с веранды Настя.

— Забудем и не будем! — вторила ей сестра.

— Вот я вас, проказницы! — сказала, улыбаясь, бабушка.

— А вот и Иван! — Петр Терентьевич встретил его широким рукопожатием. — Как прогулялся?

— Очень красивые места и вечер необыкновенный.

Наконец все уселись. Петр Терентьевич разлил по рюмочкам наливку. И первый тост, по обычаю, прозвучал в честь приехавшего.

Ужин на воздухе, под небом, в кругу своих, вкусная еда, наливка и доброе, непринужденное общение сделали свое дело — душевный праздник, какой редко посещает в суете, в постоянной беготне и заботах, почувствовал Иван. Внутренним взором он посмотрел на это свое состояние и с недоверием подумал: «Надолго ли? Но все равно хорошо!»

Бескрайнов все глядел на Настю и любовался красотой молодой женщины, ее жестами, мимикой, позой, всем, что исходило от нее. А она излучала нечто такое, чему он еще не нашел определения. И это более всего интриговало Ивана.

— Настя, почитай нам свои стихи, — наконец, сказал он.

Анастасия выпрямилась на стуле и, глядя вверх голов куда-то вдаль, стала читать:

Не парить, не мечтать, не смотреть?

Научиться всего не хотеть?

Научиться сидеть и лежать?

Отучиться бежать,

Отучиться летать,

И страдать, и кричать,

И даже любить?..

Но зачем тогда жить?!..

— Хорошо, очень хорошо! — воскликнул Бескрайнов. — Как это мне близко!

Анастасия повернула к нему голову и внимательно посмотрела на него.

— Еще, еще, Настя! — в один голос воскликнули Раиса

Никифоровна и Вероника.

— Стихотворение называется «Миражи»:

*Весна тонколикая
Зыбкой вуалью
Покрыла все близкое
Снов пасторалью.
И сладко так грезится
В токе предчувствий.
И нового месяца
Импульс безумствий.
Наверно, проклонется,
Что-то проявится...
Но та же все улица,
Та же лукавица.*

Бескрайнов со все более возрастающим интересом смотрел на Настю. Ей безусловно нравился интерес Ивана, но в то же время она чувствовала внутри некую незримую преграду, стену, отделявшую от него. И чем больше тот проявлял интерес к ней, тем толще становилась эта стена.

— А хотите еще, вот про таланты?

— Конечно, Настя,— не отрывая взгляда, сказал Иван.

*Вот немножко посижу,
Вот немного подремлю,
Вот немножко полежу,
Вот немножечко посплю...
Иногда чуть-чуть, подчас,
А порой всю жизнь твердим.
И приходит в судный час
Отрицательный вердикт...
Где бы времени занять,
Хоть немного, хоть денек,
Повернуть теченье вспять,
Отодвинуть дальше срок?...
Но у времени закон,
Не вернуть уж дней ушедших,
Не поправить дел прошедших.
Нас выводит смерть за кон.*

*Там Отец ведет опросы,
По талантам и вопросы...*

— Верно, верно, Настасья.— Раиса Никифоровна обняла ее за плечи, притянула к себе и поцеловала.

— Ну, а вы почитаете свое? — прикинув к бабушке, спросила Анастасия у Бескрайнова.

— Ой, да я уже... давно... Ну, отчего ж... можно... Только вот, могу сбиться... не обессудьте,— начал тот.

— Ваня, что ты? Тебя женщина просит, почитай, сам говорил, что пишешь! — не выдержала Раиса Никифоровна.

— Ну, слушайте...

— Не нукай, не запряг!

— Раиса Никифоровна, не смущайте молодого человека! Он и так стесняется...— вступилась Тамара Ивановна.

— Нет-нет, все нормально... Сейчас...

Иван не смущался и не боялся, нет, он не хотел одного — зависимости от чьего-то мнения. Бескрайнов был сторонником искусства, прежде всего, в себе, искусства для души. Что касается других, то он, как всегда, хотел перепрыгнуть весь процесс, стать уже известным, уважаемым, слово которого все ловят с нескрываемым вниманием и почтением и не обсуждают. А тут будут судить, будут оценивать, обсуждать, иметь свое мнение... Вот этого Иван терпеть не мог! Но, что поделаешь, «назвался груздем, так лезь в кузов»...

*Бегу бессмысленно который год подряд
Все дальше от тебя, все ближе к краю.
Толкает в спину беспощадно взгляд.
Твой это взгляд? Наверное... Не знаю.**

*Глаза зажмурился, улетаю тенью
Туда, где ночи нет и дня,
И мыслей нет, и чувств,
И ощущений... Нет ничего...
Я там — где нет меня**.*

---

* Стихотворение Олега Туманова «Взгляд». Сайт «Стихи.Ру».

** Стихотворение Олега Туманова «Туда». (Там же).

— Куда это ты бежишь, Ваня, и от кого, а? И к какому краю? — испуганно проговорила бабушка. — «...Где ночи нет и дня, и мыслей нет, и чувств...» — это смерть что ли?

— Раиса Никифоровна, это такие образы, иносказания, чистая поэзия, одним словом, — вступилась Вероника.

— А я так скажу: вот Настины стихи понимаю, они ложатся на сердце. А ваши Иван... ну, не обижайтесь... — наконец, подал голос Петр Терентьевич.

— Да, нет, Петр, хорошие стихи, чем-то напоминают начало двадцатого века, — парировала Тамара Ивановна.

— Это лирический герой, да? — Настя взглянула на него.

— Да... конечно... лирический... — Бескрайнов покраснел, произошло то, что он более всего не любил. — Извините, что-то устал...

Начиналась обычная в таких случаях депрессия. Иван знал, во что это выльется. Неделю-две его будет мутить от одной только мысли о каком бы то ни было сочинительстве. Он встал, и, не прощаясь, пошел к себе в комнату.

ГЛАВА 20

Страсть Быстрова

Виктор Анатольевич Быстров проснулся с твердым намерением объясниться с Анастасией. Эта молодая и очень талантливая девушка давно пленила его. Вначале старый ловелас пытался соблазнить ее, как он обычно поступал со многими девушками — членами литобъединения. Но с ней у него ничего не получилось. Тогда Быстров стал, между делом, ухаживать за Настей. Это длилось три года, и к своему стыду он вынужден был однажды признаться себе в несостоятельности.

Но последнее время Анастасия буквально не выходила у Виктора Анатольевича из головы. Смешно сказать, но он не спал ночами, думая о ней.

Быстров был женат, имел, как мы знаем, двух взрослых детей-студентов — сына и дочь. С женой они жили чисто

формально — между ними давно уже ничего не было, да и разве что-то могло быть при таких неужерчимых его увлечениях,— создавая видимость семьи, не для себя, а для детей и окружающих. Но сейчас с Быстровым происходило нечто для него из ряда вон выходящее. Может, это была страсть необыкновенной силы или любовь, от которой, он знал, многие теряют не только голову, но и состояние, а порой и жизнь? Так или иначе, Виктор Анатольевич не мог ничем заниматься, к удивлению жены потерял всякий аппетит, впал в протрацию, ничего не писал и занятия в литобъединении проводил кое-как.

И вот сегодня, бессонной, какой-то на редкость синегуброй, ночью, бродя по улицам, он принял окончательное и бесповоротное решение объясниться с Настей. С этой целью поспал часа три, сделал зарядку, облился холодной водой, чего с ним уже давно не случалось, на скорую руку, чтобы не пересекаться лишний раз с женой, позавтракал и, надев самый модный костюм, направился к дому Анастасии.

... Было десять часов утра, но Быстров знал, что у Насти нет сегодня уроков в школе, поэтому уверенно нажал кнопку звонка. Как он и предполагал, Настя была дома.

— Виталий Анатольевич, что это вы?

— Вот зашел поведать, а заодно поговорить нужно по очень важному делу,— немного смущаясь, что ему было явно несвойственно, проговорил Виктор Анатольевич.

— Ну, проходите, раз пришли.

— Спасибо.

Они прошли в гостиную.

— Только вот мне нечем вас угостить. Вчера был ужин по случаю приезда Ивана Анатольевича, все поели. А нового еще ничего не приготовили пока. Чаю будете?

— Ничего, ничего... Есть не хочу, спасибо... Так он опять приехал? Дела-а-а... А от чая не откажусь.

— Сейчас поставлю, а вы пока присядьте,— сказала Анастасия и вышла на кухню.

Давно не испытывая такого волнения, Быстров сел на диванчик рядом со столом. «Ну, прямо как на первом в жизни свидании»,— подумал он.

Время летело вскачь. Казалось, не прошло и минуты, когда вернулась Настя. Виталий Анатольевич, забыв все лове-

ласные приемы, вскочил, подошел и дрожащими руками попытался взять поднос с чайными приборами из ее рук.

— Виталий Анатольевич, ну, что вы? Уроните так, смотрите, куда вы? Я сама, у вас и руки дрожат!..

— Ничего, ничего, это я так...

Анастасия, отстранив его, поставила поднос на стол и спокойно посмотрела на Быстрова.

— Виталий Анатольевич, вы не в себе. У вас что-то случилось?

— Стучилось, Настя!

— Серьезное?!

— Да, очень!

— Рассказывайте, Виталий Анатольевич!..

— Настя, я тебя люблю!

— Боже мой!.. Вы, как всегда, издалека. Говорите сразу, что случилось?

— Вот это и случилось! Я без тебя жить не могу, Настя!

— почти прокричал он и сделал шаг к ней навстречу.

— Виталий Анатольевич, вы в своем уме?..— Настя, оторопевшая от неожиданности, отступила назад. О, сколько бы она отдала, если бы такие слова услышать от дорогого ей человека, лицо которого сейчас предстало перед ней.— Я вас уважаю и ценю, но... Да это все кажется, это все творческое воображение!.. Наверное, назревает у вас хороший роман, и нужно уединение месяца на два-три, чтобы он сложился в своей основе...

— Настя, что вы такое говорите,— еще сильнее разгорячился Быстров, но почему-то перешел на «вы».— Слышите меня? Я вас люблю, Настенька!

— Нет, это что-то из ряда вон...

— Я не могу без тебя жить! Разведусь! Да мы уже и так почти разведены. У меня есть еще квартира в нашем городе, будем там жить. Буду тебя на руках носить, ни в чем нуждаться не будешь! Работу оставишь. Какая работа? — Будешь писать, все опубликую, у меня связи, ты знаешь. Все для тебя сделаю, только скажи. Выходи за меня, Настя, моя любовь!

— Вот дела...— Анастасия как-то поникла и, немного помолчав, сказала.— А вы спросили меня, люблю ли я вас?

— Настенька, главное, что я тебя люблю!

— Нет, Виталий Анатольевич, это еще не все! Мне нужно, чтобы и я любила.

— Может, тебя смущает мой возраст?

— Возраст ваш, конечно, великоват, но не это меня останавливает.

— А что же? Может мои убеждения?

— Да, я знаю ваши убеждения. Вы поклонник западной культуры, сторонник всего западного, считаете, что все, что есть в России ценного, оттуда. Так Виталий Анатольевич?

— Ну, да, да... Я — демократ, либерал... Но какое это имеет отношение к моему предложению?

— В общем, никакого, но даже если двое любят друг друга, то и совпадение взглядов им не помешает.

— Какое отношение имеют взгляды к любви, Настя?!

— Виталий Анатольевич, вы меня удивляете. О какой любви вы говорите? То, что я слышу и вижу, это не любовь, а страсть. Но такая любовь меня не интересует.— Анастасия, и впрямь, ощущала исходящее от Быстрова, как нечто большое коричневое и неприятное.— И даже если бы это были не вы, она мне не нужна в любом случае! Вы знаете, я человек серьезный.

— А что же тогда, по-твоему, любовь?

— Я считаю, что в основе должна лежать дружба, а она невозможна без психологической совместимости, без взаимопочтения, и здесь немалую роль играют и убеждения, и далеко не только политические...

— А мы с вами разве не дружим? — сказал, снова переходя на вы, Быстров.

— Какие же мы с вами друзья, Виталий Анатольевич?

— Мы же с вами столько говорили...

— Друзья не разговорами сильны, они могут почти не разговаривать и быть закадычными друзьями... Вот когда есть дружба, и тянет друг к другу физически, это, я считаю, основа основ для крепкой любви и создания семьи. И возраст здесь ни при чем, ну, конечно, в пределах допустимого... А у вас, Виталий Анатольевич, просто страсть, самая обыкновенная страсть.

— Настя, давайте начнем дружить!

Анастасия мягко рассмеялась и посмотрела на Быстрова

Психологический роман

так, как будто перед ней стоял не пятидесятипятiletний солидный мужчина, а маленький несмышленный ребенок.

— Виталий Анатольевич, вы милый человек,— смягчила она свой отказ,— но разве можно начать дружить, это должно возникнуть естественно.

— Вы сказали, Настя, про какие-то убеждения...

— А вы верите в Бога, Виталий Анатольевич?

— В Бога?! Настя, вы же современная молодая просвещенная женщина! И вы мне говорите о вере в некоего дедушку с бородой на облаках?!

— Вот видите, какая между нами пропасть! Я верю не в «дедушку», а в то, что есть Бог, который есть Любовь и Справедливость, и что ни одна мысль, ни одно слово, ни один поступок не проходят для нас бесследно.

— Какой ретроград вам это все внушил, Настя? Человек и есть бог! «Я мыслю, значит, я существую!» Человек сам строит свою жизнь и творит свою судьбу, а не какой-то «дядя», ну, ладно, ладно, Бог... А все есть только случайное стечение обстоятельств. И люди отличаются только своей психологической силой, силой духа, если хотите. Преодолеет или не преодолеет трудности и влияние других людей. Победил, значит, король, проиграл — раб. И значение имеет только то, что здесь и сейчас... Но я вижу вы не согласны...

— Нет, можете говорить, это ваше право, я не могу запретить. Но вы правильно заметили,— не нравится мне это. Поэтому, с учетом сказанного мною, делайте выводы, Виталий Анатольевич.

— Значит, нет, Настя?

— Если вы про ваше предложение, Виталий Анатольевич, то нет...

Быстров кивнул головой и, не глядя на Анастасию, вышел из комнаты.

Как-то молодой ангел спросил: «Что есть Истина для человека?» — «Это то, что делает его Человеком, — ответил наш Ангел, — что делает мироздание совершеннее, что кажется на первый взгляд упрощением, но на деле избавляет его от хаотичных проявлений». — «А как человеку найти путь к Истине?» — «Истина одна, однако путей к ней — сколько людей, ибо у каждого свой путь. Как сказал мудрец: «Звезды светятся для того, чтобы каждый рано или поздно смог отыскать свою» — «Но как распознать человеку, на правильном ли он пути? Ведь у многих перед глазами — нелена». И потом Ты, Учитель, говорил, что невозможно анализировать и размышлять без духовной основы...» — «Правильно. Но еще Ориген учил: «Глазами сердца смотри». О том же говорил и пламенный проповедник сострадания и любви преподобный Сергей Радонежский. Это сродни чувству, будто у двери, находится задушевный, бесценный друг, и вот сейчас он войдет». — «А как же быть человеку с темными, которые стараются изо всех сил скрыть, извратить информацию, мысли и чувства, обмануть его?» — «Здесь большое значение имеет жизненный опыт. Ведь моряк не проявляет интереса к верхним слоям воды, его интересует глубинное течение. Человеку необходимо успокоить эмоции, и тогда в душевном покое он услышит единственно реальный голос Истины — голос своего сердца, своего внутреннего Солнца. Подлинно тьма — это возмнившая о себе тень. Но этот обман исчезает с восходом Солнца. И тень занимает положенное ей место. А далее необходимо сохранять полную преданность Истине, закалять в себе самостояние в Ней, основанное на абсолютном бесстрашии, чести и правдивости. И в этом ему неизменно будет помогать неизбывная — что бы ни случилось — радость бытия» — «Благодарю, Учитель!» — сказал молодой ангел.

ГЛАВА 21

Бескрайнов решает приступить к роману

Поспешно выходящий со двора Быстров столкнулся у калитки с Бескрайновым, торопливо поприветствовал его и неопределенно махнул рукой. Иван посмотрел ему вслед и вошел на половину бабушки. Она сидела у окна и читала книгу.

Бескрайнов тихо прошел к дивану и, молча, сел. Через некоторое время Раиса Никифоровна оторвалась от книги:

— Все думаешь?

— Хочу писать роман! Сегодня гулял, и много интересных мыслей посетило меня. Вот, например, хорошо было бы включить в него историю нашей семьи — моих предков, ну, хотя бы начиная с прадедов.

Бабушка отложила книгу и долгим пристальным взглядом посмотрела на него.

— Эко махнул!..

— А почему бы и нет... И ты в этом, бабушка, мне очень можешь помочь.

— Ну что ж...

— Ты не против, если мы приступим прямо сейчас?

Иван достал из кармана пиджака блокнот и ручку и попросил бабушку подробно рассказать о своем прадеде и других родных. Раиса Никифоровна сама, видимо, заинтересованная предстоящим, утвердительно кивнула головой и стала рассказывать:

— Бабушка моя, Елена Петровна, говорила, что дед, Николай Львович, колебался тогда в 1918-м — остаться или уехать. Он очень не хотел уезжать из России, но боялся за жизнь свою и членов семьи. Единственное, что достоверно известно, он не хотел воевать против народа, поэтому речь шла только об отъезде за границу. А убили его по-глупому, во время облавы на каких-то жуликов случилась перестрелка, и пуля попала ему прямо в сердце.

— Очень интересно, человек не мог остановиться на при-

нятии какого-то решения, а судьба сделала так, что он остался в родной земле. Кстати, а могила его осталась?

— Да, могила цела, можем сходить как-нибудь.

— Скажи, прадед был дворянин?

— Да.

— А его жена, ты говорила, так всю жизнь и проработала простой учительницей в школе?

— Совершенно верно, Елена Петровна после революции занялась тем единственным, чем могла, так как, кроме прекрасного знания русского языка и литературы, других знаний она нигде не могла получить, ибо, выйдя замуж, рано стала матерью. Она всю себя отдавала детям и дома, и на работе. А в двадцатые годы окончила учительские курсы.

— Ты говорила, что она происходила из семьи уездного врача. Она была дворянка?

— Нет, не дворянка, их род шел от одного купца, по моему, из староверов, но уже не помню ни как звали, ни фамилии. А какое это имеет значение — дворянин, не дворянин, царский офицер, не царский? Среди дворян и царских офицеров такие попадались свиньи и сволочи, что мало не покажется. Бабушка мне много чего рассказала, после Отечественной войны, когда была на пенсии. Важно, Ваня, не происхождение, а то, какой это человек, какого духа он, какова душа у него и ум!

— Согласен, моя дорогая бабушка, согласен! — воскликнул Иван и, подойдя к ней, обнял и поцеловал. — Но все же приятно осознавать, что ты более чем наполовину дворянин. Ведь мой покойный отец был чистокровным дворянином, хотя это всячески скрывалось.

— Блажь все это, Ваня, чистой воды блажь, поверь мне. И мой тебе совет, не зацикливайся на этом. Вот посмотри, Анастасия из чисто крестьянской семьи, ее прадеды были простыми мужиками, может быть, даже и из нашей деревни, а какова она, а?! Не чета многим! Да и Тамара Ивановна с Петром Терентьевичем очень умные и интеллигентные люди. Вот так!

— Хорошие люди, ты права, бабушка. А Анастасия прямо из тургеневского романа!

— Ну, уж ты и скажешь — из романа! Да роману-то тургеневскому до нее далеко!

— Далеко, далеко, бабушка, а моему роману близко!

— Ах, ты, проказник! Ты напиши сначала, а мы посмотрим...

В комнату зашла Анастасия. Она была немного бледна, задумчива и словно не в себе.

— Настенька, ты бы прогулялась, смотри, какая погода хорошая стоит! — сказала Раиса Никифоровна.

— А что, Настя, почему бы нам, и вправду, не прогуляться? — встрепенулся Бескрайнов.

— Только, пожалуйста, без каких-либо серьезных разговоров, — поморщившись, ответила та.

Иван удивленно поглядел на нее, но ничего не сказал. Они поднялись и вышли во двор.

Погода, действительно, стояла чудесная. Шел пятый час вечера, было не жарко, хотя и достаточно тепло. Иван на веранде надел соломенную шляпу, а Анастасия была в длинном ситцевом платье и с белой широкополой шляпой на голове. Выглядели они сейчас так, будто точно сошли со страниц романа девятнадцатого века.

— Мне очень понравились ваши стихи, Настя, — сказал Бескрайнов, легко касаясь ее локтя.

— Во-первых, Иван, вы слишком большое значение придаете моим стихам, а, во-вторых, вы же обещали!..

— Молчу, молчу...

У реки все было по-прежнему, она спокойно катила свои воды, деревья, в этот безветренный вечер, стояли, не шелокнувшись. Все вокруг несло покой и умиротворение.

Анастасия повела Ивана к роднику. На реке загудел пароход, словно приветствуя тех, кто на берегу, и снова наступила тишина.

— Ах, какое чудо эта река и все вокруг! — воскликнула Анастасия. — Можно стоять и смотреть, и больше ничего не нужно, все есть в этой природе: в воде, небе, деревьях, траве, цветах и птицах! Ну, что еще нужно для счастья? Посмотрите, Иван, какие переливы одной и той же зеленой краски! Как природа может одной краской создать такую богатую палитру? А какова вода, как она играет на солнце! И в разных местах по-своему, совсем не похоже. А вот зеленая глубина, а вот брызги, вот радуга, или, смотрите, вдали вода переходит в небо. А само небо! Вот темная голубиз-

на,— какая глубокая! — а дальше к горизонту светлее и светлее, весь спектр голубого. А на горизонте уже розовее. А что будет на закате! Как я люблю наблюдать закат на реке, прелесть, что за закаты! Художник может только повторить, с той или иной степенью похожести, всю эту красоту, поэт может только выразить, всколыхнувшее его душу. Но создать такую красоту человек не в силах! Боже, как чудесно все!

— Настя, Настенька, какая вы прелесть!

Анастасия вдруг как бы опомнилась, покраснела и быстрым шагом пошла по тропинке к дому.

ГЛАВА 22

Запросы ребенка из детской песочницы

А дома ее ждал Виктор Анатольевич. Они с Раисой Никифоровной о чем-то беседовали на веранде. Увидев Настю, Быстров, забыв все приличия, повернулся к ней всем телом, оборвав разговор с Раисой Никифоровной на полуслове.

— Настя!..

— Что вы опять, Виктор Анатольевич?! Мы же с вами только сегодня виделись и даже разговаривали...

— Настя, я совершенно забыл сказать! У меня есть два билета в театр, там сегодня премьера, и я приглашаю вас!

— Виктор Анатольевич, это так неожиданно... Я не готова...

— И готовиться не нужно. Вы всегда в полном порядке, Настя! А для всяких пустяков у нас еще целый час времени.

— Умеете вы уговаривать! — Анастасия засмеялась, у нее было так хорошо на душе, и совершенно не хотелось сейчас, после такой прогулки, такой красоты и положительных эмоций идти в театр, к тому же неизвестно, что там за пьеса. Но она не хотела обижать Виктора Анатольевича,

руководитель все-таки. Да и по серьезному вопросу она ему сегодня отказала, пусть совместный поход в театр будет для него небольшой компенсацией.

— Ладно, Виктор Анатольевич, я сейчас.

Вернулся Бескрайнов, он немного задержался на берегу, удивленный резким уходом Насти.

— Здравствуйте! Виктор Анатольевич, кажется, если не ошибаюсь?

— Да, да... У вас хорошая память, молодой человек!

Наступило молчание. Все оставались на веранде, но каждый думал о своем. Через некоторое время из своей половины вышла Настя в нарядном вечернем платье.

— Ну, я готова, Виктор Анатольевич, ведите!

— А, если не секрет, куда? — неожиданно бесцеремонно спросил Бескрайнов.

— Иван, мы с Анастасией идем в театр, — суховаато и немного напыщенно произнес Быстров.

— Давненько не был в театре, можно с вами?

От такой наглости даже Анастасия опешила.

— Нет, нет, Иван, мы с вами сходим следующий раз...

— Понятно, понятно... Ну, в добрый час!..

— Не обижайтесь.— Настя прикоснулась к его локтю и тепло посмотрела в глаза.

Но неожиданно это произвело на Ивана противоположное действие. Вместо того, чтобы успокоиться, — подумав, пустяк: девушка идет в театр с пригласившим ее человеком, тем более руководителем, что здесь такого? — он разволновался. «Ага, там, на берегу, после моего полупризнания она вдруг повернулась и побежала, будто ей стало очень неприятно, а сейчас уходит от меня в театр со стариком!... Понятно, понятно... Значит, я ей не нравлюсь или она за что-то предпочла его мне, молодому!» На Бескрайнова мгновенно навалилось все подспудно дремавшее в глубинах подсознания и связанное с ранними и затяжными неудачами в отношениях с противоположным полом. Это было выше его сил, какая-то черная и тяжелая туча заполнила его сознание, отключив здравую логику, сердце бешено забилося, он ощутил во всем теле мелкую дрожь, и как-то мерзко засосало под ложечкой. Ивану захотелось тут же многое сказать, но он не находил слов. Не в силах выдержать этой

атаки подсознания, Бескрайнов повернулся и буквально выбежал за калитку.

— Что это с ним? — спросил несколько опешивший Виктор Анатольевич.

— Да так, ничего, устал, наверное, пошел погулять вдоль реки, его от красот наших и за уши не оттащишь,— выручила Раиса Никифоровна.

— Это я убежала, потому он так рано вернулся, а то бы еще долго ходил,— подтверждая ее слова, сказала Настя.

— Вы, Настя, и от него убежали? Вот как?..— многозначительно произнес Быстров.

— Ты убежала? — заинтересовалась и бабушка.

— Ну, что вы, в самом деле, оба?..— Настя покраснела, но быстро справилась со смущением.— Так мы идем или не идем, Виктор Анатольевич?

— Идем, конечно, идем! — бодро сказал воспрянувший духом Быстров.

... Пьеса была испанского драматурга, с довольно живым сюжетом и с упором на психологию межличностных отношений, в двух для контраста взятых слоях общества одной из южноамериканских стран. Главный герой — солидный бизнесмен — просто очаровал Виктора Анатольевича.

— Смотрите, Настя! У нас бы побольше таких солидных и богатых людей! — эмоционально шепнул он ей.

— А чем он так солиден? Состоянием, одеждой, как говорит?.. Но к чему он стремится, каковы его намерения?

— Как к чему? Ну, приобрести яхту новую...

— То есть очередную новую игрушку! Мелковато, Виктор Анатольевич! Вот если бы железную дорогу до большого города построил. А то бедняки из поселка при его заводе на битком набитых автобусах добираются...

— Настя, это же так приземлено...

— Нет, Виктор Анатольевич!..

Но на них зашикали, и они замолчали. Однако по лицу Быстрова было видно, что он не согласен с Настей.

В антракте Виктор Анатольевич с Анастасией продолжили свой диалог.

— Настя, ну, вы опять о духовности... Что же плохого в том, если все станут обеспеченными и будут покупать себе все, что они захотят?

— Ничего, я думаю, в этом плохого не будет. Но это общие слова. В этом поселке много бедных людей, как вы думаете, они смогут разбогатеть?

— Нужно стремиться, работать и, главное, предпринимать!

— А я думаю, что пока их опекает такой ребенок, как этот бизнесмен,— как его, Хосе, кажется,— у них не будет шансов не только разбогатеть, но даже улучшить свое положение. Виктор Анатольевич, я, конечно, многого не знаю и, может быть, чего-то не понимаю, но, думаю, чтобы дети были целы, сыты, одеты и имели средства для жизни, у них должны быть серьезные родители, по своей сути взрослые, а не с запросами ребенка из детской песочницы!

Быстров замолчал, то ли не зная, что ответить, то ли не желая больше спорить. Наступила неловкая пауза. Он явно не ожидал такого интеллекта у этой молодой женщины. В литобъединении они на эти темы никогда не разговаривали, а просто общаться им не доводилось. «Откуда у нее такие мысли? Кто ей их внушил? Нужно будет выяснить как-нибудь»,— подумал он.

После окончания спектакля Быстров предложил Насте проводить ее, пройдясь пешком до дома.

— Скажите, Настя, а кроме нашего объединения, вы где-то еще занимаетесь?

— Нет, мне вполне хватает работы, ЛИТО и творчества.

— А раньше, когда еще не работали?

— Да, нет... а почему вы спрашиваете?

— Вы меня просто сразили своим умом, это вдобавок к тому, что я уже окончательно сражен вашей красотой и своим чувством к вам!

— Виктор Анатольевич, вы опять за свое?

— Я ни о чем и ни о ком больше не могу думать, Настя!

— А где тут остановка, я, пожалуй, сяду на автобус...

— Все, больше ни слова, Настя...

Некоторое время они шли молча. Но любопытство Быстрова все же взяло верх, и он спросил:

— Настя, а у вас на дне рождения из приглашенных все были?

— Нет, не было Степана Алексеевича Боброва, да вы его, наверное, не знаете.

— Почему же, почему же, даже очень хорошо знаю,— с значением произнес Быстров.

«Так вот откуда ветерок дует,— подумал он.— Ну-ну...»

Остаток пути они прошли молча. У калитки Виктор Анатольевич быстро схватил руку Анастасии и, прижав ее к своим губам, стал целовать. Настя вначале от неожиданности замерла, однако потом мягко, но уверенно отняла руку.

— Виктор Анатольевич, какой же вы шалунишка.

Это слово шалунишка было сказано с такой интонацией, что Быстров понял, что шансов у него пока никаких. Легко, по своему обычаю, поклонившись, он, немного ссутулившись, пошагал по переулку.

ГЛАВА 23

«Нет веры, нет силы...»

Бескрайнов быстрым шагом ушел далеко по берегу реки, потом вернулся и долго ходил по улицам. Он курил одну сигарету за другой, но успокоение все не приходило. В голове то мелькали прошлые картинки различных неприятных моментов, в основном связанных с неудачами на личном фронте, то лицо Анастасии в разных ситуациях, то этот Виктор Анатольевич. Как-то так получалось у Ивана, что, когда у него возникало что-то серьезное, все тут же рушилось. Вот и сейчас, не успев двух слов сказать, и тут же выясняется, что Настя принадлежит другому. И кому? Человеку, который старше его почти в два раза!

Голова гудела от сигарет, в глазах мелькали красные пятна, Бескрайнов незаметно выкурил половину пачки. На одной из улиц его взгляд упал на небольшой ресторан, и он, не задумываясь, нырнул в дверь. На это раз, изменив своему обычаю пить пиво, он заказал графин водки.

Когда Иван справился с водкой,— то ли закуска была очень легкой, то ли было выкурено много сигарет,— но он, крепкий к спиртному, сильно захмелел. Все плыло перед

ним, и только два образа — Анастасии и этого: «Как его? Ну, да бог с ним!» — четко зависли в его мозгу и никуда не хотели уходить. Ведя с ними бесконечный внутренний диалог, Бескрайнов, пошатываясь, бродил по вечернему городу, чтобы выветрился лишний алкоголь.

Как очутился перед калиткой бабушкиного дома, Иван не помнил, на какой-то отрезок времени сознание его отключилось, и он шел, как говорится, на автомате. Такое с ним раза два в жизни уже происходило. Бескрайнов попытался умыться водой из бочки, но она была теплая, и он, фыркнув, прошел к себе в комнату. Через некоторое время из-за двери раздавалась игра на гитаре и пение.

Раиса Никифоровна, обрадованная, что внук, долго отсутствовавший, вернулся, и удивленная его несколько странным поведением, заглянула в дверь. Но то, что она увидела, шокировало ее. Иван сидел, развалившись в кресле, положив ноги на стол, в руках у него была гитара, на которой он самозабвенно играл.

— Ах, Настя, А-на-а-ста-с-и-и-и-я!.. — пел он одни и те же слова, прикрыв веки и нахмутив брови.

В комнате столбом стоял сигаретный дым и на столе в пепельнице, полной окурков, дымилась очередная сигарета.

— Ты что это с собой делаешь, Ваня?

— Как видишь, бабуля, пою романс!

— Сочинил что ли, наконец?

— Со-чи-ня-ю, — почему-то по слогам произнес Бескрайнов.

— Что-то случилось?

— Все нормально... Ни-че-го не случилось, бабушка!..

— Но я же вижу — что-то произошло...

— Ты ничего не видишь... — засмеялся Иван пьяным смехом. — Ровным счетом ничего не произошло... За исключением ма-а-а-ленького пустячка.

Слово «пустячок» он произнес как-то особенно и при этом воззрился на Раису Никифоровну.

— Бабушка, — после небольшой паузы сказал он. — Почему ты ничего не сказала мне, что Анастасия занята?!

— А кто тебе сказал, что она занята?

— Ну, бабуля!.. — он, пьяно улыбнувшись, хитро посмотрел на нее. — Я, что, слепой, по-твоему?

— Ваня, ты вроде и зрячий, но слепой. Скажи мне, зачем ты напился? И убери, наконец, со стола ноги! — не выдержав, прикрикнула Раиса Никифоровна.

Бескрайнов ту же подскочил в кресле и убрал ноги со стола.

— Вот напился...— уже как-то спокойно и печально констатировал он.

— Зачем же ты так?

— Да я немного...

— Много раз понемногу — и вот результат... Дурачок ты, никого у нее нет!

— А, этот, как его?.. Ну, который, это?..

— Виктор Анатольевич что ли?

— Он самый...

— Ты что с ума сошел? Точно рехнулся, Ванюша... Да невооруженным глазом видно, что у нее к нему ничего нет!

— Мало ли...

— Ни мало, ни много, вот те крест! — И она перекрестилась.— А то, что она пошла с ним в театр, так он же ее руководитель, неудобно было отказать, тем более, что они по литературной части оба.

— Могли и меня пригласить, я тоже вроде по той же части,— снова пьяно смеясь, произнес Иван.

— Кто должен был тебя пригласить? Виктор Анатольевич, который пришел с билетом для Насти, или Настя, которую пригласили? Ну, мог бы сказать, что ты тоже хочешь пойти с ними, а билет купишь в кассе. Они бы не отказали тебе. А ты взял и убежал...

— Я не убежал, а ушел...

— Да уж, видно было, как ты ушел...

Бескрайнов ничего не ответил, и сидел, понурившись.

— Ладно, Ванюша, давай будем отдыхать, уже поздно, завтра поговорим, хорошо?

— Да, пожалуй, бабуля, завтра, я сегодня сильно пьян,— проговорил он.

— Пьяный, пьяный, а вижу, что все слышишь и понимаешь. У пьяного душа наружу выходит, все понимает... Ну, отдыхай, отдыхай, устал, поди...— сочувственно вздохнула она и пригладила вихор на его голове.— Спокойной ночи!

— Спокойной!

... Днем Раиса Никифоровна снова зашла к внуку. В комнате было убрано, а сам Иван аккуратно одетый, сидел у окна. «Ревнивец, ревнивец... А сам с женщинами любит покрутить»,— продолжала она внутренний диалог с внуком — всю ночь думала о нем.

Тот, взглянув на нее, опустил голову.

Раиса Никифоровна глядела на внука и думала: «Каждому в жизни дается одному ему предначертанная стезя, но если человек, не видя ее, собьется на другие стежки-дорожки, заблудится и будет долго плутать, то может так и не выйти на свою. Так и со способностями: есть талант, живи им, развивай, работай и Бог накормит и все обустроится, и любовь будет, и семья, и все. Ну, а кто игнорирует талант и способности или прождал время, думая, ну, вот еще немного погуляю, а потом займусь, и прозевал момент, когда улетел талант, как птица из открытой клетки, тот должен сам себя винить, а не других. Вот и Иван, как ни жаль, похож на такого скоро будет...»

— Ну почему мне не везет, бабушка?! — вдруг громко спросил Бескрайнов.

— Сам виноват, Ваня. Что-то в тебе самом не так. Просмотри свои отношения с женщинами, дал, наверное, повод обвинителю рода человеческого. Бог простит, когда человек признает свои ошибки, покается и изменится.

— Опять! И ты о том же...

— Ну, а как, Ваня, иначе? А тот, кому снова тяжело, не исправился, значит, не пересилил себя, слабым оказался, веры нет. Да какая в тебе вера?.. О чем это я?

— Нет веры?.. Может быть, ты и права, что обо мне так думаешь...

— В Бога ты не веришь, хоть бы идея какая была, система... Так у тебя никакой веры ни во что нет, Иван! А нет веры, нет силы... Но с силой, какую дает Бог, никакая другая сила не сравнится!

— Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас уверовал?..

— Вот, смотри, ты сейчас как бы упал, а разве тебя кто-то ронял? Нет, ты сам себя повалил изнутри!

Бескрайнов с интересом посмотрел на бабушку. Никогда она с ним так не разговаривала. «Разумно! Наверное, в чем-то она права, нужно будет на досуге все обдумать...» — ре-

шил он.

— Почему же так происходит? Может, это судьба такая?

— Судьба, судьбой, а человеку нехорошо «спать» в жизни, он должен соображать и двигаться, работать сообразно тому, что получил свыше!

— Вот вчера я долго не спал и все двигался, и двигался — всю ночь... — Иван улыбнулся.

— Тебе бы все смеяться!

Бескрайнов поднялся с кресла, как-то неуклюже подошел к бабушке и поцеловал в щеку.

«Что происходит? — думал он. — Я хочу всех любить, быть добрым, но фактически не люблю никого, не верю никому. Вот и вчерашнее, нужно признать, есть подтверждение этому. И, как следствие, я ни к кому и ни к чему не привязан, даже в естественных пределах — ни друзей, ни любви, ни семьи... И ничего еще за свои тридцать два путного не сделал. А бабушка любит всех: и добра, и равна со всеми, и верит в лучшее в человеке. Вот и во мне лучшее все время пробуждает. От нее, несмотря на внешнюю грубоватость и уверенность, идет какое-то тепло, симпатия. И, что интересно, все время трудится и руками, и головой, и душой, и все на основе какого-то внутреннего стержня, которого у меня нет. Что же это за стержень такой?.. Ладно, потом подумаю! А сейчас нужно прогуляться, проветриться...»

ГЛАВА 24

«Проявляются, да еще как!»

Раиса Никифоровна пультом выключила телевизор и задумалась. «Раньше соблазнов-то меньше было, все только от естества шло. Какое оно, такое и поведение. А когда я еще работала, и сдерживающих факторов хватало. Попробуй, так враз и на вид, и на место поставят. Все меньше баловали... А сейчас — и по телевизору, и в Интернете, и в книжках — все дозволено: смотри, читай, делай! Безбожие, одним словом! Некоторые говорят, мол, не хочет человек — не читай, не смотри,

никто же не заставляет! Он может другую книжку или диск купить, может переключить телевизор на другой канал... Никто же не насилует! Да, это так, но во сколько раз больше соблазна пришло в наши дома, в наши души! Чтобы устоять, нужно еще дух крепкий иметь. А кто его формирует, кто занимается людьми, кто детей защищает от всего этого? А ведь грех притягивает неустойчивое сознание, неокрепшую душу сильнее праведности, так устроен человек. Так зачем давать отравленную пищу? А раз ее полно, то это кому-то нужно, я так понимаю. Кто-то возразит — утрируете, мол, у вас мания! А мания вседозволенности, мания свободы ото всего? Куда это может привести, одному Богу известно! Да понятно куда...»

— Свобода ото всего...— вслух проговорила Раиса Никифоровна.

— Свобода нужна не от чего-то, а для чего-то! — В комнату, улыбаясь, слыша ее слова, вошел Бобров и с ним Галкин.— День добрый философствующей!

— Здравствуй, Степан Алексеевич! Не ждали, какими судьбами к нам так рано?! — воскликнула, одновременно удивляясь и радуясь, Раиса Никифоровна.

— Да вот тут, недалеко, по делам были, думаю, надо зайти, поведать старых друзей.

— И правильно сделали, что зашли! Сейчас обедать будем, уже первый час... — и она пригласила обоих сесть.

— Не откажусь, не откажусь... В гостях воля хозяйская! Ты как, Кирилл Олегович?

— С превеликим удовольствием, тем более что наслышан!

— Ну, как дела, молодой человек? — обратился Бобров к вошедшему в комнату Ивану.

— Хорошо... Все так же,— неопределенно ответил Бескрайнов, с одной стороны, неготовый к серьезному разговору, а с другой — все таки ждавший его.

— Так хорошо или «так же»? — спросил, улыбнувшись, Бобров.— А хочешь ко мне? Тут освободилась должность прораба на одном участке, вот Кирилл Олегович не даст соврать, я сейчас как раз оттуда. А то и у моего конкурента можно поспросить. Там ему требовался чуть ли не зам. Да от меня вряд ли возьмет...

— Скажет: «Казачок засланный»,— улыбаясь, произнес Галкин.

— Ну, что вы, Степан Алексеевич, какой из меня прораб? Я гуманитарий!

— Гуманитарий, гуманитарий... А деньги на жизнь нужно зарабатывать? А делом нужно заниматься? А семью, а детей?..

— Да денег мне хватает, Степан Алексеевич!

— Ах, да, дело у тебя — квартиры сдаешь! Знаю, знаю... Modus vivendi...

— Что-что?

— Образ жизни по-латински.

— А чего не хватает?

— Реализации...

— В советское время таких тунеядцами называли...

— Ну, уж и тунеядец! — возмутился Бескрайнов.

— Подожди, Кирилл Олегович! Так за чем дело стало? — обращаясь уже к Ивану, спросил Степан Алексеевич.

— За делом и стало,— печально проговорил Бескрайнов.

«Ну, что за человек?! Так бы и сидел сложа руки. Ничего за душой нет, одни слова. Прямо злость берет и за Раису Никифоровну обидно. Ну, чего не работаешь? Зачем бездельничаешь?..» — подумал Бобров.

— Прошу к столу! — Раиса Никифоровна открыла дверь в столовую и широким жестом пригласила их пройти.— За обедом и поговорите, что на пустой желудок-то?

— Вы, как всегда, правы, Раиса Никифоровна.

— Я всегда права,— сказала, улыбаясь, та.

Некоторое время они ели, молча.

— А вы давно верите в Бога? — вдруг спросил Степана Алексеевича Иван.

Галкин поперхнулся. Бобров знал его атеистические убеждения и взглядом попросил здесь не спорить. Они понимали друг друга с полувзгляда, и тот, хмыкнув, все же промолчал.

— Да уже лет десять будет, — спокойно, как ни в чем не бывало, словно давно ждал этого вопроса, ответил Бобров.

— А до этого не верили?

— До того я служил в армии. Но вот, кстати, именно там произошли некоторые события, которые заставили меня

очень сильно задуматься о смысле жизни и о том, что все происходит не просто так.

Бескрайнов вскинул голову и долгим внимательным взглядом посмотрел на Степана Алексеевича. Галкин, наклонясь над тарелкой, сосредоточено ел борщ.

Открылась дверь и в столовую вошла Анастасия. Она улыбнулась Ивану, как старому хорошему другу, которого всегда радостно видеть, и, видимо, осталась довольной, что он здесь и жив-здоров. Затем мельком, с некоторым любопытством и немного смущенно взглянула на Боброва, отвела взгляд и снова, уже более длительно, посмотрела на него.

— С работы, Настенька? — Раиса Никифоровна выдвинула стул и пригласила ее за стол. — Садись с нами обедать.

Анастасия чутким сердцем поняла, что идет серьезный разговор, и легким жестом остановив поток обычных в таких случаях вопросов, сама принялась ухаживать за собой.

— Так... Вы задумались о жизни и поняли, что все не просто. А потом? — продолжил разговор Бескрайнов.

— А потом и жизнь на гражданке дала много пищи для размышлений. Но все решила одна встреча...

«Получается, что все, действительно, не так просто... — ушел в свои мысли Иван. — Многое существует независимо от того, думаем мы об этом или нет. Получается, что вопросы о происхождении ДНК, о природе таланта — это, действительно, очень непростые вопросы... Человек, конечно, сам, как говорится, своими руками строит свою судьбу, но жизнь реагирует на все не на основе его внутренних установок, а на основе неких своих незыблемых определений или законов...»

Бескрайнов повторил эти мысли вслух.

— Так вы еще и философ? — Анастасия улыбнулась и покраснела, так как никто, — но, главное, он, он, любимый человек, — не обратил никакого внимания на ее слова и не подключил ее к беседе. «Может быть, он считает меня недостаточно для себя умной?» — подумала она.

Бобров же с большим интересом смотрел на Ивана. «Да, он помнит то, о чем мы говорили в прошлый раз, почти месяц тому назад!» — решил он.

— Вы совершенно правы, говоря, что жизнь реагирует. Вот и марксизм все ставит с идеалистической на материали-

стическую основу и говорит о взаимовлиянии объективного мира и человеческого сознания. А до марксизма «допотопные» материалисты ограничивались зависимостью человека только от природы. Все правильно — в процессе трудовой деятельности человек изменяется сам, или «бытие определяет сознание...»

— Ну, сел на любимого конька... — вставил Бобров.— Подожди, Олегович!

— ... И определяет иногда очень чувствительно,— как бы продолжил речь Галкина Иван.— Я тут подумал, что, может быть, просто судьба такая. Но судьба, по сути, должна быть слепой. А тут такая логика прослеживается! А я уж начал думать, что, если воля человека совпадает с волей Бога, только тогда и возможно благо... *Nolens volens**, так сказать.

Бескрайнов откинулся на спинку стула и тихо засмеялся. Все взглянули на него с изумлением.

— Вот так можно задуматься, что и в Бога поверишь!.. Ха-ха-ха...— закатился он в судорожном смехе, закашлялся и, вытащив из кармана зеленый носовой платок, обтер лицо.— Свихнуться можно!.. Старичок на небе за облачком с бородой!.. А, может, это просто инопланетяне нам мозги пудрят. Прилетят, сделают что-нибудь, а люди думают — вот Бог нас наказал или одарил. А им только бы нас рабами своими сделать, инопланетянам. Какова вам эта идея?

— Да, идея хоть куда... Ну, а кто инопланетян сотворил и ими занимается? — спросил Бобров.

— Другие инопланетяне!.. Ха-ха-ха...— продолжал веселиться Иван, и это веселье так разительно отличалось от той серьезности, с которой он начал говорить, что все пребывали в полной растерянности.

— Значит, я так понял, тебе неприятно стать рабом инопланетян? Так почему же ты не хочешь быть свободным в Боге? — спросил Бескрайнов Степан Алексеевич.

— Так какая же там у вас свобода? Только и читаешь все — раб Божий, да раба Божия!.. Не делай то, не делай это...

---

* *Nolens volens* – волей-неволей (лат.).

— Так это же нельзя понимать буквально... Образ раба свидетельствует о самой сильной связи между людьми, какая только могла быть в то время, когда писались те строки. Что тогда могло быть прочнее принадлежности раба своему хозяину? Это просто образное выражение, характерное для тех лет. А вот скажи, ты хотел бы получать от жизни удары? Ведь, наверное, было дело и не раз, а?

— Да, было, и не раз... — признался Иван. — Конечно, не хотелось бы!..

— Поступаешь против законов жизни, общества, людей... и получаешь, — сказал Кирилл Олегович.

— Так вот Бог и учит, как жить, чтобы все было хорошо! — продолжил Бобров, не реагируя на Галкина — уже привык к его материалистической философии. — Также учит и тому, что человек не пуп земли, со всеми вытекающими из этого следствиями.

— Ох, Бог, Бог... Все у вас Бог, а сами что? «На бога надейся, а сам не плошай!» — старая русская поговорка. — Галкин улыбнулся.

Бескрайнову почему-то вспомнилось строительство гостиницы у дороги, пузатенькая елочка в окружении берез и удивительная по красоте картина, когда светло-светло голубые лучи падали сквозь густую листву, будто само небо просачивалось на землю.

«Почему эти воспоминания возникли? Ведь я же не думал об этом вспоминать. И какой в них смысл? Может, это злые инопланетяне, которых раньше называли бесами, так шутят со мной? — при этой мысли он внутренне содрогнулся. — Или добрые инопланетяне-ангелы хотят мне помочь?»

Сколько он так думал мгновение или минуту, Иван не знал, но за столом в это время царил полная тишина.

— Если вовне есть кто-то или что-то, которые призваны реагировать на чувства, мысли, слова и поступки человека, то они должны проявляться. А, если они проявляются, значит, существуют... — произнес он вслух мысль, которую подумал третьего дня в поезде.

— Проявляются, да еще как! — вставила Раиса Никифорова.

Наш Ангел, облетая землю, в очередной раз убедился, что люди, как и прежде, судят о человеке не по добросердечию или злосердечию его, не по духу его и состоянию ума, а по происхождению, богатству или бедности, молве о нем... И когда дело касается любви между людьми, забывают, что она — часть большой Любви, Матери Красоты. О люди, на своем горьком опыте поймете, что осуждение и отвержение, злобствование, искажение священной Любви не годны и даже опасны, ибо привлекают к вам негатив и ткнут ваше мрачное грядущее! А ведь именно Любовь является фундаментом русской культуры, таких ее принципов как: стремление к справедливости (преобладание общего над частным; взаимопомощь и поддержка слабого; ограничение частнособственности); веротерпимость и равноправие; сочетание единачалия и ответственности власти перед коллективом; добролюбие и нестяжание (не бери больше нужного, не губи природу); соборность. В такой культуре для человека очень важна полезность его дела государству, стране и обществу. Все противоположное этому — не от русской культуры. Потому перенос и применение в России стимулов западной цивилизации, использующихся там для создания хороших условий как для добродетели, так и для порока, как то: успешность собственника, возьми больше — отдай меньше, погоня за барышом и другие — настоящей работы не дадут... И больно видеть, как бьет ключом колоссальная темная рать, где затевается хорошее дело. Это ночь, которую нелегко одолеть. Но враги полезны людям. Ведь они, не оставляя в покое, усиливают нас. И это — благо. Еще преподобный Сирин сказал: «Когда мы в покое, демоны веселятся, когда мы в трудах — ангелы радуются».

ГЛАВА 25

В беседке. На реке. Тяжелые мысли Боброва

После обеда Галкин распрощался и ушел по неотложным делам, а наши собеседники вышли в сад и сели пить чай в беседке.

— Скажи, Иван, ты так и собираешься всю жизнь прожить? Ведь лучшие годы уходят?

— Вот соберусь и начну писать, увидите! Во мне уже все созрело...

— А основа есть? — уточнил Степан Алексеевич.

Бескрайнов знал: материалов накоплено много — и в голове, и на бумаге планов хватает. Больше, конечно, в голове, но там — неразбериха... А тут говорят еще о какой-то основе, на которой должны строиться произведения. Есть она у него? Скорее всего, нет или она, может быть, только-только рождается. И родится или нет — еще вопрос. «Да и зачем все это? Нужно просто писать о том, что есть в жизни! — подумал он. — Я не могу понять, почему я как фотохудожник не могу сфотографировать красивый пейзаж или пикантный момент, или омерзительное зрелище? Кто мне будет указывать, о чем мне писать?»

— Я хочу описывать жизнь, как она есть, — вслух произнес он.

— То, что есть в жизни, мы и так знаем! — заметила Раиса Никифоровна. — А ты покажи людям, наряду с описанием того, что есть, и другой пример. Вот, как бы надо!

— Верно, дорогая Раиса Никифоровна! — поддержал Бобров. — Если не так, что же поможет людям, неужели просто описание всех этих напастей, в которых они пребывают? Этой дряни и мерзости, пошлятины и банальщины, мелочей всяких и без литературы полно в жизни. Нет, никогда! Людям нужно показать и путь выхода, альтернативу. А это возможно в полной мере, если автор верит в Бога и знает наиболее действенные пути решения. В противном случае просто благие намерения могут, как известно, вымостить до-

рогу и в ад.

Бескрайнову перечисленные напасти и самому были неприятны, и он уже начинал понимать, что жизнь реагирует на основе своих незыблемых законов, правда, пока еще неясной ему природы, и в виде хороших ударов, которые никому не хотелось бы принимать на свою голову. «А если этот кто-то или это что-то проявляется, значит, существует?» — снова вспомнил свою мысль Иван.

— Да, похоже, так... — проговорил он.

— Ну, вот и хорошо! А теперь представь, Иван, строится дом, и у этого дома и фундамент, и вертикальные опоры, и свод представляют собой единое целое. Как ты думаешь, прочным будет такой дом?

— Думаю, да.

— Но вот находится один человек, который говорит: «Что вы делаете? Разве можно строить такой дом, таких в жизни нет, их просто не бывает? Нужно строить так, как строят все и из того, что все, тогда это будет реальный дом!» А другие люди возражают ему: «Ну, хорошо, но мы видим, что это прочный и надежный дом, что в нем учтено все, что нужно человеку. И, зная, что такой дом можно построить, мы и наши дети будем стремиться к этому!» Как ты думаешь, Иван, это будет правильное стремление?

— Если говорить о доме, то так.

— А наша жизнь, наша семья, наше общество, наше государство — это не дом? Так вот, чтобы они были прочными и комфортными, как тот дом, остовом их должны стать Божественные законы и Традиция.

— Степан Алексеевич, а вы могли бы рассказать об этом поподробнее? — попросила Анастасия.

— Лучше, если обо всем этом расскажет отец Сергей, мой многолетний духовник и учитель. Хотите послушать его?

— С превеликим удовольствием, — согласилась Раиса Никифоровна.

— Конечно, Степан Алексеевич! А вы, Иван?

— Куда же я денусь от вас? — отшутился тот, но было видно, что ему это интересно.

— Ну, вот и лады! Остается договориться с отцом Сергием и согласовать по времени с вами.

— Договаривайся, мил человек, будем рады и примем с благодарностью! Тем более, что у меня через недельку и день рождения поспекает, вот и аудитория уже готова,— поставила точку над «і» Раиса Никифоровна.

Открылась калитка, и во двор, как на крыльях, влетела Вероника. На ее раскрасневшемся лице сияли глаза и ослепительная белозубая улыбка во все лицо.

— Влюбился кто, чай, в тебя? Что такая счастливая? — поинтересовалась Раиса Никифоровна.

— Влюбились, влюбились! А вам-то что? — отделивалась на ходу шуткой Вероника.

— А нам ничего,— шуткой на шутку отвечала бабушка.

— Степан Алексеевич, а давайте возьмем всех и кататься на лодках, как тогда! Погода, полный штиль, айда!

— Да, на лодках сейчас хорошо бы, но у меня работа, Мы с Кириллом Олеговичем зашли по пути тут... А вы пойдете, покатайтесь, а, Иван Анатольевич? Уважь девушек да Раису Никифоровну. Как, мать?

— Со всем моим удовольствием! Если молодые возьмут, конечно...

— Возьмем, возьмем, отчего не взять! — все не унималась Вероника.— Так как, Иван, осилите?

— Ну, пойдемте, вспомню молодость!

— Ох, уж и в старики записался!..— засмеялась Раиса Никифоровна.

— Так, давайте переоденемся и пойдем,— поддержала почин сестры Анастасия.

... Через некоторое время они спустились к реке, отвязали лодку и, раздевшись, оттащили ее от берега. Бескрайнов, естественно, сел за весла, Анастасия с Вероникой — на корму, перед ним, а Раиса Никифоровна — на нос.

Стоял четвертый час пополудни, было жарко, но наши путешественники надели шляпы, и палящее солнце им было не страшно, тем более что и загорали они этим летом все не в первый раз, и время уже близилось к вечеру.

Вода в реке рядом с ними была зеленоватой и чистой-чистой, прозрачной до самого песчаного дна, а чем дальше, тем все более голубой. А над водной гладью — небо без единого облачка. Росшие по этому берегу деревья и кустарники стояли неподвижно, словно нарисованные, в тихом

знойном воздухе, без единого дуновения ветерка. Тем приятнее был плеск воды за бортом и брызги от весел, с которыми Иван не совсем умело обращался.

Но вот они миновали свою бухточку и двинулись вдоль берега. Отражавшаяся в прибрежной воде растительность окрашивала ее в темно-зеленый цвет. На гребешках волн играли солнечные блики. Было так спокойно и радостно, как всегда бывает на большой реке в спокойную погоду.

— Хорошо! — как бы выдохнув, сказала Анастасия.

— Какая я молодец, что вытащила вас, да? — вопросительно глядя то на Анастасию, то на Раису Никифоровну, спросила Вероника.

— Я всегда говорила, что ты — молодец, — похвалила бабушка.

— Хорошо, очень хорошо!.. — откликнулся Бескрайнов.

Река, лодка, красота вокруг способствовали еще большему сближению этих и так, в общем-то, близких по душевному складу людей. Каждый из них украдкой наблюдал за другими, словно стараясь убедиться, что в их сердцах происходит сейчас то же самое, что и у него, — единение со всеми и с каждым, и со всем окружающим. Именно в такие минуты хочется просто благословлять, благословлять и благословлять все, начиная от капельки воды до реки, от травинки до дерева, от человека до всего мироздания.

... А Степан Алексеевич в это время ехал к себе — нет, не домой, нужно было решить еще ряд вопросов на работе, время-то было еще совсем, как говорится, детское. Ехал он да думал: «Хорошо я про трудности и напасти, а также о том, чтобы показывать пути преодоления их, говорил. А у самого-то этих напастей пруд пруди, и выхода не видно, даже в теории, не говоря уже о практике... Вот взять, к примеру, процентную ставку по кредиту. Она равна почти двенадцати процентам. А это значит, что фактически придется отдать где-то двадцать — ведь не расплатиться... Эх, кредит-кредит, вот тебе и «жрешь бизнеса» по словам этих теоретиков. Без него, действительно, не может быть развития, но с такими процентами о каком развитии можно говорить? А еще налоги... Вместе с кредитом придется почти семьдесят процентов от прибыли отдавать. Боже мой, какую же прибыль нужно иметь, какие расценки на работы нужно делать

— задирать их выше невозможного? Но ведь есть те, кто в этом году кредита не взял, таким образом у них и расценки ниже — вот тебе и конкуренция... Не конкуренция, а разорение. Крутись, как хочешь, и выхода не видно...»

ГЛАВА 26

Соблазн

После прогулки на лодке Раиса Никифоровна ушла хлопотать насчет ужина, Анастасия села за тетрадки с уроками, а Иван с Вероникой остались в беседке одни. Вероника, как всегда была смешлива, веселье так и бурлило у нее внутри, ожидая повода вырваться наружу. Вот и сейчас она искоса поглядывала на Бескрайнова, словно ища момента, когда можно пошутить.

— Какие красивые у вас тут цветы! — сказал Иван. — И как своеобразно высажены! Кто этим занимался?

— Настенька, конечно, кто же еще. — Вероника заулыбалась.

— Молодец, ничего не скажешь.

— А я ей помогала, значит, я тоже молодец!

— Да, конечно.

— Вы грустны или устали?

— И то, и другое понемногу...

— А почему понемногу? Должно быть так: грустный или не грустный, устал или нет. А вас не поймешь!

— Какая ты максималистка, оказывается!

— Да, вот такая я! — сказала, засмеявшись Вероника.

«Как птицы-то распелись! И как их много тут, в саду! Как это я раньше не замечал? — Все как-то в своих мыслях...» — подумал Иван.

— Я смотрю, вы все время какой-то задумчивый... А о чем вы все думаете, если не секрет?

— Секрет, секрет... Много будешь знать, скоро состаришься...

— Ну, уж и состарюсь... Ладно, не хотите говорить, и не надо!

Вероника вышла из беседки на аллею. Бескрайнов обратил внимание на ее ладную фигуру, идеальные, словно точечные, ноги. Она шла, как по веревочке, грациозно двигая бедрами. «Откуда у нее такая походка? Раньше вроде бы не было такой... — подумал он. — Да она красивее Анастасии будет, и попроще».

— Какая ты красивая, Вероника! — сказал Иван, продолжая любоваться ею.

— А вы только сейчас заметили?

— И раньше, и сейчас...

Бескрайнов подошел, взял ее за руку, и они остановились. Она удивленно и насмешливо взглянула на него, но руки не забрала. Так некоторое время они стояли в полном молчании. Вокруг заливались птицы, и воздух был полон сладостными ароматами каких-то бледно желтых цветов, росших тут по краям аллеи.

Иван почувствовал волнение в груди и подумал, а не отдаться ли, как он привык, этому первому чувству и не завязать ли роман с Вероникой, а не с ее серьезной сестрой. «Да тут же ее родители, бабушка, Анастасия... Ну, и что, и кому какое дело? — металось в его голове. — Смотри, ведь руки не отбирает!.. Нет, если тут что-то и может быть, то только семейное, связанное с созданием семьи...» — подумал он.

Бескрайнов что-то спросил у нее, она что-то, смеясь, отвечала и тоже спросила. Но он был, как в тумане. «Что еще нужно для счастья? Милая, добрая, простая, искренняя и отзывчивая девушка, с которой можно создать, как говорят, домашний уют. И не нужно думать о том, что будет потом! Будет и будет, тогда и думать будем... Но мое ли это предназначение?» Он посмотрел на Веронику, она о чем-то говорила, улыбаясь и взглядывая на него. «Ведь через несколько месяцев привыкну, устану, разочаруюсь и захочется уехать куда-нибудь... А она? Останется, да, не дай бог, еще и с ребенком!..»

Он отпустил ее руку.

— Что же вы не отвечаете? — спросила Вероника.

— Еще раз... Я... задумался...

— Что вы любите читать?

«Ребенок еще, совсем ребенок... Так что, все правильно я думаю!»

— Всего понемногу, Верочка. Но читаю очень медленно, так как начинает работать воображение. Я ведь пишу...

— А почитаете?!

— Да, как-нибудь,— ему не хотелось объясняться с нею на эту тему. «Вот уже начинается влезание в мои дела»,— подумал он.

— Какой вы все-таки...

— Какой?..

— Необщительный...

— Да уж, какой есть!

— Нет, вы бываете другим. Это вы со мной такой...

— Ну, что ты Верочка?! Не выдумывай... Вот лучше скажи, если бы Виктор Анатольевич, Степан Алексеевич и, к примеру, я сделали бы тебе предложение выйти замуж, за кого бы ты вышла?

— Ни за кого! Виктор Анатольевич — бабник, Степан Алексеевич чересчур религиозный, а вы... не хотите со мной разговаривать!

— Так ни за кого бы и не вышла?

— Что значит ни за кого? Что на вас троих весь свет клином сошелся что ли? Есть и моложе и общительнее...

— Вот какая ты, Верочка,— в тон ей ответил Иван.— Ну, а Настя, как ты думаешь, за кого бы из нас троих вышла?

— У Насти и спрашивайте! — резко ответила Вероника.— А мне пора заниматься домашними делами. Извините, до встречи!

— До встречи,— ответил Бескрайнов и понуро пошел по аллее.

«Эх, жениться бы на одной из них, обе хороши, каждая по-своему. Да, зажить тихой провинциальной жизнью, среди этих садов, цветов, среди этих красот, на этом речном просторе. Завести детей, обустроить себе кабинет, собрать библиотеку и писать, писать, писать, бродить с фотоаппаратом, играть с детьми...» — с воодушевлением подумал Иван, но тут же, откуда-то появилась мысль: «А надоест, что тогда? Точно, ведь скучно станет, знаю я тебя, куда деваться тогда?.. Готов ли ты к тому, когда улягутся все страсти, придет влюбленность, изо дня в день терпеливо строить отно-

шения с женой, ее родителями, детьми?.. Готов ли ты к долгому, длиною в целую жизнь, быту?»

Бескрайнов остановился, опустил голову и так в задумчивости стоял некоторое время посреди аллеи. Его вывел из этого состояния голос бабушки.

— Что нашел интересного, Иван? Уж минут пять стоишь, как вкопанный!

— Нет, нет, ничего... это я так... задумался.

— Да, о чем же ты так задумался?

— Есть, есть о чем, бабушка...

— Ты часто задумчивый, Иван. Не пора ли жениться, а?

«Не в бровь, а в глаз! Вот интуиция! — подумал Бескрайнов.— Жениться это хорошо, только, хорошо жениться еще не жениться! Но ведь, бесконечно сомневаясь, можно и вообще не жениться... А что лучше — вообще не жениться или мучиться потом и мучить других?»

— Я мучаюсь, глядя, как тебя заносит порой, как часто задумываешься, мечешься, ничем толком не занимаешься...

— Женюсь, бабушка, женюсь, вот те крест, женюсь! — Иван уже было занес руку, чтобы перекреститься, но тут же отдернул ее, так как раздался резкий и зычный окрик Раисы Никифоровны.

— Стой, стервец! Тебе бы только шутки шутить! Креститься вздумал, шутки ради! Такими вещами не шутят! Я хоть и не такая религиозная, но понимаю, что нельзя клясться, тем более, походя, не подумав, по такому жизненному вопросу, не имея невесты.

— Бабушка, ну, что ты так близко принимаешь к сердцу?

— А как мне еще принимать, если не близко? Ты же мне не чужой! — уже несколько успокоившись, сказала та.

— Ты говоришь «нельзя клясться», это выходит из твоей веры в Бога или это у тебя просто как... — он хотел сказать суеверие, но, находясь еще под впечатлением ее вспышки, проговорил: — дань традиции?

— Да, я верю в Бога! — сказала Раиса Никифоровна и, подняв голову, долгим и внимательным взглядом посмотрела на Бескрайнова.— И очень хочу, чтобы и ты поверил!

Иван чмокнул губами, что-то промычал себе под нос и ушел в сад.

«... Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения».

А. С. Пушкин

(См. Примечания, с. 335)

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 27

«...Всякому слову свое время»

На день рождения к Раисе Никифоровне собралось не так много людей, но все близкие. Стол накрыли, как обычно в хорошую летнюю пору, в саду. Настя, Вера и Тамара Ивановна не позволили Раисе Никифоровне хлопотать, и всю подготовку взяли на себя. В это время гости гуляли по саду, любовались цветами и прочей гордостью хозяев и беседовали.

Когда все было готово, Раиса Никифоровна пригласила к столу, лично рассаживая гостей, как она любила выражаться, по чину. Во главе стола, под раскидистой яблоней, села она сама, справа от себя посадила отца Сергея, рядом с ним Степана Алексеевича и далее матушку и Настю. Рядом с Настей, на противоположном торце стола, она посадила Ивана. Слева от Раисы Никифоровны сидели по порядку Тамара Ивановна, Лидия Петровна — старая подруга, Петр Терентьевич и Вероника.

— Посмотрите, гости дорогие, какая прелесть! — воскликнула Раиса Никифоровна, глядя сквозь ветви яблони на темно-голубое вечернее небо, на котором сиял тонкий, только нарождающийся месяц.

Воздух был таким отрадным, теплым и оживляющим одновременно, каким он бывает только погожими летними вечерами. Вокруг было тихо, только легкий-легкий ветерок едва пошевеливал листья. Приятно пахло травой и цветами. Все располагало к радости, миролюбию, спокойствию и приятному общению. Далеко за рекой кто-то затянул звонкую песню.

— Как дивно природа питает душу,— произнес отец Сергей.

Все сидящие за столом, каждый по-своему, выразили согласие, и образовалась некая душевная волна, от которой стало еще лучше.

— Отец, скажи молитву, и начнем,— в тон этой волне сказала Раиса Никифоровна.

Сергий встал, поцеловал крест, висевший на груди, и, перекрестившись, начал.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Аминь. Очи всех на Тебя, Господи, уповают, и Ты даешь им пищу во благовременьи, и отверзаеши Ты щедрую руку Твою, и исполниеши всякое насущное благоволение. Аминь.

При первых же словах молитвы большинство сидящих за столом встало. Остальные последовали их примеру. И перекрестились все, кто по вере, а кто, чтобы не быть белой вороной.

— Позволь мне, раз уж начал, поздравить тебя, дорогая Раиса Никифоровна с днем рождения! — Отец Сергий поднял бокал вина. — Крепкой веры тебе, здоровья духовного и телесного! Дай Бог тебе и близким твоим Господнего благословения!

Все чокнулись, сопровождая тост, как водится, душевными словами, производимыми тихими сердечными движениями. Сели, закусили, и полилась, прерываемая шутками и веселым смехом, тихая доброжелательная беседа, характерная для русских семейных застолий.

— Батюшка, отец Сергий, во всяком деле должен быть главный, возмись, руководи столом, будь так добр!

— Раиса Никифоровна, дорогая, ты сегодня самая главная у нас! Ну, да ладно, так и быть, знаю, не любишь словоблудия, — отвечал ей Сергий.

— Слово близкому другу виновницы сегодняшнего торжества уважаемому Степану Алексеичу! — произнес он, приступив к порученным обязанностям.

— Дорогая моя, Раиса Никифоровна! Ты по-прежнему любишь собирать людей вокруг себя, хочешь, чтобы всем было хорошо. И хоть ты сейчас не служишь, но, как всегда, полна энергии, а жизнь твоя полна дел. Мы все видим, в каком отменном состоянии дом, сад и все хозяйство, и знаем, что в этом большую роль играют твои руки и твоя душа. Так соседи? — повернулся он, спрашивая, к Петру Терентьевичу с Тamarой Ивановной.

— Да, все так и есть! — хором ответили они.

— Раиса Никифоровна! — продолжил Степан Алексеич. — Ты в прошлом руководитель крупной организации, и люди уважали и любили тебя. Это не случайно, это, кроме

всего прочего,— еще и благодаря большому сердцу. Люди не забыли, как ты часто вступалась за них и помогала им. Да и начальство тебя всегда ценило и уважало. Город знает и помнит все это! Подтверждением сему служит сегодняшняя бесконечная вереница посетителей-поздравителей, каждому из которых нашлось твое доброе слово и угощение. Сейчас же ты собрала самых близких, и, думаю, каждый сам скажет о своей любви и уважении! Я же от себя говорю, что очень люблю тебя, дорогой мой человек и друг! Желая крепкого здоровья, счастья и благополучия во всем! Мы также знаем, как ты любишь кормить людей и как вкусно готовишь. Вот и этот стол, хоть и не блещет деликатесами, но накрыт с любовью, с душой, вложенной в эти блюда. И нам уже не терпится отведать всего. Поэтому кончаю. Долгих лет здоровой жизни, уважаемая и любимая, Раиса Никифоровна!

— Долгих лет! Долгих лет! — раздалось со всех концов стола.

Все поднялись и протянули свои бокалы к виновнице праздника, потом стали, как водится, чокаяться друг с другом. И пошел пир горой, звон бокалов сменил стук вилок, ножей и тарелок, говор, шутки и смех.

— Мастер ты говорить, Степан Алексеевич,— сказала Раиса Никифоровна, и голос ее слегка задрожал.— Смотри, сколько всего сказал... Благодарю вас всех, что помните старуху, за добрую память!..

— А какой же она, память, будет еще, если человек добрый? — спросил отец Сергей.— Добрая жизнь и память добрую о себе оставляет.

— Это потому, что человек верит в Бога? — не удержался Бескрайнов.

— Внучок мой, Иван,— представила его Раиса Никифоровна.

— Вас, молодой человек, видимо достали поучения бабушки и Степана Алексеевича?

— Вы знаете, мне хотелось бы разобраться. С одной стороны, я чувствую и где-то логически понимаю, что в жизни есть сила, влияющая на человека через обстоятельства, через других людей и через его внутренние состояния. А с другой стороны, я не могу себе представить, что это за сила и почему я, свободный человек, должен ей подчиняться?

— Сколько можно разбираться? Уж четвертый десяток идет, жизнь — пустая бочка, а все туда же, разобраться не можешь!..— не выдержала, но все же с доброй улыбкой сказала бабушка.

— Иван, у тебя сейчас уникальный случай...— начал, было, Степан Алексеевич, но отец Сергей мягко перебил его.

— Вот что, дорогие мои, всякому слову свое время. Вы, я смотрю, горячо желаете обратить Ивана в свою веру. А хочет ли он этого? И я еще не знаю, чего он хочет вообще?...— спокойно произнес он.— Поэтому давайте отдадим празднику праздничного, а Богу Богово!

Бескрайнов, до этого довольно равнодушно наблюдавший за отцом Сергием, впервые с интересом взглянул на него.

ГЛАВА 28

Песня. Серьезная молодежь. Неожиданное появление Быстрова.

За столы шло своим чередом, когда среди звона бокалов, стука вилок и ножей, разговоров и добрых шуток зазвучала песня. Вначале громкая, одноголосая,— начала Раиса Никифоровна,— затем подхваченная другими — поддержали подруга Лидия Петровна, чуть погодя соседи, а потом, увлеченные песней и ладным пением, и все остальные,— она полилась, все более набирая силу. Это была песня «Оренбургский пуховый платок». Даже отец Сергей и Степан Алексеевич подтягивали баском. Даже молодежь, не знавшая слов, подпевала:

*В этот вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок —*

звучало в саду, и, несмотря на летнее тепло, зимняя тематика песни воспринималась вполне естественно. Разговоры и шутки смолкли, каждый пел, как мог, Петр Терентьевич помогал себе, немного дирижируя руками, а отец Сергей, перебирая бусинки четок, висевших у него на руке:

*Я его вечерами вязала
Для тебя, моя добрая мать,
Я готова тебе, дорогая,
Не платок, даже сердце отдать...*

Бескрайнов, не любивший народных песен, — а эта песня, сочиненная в советское время, стала поистине народной, — ловил себя на том, что она находит в его душе не просто отклик, а сильное переживание. Отчего — он не знал, может быть, пели очень проникновенно, может, благодаря атмосфере за столом. Или же это было связано с бабушкой? Ведь Иван, не признаваясь себе, явно любил ее.

Пение закончилось, и некоторое время все молчали, видимо, не желая, чтобы рассеялась непередаваемая атмосфера, которая возникает от таких слов, тем более исполняемых от души.

Снова звучали тосты, смех, возгласы и звон бокалов, праздник шел своим чередом. Только два человека за столом были более серьезны и со вниманием наблюдали за отцом Сергием. Этими людьми были Иван и Анастасия.

— Отец Сергей, — не выдержала Настя, — вы хотите сказать, что нельзя смешивать быт и религию, потому что это две противоположности, и они противоречат друг другу?

— Ох, хорошо, — закусывая грибочками, удовлетворено вздохнул тот. — Нет, я так не думаю и не говорю. Просто существенно, что человек ставит на *первое* место. Быт — важная часть человеческой жизни, и он должен быть хорошим и радостным в своей достаточности для конкретного человека. Но он не должен быть самоцелью.

— А что же должно быть целью? — не выдержав молчания, подключился Бескрайнов.

— Да, серьезная молодежь собралась сегодня! — сказал Сергей. — Целью должна стать правильная внутренняя духовная жизнь. Тогда и внешняя жизнь не будет находить-

ся в противоречии с нею, а будет стремиться к идеалу.

— И все выливается в запреты — это не думай, этого не желай, то не делай!..— воскликнул Иван, нервно расстегивая пуговицу своей лимонно-желтой рубашки.

— Иван, подожди! — перебила его Настя.

— Понимаете, мои хорошие,— мягко обратился к ним священник,— я хочу с вами говорить на эту тему, но считаю, что за столом, когда мы заняты праздником и едой, переключаться на то, что уведет нас всех, пусть даже в очень серьезное и важное, но другое русло, не очень хорошо. Ведь у Раисы Никифоровны сегодня день рождения, и из любви к ней мы должны уделить сегодня, сейчас максимум внимания ей.

— Батюшка, вы мне не испортите праздника!..— улыбнулась Раиса Никифоровна.

— Я знаю, что ты мне многое простишь, добрая душа. Но все же считаю, что не следует. Мы с вами,— адресовался он к Анастасии с Иваном,— встретимся отдельно и я уделю вам столько времени, сколько будет нужно, для беседы. Хорошо? А сейчас, слово для поздравления предоставляется...

...И застолье вновь пошло своим чередом в радостном общении.

У Бескрайнова в душе все более росло уважение к отцу Сергию, и он с интересом ловил каждое слово, каждый его жест.

Скрипнула калитка, и во двор вошел улыбающийся Виктор Анатольевич Быстров с большим букетом темно-красных роз.

— Не хватало его здесь, вот нечистый принес...— недовольно проворчала Раиса Никифоровна и взглянула на Анастасию. Та сильно покраснела и, не глядя ни на бабушку, ни на Быстрова, опустила глаза. Было совершенно непонятно, отчего у нее такая реакция — от слов Раисы Никифоровны или от неожиданного прихода Виктора Анатольевича.

— Добрый вечер всем! А дорогой Раисе Никифоровне мой особый нижайший поклон и поздравление!..

— Ну, уж и в дороге меня произвел!..— полушутя, полу недовольно ответила она.— Спасибо, спасибо за поздравление... А букет-то хорош! Не в пример некоторым...— и с лукавинкой взглянула на Ивана.

— Садись, коль пришел.— Раиса Никифоровна показала неожиданному гостю на свободный стул.

— Познакомьтесь, это Виктор Анатольевич Быстров, известный наш писатель, руководитель местного литобъединения,— представила его на всякий случай Настя.

— Знаем, знаем... Читали, только вот лично встретиться не приходилось,— сказал отец Сергей, пристально глядя на Быстрова.

— Да, не было случая, — ответил Виктор Анатольевич.

— Что в храм к нам не заходите, Виктор Анатольевич? — спросил батюшка.

— Вы знаете, как-то все некогда, все какие-то дела, дела...

— Занятой человек, значит... Ну, что ж, понятно... Позвольте, согласно порученным мне обязанностям предложить вам слово для поздравления виновницы нашего сегодняшнего праздника,— сказал батюшка.

— Здоровья Вам, Раиса Никифоровна, долгих лет жизни! Знаю, что своим талантом, Анастасия во многом обязана вам, вашей любви к литературе, вашему добрососедскому воспитанию. Благодарность вам и за это! Всех благ вам! — и хотел попроще сказать Быстров, а получилось как-то патетически.

Однако, тем не менее, тост понравился Раисе Никифоровне. Впервые с ее именем связали Настины успехи в литературе, никто этого никогда не говорил. Ведь она хоть и не занималась с нею ни литературой, ни стихосложением, и времени, и знаний у нее таких не было, но какое-то влияние, неосознанное для обеих, косвенное, душевное, по всей видимости, все же оказывала своей любовью к книге, к литературе, к поэзии, к песне.

Раиса Никифоровна ничего не сказала в ответ,— не любила Быстрова,— но, может быть, впервые за все годы бросила на него благодарный взгляд. И он его поймал и понял, что она хотела этим взглядом сказать.

Праздник продолжался в приятной домашней обстановке, без каких-либо серьезных разговоров и дискуссий, как обычно водится. И нужно признать в этом заслугу отца Сергея, который вовремя задал застолью нужный тон.

Собрались на семинаре ангелы-стажеры и засыпали нашего Ангела вопросами. «Что главное для творческого человека?» — «Задача его — продвижение, развитие и упрочение Божьего замысла. Мешает же недостаточное владение собой и безрадостность. Первый шаг в преодолении — приятие себя и другого равноценными обладателями единого Света. Второй шаг к более высокому состоянию — взять направление на единение. И высшая радость — единение человека с людьми. При этом он повседневно участвует в трех сражениях: между своей волей и судьбой; между добром и злом, где он добыча или тех, или других; между высокими энергиями и хаосом. Бог, в отличие от мнения, мягко выражаясь, пессимистов, жив, и Иерархия разумных светлых сил действует, преодолевая постоянное сопротивление тоже разумных, но темных сил, и неуклонно ведет эволюцию живой Вселенной к более высокому уровню развития, чем предыдущий. Тьма неистребима, но Свет непобедим!» — «А почему власть в России, вооруженная **таким** Моральным кодексом, проиграла?» — «Она хотела сделать человека лучше, несла в мир культуру. Как говорил апостол: —Духие пять слов сказать умом, нежели тьму слов языком—. А противники ее потворствовали всем желаниям и низменным инстинктам, которых у людей и так хватало...» — «А каков главный закон для творца?» — «Он несокрушим: непрестанно благородно действуя, когда добро и приятие обстоятельств ведут к благу, а зло и неприятие — к несчастью, любя и развиваясь в труде мы приобретаем». — «А какую роль играет молитва?» — «Известна великая сила молитвы через сердце, когда Любовь — это духовная пища. Мы должны желать, чтобы планетой управлял Свет, Любовь и Знание, чтобы каждому приходила поддержка, чтобы блаженство и радость расцветали, чтобы Мирозданию было хорошо!»

ГЛАВА 29

Чувство доверия к отцу Сергию

На следующий день Бескрайнов все не находил себе места. Что-то было не так, а что — он никак не мог понять. Это мучило его, угнетало, не давало покоя, подобно нерешенному вопросу, который срочно нужно было решить, ибо от этого зависели все последующие дела. И вечер прошел хорошо — бабушка была довольна: посидели, приятно поговорили, люди все хорошие. Даже Быстров не испортил праздника. В чем же дело? И отец Сергей, — как бабушка потом рассказала, — когда уходил, шепнул ей, мол, хороший парень, твой внук. Иван подумал: «Вот оно, отец Сергей!».

Он понял, что его мучил священник. Вернее, не сам, а его необычность, заключающаяся не в облике, манерах поведения и речи, а в том, как он держал себя по отношению к нему, Ивану. Бескрайнов привык, что все: бабушка, Бобров и даже Светогонов — всегда его учили, поучали, что-то требовали, настаивали на своем, одним словом, хотели, чтобы он был таким-то и таким-то, делал то-то и то-то. Правовучения эти, как пощечины, уже доставали его. Вспомнилась бабушкина пословица: поболит — пройдет, а слово западет.

Отец Сергей, в отличие от них, ни в чем не укорил, не осудил его, не сказал ни слова поучения, ничего не потребовал. Получалось, что он, не зная его, отнесся к нему, как к свободной, независимой, уважаемой личности, имеющей право на себя, на свою жизнь, поведение, мнение по тому или иному вопросу и делу.

Ивану стало даже немного обидно, что отец Сергей не спросил его ни о чем из его жизни и дел, и ему захотелось пообщаться с этим человеком, поведать то, что мучило и терзало душу.

— Бабуль, а как увидеть отца Сергия? Как и где с ним можно встретиться, поговорить? — спросил Бескрайнов наутро Раису Никифоровну.

— Ты это серьезно? — удивленно спросила та.

— Ну, да...

— Погоди, я узнаю и скажу.

— Хорошо, буду ждать,— сказал Бескрайнов и почувствовал, что на душе стало легко и ясно.

— Ты бы делом каким занялся, а? Может, со Степаном Алексеевичем поговорить или сам?

— Подожди, бабушка...

— Жду... Интересная у нас страна получается, все хотят, чтобы было хорошо, но мало кто что-то делает для этого. О себе не беспокоятся, не то что о ком еще...

— Бабуль, ты опять за свое?

— Молчу, молчу... С тобой поговоришь... Вот одно скажу, Степан Алексеевич мало говорит, но много делает... Хотела с тобой потолковать еще о семье, тут приходила сваха знакомая, есть девушки хорошие... Да ты и слушать не желаешь! Вот, вот...— заметила Раиса Никифоровна, увидев реакцию покрасневшего Ивана.— Ну, все, все, не буду!

В комнату вошла Анастасия.

— Раиса Никифоровна, мне нужен ваш совет. Хочу приготовить пирожки с печенкой, а печенка только куриная. Пойдет?

— Ты прямо сейчас хочешь готовить? Если нет, то вместе сделаем чуть погодя, ладно?

— Хорошо, с удовольствием.

— Ну, присядь с нами, посиди... Как твой-то Быстров вчера отличился. Не думала, что так скажет про меня.

— Он умный человек...— начала Настя, но Раиса Никифоровна перебила ее.

— Уж не влюбилась ли?

— Да, нет, нет, что вы?..— смутилась Настя.

— Смотри, девка! Ты зависима от него по стихотворным делам. А он мужик хитрый, так окрутит, не заметишь!

— Ну, что вы, бабушка, такое говорите! Чтобы любить его, замуж?.. Нет, нет...

— Как-то ты неуверенно говоришь... Стихов-то много, чай, уже написала, а деньги напечатать их есть? Я-то знаю, каково сейчас. Денег нет, можешь писать хоть до второго пришествия, а книгу не напечатают, даже если как у Пушкина будут стихи.

— Да, это так...

— Вот и я говорю, что зачастил-то Быстров к нам!

Анастасия потупилась и покраснела. Было видно — внутри ее пронеслось что-то, связанное с Виктором Анатольевичем.

«Бабушка села на своего любимого конька,— подумал Бескрайнов,— ей бы только поучить человека». Он исподтишка взглянул долгим пронизательным взглядом на Настю, сидевшую все так же, опустив голову.

— Не буду мешать вам печь пирожки, пойду на велосипеде покатаюсь, устал от всех разговоров. Погода-то какая стоит, а?!

— Пойди, пойди, дело хорошее,— поддержала его бабушка.

На этот раз Иван отправился не на берег реки, а в противоположном направлении. Проехав довольно большой отрезок пути по улице, ведущей за город, он вскоре оказался на проселочной дороге. По одну сторону от нее простиралось поле — редкость в наше время — уже скошенных злаков, по другую — луг. Вдали, километрах в двух темнел лес.

Бескрайнов с удовольствием вдыхал ароматы трав, полевых цветов, соломы, слушал многоголосый стрекот насекомых, любовался чистым бездонным небом и наслаждался ощущением полу полета, которое дает езда на велосипеде.

Добравшись до леса, он не стал углубляться, а поехал вдоль по тропинке, через некоторое время ушедшей чуть вглубь, в заросли. Видимо люди протоптали ее, чтобы скрыться от палящего летнего солнца в тени деревьев.

Природа, как всегда, успокаивала. Однако мысли его постепенно вернулись ко вчерашнему дню. Иван вспомнил отца Сергея и матушку Пелагею, их лица, манеры и атмосферу, царившую вокруг них и того, что они делали, слова священника по отношению к себе и интерес, вызванный им. Ведь каким бы индивидуалистом ни был русский человек, а в нем неизменно живет укорененный коллективист, и ему очень важно знать мнение других людей о себе... Эти воспоминания, в отличие от бесед с ним бабушки и Степана Алексеевича, не вызывали никаких неприятных ощущений и мыслей. Вспомнил Бескрайнов и то, как не ушел, что обычно делал, когда затянули народную песню, остался за столом, и не просто остался, а даже с интересом слушал,

наблюдал, испытывая пока не совсем понятные ему самому переживания.

Перед Иваном возникло лицо Анастасии, обратившейся со своим вопросом к отцу Сергию. «Серьезная она какая-то была вчера»,— подумал он и тут же поймал себя на мысли, что и сам вчера в присутствии священника был гораздо серьезнее, чем обычно, несмотря на свою вспышку. Чувство доверия к отцу Сергию все более укреплялось в нем.

Вспомнился приход Быстрова и смущение Насти при словах бабушки, мол, не влюбилась ли она в Виктора Анатольевича. «Может что-то быть между ними? — спросил сам себя Бескрайнов.— А если да, то что?»

Тропинка, огибая со стороны чащи довольно большой, с крутым склоном, овраг, снова вывела его из лесу. Проехав немного вперед и обогнув лес, он вслед за тропинкой опять нырнул в тень. В этом месте среди зеленой листвы часто попадались желтые листья.

Иван вспомнил и о Веронике, о своем последнем разговоре с ней и возникших тогда желаниях. На какое-то время, как это частенько с ним бывало, он далече улетел в своем воображении, при этом не переставая автоматически следить за дорогой. Но воображение завело его, видимо, очень далеко, и он, зло сплюнув, остановился и даже слез с велосипеда. Да и как было не остановиться, если черед женских лиц захлестнула его. Настя, Вера, Лариса, Надежда — сменяя друг друга, то возникали в его сознании, то пропадали... «Боже мой,— спохватился Иван,— я ведь так много, и здесь, и в Москве, думал о Насте и даже несколько раз серьезно с ней разговаривал! Почему вдруг Вера? А почему Лариса?.. Ну, о Ларисе лучше не вспоминать, это просто недоразумение...»

Он, так и не придя ни к чему определенному, снова сел на велосипед и, развернувшись, покатил обратно...

А на следующее утро Бескрайнов уехал на пару дней — развеяться — в областной центр N-ск.

ГЛАВА 30

Что может быть хорошего от «Америкэн бой?»

Бобров шел берегом реки. Ему так хотелось сейчас ни о чем не думать, расслабиться, в полной мере насладиться тихим теплым вечером, видами, воздухом, раствориться во всем этом, запастись впрок энергией, но... мысли его все же вернулись к делам.

А они были не ахти, и, прежде всего, стройка, которой занимался Кравцов. Возведение будущего очередного торгово-развлекательного центра выбивалось из графика, и никаких решений не приходило в голову Степану Алексеевичу, как ускорить процесс, как хоть остов в этом месяце закончить и, главное, текучку рабочих прекратить или, на худой конец, уменьшить.

Задержки, и не только на объекте у Василия Ивановича, были, как правило, из-за нестабильности — той же текучки, невозможности взять кредит, не погасив прежний, да и денег много уходит на проценты. Банки дают средства по баснословным ставкам. А сколько времени уходит на подключение коммуникаций, то одно, то другое препятствие возникает — все ведь старое, прямо скажем — древнее, и спланировать что-то по времени очень сложно...

Казалось бы, все просто: подготовка площадки — от недели до месяца, рытье котлована и подготовка свайного поля — еще одна-три недели, возведение каркаса, стен и крыши — в зависимости от времени года, примерно шесть — двенадцать месяцев. Далее полгода в среднем уходит на внутреннюю отделку и благоустройство придомовой территории. Таким образом, получается где-то год — год и восемь месяцев от начала до полной сдачи. А у Кравцова уже год прошел, а еще каркас не закончен!..

Да, так далеко не уедешь... Он знает, и не понаслышке — есть знакомая в торгово-промышленной палате области, — что в этом году обанкротилось на порядок больше предпри-

нимателей, чем в прошлом. А ведь среди них — Бобров не был снобом и эгоистом — много опытных и компетентных фирм, которые нельзя будет легко восстановить. Причины лежат на поверхности: заказчики, на которых тоже давят сверху, создают для генеральных подрядчиков (каковым является и его фирма) буквально невыносимые условия, влекущие за собой убыточную работу (какая уж тут отдача кредита!). Но для справедливости следует сказать, что часть подрядчиков, в том числе и субподрядчики, работающие под началом генеральных, уходя от этого пресса, получив аванс, выводят деньги из дела. Возможно ли, ввиду всего этого, построить в срок?

Да и все сметы — смех и только! — рассчитываются по нормам, принятым еще в прошлом веке, потому несовершенным. А то, что ныне применяются новые технологии и стройматериалы, и другая техника, в расчетах совершенно не учитывается, а делается только индексация на инфляцию, которая сама по себе фэйк.

«Боже наш Святой, Крепкий и Милосердный, помилуй нас грешных!» — взмолился Степан Алексеевич.

И все же Бобров был счастлив, что строитель. Пусть не совсем то, что хотелось бы, но он созидал. И не только торгово-развлекательные центры, магазины и офисные здания с гостиницами и банями, вот как-то школу и детсад построили, правда, за пятнадцать лет это единичный случай. И с досадой вспомнилось ему, как недавно бывший Дом Культуры реконструировали в городской концертный зал, в котором потом три месяца, сменяя друг друга, гастролировали танцевальные группы — смесь стриптиза с порнографией... А так, положив руку на сердце, Степан Алексеевич помнит каждую стройку, какая бы она ни была, хоть ночью разбуди, все до мелочей расскажет.

Была у Боброва еще одна печаль. Он любил заботиться о людях, но в нынешних условиях реализовать это, как следует, не мог, поэтому осталось одно хотение. Можно ли в таких финансово-экономических условиях собрать и сохранить стабильный коллектив из хороших, квалифицированных работников, обеспечить их работой, достойным заработком и социальными гарантиями. Где те времена, когда люди не просто за зарплату работали, а еще душой болели за

дело, за репутацию организации, на каждом объекте трудились быстро и качественно?

А сейчас? У всех — сверху до низу — на уме только деньги и личное. «А, может, прав Галкин, когда говорит: развратили «либерасты» народ, и что все беды нашей экономики в полной зависимости финансовой системы от Запада? Отсюда и все остальное?» — подумал Бобров и тяжело вздохнул...

Вспомнилось ему про один случай у конкурирующей фирмы. Надстроили два этажа над существующим домом. С расчетами и документацией все было якобы в порядке. Но дом рухнул... Как так можно? Интересно, сколько денег тот недобросовестный проектировщик поимел? Но тут, думаясь, и Расстегаев не без интереса остался... Вот китайцы тратят на расчеты и проектирование всего и вся две трети времени и только в оставшуюся треть строят. У нас же все наоборот, кверху ногами — десять процентов времени проектируют, потом, дорабатывая документацию на ходу, долго строят и... перестраивают, и... деньги делают, кто как может.

Да и у Боброва, чего греха таить, на стройке одного крупного здания вдруг середина стала проседать. Хорошо заметили еще на стадии каркаса. Стали измерения делать... Оказывается, недостаточно проложили и утрамбовали песок и щебенку. Пришлось рыть, укладывать и утрамбовывать уже при стоящей конструкции...

«А сколько проверок! — с отчаянием подумал Степан Алексеевич.— Конечно, проверки нужны — сколько сейчас расплодилось недобросовестных-то. Но то, что устраивают порой проверяющие — иначе как беспределом не назовешь. Вот пришли как-то на объект, ходили, посмотрели и говорят: «Ну, у вас все хорошо. Так что это вам обойдется всего в тридцать тысяч...». Вот как, чтобы было хорошо, значит... Бардак, кругом бардак. Да и как может быть иначе, если глава региона сразу после избрания, собрав на банкет по этому случаю однокурсников, плясал с ними под «Америкэн бой»... Прости, Господи!»

ГЛАВА 31

«Хорошего человека мы приобрели сегодня!»

Сегодня с утра Анастасия одела свое лучшее платье, взяла папку с документами и, разбудив Веронику, которая долго спала после вчерашнего бдения за компьютером — любила полазить по Интернету — и, перепоручив ей кое-что по хозяйству, отправилась на собеседование в гимназию.

- Ни пуха, ни пера! — прокричала вслед сестра.
- А я думала, ты скажешь — с Богом!
- С Богом, с Богом!

Настя покачала головой и вышла за калитку. Нарядное, но в то же время достаточно строгое, синее платье хорошо сидело на ней, и она с удовольствием оглядывала его и новые, купленные вчера, белые туфли на высоком каблуке. Свою косу Анастасия сегодня уложила вокруг головы, придав себе достаточно строгости — все же лучшая гимназия.

Длинная, утопающая в зелени деревьев и приусадебных кустарников начала августа, в цветах палисадников улица постепенно, по мере подъема, переходила в современную городскую, с вначале старыми, довоенными еще домами, а потом и новой постройкой. А вот и улица Советская — одна из самых центральных улиц города, — и по ней уже недалеко до гимназии. На этой улице совсем не было частных домов, и за старыми, сталинскими зданиями со скромными архитектурными украшениями, за «хрущевками» и брежневскими девятиэтажками высились уже новые дома современного вида — башни с элементами западной архитектуры (раз уж копировать, то все, начиная от «вау» и кончая госустройством). Вдоль мостовой росли только аккуратно подстриженные деревья и низкие кустарники-близнецы.

Гимназия представляла собой здание обычной, конца семидесятых годов, — по тем временам новейшей — школы, окруженной — это уже современное веяние — высокой, выкрашенной в черный цвет металлической изгородью. Вокруг

здания гимназии рос большой ухоженный парк с разного возраста деревьями и коротко подстриженными лужайками. Рядом располагался школьный стадион, с футбольно-хоккейным полем, огороженным низкой стенкой, с высокой сеткой вверху, на котором были установлены и баскетбольные щиты с кольцами, а вокруг располагалось множество уличных тренажеров, турников, стенок, лесенок и прочее — все, что ныне зовется — «Газпром детям!»

Окинув все это богатство удовлетворенным взором, Анастасия вошла в гимназию. Спросив у вахтера-охранника, где находится кабинет директора, она поднялась на второй этаж. Секретарь попросила Настю немного подождать, и она присела в кресло у стоявшего у окна большого фикуса.

— Вы ко мне? — спросила вошедшая буквально через пару минут высокая, статная средних лет женщина в строгом черном костюме, судя по всему, директор.

— Да, мне назначено на сегодня.

— Проходите.

Они вошли в большой светлый кабинет с обилием растительности на полу и подоконниках. Директор прошла к столу и жестом пригласила Анастасию сесть.

— Насколько я помню, Анастасия Петровна?..— Меня зовут Нина Петровна,— представилась та.— Так вы из школы к нам...— сказала она, глядя в документы.

— Да.

— А почему не захотели работать там?

— Хотелось найти школу более высокого уровня организации и преподавания, с хороших же традиций коллективом, как ваша гимназия.

— Вот вы пишете в автобиографии, что ваши родители — учителя. Значит, у вас, как говорили раньше, трудовая династия? Это похвально, весьма похвально!

— Да, отец — учитель математики, а мама тоже филолог, вернее, я тоже филолог,— смутилась Настя.

— Как вышли на нас?

— Знакомый порекомендовал.

— Да? А кто именно?

— Бобров Степан Алексеевич, наш предприниматель.

— Нет, не знаю такого. А может быть, и знаю, но не по имени.

Некоторое время они помолчали. Нина Петровна продолжала смотреть документы Анастасии.

— Так-так, филолог... Нам требуется учитель русского языка и литературы в седьмых — восьмых классах. Возраст сложный, сами знаете, учили вас детской психологии. Возьметесь? — Директор оценивающе взглянула на Настю.

— Возьмусь, Нина Петровна! — недолго раздумывая, сказала та.

— Ну, вот и хорошо! — Директор еще раз осмотрела новую учительницу и заметила: — Только вот что. У нас в гимназии принято учителям появляться в более строгой одежде — традиции, уж не обессудьте.

— Да,— смущенно улыбнувшись, сказала Анастасия.— Поняла.

— Хорошо, хорошо...— проговорила Нина Петровна.— Ну, а как насчет факультатива для тех, кто хочет более широко и углубленно изучать русскую литературу?

— Углубленно — это понятно, а что вы понимаете под «широко»?

Нина Петровна внимательно поглядела на Анастасию. «Умная девочка»,— подумала она.

— Ну, например, изучение с желающими произведений русских писателей, не вошедших, к сожалению, в школьную программу. «А сколько таких ~~не~~ вошедших?» по недосмотру, а может быть, и по умыслу?» — про себя проговорила она.— Не боитесь?

— Я поняла вас, Нина Петровна,— сказала Настя,— и с удовольствием возьмусь за эту работу! — А сама заволновалась — справится ли?

— Хорошо. Ну, потом посмотрим, посмотрим. А сейчас оформляйтесь. Подойдите к секретарю, она вам все подскажет,— спокойно, без эмоций произнесла Нина Петровна, но про себя решила: «Хорошего человека мы приобрели сегодня!» — И еще. Главное, никогда и нигде не забывать, что вы — учитель,— добавила она.

Анастасия взяла свои документы и, попрощавшись, вышла в приемную.

Когда она сидела у стола секретарши, вошла женщина в строгом черном костюме и белой блузке.

— Вы слышали, Ольга, Елизавета Борисовна умерла? —

сказала она, обращаясь к секретарше.

— Что вы говорите, Лидия Павловна?! — воскликнула Ольга.— Боже мой! Она ведь так недолго болела, а до того всегда была пунктуальна, практически никогда не брала «больничный» — «все время на посту», как любила говорить. Боже мой, как жаль — такой учитель и человек хороший: всегда была готова помочь — и советом и реально.

— Да. Вот такая судьба. И лет-то ей всего шестьдесят было. За две недели не стало.

Лидия Павловна вошла в кабинет директора. Через пару минут они обе вышли в приемную.

— Горе-то какое! — произнесла Нина Петровна.— Лидия Павловна, вы завуч, соберите людей, поговорите с коллективом, как все лучше организовать. А гимназия, безусловно, поможет, я поговорю с бухгалтером, средства найдем. Память о Елизавете Борисовне этого требует. Сейчас же нужно тех, у кого сегодня нет уроков, послать к ней домой, помочь распорядиться насчет похорон.— И, обращаясь к Анастасии, сказала: — Жаль, что вы не успели застать Елизавету Борисовну. Она была замечательным учителем русского языка и литературы, преподавала в девярых — десятых классах. Вот вам у кого было бы практически поучиться!..

— Нина Петровна, можете мной располагать. Куда нужно идти, скажите адрес? Я только домой заскочу, предупреджу родителей, хорошо?

— Ну, что ж, похвально, похвально, Анастасия Петровна,— сказала та.

— Запишите адрес.— Ольга продиктовала его Насте.

Анастасия вышла из здания гимназии, чувствуя все же неуверенность в себе, ведь никогда еще не работала учителем, судя по всему, в таком требовательном учебном заведении. А с другой стороны, случай со смертью учительницы, вернее, реакция работников и руководства показала, что коллектив здесь действительно хороший. Потому помогут, поддержат ее, подскажут в случае чего. И она, улыбнувшись себе мысленно, легкой походкой пошла по залитой солнцем, зеленой, украшенной кустами с белыми цветами и с обильно усеянными желтыми одуванчиками газонами, по-летнему веселой улице своего любимого города.

ГЛАВА 32

Кто есть Учитель?

Раиса Никифоровна проснулась сегодня задолго до обычного времени пробуждения. И немудрено — она знала, что Настя идет на собеседование, потому нужно на рынок сходить, обед приготовить праздничный — чувствовала, устроится у девушки все с работой в гимназии ныне, а родители-то ее только к вечеру домой вернутся. Но не только это разбудило Раису Никифоровну. Думы об Иване все не давали ей покоя. «Что же он — совсем слепой что ли? — не видит Анастасию — такую девушку? Хороший ведь товар не залеживается. Прохлопает Ванюша Настю, возьмут ту в жены, и будет «близок локоток, да короток роток», поздно будет вздыхать... Как жаль, что не все можно по наследству передать. Ворочалась Раиса Никифоровна в постели, ворочалась да и встала, принялась хлопотать и собираться на рынок.

Она любила эти ранние часы, когда никакие разговоры и неотложные дела не отвлекали от размышлений, когда голова была ясной и сердце — очень чутким ко всему. Вот и сейчас пришла мысль: «Как хорошо будет посидеть вдвоем с Настенькой и поговорить обо всем: о школе и работе в ней, об Иване, да и просто (а просто ли это? — корень-то у «просто» и «прости» один) о чем-либо. Но посидеть вдвоем все же, наверное, не удастся — дотошная и любознательная Вероника (хорошая девчонка, но еще совсем ребенок) не даст. Услать ее что ли куда? — Да поймет, обидится еще».

Но и неприятное, как незванный гость, как белым белая кошка, пришло на память Раисе Никифоровне. Вспомнила она Виктора Анатольевича, его визит на день рождения Насти и все последующие его объяснения-поползновения к ней — все та рассказала, ведь они были откровенны всегда и во всем. А Быстров вызывал у Раисы Никифоровны неприязнь не только своими взглядами, отношением к дорогому для нее, но и тем — чувствовала, — что мог пойти на все ради исполнения своих желаний. Поэтому он очень опасен.

Нужно признаться, что Виктор Анатольевич тоже недолюбливал Раису Никифоровну, и между ними часто возникали и мелкие и крупные разногласия. Радует, что у Насти с ним нет единомыслия, они спорят по многим вопросам. Но все же нужно поговорить с девушкой и предостеречь от контактов наедине с ним, когда рядом нет близких. Материнское (а Раиса Никифоровна относилась к Насте, как к дочери) сердце подсказывало: что-то замышляет Виктор Анатольевич — знать бы что?..

Купив все необходимое в магазине и на рынке, Раиса Никифоровна вернулась домой и принялась готовить обед. Проснулась к тому времени хохотушка Вероника и стала помогать ей.

— По какому случаю праздничный обед?

— Сейчас вернется Настя. Она пошла устраиваться на работу в третью гимназию. Вот и обед к ее возвращению, уже в качестве учителя гимназии, будет готов.

— А почему вы знаете, бабушка, что ее возьмут?

— А почему бы ее не взять: и профиль соответствует, и серьезная молодая девушка?

— «Комсомолка, спортсменка и, наконец, просто красавица»,— смеясь, процитировала Вероника слова героя одного известного фильма.

— Тебе бы только улыбаться да смеяться, проказница! Сама-то кем будешь?

— Я?

— Ну, не я же!

— Нужно подумать...

— Вот и думай,— добродушно проговорила Раиса Никифоровна.— Ну-ка, глянь в окно, это не Настя идет?

— Она, она самая, и с гордо поднятой головушкой! — сказала Вероника, выглянув в окно.

И действительно, открылась дверь, и вошла Настя, заметно раскрасневшаяся от быстрой ходьбы.

— Раиса Никифоровна, можете меня поздравить, я — учитель русского языка и литературы в седьмых — восьмых классах! А еще мне предложили вести факультатив по литературе!

— Ну, что я говорила? — сказала та Веронике.

— Вы просто провидица! — воскликнула девушка.

— Давай, насмешница, подавать на стол,— мягко сказала Раиса Никифоровна: «Тоже хорошая девчонка, Веруня, только над ней еще нужно трудиться — уж больно легкомысленна еще. А может, и ошибаюсь. Хохотушки обычно скрытными бывают»,— подумала она, а вслух произнесла: — Настя сегодня еще ничего не ела да и переволновалась, поди. И мы с тобой потрудились на славу — неплохо бы тоже сытно покушать. А, хохотушечка моя?

— Да, бабулечка, да, хорошая, иду, бегу! — И, захватив полотенце, она поспешила на кухню.

— Садись, Настя, мы сами,— видя, что Анастасия порывается идти за сестрой, сказала Раиса Никифоровна.— Ты сегодня героиня, поэтому, и платья красивого не снимая, садись на почетное место.— Сама же пошла подавать...

— Ну, как у тебя все прошло? — спросила она, откупоривая бутылку вина, когда все трое уселись за стол.

Анастасия подробно рассказала обо всем, что произошло в гимназии: о разговоре с директрисой, о ее предложении, о смерти Елизаветы Борисовны...

— Боже, как же, зная я ее! — воскликнула та.— Замечательный педагог, только хорошее о ней и от людей слыхала. Вот некоторые говорят сейчас: «Евреи, евреи...», а каким человеком была Елизавета Борисовна — с большой буквы! И учителем — каких поискать! Всегда поможет, поддержит, от работы никогда не отказывалась... Все дело в душе!

— Да, вы правы, Раиса Никифоровна!.. А умерла она сегодня утром, и похороны будут послезавтра. Я буду помогать, уточню, во сколько, и скажу вам.

— Да, скажи, обязательно пойду — такой человек! Да будет земля ей пухом и Царствия ей Небесного!..— Жаль, Настя, что ты не застала ее. Сколько бы всего могла от нее перенять,— сказала она после некоторого молчания.— А знала я и другую учительницу... но давайте сначала поедим, а то за разговорами все остынет. Приятного аппетита!

Раиса Никифоровна разлила по бокалам красное с терпким запахом вино.

— Ну, успехов тебе на учительском поприще и, вообще, в жизни, дорогая моя, названная дочь!

— А я не названная? — спросила, улыбаясь, Вероника.

— И ты, и ты названная, ну как же! — сказала, засмеяв-

шись Раиса Никифоровна, и поцеловала ее в щеку.

— Настя, дорогая моя, названная сестра!..

— Вероника, ты можешь, хоть в такой момент, быть серьезной? — спокойно спросила Раиса Никифоровна. — Ты же уже взрослая, ну, нельзя все время хихоньки да хаханьки.

— Все, все, больше не буду, — и серьезно произнесла: — Настя, правда, поздравляю!

— Благодарю вас, мои дорогие! — Настя поднялась со стула и по очереди расцеловала обеих.

— Разговоры разговорами, а еда все стынет и стынет. — Раиса Никифорова жестом пригласила к трапезе.

Они приступили к еде, вернее, к пиршеству, иначе это никак нельзя было назвать, так как с Божьей помощью и трудами Раисы Никифоровны и ее помощнице стол ломился от яств. Здесь было и аппетитно пахнущее жаркое из баранины, и говядина, тушенная в горшочке с картофелем, и селедка под шубой, и несколько салатов, и фаршированная щука, которую готовить научила Раису Никифоровну бывшая сотрудница, Фаина Самуиловна, а уж о соленых огурчиках и консервированных помидорах — только что из банок — помолчим, насколько дурманно они пахли.

— Самое главное, Настя, полюбить свое дело, понять его главный смысл — прежде всего, воспитание человека, а уж потом знания по предметам — и, таким образом, стать учителем. Это должны подтвердить коллеги, такую оценку должны дать ученики. И внимание, наблюдательность по отношению к каждому ученику — ведь это человек, несмотря на возраст. А то знала я одну учительницу, еще когда моя дочь училась в школе. Так она пристала к директору, мол, Игнатова Максима — он учился в одном классе с моей Ларисой — нужно забрать из семьи в школу-интернат, ибо родители не уделяют ему, якобы, никакого внимания, мало того — отец пьет, мать с утра до позднего вечера работает, чтобы денег хватало на жизнь — днем в учреждении, вечером убирается в другой конторе, даже, по-моему, в двух, что-то запомнила я... Ну, так вот, разобрались, и оказалось: да, мать много работает, отец пьющий, но — редкость! — хороший, при этом, семьянин, сына безумно любит, и тот отвечает ему взаимностью, а мать относится к мужу, как к больному, зная, что тот никогда не изменит и не поднимет

на нее руки. А дело-то было в чем? Блудливой оказалась учительница та — вы уж простите меня. Отец Максима был из себя мужик, что называется, видный, не гляди что пьяница, и она на него глаз положила, решила своим сделать путем разрушения семьи... Разве это учитель, воспитатель? Это и не человек вовсе. Таких нельзя к школе на дальность полета крылатой ракеты, выражаясь современным армейским языком, подпускать. А рассказала я об этом — это и тебе Вероника знать полезно — для того, чтобы вы обе помнили, что никакое звание, должность, название еще ничего не говорят. Нужно смотреть, кто и что за этим стоит. И еще, никогда не поддавайтесь страсти, она даже хороших и сильных людей в грех может ввести, не говоря уже о слабых. А им нужно помогать, так как предотвращение преступления — это лучше, чем даже справедливое наказание за него.

— Я поняла, Раиса Никифоровна.

— И я поняла, бабушка,— присоединилась к Насте Вероника.

— Хорошо, мои родные.

И они дружно продолжили есть.

Когда Вероника за какой-то надобностью вышла из кухни, Раиса Никифоровна спросила у Насти:

— Грустные глаза у тебя. Что-то случилось?

— Случилось, бабушка, и давно...— и ее голубые глаза посерели.

— Да что же, Настенька?

— Совсем он не обращает на меня внимания...

— Кто? Иван? Хочешь, я поговорю с ним?

— Да нет, не Иван, кое-кто посерьезнее...

— Все загадками... А-а-а, поняла, поняла, милая. Вот что я думаю: вам надо поговорить.

— Бабушка, Раиса Никифоровна, дорогая моя, да когда же поговорить, если он все время или занят делами, или ведет серьезные разговоры!

— Ну, давай я поговорю!

— А вот этого ни в коем случае не нужно делать?!

— Как скажешь. Но я переживаю за тебя.

— Я и сама за себя переживаю...— сказала Анастасия. «Жалко девку, ох, жалко!» — запечалилась Раиса Никифоровна.

На совещании о достойной роли человека в современной жизни один Ангел предложил: «Человек должен нести в душе радость и уверенность, ведь жизнь все дает для совершенствования именно в его положении». — «Нужно помочь другому в понимании его жизни, а не осуждать ее. Разве значение ее не в невидимом для других, но что освещает все видимое в человеке и вокруг?» — сказал другой. — «Да, верно. Он будет счастлив, когда поймет свое, возможно весьма неприметное, предназначение». Третий Ангел рассуждал о наличии в любом коллективе людей, ничем не выделяющихся, но являющихся творцами хорошего. «Настоящий труд — это труд ради эволюции. Хоть жизнь и трудна, но человек, творя, завоевывает право на жизнь в вечности и беспредельности», — сказал наш Ангел. «Встал поутру... и приведи в порядок свою планету», — улыбнулся другой. «"Бог есть огонь, согревающий сердца" учил прп. Серафим. Когда духом Истины рассеются низменные страсти, тогда начнут рождаться светлые помыслы» — «Постоянное развитие накапливает позитив и отмечает разлагающие отрицания» — «Если зародилась созидаящая мысль, это то же, что луч света, направленный ввысь» — «Когда в душе высокие идеалы, они преображают человека, пробивают обступающую тьму и защищают от дремучего невежества, которое воинственно, как и заразительна тьма», — высказывались. Диалог подытожил наш Ангел: «Возвышение в Истине есть благо. А облагораживая все, люди неминуемо возвышают и себя, ибо направленная вверх энергия будет все устремлять туда же. Человеку, находящемуся на распутье я бы порекомендовал: —Пробуй! Ничего, что идешь не прямо. Не озирайся и иди только вперед, не боясь ничего. И помни, гладкий подъем затрудняет восхождение, можно и соскользнуть вниз. Камни же и рывтины удерживают на склоне»».

ГЛАВА 33

Родители

Сегодня Анастасию не оставили без разговоров о замужестве и родители, вернувшиеся с занятий в школе. Следует раскрыть маленький секрет: как только они вошли во двор, Раиса Никифоровна, видимо, поджидавшая их, завала к себе и за ужином долго разговаривала с ними. Если бы читатель волею судеб оказался сейчас у раскрытого в теплый и ясный ранний августовский вечер окна, то услышал бы тихую, но взволнованную беседу, прерывающуюся глубокими вздохами хозяйки и гостей.

Однако, так или иначе, когда родители вернулись к себе, Тамара Ивановна сразу же зашла в комнату Насти. И, судя по вопросам и ответам собеседниц, между ними продолжился разговор на тему, начатую у соседки, да и, видимо, не первый за последнее время.

— Лет через пять, Настя, ты, доченька, начнешь объявления подавать в газету в раздел о знакомстве, а еще через пять вместо телефона адрес будешь указывать, и потом на вечера знакомств «Кому за тридцать», то бишь за пятьдесят, станешь ходить... а еще через пять — ни один соответствующий тебе по возрасту мужчина в твою сторону не посмотрит, и, в конце концов, бойскауты, каких сейчас придумали вместо пионеров, шефство придут над тобой брать!

— Жуткую картину, мама, ты нарисовала мне! После этого только и остается, что бежать на улицу и искать там себе жениха,— сказала Анастасия, смеясь.

— Не до такой же степени...

— Степень, степень... Эх, мама, да я бы завтра же дала согласие выйти замуж, если бы *он* хотя бы просто дал понять, что я ему не совсем безразлична!

— Доченька, так я про то, что если так и не даст понять! Некоторые и до «старых дев» ковыряются в женихах, как в картофельных очистках... Скоро, через семь — восемь лет, нам с отцом будет по шестидесяти шести годков. Сможем ли

мы так работать, как сейчас. А ты все одна. В школе, в институте мальчики с девочками дружили, а ты — одна. И сейчас: чем плох Иван, если Степан Алексеевич не отвечает взаимностью? — Хороший парень, ну, без царя в голове, но повзрослеет, за ум возьмется. Ты можешь помочь, и хороший муж будет. Есть и другие, Настя. Не пожалела бы?

— Ну что, выходить за любого, первого встречного?

— Почему за неизвестно кого? Кругом много достойных людей!

— Например, кроме Ивана?

— Ну...

— Ладно, не будем!..— И для прекращения разговора Настя взяла лейку и пошла поливать цветы.

— Не сердись, дочка, никто еще не погиб от любви матери! — крикнула ей вслед Тамара Ивановна и подумала: «Со всем не думает о будущем».

Вошел Петр Терентьевич и вопросительно посмотрел на жену. Та отрицательно покачала головой.

— Ни о чем, Петя, не хочет слушать. Один Степан Алексеевич на уме.

— Ну, что делать, Тома, от судьбы, как говорится... Ничего, жизнь поправит.

— Но ведь так может и «синим чулком» остаться!

Они помолчали...

В это время в саду Настя встретила с Раисой Никифоровной.

— Что, убежала от родителей? Переживают они...

— Да, переживают.

— И я, Настенька, все думаю о тебе.

— Я знаю, Раиса Никифоровна, вы мне родная, я ваша настоящая внучка!

— Уж и внучка? А я-то размечталась, что дочка.— Она рассмеялась и обняла ее.

— Ой, бабуль, как мне хорошо с тобой, тихо так, спокойно, и никого нам не нужно!

— Прямо совсем никого?

— И ты такая же, как все они. Уходи, уходи! — в шутку воскликнула Анастасия.

Раиса Никифоровна вернулась в дом, зашла на половину соседей. Они сидели рядком и пили чай.

— А настоящая она у вас девка!

— Что есть, то есть,— сказал отец.— Успокойся, все будет хорошо, жена.

— У тебя, Петя, на все — «будет хорошо!» А как я могу успокоиться, если слышу от нее одни отговорки?

— Мама, папа, успокойтесь! — Анастасия вернулась с прогулки по саду.

— Ну вот, еще один успокоитель пришел — самый главный,— улыбнулась Раиса Никифоровна.— Нам всем, Настенька, хочется, чтобы ты была счастлива.

— Милые мои, как я благодарна Богу, что вы у меня есть! — сказала она, подошла, обняла и поцеловала каждого.

ГЛАВА 34

Вечерний город.

Знакомство под дождем.

«Свято место пусто не бывает»

Как-то вечером, после возвращения из N-ска, гуляя от нечего делать по центральной улице города, Бескрайнов столкнулся с Ларисой. Лучистые глаза и белозубая улыбка в обрамлении копны рыжих волос, запах дорогих духов, все моментально пошло в атаку на Ивана. Первой реакцией его было желание закрыться. Но не тут-то было.

Лариса была не одна. Рядом стояла под стать ей, такая же стройная, молодая женщина, брюнетка, с требовательным, волевым взглядом.

— Познакомься, Марина,— несколько фамильярно произнесла Лариса,— это Ванюша. А это моя подруга.

Та чуть заметно кивнула в ответ, не отводя глаз, в которых появились чуть насмешливые искорки.

— Очень приятно,— машинально проговорил он.

Лариса что-то быстро говорила, как всегда, аккомпанируя себе руками и подыгрывая глазами, но Иван не слушал

ее. В нем не то, чтобы боролись, но каким-то образом одновременно существовали два противоположных желания — повернуться и уйти и продолжить общение. Он прислушивался к обоим желаниям, каким-то краем сознания пытаясь понять, какое из них его. И снова, как в прошлый раз, все мысли и события последнего времени стали уплывать вдаль, вытесняемые неким неизбывным желанием веселья.

«Уж не колдует ли она? — подумал он и тут же опроверг свои мысли.— Сейчас начнешь выдумывать, просто изголодался ты тут по контакту с женщиной...»

Бескрайнов разозлился на себя, и эта злость вывела его из оцепенения.

— А почему вы, Марина, такая серьезная? — вдруг, спросил он, обращаясь к подруге Ларисы.

— Это вам так кажется,— ответила она.

— Да, нет...

— Кажется, кажется...— затараторила Лариса, беря его за руку.

Иван понял, что если сейчас не уйдет, то от нее ему не отделаться, и через какое-то время он окажется в ее постели и, может быть, не только с ней, потому мягко отвел ее руку.

— Извините... я тороплюсь в аптеку... нужно лекарство... срочно... бабушка...— начал врать он, покраснел и, резко шагнув в сторону, быстро зашагал прочь.

«Ну, ты даешь!..— подумалось ему.— Раньше непременно воспользовался бы случаем. И что случилось? Испугался, что может повториться инцидент или что-то другое?»

Вслед ему раздался даже не смех, а хохот откровенно развеселившихся женщин. Но он, не оборачиваясь, зашагал дальше, несмотря на то, что его сильно тянуло вернуться и провести вечер с Ларисой. И тянуло не только эмоционально, но и физически. Бескрайнов не мог понять — что заставило его уйти? Но дать какое-либо вразумительное объяснение он не мог. И это его сильно мучило.

А город светился мягким желтым светом фонарей. Кое-где горели редкие провинциальные рекламы, какими им и пристало быть в районном центре. Вечер выдался теплый, и на улице было достаточнолюдно. Но и машин было много, так что о воздухе лучше было не говорить.

Бескрайнов свернул в переулок и, обогнув центр, поднял-

ся на холм со стороны, противоположной реке. Весь город лежал перед ним. Улицы, улочки и переулки, обозначенные цепочками огней, где беспорядочно, как попало, а где строго по плану под прямыми углами или солнышком, как в центре, создавали неповторимый рисунок. Среди неподвижных огней фонарей были и подвижные, где цепочками в обе стороны, а где редкими шариками, катились они по городу, создавая вместе с шумом автомобильных двигателей, железнодорожных составов, музыки, доносящейся из расположенного недалеко ресторана, картину живого города. И у него, несомненно, был свой собственный, может быть, одному ему присущий ритм, который оказывает на каждого человека, живущего в этом городе, свое, особое влияние. Кто-то активен и, как заведенный, бегают с утра до вечера по своим делам, кто-то чередует периоды активности и передышки, и таких большинство. А есть, как во все времена, и такие, кто зевает день-деньской во весь рот, либо спит явно или неявно, либо ищет всякие дела, чтобы только не делать главного, либо смотрит на всех довольными глазами, как бы спрашивая — «Я доволен всем, мне не скучно, что вам от меня нужно?» Но как бы то ни было, каждый человек несет на себе черты и общегородского типажа.

Бескрайнов спустился, но пошел не центром, а переулочками, как он любил часто делать. Здесь было пустынно, и из открытых окон, со дворов он слышал голоса и пение, идущие из телевизоров и музыкальных центров, разговоры людей, кудахтанье кур и другие звуки реальной жизни.

От прогулки он устал, впечатлений было много, и образы встреченных им женщин поблекли в сознании.

Пока Бескрайнов шел, прислушиваясь и приглядываясь к жизни переулков, попрятались звезды, заметно посвежело, потянул ветерок и начал накрапывать дождь. Зонта, конечно, не было. «Дотяну» — подумал он и, подняв воротник пиджака, быстро зашагал кратчайшим путем к дому.

Однако дождь расходился не на шутку, полил ливень, и теперь, как ни иди, — быстро или медленно, — а вымокнешь до нитки. Бескрайнов, увидев на другой стороне перекрестка широкий козырек над подъездом, шагнул в его направлении. Но тут из-за угла вышла женщина с зонтом. Столкнувшись с Иваном, она выглянула из-под своего убежища, улыбнулась

чуть насмешливо, съезжившемуся мужчине.

— Что же вы прогноз погоды не слушаете, а?

— Да как-то...

— Идите скорее под зонт, а то, чего доброго, простудитесь еще!

Бескрайнов шагнул в спасительное пространство зонта. Незнакомка, не церемонясь, взяла его под руку.

— А то зонт-то женский, маленький... Вам далеко?

— Минут десять, к реке... — и Бескрайнов назвал адрес.

— О, да мне почти туда! Пойдемте, я вас, так и быть, провожу.

— Спасибо!.. Но мне неудобно...

— Как вас хоть зовут? Я — Елена. — Не обращая на его слова внимания, она решительно повела его через улицу.

— Иван...

Они бодро шагали по улочкам, обходя большие лужи, куполом зонта решительно пресекая мощные струи дождя и весело болтая. Больше, конечно, говорила Елена, ибо трудно было себе представить, что могло бы заставить Бескрайнова болтать. Он всегда либо что-то произносил определенное и четкое, о чем думал, что его волновало, либо мямлил.

Так незаметно они дошли до дома бабушки. Дождь не стихал, хотя стал немного меньше.

— Ну, вот я вас и довела.

— Я вам очень благодарен.

— Прощайте, мой неожиданный попутчик, — проговорила, улыбаясь Елена.

— Прощайте... — И как бы спохватившись, произнес: — А можно я вам как-нибудь позвоню?

— А запомните?

— Да, конечно!

Елена назвала ему номер своего сотового телефона. Он наморщил лоб, запоминая цифры и их последовательность. А она, подтолкнув его к калитке, засмеялась коротким звонким смехом и исчезла за углом.

Домой идти не хотелось. Бескрайнов спрятался под навес над калиткой и стоял так, глядя на струйки затихающего дождя, ручьи и лужи, ожившую после жары растительность, и на душе его было как-то мечтательно хорошо. Как это часто бывало с ним, вспоминались чьи-то стихи.

Психологический роман

*По улице, испачканной дождем,
Шла женщина, укрытая зонтом.
От всех невзгод, от непогод
Был только тонкий-тонкий зонт.
По улице, испачканной дождем,
Мужчина шел, бездомным псом.
От всех невзгод, от непогод
Был только плотно сжатый рот.
И прикоснулся он к зонту
На зыбком уличном плоту.
И вот плывут они вдвоем
Сквозь серый, мглистый водоем.
А из зашторенных окон
Струится тихий теплый сон.
На улицу, на дождь, на грязь
Незримою рукой ложится вязь.*

Дождь уже закончился, только капало с веток, крыш и с козырька. Шум проехавшей машины вывел Бескрайнова из оцепенения, и он зашел в дом. Было поздно, все, видимо, спали, и Иван, тихонько сняв обувь, прошел к себе.

Бескрайнов любил свою комнату. Она была солнечной практически весь день, кроме ранних утренних и предзакатных часов. Бескрайнов любил понежиться в ласковых лучах, ему так хорошо думалось. А по ночам ему нравилось долго смотреть на луну, навевавшую мечтания-сны, которые почему-то ассоциировались у него с серебряными колокольчиками. Вот и сейчас он, не зажигая свет, сохраняя очарование вечернего полумрака, подошел к окну, в которое сквозь разрывы в тучах заглядывала полная волшебница луна. В сознании зародились какие-то надежды и соблазны вперемешку с мыслями о жизни и смерти. И мысли о смерти, всегда вызывавшие в нем философское настроение, сейчас были неприятны, хотелось, чтобы бесконечно длились вот такие, как сегодня, дивные и прекрасные дни и ночи. Он испытывал сейчас буквально физическое наслаждение. Но — «свято место пусто не бывает» — в это состояние души, в эту самую внутреннюю красоту, уже начали понемногу, затем все более, вкрадываться черными точками, испускавшими ядовитый дух, воспоминания, сомнения, страхи и что-то еще,

чему он пока не мог дать имени. Бескрайнов не любил это, но не имел ни сил, ни знаний, ни опыта, как с этим бороться. И яды эти постепенно поедали его прекрасный душевный настрой. Так же было и сейчас...

Бескрайнов стоял у окна, мысленно накинув на себя серый плащ своего одиночества, своего безразличия, неверия и неприятия ни плохого, ни хорошего. Апатия овладела им.

«Как уйти от этого состояния, что все время «пожирает» в моей душе все хорошее? Почему не могу удержать прекрасное настроение хотя бы на недолго? — Эти вопросы не впервые мучили, но сегодня к ним прибавился еще один: — Может, поэтому я не могу на чем-то сконцентрироваться? Другие ведь работают от света и до света, и вдохновение долго не покидает их. Почему со мной такое?»

Бескрайнов еще некоторое время постоял, тщетно пытаясь найти ответы на свои вопросы. Уже было поздно, он устал и, едва прикоснувшись к подушке, так и не раздевшись, забылся глубоким сном.

ГЛАВА 35

«Утро — начало маленькой жизни...»

Разговорчивая подруга

Утром в воскресенье Бескрайнов проснулся от голоса громко разговаривавшей рядом с окном Анастасии.

— Настя, ты всегда такая тихоня, а тут расходилась... Ну, впрямь, как Верочка. Что стряслось?

— Да, ничего, просто настроение хорошее.

Бескрайнов выглянул. Бабушка и Настя заметили его.

— Вот, разбудили человека, — сказала бабушка.

— Иван, пойдемте завтракать. А потом погуляем, ладно?

— Хорошо.

На завтрак были картофельные драники с молоком. Бескрайнов очень любил драники, мать в детстве часто их делала. Настроение его улучшилось, он внутренне улыбнулся и

приветливо посматривал на обеих. «Что это она решила позвать меня погулять с собою? То сторонилась все последнее время, а тут... Может, что-то произошло, о чем я не знаю?»

Было часов десять утра. Еще не наступила календарная осень, и последние летние деньки радовали хорошей погодой. Они прошли через огород и по тропинке направились к лесу, к стайке стоящих на опушке берез.

— Какой покой, да? — тихо произнесла Настя.

Бескрайнов молча кивнул, продолжая любоваться изда-лека березовой рощицей. Вчерашние мысли не тревожили его. Он испытывал во всем теле негу и покой, какие обычно бывают, когда хорошо на душе. Будто все вчерашнее и то, что прежде, хотя и помнилось, но сейчас казалось чем-то далеким-далеким. Вроде бы какая-то иная жизнь началась. «Утро — это начало маленькой жизни, длящейся сутки и завершающейся угасанием — сном. Если помнить, что сутки являются моделью жизни и не забывать этого, то и вся жизнь, наверное, будет иной», — подумалось ему.

Сквозь кустарник по правую руку виднелся в сиреновой дымке дальний лес, а слева — пологий берег реки, весь заросший камышом. К реке, видимо завершив какие-то дела на суше, пролетели чайки. В царившей вокруг тишине, кроме пения птиц, был слышен только плеск волн. На берегу за рекой стало видно дальнейшее село, над которым белой птицей парила церковь. А вверху простиралось чистое, пронзительно голубое небо. И Бескрайнов поймал себя на желании остановиться, разбить палатку и остаться жить навсегда именно здесь, в этом месте.

— Какие березы милые,— проговорила Настя.— Меня почему-то всегда тянет именно к березам, особенно когда навалится грусть и уныние, я стараюсь прикоснуться рукой, прижаться спиной, обнимаю, буквально окунаюсь в них. А если еще и небо голубое-голубое, то больше в такие минуты ничего и не нужно.

— Я тоже люблю березы, просто люблю, не до такой степени, как вы... нет, ты, ведь мы уже на «ты», правда?

— Да... Тут есть еще березка у оврага, а рядом дубок... Но это лучше увидеть, чем услышать.

— Покажешь?

— Конечно, пойдем,— сказала Настя, и они несколько минут прошли в полном молчании.

— Вот!

Они, немного спустившись по тропинке в овраг, обошли два дерева, росших метрах в двадцати от березовой рощи. Им открылась удивительная картина — чуть поодаль от одинокой березы рос дуб. На склоне из земли торчали их корни, и трудно было сказать, где чьи. Было такое чувство, будто они, как руки, переплетаясь между собой и землей, держат этот склон, не дают ему осесть.

— Да, действительно, интересно,— сказал Иван.

— А еще я люблю пораньше утром выйти босиком на траву в росе.— Настя посмотрела на Ивана, будто вспоминая свои ощущения при этом.— Это божественно! Под лучами солнца, еще только взошедшего над горизонтом, капельки росы кажутся россыпью мелких-мелких бриллиантов. Пройдешься босиком, силы наберешься, и на душе такой покой, лучше не придумать!

— Ты так рассказываешь, что мне захотелось непременно попробовать.

— Так кто тебе мешает?

— Завтра же попробую!

Они вернулись к тропинке, по которой шли ранее и еще некоторое расстояние прошли молча.

— Как хочется петь! — воскликнула Настя.

— Так пой!..

— Не могу одна... Могу только подпевать...

— Жаль, и я тоже.

— Вот мы и спелись! — пошутила она.— Ну, ладно, пошли, нужно помочь бабушке приготовить обед.

Весь обратный путь каждый думал о своем. Но оба чувствовали дружеское расположение друг к другу.

... А у Раисы Никифоровны в это время была гостья, давняя знакомая Нина Николаевна. И пока бабушка с Настей готовили обед, та без умолка тарыхтела.

— Ты представляешь, Рая, если бы я с вечера не обзвонила всех родителей, чтобы они пришли на полчаса раньше, то мне самой пришлось бы грузить все реквизиты и продукты!

— Представляю,— сказала Раиса Никифоровна и улыбнулась.— Ты, как всегда,— сама организованность.

— Все пришли, никто не опоздал.

— А далеко ехать нужно было?

— В Е-ск. Час ехали с небольшим... Но дети проголодались. Хорошо, что взяли сухой паек.

— А там как?

— Вот слушай! Приехали, а в ДК нас не пускают. Оказывается, в связи с программой «Антитеррор», нужно было заранее подать заявку в администрацию города. А об этом никто и не подумал, привыкли, как всегда.

— И что же, где же вы выступали?

— Отец Василий, который нас и пригласил, собственно, повез нас в помещение воскресной школы при храме. Как только приехали, все родители сразу побежали в храм. Вот уж, воистину, взрослые хуже детей! Насилу остановила — а разгружать кто будет?!

— Да, хлопотливая у тебя работа.

— Если бы только это!

— А что еще?

Далее последовал подробнейший рассказ о песенно-танцевальной композиции концерта, об исполнении той песни, где слова «Отчего так в России березы шумят...», в каких костюмах были одеты девочки-исполнительницы. Посетовала на несинхронное исполнение танцев. Причем, все это говорилось вдохновенно, эмоционально.

— Но концерт понравился зрителям?

— Да! Мы исполняли песни и танцы на тему войны из юбилейной программы ко Дню Победы. Отец Василий любовался детьми и радовался. А в конце расплакался, так как, оказалось, он подростком был на оккупированной территории и сам своими глазами видел и бои, и все «прелести» оккупации. Он очень благодарил за праздник, который так понравился и детям и взрослым, пришедшим на концерт.

Бескрайнов подумал, что рассказ окончен, и хотел поделиться с бабушкой впечатлениями от сегодняшней прогулки. Но не тут-то было. Нина Николаевна тут же, без какого-либо перехода, переключилась на свои домашние темы. И полился словесный водопад о внуках, о нерадивых поступках детей, о волнистом попугайчике, который упал в кружку с самогоном и утонул в нем, о сдохшей собаке и покупке мясного, невоспитанного щенка взамен ее...

Иван мысленно махнул рукой и вышел. А Настя продолжала терпеливо слушать так близко все принимавшую к сердцу гостью.

— Ну, что ты Нина так переживаешь? Пусть делают, как хотят, потом увидят, что не так, и исправят. Будет опыт, в другой раз думать будут, прежде чем сделать! А так, если будешь всем руководить, никогда они ничему не научатся.

— Может ты и права...

— Не может, а точно! — поставила точку Раиса Никифорова. — Пошли обедать.

ГЛАВА 36

Юность Быстрова

И вновь мысли Виктора Анатольевича ушли в далекое прошлое, в юность, начавшуюся, как он считал, с поступлением на филологический факультет областного пединститута. С одной стороны, это было освобождением из-под опеки матери, а с другой — хоть какое-то подобие самостоятельности. Парень подсознательно ждал и качественных изменений в самоощущении и общении, однако ничего подобного не произошло. Поначалу более или менее оживленные отношения с одногруппниками и соседями по комнате в общежитии через некоторое время свернулись. А в колхозе, куда их направили, как было принято, через месяц после начала занятий, при вынужденно тесном взаимодействии, и вовсе прекратились. Ранимость, боязнь контактов, нетерпимость к окружающим, неумение оценивать что-либо с разных точек зрения в сочетании с уверенностью в собственной исключительности и стремлением переделать все вокруг, — все это по-прежнему было при нем, но из-за несбывшихся, пусть неосознаваемых, ожиданий — еще более усилилось.

Общежитие — от одного слова Виктору становилось тошно, и он старался как можно меньше времени проводить там. Но острое желание быть не хуже других, а, напротив,

лучше, заставили его переступить через себя, скрутить в жгут свои страхи и... познакомиться с девушкой.

Она тоже была студенткой, но с физико-математического факультета, приехала из далекого села, своей стеснительностью весьма приободрила его и возбудила смелость приблизиться. Это произошло на лыжной базе, где Виктор после физкультурной пары сдавал, а она, наоборот, брала лыжи. Жутко краснея и обливаясь потом, он все же назначил свидание. Как ни странно, она пришла... Они стали встречаться и были неразлучны полтора месяца. Рядом с ней ласковый и молчаливый Виктор — Катя тоже была молчуньей, — отходил от мучавших внутренних борений. Но, когда они в отношениях решили перейти наконец последнюю черту, он потерпел неудачу, которую воспринял как катастрофу.

У кого не бывало случая, когда ничего не получалось? Эко дело! Такое сплошь и рядом происходит, даже и в более крепком возрасте. Только большой хвостун будет говорить, что никогда не попадал в такие ситуации. Но в юности — и прибавьте еще все характерные черты Виктора — это воспринимается несоразмерно большее.

Они попробовали снова — за городом, на лесной поляне. Никого кругом, запах хвои, небо, тепло, трава, пение птиц — хорошо... Но снова ничего не вышло.

После третьей неудачи они расстались. Что творилось в душе Виктора, какие терзания рвали его сердце на части можно только догадываться. Сомнения в мужской полноценности укрепились — привлекательная и вожаемая противоположная часть человечества была для него недоступна. Позже все у него в этом плане нормализовалось. Но тогда, в студенческие годы, в сексуальных отношениях с девушками у Виктора не было ни одной победы.

Через неудач — гормоны-то работают, куда от них деться? — глаза из орбит вылезают! — толкнули Виктора к мастурбации. Да и не собственно к ней, а как-то произошло касание, прикосновение, в постели, ночью, когда, как очумелый, проснулся после откровенного сна. Напряжение ушло, и он решил: вот выход, пока не встретит девушку, с которой у него получится и на которой сможет жениться.

Но и здесь не повезло Виктору, и не просто не повезло, а случилось с ним ужас что. Как-то увлекшись наплывом

чувств, когда в комнате никого не было,— воскресенье, соседи разъехались по домам, все жили в области,— он забыл закрыть дверь на ключ. И надо же было такому случиться, что кому-то понадобилось заглянуть в их комнату, и как назло именно в эту минуту!..

Что впоследствии произошло дальше, можно легко догадаться. Бедному Виктору, и так изгоя студенческого общества, теперь прохода не давали: смех в лицо, скабрёзные шутки, насмешки за спиной, полнейшее презрение девушек — как по живому прошлись по его детским воспоминаниям... Круг замкнулся, и в душе у него тоже что-то напрочь замкнулось, и чернота объяла ее. Он совершенно отгородился от всех, друзей у него и до этого не было, а теперь он совершенно ушел в себя, в свой мир. К привезенному из дома приемнику, с одиннадцатиметровым диапазоном, Виктор купил наушники, с плотно прилегающей к ушам прокладкой, и по ночам слушал западные радиостанции: «Голос Америки», «БиБиСи» и «Свободу».

Нужно сказать, что этот внутренний политический разлад зародился в его сознании еще дома, в ходе семейных политических дебатов, когда мать — упертая коммунистка постоянно издевалась над интеллигентской рыхлостью отца, в душе своей не любившего советское бытие. Именно тогда Виктор и утвердился в том, что первопричина — в экономических отношениях, в истинности капитализма.

Внутренний настрой его стал оппозиционно-вызывающим по отношению ко всему, начиная с комсомолии и кончая обществом и всей страной. Так разрешился в нем конфликт между зависимостью от всего внешнего, которое в его сознании обобщилось в единый образ — враг! — и желанием обособления. Конечно, любой грамотный психолог может сказать, что такой негативизм и неконформность явились дезадаптивным решением этого конфликта. Но тогда рядом с Виктором — впрочем, как и ранее, — психолога не оказалось, и если бы молодость знала!..

Оппозиционность при его супер гипертрофированной потребности в признании и самоутверждении, стала для Виктора внутренней защитой, укрепляла в сознании автономности, возможности жить по своим законам.

Один из молодых ангелов попросил нашего Ангела поделиться мыслями о любви человеческой и о страсти, о культуре и бескультуре. «О, любовь человеческая... Это понятие может вмещать в себя и Любовь к Богу, и Любовь, которой существует все Мироздание, и любовь к людям, и любовь к конкретному человеку, и любовь к женщине... А есть еще страсть к кому-либо или к чему-либо. Нужно различать. Обратной же стороной любви является зло, безбожие, человеконенавистничество, ненависть к определенному народу, ненависть к отдельному индивидууму, гнев... Культурный человек не должен гневаться, пламя гнева выжигает добро и в самом человеке и вокруг. Однако когда он действует возмущением духа, отстаивая Добро, Любовь, Истину, Культуру, то оно является очистительным пламенем. Гнев же, проистекая из ненависти и страха, их умножает и усиливает, губя вышеозначенное. Он, как и вообще ответ злом на зло, позволяет Злу держать человека в стальных кандалах. Только радость приводит к победе божественного. Зло не может торжествовать там, где пребывает радость и культура. Бескультурие же это не простая сумма некультурных людей, которые всегда присутствуют в обществе, а, прежде всего, бессилие их эффективно и результативно обезоруживать. Без этого невозможна эволюция Добра, как превозмогание над хаосом и тьмой. Как известно, они неустрабимы, но Свет непобедим. Судьба же человека зависит от того, на чьей стороне он будет. А потому его мысли всегда должны быть устремлены в будущее, светлое и лучшее, чем когда-либо ранее было прошлое. Ибо Бог создал этот мир не для того, чтобы он стал плохим или хуже». — «И такой мужественный человек даже со смертью будет бороться во имя созидания Света», — согласился молодой ангел.

ГЛАВА 37

«Познай себя!» Картина «Не ждали»

После многошумного, как и следовало ожидать, обеда, уставшая от рассказов Нина Николаевна ушла домой, а Раиса Никифоровна с Настей занялись мытьем посуды. Бескрайнов, все время до сих пор молчавший, стал расспрашивать бабушку о госте, удивляясь неиссякаемой ее энергии.

— Была бы Нина помоложе, лучшей жены тебе, Ваня, не сыскать! — безапелляционно заявила Раиса Никифоровна.

— Бабушка, ты все не оставишь идею женить меня...

— Вот такая бы, — не унималась та, — и энергией бы тебя заряжала, и поворачивала в нужном направлении.

— По-твоему выходит я безголовый что ли?

— Я этого не говорила! Что придираешься?.. Я сказала: «голову бы тебе поворачивала...»

— Только и всего. Ну, уж нет, я сам свою голову буду поворачивать туда, куда пожелаю!

— Как твой роман, пишешь? — будто не слыша, что сказал Иван, спросила Раиса Никифоровна.

— Пишу, пишу... — продолжая злиться, пробормотал он.

— Бабушка хочет предложить вставить в роман эту энергичную, характерную женщину. Да, Раиса Никифоровна? — вступила в разговор до того молчавшая Анастасия.

— Вы еще не слышали историю ее личной жизни. По ней одной можно роман написать. Итак, слушай! Нина Николаевна пять раз была замужем. Первый муж ее трагически погиб. Вышла замуж вторично за хорошего человека, жили рука об руку, и прожили бы так всю жизнь, как говорит, но влюбилась в артиста цирка. А артист этот после гастролей, откуда он всегда возвращался пьяным, просыпается утром, и не может понять, кто лежит с ним рядом. Порой несколько имен переберет, пока не вспомнит ее имя. Сказала о своем решении развестись с ним, но тот ни в какую — нет, и все тут! Тогда наша бесшабашная Нина Николаевна нашла четвертого, чтобы артист отстал. Но, беда, не любила она его и

так и не смогла полюбить. Потому бросила его и вышла за мужчину, которого полюбила, с которым обвенчалась, чтобы навсегда. А тот возьми да заболей и умри!..

Когда же я ее спросила, мол, не желаешь ли еще раз выйти замуж — плохо ведь одной-то,— ответила: «Что у меня мозгов нет? Хватит, не хочу тратить оставшуюся жизнь на скупых мужчин, нервотрепки и погоню за сексапильной фигурой!» Вот такая история, хоть и вправду в роман вставляй.

— Да, интересная история, а еще более интересный характер. В роман можно вставить. Но в женщине меня привлекает другое,— сказал Бескрайнов и взглянул на Настю.

Та заметила его взгляд, но никак не прореагировала на него. Иван изучающе поглядел на Анастасию и, не торопясь, вышел из кухни.

... Слова бабушки о романе разбередили Бескрайнову душу. Он шел в свою комнату с твердым желанием сейчас же заняться работой, и именно романом. «Так, нужно сейчас записать все, о чем мы разговаривали с Настей, все, что видели с ней на прогулке... Нет, сначала то, что рассказывала Нина Николаевна, пригодится, кусок живой жизни... — роилось у него в голове.— Или взять фотоаппарат и пойти заснять те места, где мы гуляли, и другие, а потом описывать их, глядя на фотографии, а не по памяти? А сейчас заняться Ниной Николаевной? Нет, нужно прислушаться к себе, а не делать то, что внушено. Чего я хочу?.. У меня сейчас какое настроение? — поэтическое. Значит, нужно писать стихи, а потом по стихам можно будет сделать зарисовки в роман...»

Но Бескрайнов вместо того, чтобы взять стопку бумаги и ручку и начать записывать стихи, вдруг взял подвернувшуюся под руку гитару и стал подбирать на ней аккорды, стараясь передать свое настроение. Поиграв так минут пятнадцать, он устало откинулся на спинку стула и положил гитару на диван. В сознании всплыл образ Анастасии, и теперь она не выходила у него из головы. «Почему меня так сильно тянет к ней после разговоров, а потом, когда долго не общаюсь, куда-то все девается, и не вспоминаю даже?» — подумал он. Его снова не покидало желание выразить ее образ с помощью искусства, но, как всегда в таких случаях, он не знал с чего начать. «Ладно, все завтра! — решил он, но тут же спохватился: — опять завтра и завтра, а почему не сегодня»

ня? Что завтра я буду талантливее?..»

Иван задумался, и снова мысли заметались в голове, сменяя одна другую, снова время прошло в бесплодных раздумьях; в итоге уставший он прилег на диван и задремал...

Сколько он так проспал, Бескрайнов не знал, но проснулся от громкого голоса, говорившего: «Познай себя! Познай себя!..» В комнате никого не было. Он снова закрыл глаза, пытаюсь вспомнить сон, но ничего не вышло. «Померещилось», — подумал он. Но слова были так ясны, а главное так подходили к его ситуации и внутреннему состоянию, что он поневоле стал размышлять над ними, над их значением.

«Легко сказать — познай себя! — думал он. — А с чего и откуда начать... Нет, самокопание бесполезно. Мысль будто болтается в пространстве, где не может ни за что ухватиться... Нужно встретиться с отцом Сергием!» — решил он еще раз поговорить с бабушкой о встрече со священником. Бескрайнов с облегчением вздохнул, почувствовав некое просветление в туманной до сих пор голове.

До ужина оставалось еще часа два и он, взяв велосипед, решил прокатиться на нем вдоль берега...

... Ужин накрыли в саду. За столом собрались все, кроме Вероники, с друзьями праздновавшей чей-то день рождения. Не успели рассесться, как неожиданно открылась калитка и во двор неспешно вошла Лариса с подругой.

— Картина — «Не ждали!», — немного смущенно сказала она, оправляя на себе бледно-желтую блузку и глядя на застывшего в изумлении Ивана и удивленные лица других.

— Простите, а кто вы? — спросила Раиса Никифоровна.

— О, я хорошая знакомая вот этого молодого человека!

— И как же вас зовут, хорошая знакомая?

— Лариса, а это — моя подруга Валентина.

— Почему же ты, Ваня, не предупредил нас, что твоя знакомая придет в гости? — Бабушка еще не совсем оправилась от неожиданности.

— Я не приглашал... — ответил позеленевший Иван.

— Фу, как невежливо! — притворно возмутилась Лариса и насмешливо улыбнулась. — Мог бы пойти навстречу женщине и немного соврать.

— А как ты узнала, где я живу?

— Ну, сейчас это не составляет большого труда...

— Что же вы стоите? Раз уж пришли, садитесь ужинать с нами,— сказала Раиса Никифоровна, чтобы выйти из неловкого положения.

— Нет, нет, что вы... Мы сейчас уйдем. Просто проходили мимо и решили зайти... Иван, позвони мне вот по этому телефону.— Лариса протянула Бескрайнову сложенный вчетверо листок.

Бескрайнов чувствовал отторжение по отношению к Ларисе. Ему была неприятна навязчивость этой избалованной и распущенной женщины. Но телефон он все же взял. Попрошавшись, женщины направились к калитке. Иван увидел, как легкая насмешливая улыбка скользнула по лицу Ларисы. Неприятное и беспокойное чувство не оставляло его все время ее присутствия, а сейчас только усилилось.

— Это что за Лариса, Иван? — спросила бабушка.

— Ну, та самая, из-за которой... Ну, когда я уехал...

— Ваня, он же тебя со света сживет!..— всполошилась бабушка, вспомнив, чьей любовницей является Лариса.— Ее нужно непременно отвалить! Ты мягкий человек, непомнящий зла и легко прощающий, смотри, не возобнови с ней знакомства. *«Есть такие люди, к которым просто хочется подойти и поинтересоваться, сложно ли без мозгов жить»*,— процитировала она из книги, которую читала.

Настя долгим и пристальным взглядом посмотрела на Ивана. Раньше он бы засуетился, забегал бы глазами, но сейчас не отвел их. Настя покраснела и опустила взгляд в тарелку. Все стали молча есть, кроме «виновника торжества». У Бескрайнова совершенно пропал аппетит, и он, извинившись, ушел в свою комнату.

«Это же надо, иметь наглость взять и прийти! Тем более, весь город знает ее, как облупленную...— Раиса Никифоровна всерьез заволновалась за внука.— А с другой стороны, если бы у Ивана в душе все было в порядке, она вряд ли бы пришла. Вот и получается — «было бы болото, а черти найдутся»... Нет, мне нужно обязательно поговорить со своими друзьями, иначе он опять влипнет в историю! И худую траву с нашего поля вон!» — напоследок решила она.

А Бескрайнов в своей комнате думал сейчас совсем не о Ларисе. Взгляд Анастасии, ее глаза не выходили у него из головы. Казалось, вся душа ее выражалась в этом прямом

взгляде голубых глаз. Она с каждым разом производила все более сильное впечатление на него. Однако он ловил себя на ощущении, что смотрел на Настю глазами своего детства... Иван был не в силах вполне освободиться от этого, потому не мог представить ее своей женою. А с другой стороны, Анастасия осветила в нем каким-то совершенно особым светом все его мечты, в которых он давно уже отвык себе признаваться. При мыслях о ней Бескрайнов испытывал какую-то внутреннюю теплоту, которой ему недоставало, какой-то прилив сил. Он прислушивался, не послышится ли в соседней комнате знакомые шаги. Он испытывал сильное желание видеть, слышать ее, чувствовать ее присутствие рядом с собой, и, в то же время, какое-то ноющее, тоскливое чувство ожидания этой встречи не оставляло его...

ГЛАВА 38

«И не такое еще преодолевали!...»

Придя на работу сегодня пораньше, Бобров сел к столу и взял бумагу, лежавшую у настольной лампы. Он не любил нагромождения документов — для них есть папки, а для последних — стеллажи. Но эту бумагу — письмо в администрацию Зареченска — он оставил еще со вчерашнего вечера. Дело в том, что на окраине города уже давно стояло полуразрушенное здание — долгострой, вернее, недострой еще с конца восьмидесятых. Степан Алексеевич в письме просил передать этот участок вместе со зданием с баланса города его фирме, с целью построить что-то полезное, а что именно — можно обсудить, ну, к примеру, детско-юношескую спортивную школу со стадионом с современными тренировочными дорожками и специализированными секторами. Он почему еще торопился с этим вопросом — на этот объект уже положил глаз Расстегаев, а он, как известно, умеет «прихватывать», не впервой. Построит, без всяких сомнений, еще одно торгово-развлекательное безобразие для от-

мывки столичных и областных незаконных денег, как будто их мало в городе. Бобров прекрасно знал об этом, да и сам строил эти заведения — а что делать, если большинство объектов сейчас такие, никуда не денешься. «Тьфу!» — мысленно плюнул Бобров и еще раз перечитал написанное, кое-что поправил и дописал оставшуюся часть, так как все продумал по дороге домой и перед сном. Положив письмо в папку «Исполнить», Бобров достал со стеллажа другую папку, на которой значилось — «Стройка №1». Ему не нравились современные слоганы, например: «Торгово-офисный» или «Торгово-развлекательный центр», поэтому пользовался старыми названиями. Дело, по которому ему понадобились бумаги, заключалось в следующем: начальник стройки Василий Иванович Кравцов не удовлетворял требованиям генерального подрядчика, то бишь фирмы, которой руководил Степан Алексеевич, подрядившейся построить очередной ТОЦ. Сроки поджимали, а еще и остов-то не был готов, да и текучка рабочих была большой. Вот и запланировал сегодня Бобров с этим разобраться. Для чего он еще вчера назначил у себя в девять ноль-ноль встречу со своим завпроизводства Кириллом Олеговичем Галкиным и главным экономистом Лией Леонидовной Борисовой.

Минута в минуту, как было назначено, сотрудники вошли в кабинет. Кирилл Олегович галантно пропустил вперед Борисову, плотного телосложения брюнетку, с короткой стрижкой, пухлыми губами и добрым выражением лица. Галкин поздоровался коротким рукопожатием и сел справа от Боброва у приставного стола. Борисова, напротив, громко и радостно поприветствовала Степана Алексеевича, попила воды из кулера, немного прошлась по кабинету, демонстрируя свой элегантный костюм, и села по другую руку.

— Степан Алексеевич, что касается текучки на том объекте. Я была там. Место очень ограничено в своих размерах — буквально точечная застройка. Поэтому можно было поставить только три вагончика: один — администрации, второй — склад и третий — для рабочих. Скученность в последнем вагончике не то что большая, а просто велика, передеваются по очереди, вся одежда — вещь на вещи висит, просушить в непогоду негде... Едят тоже по графику — по пятнадцать минут. Представьте, как можно быстро строить,

когда нужен человек, а он ест, в то время как другие уже выполняют соответствующую операцию, и так далее. Поэтому чрезмерных требований к Василию Ивановичу мы предъявлять не можем, я думаю,— сказала Лия Леонидовна.

— А я думаю, что сроки прежде всего, поэтому решать с Кравцовым нужно серьезно. Что касается специфики места, как изволила выразиться коллега, или бытовых условий, проще говоря, то это вопрос иной и его можно решить, например, так — перенести бытовые помещения на первый этаж строящегося здания. Как? — заявил Галкин.

— Ну, а когда отделочные работы начнутся? — Грязь разводите? — парировала Борисова.

— И здесь что-то придумать можно, просто головой думать надо,— не унимался Кирилл Олегович.

Бобров знал: места на стройке, действительно, очень мало. На это и, как следствие этого, плохие бытовые условия можно списать все, в том числе и нарушение графика строительства. Но генеральный заказчик все равно этот срыв не простит, им аргументы Лии Леонидовны, извините, «до лампочки». С другой стороны, и Кирилл не совсем прав — бытовые помещения в строящемся здании может не пропустить СЭС: сварка, загазованность, грязь, пыль, запахи и пр. А умыться где? И «жарить, парить», то есть еду разогревать, где они будут? Тоже в здании, где уже будут вестись отделочные работы?

— Да город выгонит нас и передаст объект другому подрядчику без компенсации затрат! — вслух произнес он и, немного помолчав, констатировал: — Да, вопросов много.

Чайник, который он включил сразу, как пришли сотрудники, вскипая, засвистел, и Борисова поднялась, чтобы на столике у окна налить себе чай.

— Все равно можно решить,— стоял на своем Галкин.

— Но без Василия Ивановича мы ничего не решим, поэтому я и назначил ему на десять ноль-ноль. До назначенного часа остается еще достаточно времени, и я предлагаю обсудить пока другие вопросы...

Кравцов немного опоздал, но Степан Алексеевич не сделал ему замечания, так как коллеги еще не все порешали между собой. Однако, прервав обсуждение, они вернулись к теме стройки ТООЦ.

— К вам два вопроса, Василий Иванович: сроки и текучка кадров. Что скажете? — обратился к нему Бобров.

— Степан Алексеевич, суммируя, в остатке один вопрос: текучка, все дело в ней. Правда, еще низкая квалификация рабочих, сами понимаете, откуда ей взяться-то, высокой?

Участники совещания прекрасно знали, что все квалифицированные строители или на заслуженном отдыхе уже (если еще живы, конечно), или частным образом делают фирменный евроремонт и получают за это соответственно. А на стройках трудятся люди, которые, по большей части, и строителями-то никогда не были, с Украины (кстати, из Западной и Восточной порой в одной бригаде работают), из Белоруссии, Молдавии — это в лучшем случае, — а многие из Средней Азии, и тоже никогда строительством не занимались. Какая тут квалификация будет?

— Это я все знаю, Василий Иванович! Какие ваши предложения? — прервал его Бобров.

— Вопрос квалификации мы решить не можем, он — системный. Что касается текучки — ее причина, как вы все прекрасно понимаете, известные бытовые условия... — Степан Алексеевич нетерпеливо сменил позу. Кравцов заметил это и продолжил: — Людей нужно беречь, они на себе несут все тяготы жизни, да еще какие! В этом плане я предлагаю конкретно следующее.

И Василий Иванович, взяв из пачки чистый лист бумаги, стал рисовать трехэтажные вагончики. Под администрацию и склад он по-прежнему оставлял те же помещения, а под бытовки площадь увеличивалась в семь раз!

— Таким образом, мы полностью решим вопрос, — в конце заявил он.

— Как вы хотите построить трехэтажные вагончики? — саркастически спросил Галкин.

— Кирилл Олегович, у нас достаточно стальных тавровых и двутавровых балок, уголков, а также досок, гвоздей, стекла и утеплителя, — в ответ улыбнулся Кравцов и, перевернув лист, стал чертить схему конструкции: сваи, ну, и все остальное, как в «грамматике строителя». Когда же прорисовался фундамент, он поставил на него три вагончика — один на другой, на первый и второй сверху положил по бетонной плите так, чтобы был выступ перед входом, обшил

вагончики с четырех сторон тавром и уголками и приварил к остову. Потом выступы бетонных плит связал металлической лестницей.

— Вот и вся конструкция. Как вам?

— Хм, — засомневался Галкин, но промолчал.

— А что? — Идея! — поддержала Борисова.

— Разумно, весьма разумно, — промолвил Бобров. — Так вы говорите, в семь раз увеличится площадь бытовок?

— Да, Степан Алексеевич, и плюс еще — благоустройство внутри. Уж не покуситесь на холодильники, пусть и старые, можно ведь и микроволновки найти — тоже не вопрос. А если еще и душевую поставить на улице, рядом с бытовками — будет вообще класс. Люди с благодарностью будут работать, а это немаловажно!

— Умеете вы убеждать, Василий Иванович. А что, давайте попробуем! — а сам подумал: «Не нужно хорошим людям мешать работать!» — Лия Леонидовна, сделайте с бухгалтером смету, рассчитайте все. Выделим средства! А сработает, мы это ноу-хау продадим другим точечным застройкам не только Зареченска, но и по всей стране.

— Хорошо, Степан Алексеевич, сделаем, — сказали сотрудники почти в один голос.

Бобров встал, подошел к окну. Погода сегодня с утра испортилась: серое небо висело над городом, ветер и накрапывал дождь. Три березы, росшие напротив, трепетали каждым своим листочком. Однако кое-где наметились просветы в облаках, и начинало проглядывать солнце.

«Только делать все придется самим, то есть отрывать строителей от их прямых обязанностей», — подумал он.

— За сколько дней справитесь?

— Как можно быстрее. Сами знаете, как работают гастарбайтеры — по двенадцать — тринадцать часов, и если нужно, то и без выходных. Так что все будет в порядке, Степан Алексеевич.

— Вот молодцы, ребята! наших, зареченских, попробуй так задействовать — не смотивируешь и не заставишь! — воскликнул Галкин.

— Это так, прошли те времена, — подтвердил Кравцов.

— Да! — Бобров встал и приоткрыл окно — в кабинете становилось душно. Он знал, что Галкин, пользуясь затрону-

той темой, начнет сейчас во всем винить власти, предлагать срочно менять всю систему, тогда-то, мол, и появятся квалифицированные рабочие и трудовые династии, а то народ... и так далее, и так далее. Степан Алексеевич неоднократно все это слышал, но думал: «Что ни время, то и птицы, что ни птицы, то и песни, а Кириллу бы только все сокрушить, чтобы потом новое построить! Никак не хочет снять с глаз шторы и посмотреть, что кроется за всем, им предлагаемым. В начале девяностых уже разрушили, да так, что мало не покажется. И то, что было тогда, и сейчас — земля и небо. Из такого дерьма вылезли! А он предлагает обратно туда сигануть. Конечно, немало недостатков и в системе, и в управлении, и экономике слаба, и государственной идеологии вообще нет, а без нее — какое воспитание? Но никаких сломов и скачков нам не нужно! А требуется постепенное, разумное, взвешенное движение, пошаговое развитие. Кирилл же всегда горячится и говорит, мол, далась Вам эта эволюция, веками что ли продвигаться, как у Дарвина? Вот, мол, кое-где зарплату уже стали выдавать продукцией,— то бишь, на кирпичном заводе — кирпичами, на хлебном — булками, как в начале девяностых. Скоро, зная, на оружейном можно будет получать ружьями, а на патронном — патронами... Красота, мол! На это Бобров всегда возражал, что хоть, кризис в разгаре, санкции — будь они неладны, и собственное головоутиение (как же без него родного?), как говорил профессор Преображенский — «разруха не в клозетах, а в головах»!.. Однако ничего, преодолеем, и не такое еще преодолевали в России, и это *перебудем!*.. Но вот что последнее время тяготит Степана Алексеевича — настроя такого и воли не чувствуется наверху, ибо реальных дел вроде как нет, слов очень много, а на практике... А тут еще «расстегаевы» путаются под ногами. Да таких, видимо, и на верху хватает...

— А пока придется пользоваться тем, что есть — неприхотливыми к условиям жизни и работы и к зарплате таджиками и иже с ними,— сказал он вслух.— Ну, хватит об этом. Что у нас там дальше по повестке дня? — сказал Степан Алексеевич, открывая свой ежедневник...

После совещания Бобров вышел в близлежащий к офису сквер и присел на лавочку. Он закрыл глаза, и, как это бывает в минуты отдыха, нахлынули воспоминания. Вспомни-

лось Степану Алексеевичу, как жена — и прожили-то всего год — бросила его и уехала в Москву с молодым и модным командированным в Зареченск инженером, и последовавший затем развод. Тогда-то и сказал себе Бобров, что больше женщин для него не существует — ведь как любил он Ольгу, пыль, как говорится, сдувал. И вот на тебе! Женщинам он нравился, и было у него несколько попыток устроить свою личную жизнь, однако при более близком знакомстве они бросали его за якобы бездушность и черствость — таким он им казался. На самом же деле, он заметил, что женщины размывают в нем стремление и способность полностью отдаваться работе, являющейся главным в его жизни.

Но Анастасия! Да, повзрослевшая девочка-подросток, которая еще совсем недавно называла его вначале дядя Степа, затем — дядя Степан и относилась к нему как к отцу, превратилась в очаровательную, умную и скромную девушку. Но с какого-то момента он стал замечать, что Настя смотрит на него как-то особенно, не как на отца. Бобров пытался сохранить ее отношение к себе как к родственнику, для чего несколько увеличил дистанцию между ними, но... словно некое колдовство возымело над Настей силу — нет, Боже упаси, от него ничего подобного не исходило, — колдовство находилось внутри нее, и он знал ему название. Ему внутренне льстило, что молодая девушка влюблена в него. И когда он бывал в ее доме, то частенько ловил себя на мысли, что вот здесь она сидела, вот это окно открывали ее руки, и возле открытого окна она мечтала о чем-то, о своем, может быть, переживала чувство первой влюбленности. А здесь, по дорожкам сада, гуляла с подругами и смеялась, вот эти цветы она поливала из лейки по вечерам. Все вокруг было словно согрето ее присутствием. И разве могло быть иначе, если здесь еще витали золотые сны и еще жили золотые минуты счастливого пробуждения молодой девушки. Вспоминая, Степан Алексеевич глубоко вздохнул. Он старался забыть, старался не думать о ней, внутренне сопротивлялся этому, говорил себе, что ничего не случилось, все это от переутомления, что старше Анастасии намного, почти в отцы ей годится, что у нее с таким деловым сухарем и стариком никогда ничего не получится. Ничего не помогало, и самое интересное то, что, напротив, он часто ловил себя на какой-то

бессознательной, безотчетной радости внутри, потому при каждой встрече с Анастасией, не давая этому пробиться наружу и стать заметным окружающим, Бобров все же чувствовал себя молодым и счастливым. Ему не хотелось открывать глаз и вновь окунаться в реальность, в работу и конкретные, практические мысли, но запланированные, как обычно, с вечера дела звали его своей неотложностью, и он нехотя встал и направился в кабинет. Луч солнца, недавно спрятавшегося за облако и в эту минуту выглянувшего из-за него, отразившись от оконного стекла, брызнул ярким светом в глаза, заставив прикрыть их рукой, как козырьком. «А нужно ли закрываться от любви? — неожиданно подумал он.— Да что это я, старый хрыч, она же молоденькая, более чем в два раза моложе меня, у нее жизнь впереди! Нет, нужно зажать себя, спрятаться от ее чувств далеко-далеко и не показывать ни при каких обстоятельствах, что тебе это приятно — что бы ни происходило!.. Побойся Бога!» — решил Бобров.

Стояли последние дни августа, но на деревьях уже кое-где виднелись желтые листья.

ГЛАВА 39

«И тогда жизнь отреагирует...»

«Почему Настя и не отказывается от легкого ухаживания, и ничем не показывает, что хотела бы развития отношений? — думал Бескрайнов, ходя по комнате.— Либо я ей не очень нравлюсь, но она не хотела бы прерывать со мной дружбы, либо у нее кто-то есть, но она не уверена в отношениях, либо не может никого выбрать... Так, хорошо, подумаем о возможных кандидатах. Быстров? А почему бы нет? Виктор Анатольевич мужчина видный, с положением, материально обеспеченный и занимается тем, к чему лежит душа Насти. Разница в возрасте? Ну и что? Сейчас это даже модно... Со стороны Быстрова заметны постоянные попытки прикоснуться,

поцеловать при любом удобном случае. И называет ее, молодую и еще только обучающуюся, талантливой писательницей и поэтессой, и даже будущей покорительницей российской публики! А себя, известного в городе писателя, ее скромным почитателем и поклонником... Что это, уловки ловеласа или что-то более серьезное? То, что Быстров известный бабник, знают все в городе. Однако не секрет — бабник может и по-настоящему полюбить, и стать верным мужем... Здесь важно: вызывает ли *он* у Насти симпатию? То, что не вызывает отторжения, это уже понятно, ей приятны его комплименты и ухаживания. Важно еще совпадение взглядов, но для молодой женщины это может и не быть определяющим. Бескрайнов вспомнил, как одна девушка мечтала вслух: «Вот бы найти мужчину много старше себя, обеспеченного, с хорошей квартирой, любящего и верного, чтобы я ни в чем не нуждалась, не работала и с парнями знакомилась не из-за денег, а с теми, кто понравится, и пока не надоест...» Поэтому, если Быстров имеет серьезные намерения, все дело только за Анастасией. «Да, но такова ли Настя? — спрашивал он себя, и сам себе отвечал: — Нет, нет, она не такая...»

Бобров? Тоже возможно... То, что он друг бабушки, говорит только в его пользу. Кроме того, бабушка была дружна с родителями Степана Алексеевича, с которыми позже подружились и родители Насти. Так что этот кандидат будет посерьезнее Быстрова. Хотя все может быть и наоборот. Что касается внешности, положения и обеспеченности, то Бобров значительно превосходит Виктора Анатольевича. А разница в возрасте между ним и Настей даже поменьше. И спортом, кажется, регулярно занимается, и, вообще, здоровый образ жизни ведет... К тому же, помнится, с каким интересом Анастасия слушала рассказы Степана Алексеевича из истории России, о православной вере и о Церкви. И однажды, когда он, Бескрайнов, что-то сказал о своем неверии в Бога, Настя бросила на него неодобрительно-удивленный взгляд и сказала слова, которые, вместе с выражением ее лица, врезались ему в память: «Но если Бога нет, то и вечной жизни нет!» Из этого следует, что Настя верующая, как и Бобров, и, может быть, стала таковой не без его влияния, а это очень сильный аргумент в его пользу.

Нужно признать, что Степан Алексеевич нравился и самому Ивану гораздо больше, чем Быстров. Иван, конечно, не во всем с ним соглашался, но кое-что было ему близко. Например, высказывание о свободе: «Свобода нужна не от чего-то, а для чего-то!»... Однако преобладание рассудка над сердцем у Боброва подавляющее, чувство заглушено анализом. А значит, он холоден и не способен любить так, как я могу. Но вот Анастасия... Как-то она уж не очень подругески смотрит на Боброва. Это способствует или не способствует любви?.. Что-то я, кажется, совсем запутался.

«Итак, что для меня сейчас важно: понять, кем из этих двоих увлечена Настя, кому из них принадлежит ее сердце (будь я на ее месте, то, несомненно, выбрал бы Степана Алексеевича), и могу ли я рассчитывать на ее интерес ко мне,— думал Бескрайнов.— Тогда, когда мы долго беседовали вчетвером — я, Бобров, Настя и бабушка, слушая мои размышления, Настя сказала: «Так вы еще и философ?» Может быть, ей многое во мне интересно? А ее слова: «Так вы же сами, Иван, сказали, что жизнь реагирует на основе незыблемых законов?» — могут означать, что она с большим вниманием слушала тогда мои высказывания. А ведь я тогда был так откровенен, как никогда в жизни».

И тут Бескрайнов спросил себя — а нужно ли ему гадать: кто из них двоих — Быстров или Бобров — больше нравится Анастасии, и нравится ли он сам ей? Может быть, более важно то, что, глядя на Настю, он невольно вспоминает песни о любви, и когда читает стихи о любви, то на ум приходит всегда она. Наверное, просто нужно развиваться в направлении, в котором он уже начал двигаться — к пониманию сути бытия, его незыблемых законов, в направлении, на котором ему может очень помочь, прежде всего, отец Сергей? И тогда жизнь, как он уже и сам понимает,отреагирует так, как нужно, в том числе и в отношении Анастасии.

После этих мыслей Ивану стало как-то особенно легко на душе. Он встал и вышел из комнаты во двор. Был поздний час, все, видимо, уже отдыхали, а гости разошлись, поэтому там никого не было. Иван решил побродить по саду, продолжая размышлять о своем. И, как бы в продолжение его мыслей, возник образ отца Сергея. Тот смотрел на Ивана своими внимательными глазами за стеклами очков, как бы

спрашивая: «Что скажешь, Иван?». Но, как ни странно, прежде всего, вспомнились слова священника: «Как дивно врачует природа душу». Он сказал их, вспомнил Бескрайнов, предваряя молитву и беседу за столом. После этих слов и, главное, душевности, с которыми они были сказаны, Ивану, чувствовавшему себя несколько напряженно в его присутствии, стало легко и хорошо. И еще вспомнилось ему, с чего начал отец Сергей беседу с ним: «Достали, наверное, поучения?..» — спросил тот. Как верно он почувствовал ситуацию и внутреннее его, Ивана, и как захотелось с ним откровенно пообщаться. А когда в ответ на начатый разговор бабушка и Степан Алексеевич тут же возникли со своими, как правильно выразился отец Сергей, поучениями, тот ведь даже не перевел беседу в свое русло. Нет, он вовсе прекратил разговор, понимая, что, с одной стороны, им не дадут здесь, как следует, поговорить, а с другой, что за столом с выпивкой не место для духовных бесед. После всего этого именно этот священник стал для Бескрайнова интересен, и захотелось обсудить с ним мучившие его вопросы.

«Нужно договориться о встрече, но так, чтобы никто не знал и не помешал общению. А говорить будет о чем!»

В саду было темно, но светила луна и достаточно света просачивалось сквозь листву, поэтому ходить по дорожкам можно было, не напрягая зрения. Искорками то тут, то там в просветах листвы вспыхивали звезды. Была та вечерняя пора, когда хочется, чтобы она длилась и длилась, чтобы время остановилось и чтобы состояние души, полной любви ко всему и ко всем, полной всепрощения, какой-то глубинной радости бытия, которое ощущалось только хорошим и готовым реализовать все ваши надежды и мечты, полной уверенности в том, что впереди будет одно хорошее и настолько хорошее, что мы даже представить себе не можем, не меняясь, оставалось всегда таким.

И будущая встреча с отцом Сергием, и беседа рисовались Ивану в благоприятном, обнадеживающем свете. На сердце был покой и ощущение, что это событие положит начало какой-то совершенно новой жизни, ничем не похожей на предыдущую, что и он сам, Бескрайнов, станет каким-то совершенно другим, новым человеком. Он долго бродил по саду в этом состоянии. Мыслей не было, а только состояние.

Но природа берет свое. Сколько ни броди, сколько ни думай, сколько ни ощущай, а усталость незаметно подкрадывается и начинает постепенно стирать все чувства, и остается только одно — желание спать, да еще сопровождаемое частой зевотой. И понимаешь — ты только человек, и все, что чувствовал еще совсем недавно, — это лишь увиденное умом через приоткрывшееся окошко между ним и душой, увиденное на короткий и редко выпадающий миг истинное состояние ее. Однако окошко, так неосторожно открытое, закрывается, и у человека остается только воспоминание о явленной ему высоте, и оно может поддерживать его долгий период времени, если, конечно, не будет вытеснено широким и длительным по времени потоком бытовой информации, к сожалению, далеко не всегда позитивной.

Вот и Бескрайнов, уставший за этот день, насыщенный множеством больших и малых событий и общений, отправился спать. Но, укладываясь в постели, он все же чувствовал — что-то изменилось, что-то произошло... Что там ждет его впереди?... Сон объял его, так и оставив без ответа.

... Первые мысли, пришедшие к Ивану после пробуждения, как водится, были связаны с тем, о чем он думал, но не подумал накануне. Ему вновь представилась Анастасия, как они уже решили пожениться... И вдруг его объял страх. Что будет, если это, и вправду, состоится и начнется самый обычный быт? Бескрайнову стало скучно, и он почувствовал непреодолимое желание бежать, куда глаза глядят.

«Что же делать? — подумал он.— Остаться хорошим знакомым? Уж слишком она волнует душу. К тому же, если не найду женщину-жену сейчас, в эти мои годы, то пойду, как говорится, в разнос. И потом жениться будет еще тяжелее... Но Анастасия девушка высокой души. И здесь может скрываться для меня ловушка. Если женюсь и не выдержу ее высоты, то и ей принесу муки и сам могу сорваться в неизвестно что. Вернее, известно во что. И потом уже не женюсь: во-первых, вряд ли найду подобную, а во-вторых, еще опаснее буду... Нет, нужно гнать эти мысли от себя и встретиться с отцом Сергием, разобраться с его помощью в себе, а потом уже решать, что делать!»

Бескрайнов умылся и вышел из дома. Стояло ясное утро начала сентября, еще на разные голоса пели птицы. И в ду-

ше вновь возникло неясное, невыразимое мыслями и словами чувство чего-то нового, какого-то грядущего обновления, чувство, которое иногда бывает по утрам, как глоток свежего воздуха, как надежда исстрадавшейся душе человеческой.

ГЛАВА 40

Чувство неотвратимости

Во двор вышла бабушка, ласково взглянула на Ивана, и это, в сочетании с впечатлениями раннего утра, только что родившимися в нем, наполнило душу еще большей радостью. «Радоваться нужно и надеяться на лучшее! — вдруг решил он, словно и не сам это подумал.— Радоваться не по-книжному, искусственно, а находить свет в своем сердце и освещать им все вокруг, все мелочи и подробности дня».

Бескрайнов, как это с ним бывает, умилился до такой степени, что готов был бесконечно слушать все бабушкины поучения. Он подошел к ней, обнял и поцеловал в щеку.

— Что за телячьи нежности? — спросила она, но в голосе ее от неожиданного поступка Ивана была некоторая растерянность и нескрываемая доброта.

«Любит она меня, несмотря ни на что,— подумал он. Бескрайнову сейчас захотелось по-детски во всем подчиниться ей и слушать, как ему нужно жить. Но он тут же отмахнулся, не преминув отметить: «Не долго же я забавлялся этой мыслью, чувствуется прогресс...» Довольный собой Иван взял велосипед и, сопровождаемый удивленно-доброжелательным взглядом бабушки, покатил на прогулку.

Бескрайнов ехал и думал об Анастасии, о том, что она девушка развивающаяся, то есть, окончательно еще не состоявшаяся. И он сам еще в развитии находится, признался себе Иван. В этом случае все зависит от силы духа. У кого она слабая, но есть сильное желание чем-то или кем-то обладать, то такой человек старается больше *казаться* перед другими. У кого посильнее — старается и меняться, то есть

быть в какой-то степени, и *казаться*, ибо не дотягивает до планки. «Если мы с Анастасией будем вместе,— думал Бескрайнов,— то, скорее всего, я буду первым типом пока, а она вторым и для меня ведущим. Смирюсь ли я с этим?»

Мимо проплывали знакомые пейзажи. Было хорошее солнечное утро. Иван представил себе, что они с Анастасией муж и жена, и засомневался. А с другой стороны, образ ее притягивал его к себе, как магнит. Что же делать? Просто быть другим он не может, тянет его к ней все сильнее. Но представить себя ее мужем тоже не получается... Бескрайнов начал вспоминать все свои разговоры с Анастасией, ее слова, жесты, взгляды, ее лицо,— все, что связано с ней.

«Это может длиться бесконечно,— подумал он,— Нужно что-то делать. Буду равнодушен к ней, а там как получится!»

... Так в раздумьях Бескрайнов не заметил, как подъехал к дому. И, едва слез с велосипеда, столкнулся с Настей. Та вздрогнула, увидев Ивана.

— Ты куда-то идешь? — спросил он.

— Да, нет. Так, хотела выйти к берегу...

— Давай прогуляемся. Я только поставлю велосипед.

— Хорошо.

Когда Бескрайнов вышел на улицу, Анастасия была уже у реки. Он подошел и, забыв все, что решил буквально пять минут тому назад, легко обнял ее за талию и поцеловал в щеку. Настя отстранилась, и во взгляде ее смешались строгость и любопытство одновременно. «Как она хороша и таинственна, и как сильно притягивает меня,— подумал Иван.

— Ты боишься меня? — спросил он.

— Нет, но к чему это все?

— Совсем ни к чему?

— Думаю, что нет...— ответила она, но в голосе ее звучала неуверенность.

Бескрайнов отметил этот момент про себя и понял, что это доставляет ему удовольствие. Он бросился к растущим недалеко ромашкам и, нарвав букет, протянул его Насте.

— Спасибо. Ты угадал, я люблю ромашки...

— Мне захотелось сделать тебе приятное.

— Мне приятно.

— Настя, ты хотела бы иметь человека, с которым могла бы постоянно делиться мыслями, чувствами и, не замечая ни

времени, и ничего вокруг, сидеть и разговаривать, может быть, ночь напролет? Человека, который понимал бы тебя даже тогда, когда молчишь?

— Кому не пожелаешь, чтобы рядом был такой человек?

Иван набрал полную грудь воздуха и, выдохнув, сказал:

— А хочешь, я буду для тебя таким человеком?

«Да разве можно решать волевым усилием то,— подумала Настя,— что должно возникнуть само. Таким человек должен быть сразу — или он есть, или его нет! А не так...»

— Вот что я заметила в тебе, Иван, ты хочешь сразу все или ничего!

— Похоже ты права, Настя...

— Да не похоже, а точно!

— Согласен... Но я же могу меняться с твоей помощью.

— Можешь...— ответила она и опустила голову.

«А вот интересно, смог бы он жить, как христианин: любить других, не прегрешая против этой любви даже в мелочах, даже тем прощать, кто обижает, не думать о материальном больше, чем о спасении души? — вдруг подумала Настя, вскинув на Ивана взгляд.— Да нет, не смог бы! Ему, видно, до этого еще далеко. А чем он тогда лучше других?» — Анастасия поправила воротник своего того самого синего платья и уже спокойно посмотрела на Ивана.

— Настя, может быть, ты боишься, что я не смогу измениться?

— Во-первых, я не боюсь, с чего мне бояться? Во-вторых, я не священник и не духовник...

— А если я начну меняться... Нет, если я изменюсь?..

— Вот тогда и посмотрим!..— она засмеялась и, весело поглядев на него, отвернулась, давая понять, что продолжать разговор на эту тему не хочет.

— Ты знаешь, Иван, мне что-то подсказывает... По моему ты ищешь в женщине идеал. Нет, не идеальную женщину, а именно идеал. Сознанием ты понимаешь, что идеала нет. А вот подсознательно... ищешь. В этом, мне кажется, трагедия, разлом души. Так никогда ты ни к чему не придешь и никого не найдешь.— В голосе Анастасии при последних словах прозвучало ярко выраженное сочувствие.

— А ты, Настя, сама не ищешь идеал?

— Я? Нет, идеала я не ищу, но уже знаю, какими чертами

характера должен обладать мой избранник.

— Идеальный мужчина?

— Мы сейчас с тобой впадем в софизмы... Не идеальный, а православный по своей сути.

— А разве православный и идеальный это не одно?

— Отец Сергей говорил, что православный это тот, кто, сравнивая себя с Евангельскими заповедями, признает свое несовершенство и невозможность стать лучше без помощи Спасителя.

Бескрайнов внимательно посмотрел на Анастасию, но ничего не ответил. Лицо его выражало задумчивость. Это полностью соответствовало внутреннему состоянию, ибо он в эти минуты усиленно пытался понять, а смог бы он вот так сравнивать себя с какими-то правилами, эталонами и, самое главное, потом пытаться приблизиться к какому-то идеалу? С одной стороны, Иван вроде бы сомневался в таких своих способностях, а с другой, ему нравилось, что это будет происходить, благодаря помощи, и не чьей-нибудь, а Бога, хотя он и не представлял себе вполне, как это будет.

Думая так, он отмечал в своем сердце движение к Насте, она ему очень нравилась, особенно такая, окрыленная.

«А как быть с тем, что любовь слепа? — спросила себя Анастасия.— Ведь многие любят не за что-то, а иногда даже и свою противоположность?.. Но это, скорее всего, влюбленность, страсть, что угодно, но только не любовь. Настоящей любви не может быть между людьми, не имеющими ничего духовно общего. Поэтому, когда исчезает принимаемое ими за чувство, возникает желание убежать друг от друга, куда глаза глядят». Анастасия жила в ожидании того, что как бы схоронилось до поры до времени в завтрашнем дне. Это могло незаметно подкрасться сзади и закрыть ей, как в детстве, глаза руками. Такое ожидание было в ней не безрассудностью, не глупостью, она понимала, что может повстречаться даже с непосильной трудностью в жизни. И некое интуитивное чувство близости и неотвратимости какого-то поворота не покидало ее.

Бескрайнов понимал, что Анастасия духовно выросла. «Вот так молчунья! Молчала, молчала, а в это время как развилась. Интересно, благодаря беседам с отцом Сергеем или как-то еще?» — подумал он, но спрашивать не стал.

Довелось сегодня Ангелу пообщаться с душами наших героев из Зареченска. И вот, что Он вынес из этого общения. Если дела несут благо для людей, то они хороши, и вопросов нет. Но лень и нерасторопность подобны погибели для дела, и этому нет никакого оправдания, т. к. человек тонет в желаниях и страстях. Лень платит тем, что уничтожает активность. Человек становится не больно-то лучше животного. И чем дольше это длится, тем бедственнее для человека и его возможностей. Силу и выносливость против лени, способность трудиться для блага людей дают только верность делу, радость и бесстрашие жить, неустрашимость смерти. К тому же важен правильный поступок в настоящем, а не десять минут спустя. Что касается писательства, то писать о людях нужно так, чтобы и через сто лет не забыли писателя, хоть он и одну вещь создал, а не ради угождения кому-то и неких благ. Особенно важно, чтобы писатель в себе и в других осознал Вечное, стремился видеть, как грех против него ведет к страданию и как слияние с ним и улучшение жизни окружающим дают счастье. И чтобы писатель старался так переживать участь людей, будто сам существует в их обстоятельствах, и находить оправдание человеку. Радость для творца, когда он начинает понимать, что часто не признаваемый труд его, имеет иное, вечное, неземное значение, которое не могут ни умалить, ни возвысить земные признания. Однако даже лучший труд не будет понятен людям, если его творец был непрочен в самообладании и в устойчивом равновесии. Не всегда человек может быть устойчив под ударами встречных, недоброжелательных людей. Но не должен он терять непоколебимости самообладания и не допустить раздражения и гнева. Мир, проливаемый другому – это лекарство на раны его души. Ибо иное вредит и самому человеку и окружающим.

ГЛАВА 41

«Во Христа крестятся, но во Христа не облакаются»

Отец Сергей жил в своем доме, еще старой крепкой постройке, у реки и недалеко от храма. Дом с хорошо сохранившейся деревянной резьбой был свежевыкрашен в темно-зеленую краску, под цвет церковных куполов.

Матушка Пелагея сегодня, как всегда в будний день, хлопотала по хозяйству — нужно приготовить обед к приходу иерея с поздней утренней литургии (сегодня среда — рыбный день), проследить, чтобы дома было достаточно свечей — он любил иногда зажечь, и в лампаде не закончилось масло, да и ежедневная уборка требовала и внимания и сил — прислугу не держали. А еще она старалась, чтобы уборка не нарушала привычек мужа, чтобы на письменном столе и книжных полках в его кабинете все должно было лежать так, как он оставил. Трудится матушка, а сама беспокоится — нездоровым ушел батюшка на службу, что-то сердце у него пошаливало с утра — и то дело, сколько переживает он за всех и вся: у того одно, у этого другое, и все к нему, безотказному, со своими вопросами, а по храму сколько забот, да и случайные люди порой попадают среди тех, кто вроде послушание принимает. А на все нужно здоровье, ведь и священник — живой человек.

Но вот раздался звук отворяемой двери и в гостиную вошел Сергей в черной рясе и высокой бархатной фиолетового цвета шапке.

— Как чувствуешь себя?

— Слава Богу, Пелагеюшка, богослужение все поправит.

— Ну, Богу слава! Переодевайся и садись обедать.

Протопоп, однако, ходил по гостиной и, казалось, о чем-то думал. Вот прошел в кабинет, но через минуту вернулся, не переодевшись, и снова принялся ходить взад и вперед.

— Что-то случилось, Сергей?

Тот немного помолчал и промолвил:

— Шагу не хотят сделать: то ли ленью, то ли страхом объяты. «Мне отдай мое!»

— Про кого ты, батюшка?

— Понимаешь, молодые отцы проповедь кое-как проговорят, поймут их люди, нет — все равно, и домой, к молодым матушкам торопятся. Один же, любитель бильярда — сразу к кио и шарам, да и к рюмке заодно. А пообщаться, поговорить с людьми, хотя бы после службы, выслушать их? На это их не хватает... А ведь что ни поп, то батька, отец, по сути... У Христа ни дома своего, ни очага не было, а проповедовал всегда и везде, а у них все есть, а рта лишний раз не открывают, прости, Господи!

— Получается, что не учили их тому в семинариях?

— Может, и учили, да не научили.

— А может, и так,— сказала Пелагея, ставя на стол кастрюлю с супом.— Переоденься, Сергей, будем разговаривать и обедать — ты же сегодня еще ничего не ел.

Но батюшка не успокаивался. Матушка подошла к нему, положила руки на плечи и ласково посмотрела в его глаза.

— Что-то еще, милый?

Отец Сергей немного расслабился в ответ на ее тепло, чуть улыбнулся, но зрачки его глаз все еще были сужены. Он отступил назад и повернулся, было, в сторону, намереваясь опять ходить.

— Нет,— остановила его Пелагея,— скажи, легче будет.

— Понимаешь, почти все, кто на послушании, хорошие люди подобрался — душевные, отзывчивые, добрые, кроме двоих — как две паршивые овцы, все портят. Одна, ты ее знаешь, Мария — ну, неисправимый характер: все соблюдает, молится, постится, а грубость свою преодолеть не может. Она уборщица, а людям не запрещено приходить пораньше или в течение дня в храм, и они, естественно, ходят от иконы к иконе, кто-то ближе к иконостасу подходит, кто-то под купол становится... Ну, ты скажи потихоньку и вежливо: «Будьте добры, отойдите чуть в сторону, мне здесь помыть нужно» или «Добрый человек, сюда, пожалуйста, не ходите!», так она: «Ну, куда пошел-то!» или «Ходюте и ходюте тут, расходились!..» Куда это, матушка, годится?

— Да, батюшка, такого в храме быть не должно!

— И жалко ее,— продолжал протопоп,— бедная, пенсия

мизерная, живет одна — муж помер, а сын спился и погиб где-то... Говорили с ней и я, и отец Никодим, и диакон — все без толку. Дня два-три ведет себя хорошо, а потом... Но люди ведь — кто-то стерпит, а кто-то и скажет.

— Нужно отказать ей,— решительно заявила Пелагея.— Поживет пару месяцев без послушания, может, одумается!

— Да, видимо, матушка, придется,— согласился Сергей.— Может, тогда и Зинаида, что у свечного ящика, с нее брать пример перестанет, не с кого будет?

— Тоже неприветлива?

— Да, случается...

— Зараза к заразе пристаёт.

— Но она поддается внушению. Будем воспитывать.

Помолчали. Отец Сергей немного успокоился.

— Пойду, переоденусь,— сказал он Пелагее.

— Иди, иди, а я обед разогрею — остыл. Я твои любимые щи приготовила, из мелко нарезанной капусты.

— Ой, ты моя, любимая.— Сергей подошел к ней, обнял и поцеловал.

... Помолвившись, он ел вкусные щи и думал: «Какая она умница, моя попадья, Пелагея Степановна, понимает с полуслова, какая добрая и необидчивая, трогательная и нежная. Слава те, Господи, за такой дар, слава!» Он ласково взглянул на нее, и она, словно прочитав его мысли, зарделась.

— От детей ничего не было? — спросил отец Сергей.

— Ну, как же, забыла тебе сказать, Петя звонил с работы, сказал, что у них с Машей все хорошо, внуки здоровы, правда, Сереженька на прошлой неделе чуть прихворнул — простыл,— но сейчас хорошо.

— А от Александры? Ничего?

— Нет, давненько не было известий. Нужно ей позвонить, как она там, в Москве, в общежитии-то? Хоть бы все лето у нас побыла, а то один месяц только. Учебный год-то еще не начался, недели две осталось. И охота ей сидеть в общежитии? — горестно вздохнув, задала вопрос Пелагея.— Наверное, ей скучно с нами,— добавила она, чуть погодя.

— Она культурно отдыхает,— мягко поправил Сергей,— театры, музеи, концертные залы. Студентка ведь, пусть, пока молодая, походит, потом некогда будет — работа, муж, дети.

— Но позвонить бы могла, а то уж месяц никаких вестей,

— добродушно возразила жена.

«Сколько лет мы уже вместе? — Двадцать пять будет в этом году. Двадцать пять! Юбилей, нужно будет отметить. И вот сколько мы уже вместе, и двое детей взрослых, и внуки есть, а люблю ее. Судя по всему, и она меня любит. Ну, не сказать как тогда, в годы ранней юности, после встречи на институтской вечеринке, но любим друг друга. Порой и подтруним, и посмеемся, и поспорим, но никогда не обидим, и всегда с ней свежо, как будто только-только начинаем совместно жить. И хочется целовать ее и целовать, и не отворачиваться, не разъять объятий, когда чувствуешь, что ее душа — это твоя половинка, а твоя — ее...»

Раздался звонок домашнего телефона. Матушка Пелагея, как заведено, взяла трубку.

— Это тебя, благочинный.

Отец Сергей быстро подошел к телефону и стал молча слушать говорившего.

— Да, да, ваше Высокопреподобие, понял, понял, все сделаем, — сказал он в конце.

— Что-то важное? — спросила жена после того, как разговор завершился.

— Да, на Рождество Пресвятой Богородицы губернатор изволит посетить наш «забытый уголок». Соответственно, он со всей свитой будет присутствовать на праздничном молебне в соборе, и мы все — настоятели храмов, а также архимандрит, — должны быть на литургии.

— Чувствую, ты не рад этому.

— А чему радоваться? Во-первых, хотел у себя в храме быть в праздник — много людей придет, проповедь прочитать — уже готовить стал, поговорить с желающими. А во-вторых, смотреть тошно, как «во Христа крестятся, но во Христа не облакаются», ведь по глазам видно. Хорошо, если среди этих чинуш один верующий найдется...

— Сергей, только, прошу тебя, молчи на праздничной трапезе, чтобы чего...

— Хорошо, хорошо, Пелагеюшка, буду нем аки рыба, — сказал он и подошел к окну.

Вспомнилось ему как однажды, при посещении его храма мэром Зареченска, на вопрос: «Много ли жертвуют на храм?» — он, недолго думая, ответил: «Мало, да и откуда

жертвам-то взяться, если семьдесят процентов у нас бедные, которые едва-едва концы с концами сводят, а сорок процентов — вообще нищие». На что тот воскликнул: «Да что вы тут мне своими нищими тычете?!» — «Они не мои, они — ваши, вы же глава города!» После этого отца Сергия вызвали к владыке в епархию, и тот долго с ним беседовал в присутствии благочинного Зареченского района о том, что негоже священному лицу вести политические речи. А какие такие политические речи он произносил? Сказал только о материальном положении прихожан своих. Но все же попадья права: молчание — золото.

Очень переживала за мужа Пелагея Степановна, молча наблюдая за ним, боясь каким-нибудь неосторожным движением или словом нарушить тишину и помешать его раздумьям. Она сидела за столом и терпеливо ждала, когда можно будет разлить по кружкам свежесваренный чай. Сергей отвлекся от своих размышлений, подошел к столу и стал наблюдать за плавными движениями заботливых рук супруги.

— Все меньше и меньше веруют люди, — печально прозвучал протопоп. — А что мы видим вокруг? Безнравственность растет, весь идеал — деньги, собственность, потребление.

Матушка Пелагея молча слушала мужа: «Пусть выговорится — легче ему будет. Где-то же должен человек сказать о наболевшем. Так пусть это будет дома.

— И чем интеллигентнее человек, чем образованнее, тем более несолидно ему признаться, что верит — заключают. А ведь они как учителя, преподаватели, писатели, ученые, так или иначе, обучают, воспитывают молодежь! Какие же нравы будут после этого? Будет неуважение к стране, традициям, семье, нелюбовь между людьми. Так Пелагеюшка?

— Да, — сокрушенно вздохнула та.

«Понимает ли она меня в этом? — подумал Сергей. — Может, просто молчит, отдавая первенство в уме мужу? Но тогда она поумнее меня будет, как сердечная мудрость».

— Хорошая моя, все заботишься, хлопочешь, чтобы сыт был, здоров, ухожен. А у меня душа болит, Пелагеюшка!

— Ну что, что я могу сделать? — всплеснув руками, воскликнула она.

— Ничего мы с тобою с этим сделать не сможем,— сказал, печально улыбнувшись, отец Сергей.— Разве что мне на своем месте делать все, что я могу, на что хватает души и благословения Божьего, для тех, кому можно помочь.

И они, молча, подошли к иконам и стали молиться.

ГЛАВА 42

Давление Быстрова

Теперь всякий раз, как Бескрайнов виделся с Верой, он вспоминал свою последнюю мысль о ней. И тут же перед ним возникало лицо отца Сергия. Более того, чем бы он ни занимался в течение дня — фотографировал ли, писал ли, размышлял или просто гулял, его начинал занимать все тот же вопрос: отчего так изменилась Анастасия?

Вчера днем приезжал Степан Алексеевич. Он, бабушка, Анастасия и Вероника пили чай в саду. Бескрайнов не вышел, сославшись на нездоровье. А сам втайне наблюдал за Анастасией. Родителей девушек не было, куда-то поехали по делам. После чая Бобров с Настей долго прохаживались по саду и о чем-то беседовали. Вернее говорил все больше он, а она, скорее, слушала, лишь изредка взглядывая на него с интересом, но тут же либо опускала голову, либо отводила взгляд в сторону. У Ивана сложилось впечатление, что Анастасии с одной стороны интересен Бобров и интересно то, что он говорит, а с другой что-то ее мучило, что-то невысказанное и заставляло колебаться.

Сегодня Настя, бабушка и Бескрайнов сидели в беседке. Было пасмурно, не тепло, но и не холодно. Дождь собирался, собирался, даже погромыхивало вдаль, однако так и не пошел. Сидели молча, но не в тягость друг другу. Такое бывает, когда уже говорено-переговорено обо всем и хочется просто помолчать и подумать о своем. Иван все размышлял о Насте и не мог прийти ни к какому заключению, но спрашивать о чем-то у нее не хотелось.

В этот момент во двор вошел Быстров. Настя вздрогнула и первой поздоровалась с ним.

— Здравствуйте, Виктор Анатольевич!..

— Какими судьбами? Всегда вы неожиданно,— не растерялась бабушка.

Бескрайнов встал, но ничего не сказал и руки не подал.

— Всех приветствую! — поздоровался Быстров, только кивнув Бескрайнову, но дружелюбно глядя на него.

«Что ему нужно, зачем он пришел?.. Может, у них все же что-то с Настей?.. Почему она так смутилась при его появлении?..» — вопросы крутились у Ивана в голове, но ни на один он не находил ответа.

— Я не помешал? — спросил Быстров, несколько смущенный воцарившимся общим молчанием.

— Да, нет. Чем ты нам можешь помешать, мил человек? У тебя дело какое или так зашел? — взяла быка за рога Раиса Никифоровна.

— Да. Я бы хотел переговорить с Настенькой по нашим литературным делам.

— То есть не ты нам мешаешь, а мы тебе? — не удержалась от вопроса Раиса Никифоровна.

— Да, да, Виктор Анатольевич... Пойдемте ко мне,— проговорила Настя.

«Что за черт?.. Или у них на самом деле какие-то проблемы по литературной части, или между ними что-то точно происходит...» — терялся в догадках Бескрайнов.

Настя с Быстровым ушли в дом, а бабушка с Иваном посмотрели друг на друга.

— Ну, что задумался? Давно уже понятно, что этот тип проявляет интерес к нашей Настеньке не только как руководитель литобъединения... Боюсь, как бы чего не вышло...

— Да, вполне возможно... Настя как-то смутилась, чего раньше за ней не водилось...

— Да, уж...

Бескрайнов не находил себе места. Из глубин его души поднялась темная волна, заполнившая все тело. Оно стало ватным и непослушным. Ноги и руки его мелко дрожали, а в голове, напротив, появлялись, сменяя друг друга с неимоверной скоростью, различные предположения, и все — далеко не в его пользу. При этом думать, как он привык, и

трезво оценивать ситуацию Бескрайнов не мог. Не своей походкой он бродил по тропинкам сада, то сжимая, то разжимая кисти рук за спиной или перед собой.

Раиса Никифоровна, видя его таким и предполагая, каково его внутренне состояние, поступила мудро, когда, не говоря ни слова, ушла к себе.

Сколько Бескрайнов так метался, он не знал.

... А в это время в комнате у Анастасии между ней и Быстровым происходил следующий разговор.

— Настя, у нас намечается к юбилею города выпустить альманах. Мне бы очень хотелось, чтобы ты туда попала, но не просто, а чтобы это была твоя персоналия.

— Что это такое? — спросила Анастасия.

— Персоналия? Это, когда не одно-два стихотворения, а много, страниц на десять где-то с подробной биографической справкой.

— Интересно...

— Ты хочешь?

— Конечно... Но отчего мне такая честь?

— Потому, что ты мне... нравишься,— с некоторой паузой произнес Быстров и подошел к Насте на диване.

— Я вас не совсем понимаю, Виктор Анатольевич... Что означают ваши слова?

— Настя, давай начистоту. Как поэтессе, тебе еще расти и расти. И если ты придешь в редакцию и попросишь опубликовать, то твои стихи отложат, мягко говоря, на более поздний срок... Ну, может быть, опубликуют одно стихотворение,— добавил он, обратив внимание на ее реакцию.

— Я понимаю... Мне еще много нужно работать.

— Настя!.. Работать над собой можно всю жизнь. Но я могу тебе помочь.— Быстров ближе подошел к ней, на лице его блуждала слащавая улыбка, а взгляд маслянистых глаз медленно перетекал с одной черты ее лица на другую.

— Конечно, я буду рада любой помощи...

— Можно опубликовать персоналию в областном литературном журнале. Это страниц десять — пятнадцать стихов. Можно найти спонсора и выпустить отдельный сборник. И композиторы могут написать музыку к стихам, которые подходят для песенного творчества. Да и выдвижение в члены Союза писателей не за горами... Все можно, Настень-

ка...— Быстров еще ближе пододвинулся к ней. Настя ощущала его сбивчивое и частое, не очень свежее дыхание, видела струящийся по пористой коже пот, готовые, казалось бы, съесть глаза. Ей стало не по себе, и она чуть отодвинулась.

— Виктор Анатольевич, я благодарна вам за все заманчивые предложения, но я, право, не заслуживаю еще этого.

— Заслуживать, Настя, можно очень долго. А, имея поддержку и рекомендации, можно гораздо...— При этом слове он сглотнул, сделал паузу и, многозначительно посмотрев на нее, продолжил: — гораздо быстрее добиться желаемого. Ты ведь хочешь всего этого, о чем я говорил?

— Кто же не хочет? Я говорю только, что мне еще рано, нужно еще много работать над стихами...

— Настя! Я знаю тебя как умную и сообразительную девушку! — воскликнул Быстров, начиная терять терпение.

При этом он положил руку на ее руку, лежавшую на колене, и стал мягко, но настойчиво сжимать. Настя тоже мягко пыталась высвободить руку, но тот сжимал еще сильнее.

— Виктор Анатольевич, ваши предложения очень серьезные и я должна подумать... Дайте мне время, прошу вас.— Она умоляюще посмотрела на него.

Быстров еще некоторое время подержал ее руку, затем с видимым сожалением отпустил и сказал:

— Хорошо, Настя, я подожду. Подумай хорошенько, а я через парочку дней забегу. Надеюсь, что мы обо всем договоримся.— Он мягко, но в то же время каким-то настойчивым и вязким взглядом посмотрел на нее.

— Я подумаю...

Быстров встал и, продолжая смотреть на Настю, спиной попятился к двери. Когда он уже был возле нее и повернулся, чтобы выйти, дверь открылась и на пороге выросла мощная фигура Раисы Никифоровны. Они столкнулись и от неожиданности отпрянули друг от друга.

ГЛАВА 43

Молитва Иоанна Кронштадтского

Анастасия стояла у окна с опущенной головой. Когда Раиса Никифоровна, обменявшись с Быстрым восклицаниями, взглянула на нее, та продолжала стоять в той же позе.

— Что пригориюнилась, молода девица? — спросила Раиса Никифоровна.

— Да, так... — смолчала та.

— Да, именно, так!..

— Что?

— Вот что я тебе скажу, Настя... — Видно было, что она хочет произнести что-то серьезное, но почему-то медлит.

— Я тебе как родная, как бабушка, так? — наконец, она начала.

— Да, Раиса Никифоровна!

— И желаю тебе только добра. Но не боишься ли ты ошибиться?

— В чем? Что вы хотите сказать?

— Много говорить не буду, скажу только одно. Держись-ка ты подальше и от этого вертуна, Быстрова, и от моего дорогого внука. Быстров, он, поверь мне, бабник. Не знаю, что он тебе говорит, и чем ты в нем так заинтересовалась, но он поиграет и кинет. Ты посмотри, как он относится ко всему, что его окружает, хотя бы к предметам, к тому, что берет в руки. Уже по этому можно судить о человеке. Вот и отец Сергей говорит — по жизни его видно, что присоединился он сатане... Вот те крест! — Она перекрестилась.

— Ну, а Иван? — любопытствуя, задала вопрос Настя.

— А Ваня еще молодой... Ты не гляди, что он старше тебя. Молод-то он умом, несмотря на то, что столичный. Не устоялся еще, не знает вполне, чего хочет в жизни, «без царя в голове». Да и вкусил уже достаточно вольной жизни. А там женщин сейчас много разных в моральном плане...

— Ну, и к кому вы посоветуете мне держаться поближе? — спросила Анастасия, и в ее голосе послышалась интона-

ция раздражения, которая часто бывает у молодых людей, когда старшие по возрасту люди начинают учить их жизни.

— Это ты должна сама определить,— ответила мудрая Раиса Никифоровна, сразу почувствовавшая, что нужно остановиться.— У тебя есть глаза и уши, и головка у тебя умная. Смотри, думай. Больше ничего не скажу, так-то вот.

— Раиса Никифоровна, а сердце у меня есть? Может, я уже...— Она хотела сказать «люблю», но промолчала.

Раиса Никифоровна удивленно посмотрела на нее, потом, решив, что они думают об одном и том же, подошла к Насте, обняла, поцеловала в щеку и лоб и, немного постояв возле молчащей девушки, медленно с достоинством вышла.

... Бескрайнов вышел в гостиную, что-то собираясь сказать бабушке, как раздался звонок в дверь.

— Входите, входите, открыто! — пригласила та.

— Здравствуй, моя дорогая Раиса Никифоровна! — В гостиную вошел высокий худой мужчина, чуть сутуловатый, с пышной седой шевелюрой, большими карими глазами и орлиным носом.— Вот решил заглянуть к моей обожаемой.

— Знакомьтесь,— сказала Раиса Никифоровна Ивану и Анастасии, которая вышла на громкий голос,— мой бывший ухажер, Михаил Иванович, прошу любить и жаловать!

— Бывших ухажеров не бывает,— пошутил он.

— Ой, неужто опять начнешь? — в тон ему ответила Раиса Никифоровна.

— Эх, Раечка, а я ведь и не бросал тебя любить...

— Да, ладно, врать-то! Любить не бросал... волочиться волочился, знаю, помню. А вот насчет любви-то, брат, это ты махнул. Была ли она? Одно баловство, чай...

— Жестокосердная, как была, такой и осталась... Только я и по сей день...

— То-то любил! Как дам от ворот поворот, так месяц и не видно было... Так-то доказывал любовь свою, птенчик мой? Только вот где и кому, того не знаю.— Хоть и говорила полшутя Раиса Никифоровна, но чувствовалось некоторое волнение в ее голосе.— А красавец был, дети мои — первый парень на деревне. Женщины без ума были, а Миша все выбирал. Да так и не выбрал, а Миш? Кому доказал свою любовь, хоть сейчас, а?

— Никто не любит меня Раечка. А ты зря, что я кому-то

и что-то доказывал. Только тебя и любил...

— Ладно, Михаил, проходи, садись. Чаю будешь?

— Из твоих рук, ангел мой, с удовольствием!

— Ну, уж и из моих. А если Настенька нальет, а я старуха отдохну?

— Как скажешь.

Настя пошла ставить чайник, и Бескрайнов, воспользовавшись этим, вышел с ней, но не на кухню, а к себе.

— Как поживаешь, Миша?

— Живу и не живу — существую...

— Что так?

— Один, скучно... везде скучно...

— Ну, то, что один — это понятно. Сам виноват. Порхал, порхал, не мог остановиться... Все ждал ответной большой любви, так? Да так, чего спрашивать. Нужно было самому крепко полюбить, вот и хорошо было бы. А то все слова, слова... До сих пор слова... Дело-то какое нашел себе?

— Какое дело, Рая? Ты же знаешь, что кроме работы не было у меня никакого увлечения...

— Как? Увлечение-то у тебя было, сизый голубочек...

— Вот и пришла старость, а ни родных людей, ни занятия... — пропустил мимо ушей ее слова Михаил Иванович. — Другие хоть пьют... А тут до того одиноко, что и свое отражение за чужого порой принимаешь...

— Ты брось, пьют! Не хватало на старости пить начать!

— Да нет, не начну. Это я так, к слову.

— Займись хоть коллекционированием.

— Что собирать-то?

— Да что угодно, все развлечение. И старушку найди одинокую, опять же не так скучно будет: гости, посиделки там разные, песни, танцы, ну, все, что водится.

— А, может, мы с тобой поженимся, а Раечка? — вдруг сказал Михаил Иванович.

— Нет, Михаил! Мне это ни к чему. Да и дел без тебя хватает. К тому же, ты знаешь, что не мой ты...

— Как скажешь, красавица!.. — шутливо воскликнул он, но глаза его были грустны.

Вошла Анастасия с подносом.

— А где Иван? — спросила она.

— Он разве не с тобой вышел?

— Наверное, ушел к себе. Нужно позвать.

— Позови, позови, пусть попьет чайку.

Анастасия привела Бескрайнова, и они четвером принялись пить чай. Видно было, что Михаил Иванович очень хотел продолжения разговора с Раисой Никифоровной, но только не в присутствии молодых. А та поверх блюдечка с чаем одновременно и лукаво, и с сочувствием взглядывала на него, но молчала.

Если бы кто-то посторонний поглядел сейчас на них, то сказал бы, что каждый находится и здесь и не здесь, а где-то далеко в своем. И это было бы сущей правдой. Раиса Никифоровна окунулась в воспоминания своих молодых лет. Михаил Иванович, перебирая в памяти давнее и не столь давнее общение с ней, поправляя то и дело воротничок своей серой рубашки, сожалел, что и в том, и в другом, и в третьем случае недостаточно приударял за такой женщиной, а теперь что уж... Анастасия тоже вся была в недавнем разговоре с Быстровым, и хоть ни о чем не сожалела, но что-то мучило ее, а что, пока не могла себе объяснить. Бескрайнов же ревновал, да, ревновал Настю, не показывая вида, держа все внутри, забыв обо всех своих сомнениях и раздумьях, забыв о своем решении прежде встретиться с отцом Сергием. Что-то мутное, темно-темно-желтое поднялось в нем из глубин его естества, подступило к самому горлу и не отпускало. «Нет, так не годится!» — Он, не допив чай, резко встал из-за стола.

— Что ты, Ваня? — Бабушка от неожиданности чуть не пролила чай из блюдца.

— Ничего, ничего... Это я так... Вспомнил тут одно дело... — проговорил он и снова вышел из гостиной.

В комнате он постарался успокоиться, но ничего не помогало — ни мысли, ни внутренние увещания, ни запреты себе думать на эту тему, ни ходьба по комнате. И тут взгляд Ивана упал на молитвослов, который бабушка как-то положила ему на полку поверх книг. Но он не остановился, а еще некоторое время продолжал ходить по комнате, поглядывая на него. В конце концов Иван взял книгу. Он долго смотрел на обложку, потом решительно раскрыл на первом попавшемся месте и прочитал:

«Молитва святого Иоанна Кронштадтского.

Господи! Имя Тебе Любовь: не отвергни меня, заблудшего. Имя Тебе Сила: укрепи меня, изнемогающего и падшего человека. Имя Тебе Свет: просвети душу мою, омраченную житейскими страстями. Имя Тебе Мир: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебе Милость: не переставай миловать меня. Аминь».

ГЛАВА 44

«Так не более ли Господь?»

Недавно прошел сильный, не свойственный середине сентября дождь. Однако, в преддверии бабьего лета, было тепло. Бескрайнов, огибая лужи, шел к храму.

Подойдя к нему, Иван увидел, как несколько человек трижды перекрестились на икону, висевшую у входа, и только затем вошли вовнутрь. Раньше он обязательно сделал бы противоположное увиденному. Но сейчас у него не то что мысли такой, даже импульса к этому не возникло. И он, правда, еще не осознавая, зачем ему это нужно, повторил действие. И входя далее, смотрел за впереди идущими — что они делают, и повторял.

В храме в этот воскресный день, несмотря на утро, было уже много людей. Иван сделал все так, как объяснила ему бабушка — пришел к поздней службе, к девяти часам, чтобы иметь возможность после ее окончания поговорить с отцом Сергием. Нельзя сказать, что храм был ему в новинку. Он несколько раз заглядывал в него, когда служб не было, по пути, идя по делам или просто прогуливаясь. Поэтому внутреннее устройство храма было ему знакомо. Обилие икон, горящие свечи, запах ладана, величественный высокий свод — все это в том или ином варианте он видел в церквях, куда мимоходом заходил. Но на богослужении Иван был впервые. Его очаровало, захватило душу и все внимание тихое пение церковного хора. И вот началась служба. Иван молитв практически никаких не знал, не ведал он и того, что нужно вести большую внутреннюю духовную работу во время бо-

госслужения. Поэтому он отдался ему, по незнанию своему, чисто душевно и, пока разум его спал, сердцем улавливал суть происходящего...

После службы он подошел к отцу Сергию и договорился с ним о встрече на завтра.

Иван шел домой, впечатление от службы наряду с ярко светящим солнцем, голубеющим небом и зеленеющей во-круг растительностью создало в душе радостное, светлое настроение. Ему хотелось, чтобы это состояние осталось таким навсегда. Но вот к нему привязался пьяный, вот мать кричала на всю улицу на ребенка и что есть силы шлепала его, вот проезжавшая мимо машина попала колесом в единственную лужу на мостовой и капли грязной воды оказались на его светлых брюках. Вот вспомнились чьи-то слова и какие-то обиды. Красные, оранжевые и черные точки замелькали перед его глазами. И постепенно то настроение, какое было у него после посещения церкви, исчезло, как не было его вовсе.

«Нужно будет обязательно и об этом поговорить завтра с отцом Сергием»,— подумал Бескрайнов.

... На следующий день в условленное время Иван был в храме у кабинета настоятеля. Отец Сергей уже ждал его и радушно пригласил войти.

— Приветствую тебя, сын мой! Проходи, садись!..

— Благодарю вас, отец Сергей!

— Ну, рассказывай,— сказал священник, когда они сели у стола.

— Столько всего, что не знаю с чего и начать...— растерялся Иван.

— Ничего, соберись с мыслями и начни с чего-нибудь, потом вспомнится все,— успокоил его батюшка.

— Падаю, роняю себя, силы нет внутри...

— Это ты правильно сказал, что падаешь оттого, что силы нет внутри. А какая, по-твоему, самая большая сила?

— М-м-м...

— Самая сила — это Господь! Когда человек впускает в себя Его и позволяет Ему соделать в себе сердце новое, тогда он становится устойчивым для всех негативных моментов, а потому и сильнее, потому и гораздо меньше падает.

— Вот, не люблю людей и не верю никому, отец Сергей.

Хотя хочу всех любить! И меня никто не любит, и ничего в жизни еще стоящего не сделал.

— Экий ты unicus* в своем роде! Уж и загордился — никого не люблю, никому не верю. И ничего-то я в жизни не сделал... А если я скажу тебе, что вовсе не твои заслуги все то, что ты только что перечислил.

— Да какие же это заслуги, тут одни недостатки?!

— Это хорошо, что ты понимаешь их как недостатки. Но для тех, кто доводит до таких недостатков, это заслуги... Поэтому не расстраивайся, что в тебе столько недостатков, это — заслуги других. Заслугой человека может быть только то, когда он раскаивается в плохом, признает, что без Господа не может преодолеть ни недостатков, ни препятствий, и открывает для Господа свою душу. Тогда Господь помогает человеку освободиться от всякой гордыни и таланты, данные ему свыше, расцветают и реализуются эффективно и в полном объеме... — отец Сергей улыбнулся и продолжил. — Вот ты говоришь — никто тебя не любит, так?

— Ну, да...

— А бабушка? Ведь как она тебя любит! Я же беседовал с ней. За внешней грубоватостью и прямоотой у нее скрывается большое душевное тепло к тебе. А если человек так любит другого, несмотря ни на что, прощая все, так не более ли любит Господь?!

— Но ведь в Библии на каждом шагу написано «раб Божий». Не получится ли так, что впустив в себя Бога, человек сам оденет на себя рабский ошейник?

— Библия писалась в то время, когда рабство было обычным и повсеместным явлением. И этим выражением подчеркивалось — не лучше ли быть рабом Бога, чем рабом человека. Хотя раб, принявший Господа, обретал полную духовную свободу и, оставаясь фактически рабом человеческим, чувствовал себя совершенно другим человеком. А если у такого раба и хозяин становился христианином, то такое рабство вообще превращалось в сущую формальность... А вот скажи, Иван, встречал ли ты в жизни человека, который на три головы превосходил бы тебя во всем?

---

* Редкий экз. (лат.)

— Да, отец Сергей, встречал...

— А возникало ли при этом желание встать с таким человеком, как говорится, на одну доску? Ну, например, стать его другом?

— Поначалу, по глупости, возникало...

— А было ли желание хоть в чем-то, хоть немного, но стать сопричастником такого человека в его делах?

— Да.

— Так не более ли того человека Господь? И быть сопричастным Его делу, что может быть выше? Не так ли?

— Согласен, отец Сергей!

— Вот видишь, Иван! — сказал священник и из-под седых кустистых бровей, поверх очков, посмотрел на Ивана внимательным взором своих больших глаз.— Но, чтобы стать соучастником в деле Божьем, необходимо соответствовать, а для этого — выполнять заповеди Его!

Он поднял голову, улыбнулся, и в уголках возле глаз, даже за стеклами очков, стали видны тонкие, расходящиеся солнечными лучиками морщинки.

— Я не загрузил молодого человека своими поучениями? — спросил священник.

— Нет,нисколько!.. Но я не совсем понимаю...

Сергей вопросительно приподнял брови, и на его широком лбу проступила горизонтальная складка кожи.

— Понимаете, я чувствую и осознаю, что есть сила, влияющая на человека через события жизни, людей и через внутренние состояния. Но что это за сила и почему свободный человек должен ей подчиняться?

— Да, я помню, ты мне уже говорил об этом, Иван... Скажи, закон тяготения существует?

— Да, конечно...

— А до того, как его открыла наука, он существовал?

— Ну, да...

— Люди чувствовали, что есть какая-то сила, которая заставляет предметы и порой самого человека падать. И, несмотря на то, что они не могли понять и объяснить себе эту силу, подчинялись ей, и старались не попадать в ситуации, которые бы нанесли им вред, из-за неумолимого действия закона тяготения. Правильно?

— Правильно...

— Сила тяготения — это сила, действующая в материальном мире. Скажи, а сознание и чувства — материальные субъекты?

— М-м-м...

— Ты говоришь, что есть что-то, влияющее на человека, через других людей, через обстоятельства и так далее. Известны факты, когда ни одна живая душа не знает о преступлении, и нет прямых улик, а преступник испытывает негативное воздействие жизни в ее многообразных проявлениях. Согласен?

— Согласен.

— Это невозможно описать законами материального мира. Потому что кроме физического есть еще и метафизический мир, который находится вне мира физического и, в то же самое время, пронизывает его. И в том мире действуют свои законы — метафизические. Мы не можем понять и объяснить, как эти силы работают. Но мы подчиняемся этим законам, чтобы не попадать в ситуации, могущие нанести нам вред из-за их неумолимого действия. Или не подчиняемся и попадаем в такие ситуации. Поэтому свободный человек может впасть в тяжкий грех, отказавшись от жизни, которая ему дана свыше по промыслу Божию и прыгнув с десятого этажа. Никто у него свободы воли и права поступать, как он хочет, не отнимал, и отнять не может. Но результат-то для него будет плачевным... Поэтому разумный человек ограничит свою свободу, чтобы не разбиться в лепешку и не получить воздаяния за грех.

— Я понял, отец Сергей!.. Спасибо!

— Помоги, Господи, сын мой! Ведь цель — внутренняя праведная духовная жизнь. Будет она таковой, и внешняя жизнь будет становиться лучше.

— Благодарю Вас, отец Сергей! Если можно, я хотел бы задать вам вопрос личного плана?

— А до сих пор мы говорили не о личном? — поинтересовался священник.

— Нет, нет,— смутился Иван,— я хотел сказать, что хочу попросить вашего совета в отношении одной девушки.

— Что ты хотел спросить? Слушаю тебя, сын мой.

— Вы ее знаете, это — Анастасия, дочь наших соседей. Она была с нами за столом...

— Да, да, помню.

— Она мне нравится, нравится настолько, что я хотел бы жениться на ней...

— И что же тебе мешает?

— Боюсь... Боюсь, что начнется этот ежедневный быт и мне захочется бежать, куда глаза глядят. Может нам с ней нужно оставаться просто друзьями? Но меня очень тянет к ней. К тому же я боюсь, что если не женюсь сейчас, то уже никогда не сделаю этого. Но если я женюсь на Анастасии и не выдержу ее духовной высоты, то и ей испорчу жизнь, и сам могу сломаться... Или мне вначале нужно развиваться в направлении понимания сути бытия, его духовных законов. А жизнь сама все устроит, как нужно? Отец Сергей, помогите мне решить, что делать!

— Сын мой, никто за тебя не решит, как тебе поступить, это ты должен сделать сам. Но если человека в твоём возрасте тянет к женщине, то ему, скорее всего, нужно жениться. Вопрос только — на ком? Ты стремишься к духовному познанию и совершенно обоснованно опасаясь, что женитьба может помешать тебе в этом, поскольку сейчас ты духовно ещё слаб. Поэтому к выбору жены, если ты намерен жениться, необходимо подойти очень серьёзно. И в твоём случае более всего подойдет женщина духовная и сильная. А уж на ком ты остановишь свой взор, это решать только тебе.

— Благодарю вас, батюшка.

— И ещё. Раз ты встал на путь к Богу, то старайся не сходить с него. Начни целенаправленно двигаться по пути познания, приходи в наш храм, приобщись к таинствам. Если будут вопросы, задавай их мне. По вторникам у нас проводятся беседы по духовным вопросам православия. Ведь вместе, сообща — всегда легче. Многие принимают крещение во младенчестве. Но потом в течение жизни ими никто не занимается, а это никуда не годится. И хорошо, если человек когда-нибудь приходит к вере. У такого человека процесс крещения как бы растягивается от самого момента крещения до того часа, когда он скажет «Да!» Господу.

— Как много я узнал сегодня важного для себя, отец Сергей! Благодарю вас от всего сердца!

— Будь спокойнее и менее эмоциональным, это поможет тебе во всем, о чем мы сегодня говорили. Помогли Господи!

На семинаре для ангелов-стажеров нашим Ангелом была обозначена тема «Духовный кризис на Земле и выход из него». «Сейчас в России — провозвестнице Света и будущем его оплоте — живут по чуждому принципу: —обмани и загрызи ближнего, а кто не обогатился, тот неумный», — сказал он. — Царствует религия денег, делающая людей отдельными —частицами», легко управляемыми. Многие говорят о финансовом и пр. кризисах и ужасаются грядущим. Но мало кто думает о самом страшном — о кризисе погасших душ. Падение человеческое достигает такой бездны, что Духовное считается несерьезным, допотопным и неприличным. Однако —благословенны препятствия, или мы растем». Поэтому человек, желающий двигаться к Свету, должен освободиться: от неуважения к людям; от невнимания к Учителям; от неустойчивости, раздражительности и гнева; от низкой самооценки, нерешительности, ощущения ущербности; боязливости и стеснительности; обидчивости и легковерия и от слабomyслия. Необходимо созидать, помня, что в Свете можно добиться успеха наполнением чаши сердца и каноном «Господом твоим», не забывая древнего закона —Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе великий Учитель». На этом пути, когда возникает раскрытие сердца, человек начинает ценить важность жизни другого. Далее — равенство со всем окружающим. И дороги приводят к перекрестку: жажды славы, счастья, радости и знаний. Потом остаются три: Счастье, Знание, Мудрость, затем две: Счастье и Мудрость. И наконец — одна Мудрость. На пути он должен помнить о пяти законах бытия: духовное выше материального; общее выше личного; справедливость выше закона; служение выше владения и власть выше собственности; а также о четырех краеугольных камнях духовности: со измеримости, распознавании, честности и преданности».

ГЛАВА 45

Признание

Когда Бескрайнов вернулся домой, в беседке сидели Степан Алексеевич и Настя и тихо о чем-то разговаривали. Иван внимательным изучающе долгим взглядом посмотрел на них и, не получив приглашения к общению, ушел к себе. А беседующие, когда за ним закрылась дверь, продолжили разговор.

— Я никоим образом не претендую на вашу свободу, Степан Алексеевич. Вам ведь нужна свобода — не от чего-то, а для чего-то, не так ли?

— Вы помните мои слова, Настя?

— Да. Я была на веранде, мы с вами там поздоровались. А потом вы, входя в комнату, сказали их.

— Вы помните даже детали...

— Я помню все, Степан Алексеевич, связанное с вами.— Анастасия посмотрела ему в глаза и слегка покраснела.

По нежному и одновременно взволнованному взгляду, по розовому цвету кожи лица можно было понять, как сильно она любит его. Настя уже многократно думала то, о чем говорила Боброву до прихода Ивана, но готова была говорить, словно впервые, вновь и вновь. Так ведут себя глубоко любящие люди, да она никогда и не скрывала этого.

— Настенька, я более чем в два раза старше тебя. И это по возрасту, а по тому, что я прошел, наверное, во все четыре раза! Зачем тебе старый хрыч, обремененный большим грузом прошлого? — спросил, переходя на «ты» Бобров.

— Да какой же вы старый хрыч? Боже мой, да вам любой молодой позавидует! — Она то пыталась обвинить тонкий стебель алой розы, которую держала в руках вокруг запястья, то, уколовшись о шип, высвобождала руку и начинала вначале гладить, а затем и теревить нежные алые лепестки.

— Ох, Настенька, о чем ты говоришь...

— Вы — благородный, умный, сильный человек. Я думаю, что любая девушка почтет за честь быть вашей женой!

— Вы преувеличиваете, Настя,— переходя на «вы», ска-

зал тот, взглянул на малиновый куст, росший рядом с беседкой, но затем отвел взгляд вверх и стал смотреть на обильную зеленую листву окружающих деревьев. — Я думаю, вам нужен молодой, и такой, на которого могли бы влиять. Вы сможете вылепить из него настоящего человека. Ну, а я для этого стар... — промолвил Бобров, прилагая невероятные усилия, чтобы не заговорило его сердце.

— Нет, я не преувеличиваю! — воскликнула Анастасия, словно не слыша его последних слов, и голос ее задрожал.

— Вот Иван, например, с большим интересом относится к вам. Я бы мог устроить его на работу с хорошим заработком. И он бы занялся делом, и семья была бы обеспечена... А при вашей, Настя, помощи он бы и в вере продвинулся. Ведь, несмотря на взбалмошность, он очень чутко воспринимает все хорошее. И вы могли бы помочь ему двигаться по духовному пути. Как было бы здорово!..

Некоторое время они молчали. Был слышен только шелест листьев под ветром, пение неустанных птиц и звон полскокаемой на кухне посуды. Бобров смотрел вглубь сада и, казалось, о чем-то глубоко задумался. Когда же он взглянул на Анастасию, увидел, как дрожат сжатые до синевы в кулачки тонкие кисти рук, как трепещут, словно крылья бьющейся о стекло бабочки, веки, как измята и изорвана еще совсем недавно свежая алая роза, валявшаяся теперь у ног, и понял, что Настя еле сдерживается от рыданий. Он захотел пододвинуться к ней и по-отечески обнять за плечи. Бобров уже протянул было руку, но тут же отдернул ее. Анастасия резко вскочила со скамьи и уже не в силах сдержать слезы, рыдая, воскликнула:

— Я же люблю вас, глупый вы человек! Как вы можете не видеть этого, как?!

Бобров тоже встал и молча смотрел на нее. С одной стороны, ему, конечно, льстило, что такая девушка, как Анастасия, любит его, а с другой... он помнил зарок, который дал себе. Ведь все его увлечения и попытки устроить семью заканчивались неудачей. И не потому, что он не пользовался успехом у противоположного пола или был несостоятелен как мужчина. Нет, неудачи происходили не от этого. Он был духовным, сильным человеком, в нем духовная сторона всегда превалировала над остальным, в том числе и над душев-

ностью. Женщинами же это воспринималось как сухость, черствость, бездушность. Они не выдерживали, ибо женщина требует к себе, прежде всего, душевного отношения. А ему всегда было некогда отвлекаться на это, даже когда он еще не определился с духовной платформой и находился в поисках ее. Вот и воздерживался он от общения с женщинами, существами, по его глубокому убеждению, суетными, нестоящими, легкомысленными и часто лживыми, с низким интеллектуальным уровнем. Соблюдал полное спокойствие в жизненных ситуациях, был пунктуален в своих привычках.

К бизнесу Бобров также относился духовно, тем более теперь, когда обрел веру и понимание, как нужно жить и для чего. Также он помнил, что дал себе еще один зарок — не отзываться на Настину любовь, а что это была любовь, он убедился сейчас в полной мере. И сейчас он мучился в душе оттого, что, став причиной страдания хорошей девушки, к которой дал клятву себе относиться как к дочери и другу, и не зная, как ей и себе помочь, почти потерял самообладание.

А вот Расстегаев, тот знал бы, как поступить. Или взять того же Быстрова. Он хорошо знал одного и другого и был уверен, что при таком откровении девушки эти без сомнений кинулись бы сломя голову, дабы завладеть ею с единственной целью — насладиться...

В то время, как эта буря бушевала в душе Боброва, Настя, не отрываясь, смотрела на него полными слез глазами, ожидая ответа на свое признание.

Без труда можно было бы избежать с ним встреч при одном единственном условии — когда бы его не было. Но в том то и дело, что он был! И он не просто существовал, а все люди чувствовали его доброжелательную душу, его потребность помогать и понимать каждого. Люди были благодарны ему за это, но никто его не любил так, как она. А потому Настя видела в нем особенное, то, что другие не могли видеть, потому что любящее сердце особенно зряче. Она видела его ранимую, нуждающуюся в женской любви душу. И в ней все более и более росла потребность того, чтобы он понял ее, осознал ее любовь, необходимость ее любви ему самому. Ведь для него же Настя выросла и развивалась, становилась женщиной рядом с ним. И теперь все, что она делала: занималась одеждой, прической, домашними делами,

работала, общалась с людьми,— все это делала как бы рядом с ним и ради него. Когда-то давно она поняла, что он к ней доброжелательно относится. И ей не хотелось думать, что это было просто так. Она знала, что все его речи, все, о чем бы он ни говорил, было правильно, и мысленно всегда соглашалась с ним. «Господи! Сделай так, чтобы он полюбил меня!» — взмолилась Анастасия, глядя на большое белое облако, скрывшее в эту минуту солнце.

— В основе любви должна лежать глубокая дружба, иначе это только страсть. А именно ее чаще всего и воспринимают как любовь... — наконец, скрепя сердце, произнес Степан Алексеевич, не догадываясь, что повторяет ее слова.

— Вы — бездушный, бессердечный!.. — вспыхнула Анастасия, ожидавшая от него других слов, умом сожалеющая о том, что и как сейчас говорила, но не в силах справиться с эмоциями. — Вы — не человек, вы — сухарь!.. Считайте, что вам все померещилось!.. — Еле сдерживая рыдания, она бросилась по дорожке сада к калитке, потом передумала, вытерла ладонями лицо и шагом направилась к дому.

То, что у него — такого взрослого, такого умного, такого сильного, такого любимого — не нашлось в душе ничего в ответ на ее признание, ее любовь, шокировало ее. Как и все люди чистой души, она совершенно не была готова к этому удару и не могла справиться с собой, тем более говорить, ответить что-то вразумительное. А была в силах только убежать, скрыться от него, да и от всех тоже...

Бобров хотел было побежать за ней, но в этот момент во двор вышла Раиса Никифоровна.

— Чем ты так девушку обидел, отец родной? — встревожено спросила она.

— Ничем... Да, так, вот... Она... я... — попытался объяснить Степан Алексеевич, но не смог, заговорив вдруг бескрайновским языком, что было ему крайне несвойственно.

— Ишь ты как!.. — Раиса Никифоровна с удивлением посмотрела на него. — Ну, говори! — И, видя его сильное смущение, добавила: — а не хошь, не надо, дело хозяйское.

— Понимаете, Раиса Никифоровна, никогда бы не подумал... неожиданно...

— Ну, что тянешь! Вот не люблю этого, что хочешь со мной делай, начал говорить, так говори, а не хочешь, так не

начинай вовсе!

— Настя сказала, что... — Бобров остановился, весь как-то набычился и, решившись, произнес: — любит меня...

— Ну, вот, наконец, родил,— тут же отпарировала Раиса Никифоровна, но видно было, что она не знает теперь, как реагировать на его слова.

— Раиса Никифоровна, вы знаете, как я вас уважаю и ценю, как отношусь к Анастасии. Мне, конечно, это льстит, что такая девушка призналась в любви. Но вы же знаете, у меня было несколько попыток создания семьи, к тому же со своими сверстницами, однако все претендентки в последний момент передумывали, мотивируя тем, что я не люблю их и не могу любить вообще, так как есть черствый и бездушный сухарь. Я думаю, что они были правы, и вправду, я далеко не ласков и не внимателен... — Он замолчал и, опустив голову, стоял, глядя под ноги, как провинившийся мальчишка.

— Ты что-то совсем раскис, Степан Алексеевич.— Раиса Никифоровна встревожено и одновременно с сочувствием поглядела на него.— Может, тебе вовсе не жениться?

— Нет, если рассудить, то оно, конечно...

— Вот видишь, сам понимаешь, что надо. Так надо как-то себя настроить на женский пол, переменить что-то в себе, а то так бобылем помрешь и наследников не оставишь!

— Да, надо бы...

— К тому же я вот что скажу, мил человек.— Раиса Никифоровна подошла к нему вплотную и, прямо глядя в глаза, сказала: — Настя ведь не такая, как другие женщины и девушки, что «без царя в голове», у ней дух на первом месте.

Бобров, ничего не говоря, молча смотрел на Раису Никифоровну. Он, хотя и помнил обещание свое себе,— слаб человек,— думал о том, что она права и необходимо почаще бывать у них, стать друзьями с Анастасией, а там... там жизнь сама все расставит по своим местам.

Раиса Никифоровна больше ничего не стала говорить ему. Она поняла, что в душе у Боброва происходит осознание того нового большого и светлого, что сегодня так неожиданно коснулось его, и это борется с его внутренними установками, и что необходимо время для такого тугодума в области чувств, каким был, как сын любимый ею, Степан Алексеевич.

«Сердце прекрасное страдает на земле»
(См. Примечания, с. 335)

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 46

«Или пан, или пропал!»

По случаю юбилея литобъединения Быстров организовал вечеринку. Несмотря на то, что в эти летние месяцы заседания не проводятся, пришли все литераторы, которые в то время были в городе. Виктор Анатольевич предложил участникам, кто, конечно, желает, читать свои произведения в процессе застолья. Это было встречено всеобщим одобрением.

Все, собравшиеся за столами, составленными буквой «Т» и накрытыми на деньги, выделенные Быстровым, благодаря стараниям молодежи, в том числе Валерия, Сергея и Елены, уже известных читателю, были хорошо знакомы Насте своими характерами и повадками. Для стороннего же наблюдателя, если бы таковой оказался здесь, картина была довольно занятной. Вот женщина с сухим неподвижным лицом перебирала многочисленные листы в папке, и молодые с опаской косились на нее, наверное, зная, что это всерьез и надолго. Ее улыбчивая подружка что-то быстро записывала в блокнот. Невысокого роста и полноватый известный в городе пожилой поэт и прозаик Кленовский, недавно издавший труд многих лет своей жизни — трехтомный роман-эпопею о производстве, держал его в руках и что-то с убеждением говорил сидевшему рядом с ним прозаику Рамочкину. Тот внимательно и с почтением глядел на собеседника, а сам обдумывал возможность вставить образ Кленовского в свой роман, который втайне от всех, даже от жены, писал по ночам. Кто-то спокойно и молча ждал начала мероприятия, а некоторые — женщины всегда остаются женщинами — болтали о том и о сем. Одна из них постреливала окрест горящими глазами, и легкая игривая улыбка не сходила с уже довольно дряблого ее лица. Поговаривали, что она в прошлом имела довольно длительный и большой успех у лиц противоположного пола. Еле удерживаясь на стуле, чтобы не вскочить, и размахивая руками, что-то горячо говорил молодой, нервического склада человек. А рядом с ним, раз-

горяченная собеседником, что-то все пыталась вставить уже далеко балъзаковского возраста, но живущая по принципу «не расстанусь с комсомолом, буду тоже молодой», дама. Чуть в отдалении совершенно седой мужчина с готовыми стать лукавыми глазами, видимо, тренируясь, читал стихи и забавно тряс при этом головой. Но что интересно, амплитуда этих мелких движений была не вертикальной, а неизменно горизонтальной, и создавалось впечатление, что он тут же зачеркивает все, что говорит. Рядом с ним застыл на стуле единственный слушатель, лысоватый и усатый, одобрительно кивающий головой. И наконец промеж поэтов и прозаиков сидела постоянная посетительница литературных заседаний, невысокого роста, худая женщина с насмешливыми чертами лица, слышавшая большой любительницей поэзии, любившая тут же громко комментировать произведения выступавших в разговорах с приятелями.

... Но вот в зал вошел Быстров, без церемоний отодвинул Валерия с места рядом с Настей и, не садясь, взял рюмку.

— Дорогие друзья и коллеги, разрешите поздравить нас с вами с юбилеем! Да будем мы все всегда талантливы, здоровы и счастливы на радость и себе и нашему литобъединению! Я решил сегодня поздравительную речь не говорить, а разделить ее с вами. Пусть выступление каждого станет частью общего поздравления, согласны?

Все выразили дружное согласие и решили, не перебивая друг друга, выступать по кругу, как сидят.

Виктор Анатольевич каким-то седьмым или восьмым чувством понял, что с Анастасией творится что-то необычное, и это что-то для него представляет несомненный интерес. Задав ей между делом несколько наводящих вопросов, как он это умел хорошо делать, Быстров почувствовал, что она находится на грани срыва. Оставалось только вскользь выяснить, что послужило причиной этого ее состояния? Будучи тонким психологом, он, не переставая руководить литературным процессом за столом и реагировать на выступления участников, начал затрагивать различные жизненные темы, внимательно следя за реакцией своей соседки. Таким путем Виктор Анатольевич скоро убедился, что причиной нынешнего состояния Насти является мужчина, но не он, так как на его последнее предложение, она дала решительный и

гордый отказ. Оставалось только выяснить — кто? «Ну, здесь уже проще,— подумал он.— Это либо Иван, либо Бобров! — А для себя решил: — Или сейчас, или никогда! Или пан, или пропал!»

Выступления участников вечера продолжались. Однако, некоторые слушатели позевывали, а кто-то тихонько переговаривался с соседями. Но вот выступления закончились, и все вновь зашумели и зашпорили.

Виктор Анатольевич с огорчением вздохнул. Он только-только начал строить разговор с Анастасией, пока безуспешно пытаюсь вызвать ее на откровенность. Шум за столом отвлек его, но более всего, к его огорчению, Анастасию, которая сейчас почти не слушала Быстрова. Поэтому он решил переключиться на общий разговор, чтобы разрулить ситуацию. Прислушавшись, понял, что наиболее верно и аргументировано рассуждает ветеран литобъединения Кленовский.

— Сергей Максимович, вы ближе всех к истине в этом вопросе. Друзья, пожалуйста, тише, слушаем Кленовского!

Тот, откашлявшись, начал размеренно, где-то поменторски, как и привык, разбирать рассказ Рамочкина. Настя, уже до того как Кленовский открыл рот, поняла, о чем будет идти речь, и перестала слушать. Этим незамедлительно воспользовался Быстров и, чтобы снова установить контакт с Анастасией, склонившись к ней, что-то шутя стал говорить. Потом он достал из портфеля бутылку вина и, указав на этикетку, сказал, наливая ей в бокал красную, терпко пахнущую жидкость:

— Это лучшее, Анастасия, французское вино для дам! Сам же я, уж простите, употребляю только коньяк.— И, не дожидаясь тоста, чокнулся со своей соседкой, они выпили, потом еще и еще.

Чуть погодя Анастасия заметила, что мысли стали тяжелеть, становясь более вязкими, тягучими, хотя и пила немного. При этом она, тем не менее, отмечала, как умно говорит Быстров, какие точные, ценные заключения он высказывает по тем или иным вопросам, которые затрагивают участники. Но голова ее становилась все туманнее и туманнее, как будто что-то наплывало на нее, и немного подташнивало. Виктор Анатольевич, наклоняясь к ней, все что-то говорил, ка-

сался ее, заглядывал в глаза, его дыхание щекотало ее ухо. Он все понемногу подливал ей вино и улыбался приторной, сладкой улыбкой. Настя старалась теперь только пригубить вино, но состояние ее не улучшалось. А в голове неповоротливые, но настойчивые мысли: «А есть ли любовь? Кого я люблю? — спрашивала она себя.— А разве не обладаю я душой?.. А меня кто-нибудь любит? Бобров? Но он такой скучный — все дела, дела... И все о духовном, религиозном... С ним не поговоришь о чувствах... И есть ли у него душа? — Мужлан!.. А Иван — совсем дитя. Да, у него есть душа, но чувства его — просто сентиментальность... Что мне его любовь — буря в стакане воды?.. Или вина?.. Ха-ха... А Бобров, тот, ха-ха,— совсем полный штиль!..»

— Я сейчас,— сказал Быстров, убирая со стола бутылку дорогого, как шепнул ей, вина в портфель, вышел и, оглядываясь, торопливо прошел в кабинет. Он открыл ящик письменного стола и, просунув руку вглубь, вытащил небольшой бумажный пакет. Развернув, Виктор Анатольевич достал полиэтиленовый пакетик с белым содержимым, высыпал его в стакан, налил туда немного воды из графина и размешал карандашом. После чего он взял из того же бумажного пакета шприц, набрал в него раствор из стакана, достал из секретера нераспечатанную бутылку вина и, осторожно воткнув в пробку иглу, ввел немного жидкости внутрь бутылки. Затем, открыв форточку, он выбросил шприц, стакан, пакетик и карандаш подальше от дома. Наведя порядок на столе, Быстров с бутылкой вина вернулся в зал.

— Настя, это более легкое вино,— произнес он, наливая его в бокал Анастасии, а сам при этом подумал: «Так будет крепче!» — Я желаю, чтобы у тебя — можно я буду говорить тебе «ты»? — зачем-то спросил он,— все было хорошо! Ты талантлива, неповторима, и я все сделаю, чтобы напечатали твои книги и тебя приняли в Союз писателей!

Быстров чокнулся с ней. Настя сделала глоток, новое вино ей понравилось, и она отпила еще. Виктор Анатольевич полюбил ее за талию. Анастасия попыталась отстраниться, но голова ее окончательно поплыла и сильная слабость, начавшаяся в руках и ногах, ватой окутала ее всю.

Быстров оглянулся вокруг. Все разбрелись по залу и разбились на группки — беседа, смеясь, споря. Молодежь со-

бралась вокруг Сергея, бренчащего на гитаре.

Быстров поднял Анастасию со стула и вывел из зала. Ноги ее не слушались, голова была как в тумане. Все, что она чувствовала в эти минуты, это сильные руки Быстрова, который почти нес ее куда-то. Дверь его кабинета — последняя, что она увидела, и красно-фиолетовый сон одолел ее...

ГЛАВА 47

Шантаж

Быстров поставил Анастасию на пол у своего кабинета, прислонил ее к стене и, придерживая одной рукой за талию, другой достал из кармана ключ и открыл дверь. Еще раз оглянувшись, он снова взял неспособную передвигаться девушку на руки, внес к себе и положил на диван. После чего, тяжело дыша и отирая пот со лба, Виктор Анатольевич присел в кресло у стола, достал дрожащей рукой сигарету и закурил. Но вдруг, спохватившись, вскочил, хлопнул себя по лбу и, подбежав к двери, повернул ключ в замочной скважине.

Сигарета принесла некоторое успокоение. Быстров подошел к окну, чуть отодвинув плотную гардину, выглянул на улицу. Площадь, как обычно в это время, была пустынна. Горожане уже мирно сидели по домам, и кто постарше смотрели телевизор, а молодые, чуть пошевеливая мышкой, уткнулись в мониторы компьютеров, изредка набирая что-то на клавиатуре...

Быстров, зачем-то на цыпочках, подошел к дивану. Анастасия, раскинув руки, спала. Он направился к стеллажам, открыл коробку, стоящую между книг, и достал небольшой черный предмет. Это была миниатюрная видеокамера. Руки его по-прежнему дрожали, и он чуть не выронил ее. «Нет, нужно успокоиться. Ведь я все продумал, все до мелочей. Ишь, какая гордая фифа! Меня не хочет. Ну, ничего, получишь и именно меня. Уж я возьму свое. Но этого мало. Что я не мог найти себе полового удовлетворения? Да желающих отдаться мне молодых поэтесс и мамаш своих перспектив-

ных деток навалом! Но эта... недотрога буквально сводит меня с ума. И я ее завоюю, мне от нее нужна не только близость, мне она нужна вся, и я во что бы то ни стало сделаю ее своей! Только нужно успокоиться и сделать все как надо. Потом она не отвертится, станет, станет — не добровольно, так силой,— моей женой!..»

Быстров поставил камеру, подсоединил ее к стоящему на столе ноутбуку и включил их. Немного поманипулировав, он настроил изображение. Оно было отменным, что немудрено, ибо Виктор Анатольевич не поскупился и купил хорошую и, соответственно, не дешевую камеру с записью и звука у солидной фирмы в областном центре. Вначале он сомневался: неужели такая маленькая камера сможет дать качественное изображение? Но продавец с помощью нескольких примеров отmel его сомнения.

Быстров не торопился осуществить задуманное. Он не был сексуально голоден, чтобы тут же наброситься на девушку. Не для удовлетворения своей похоти он делал это. Настроив технику, Виктор Анатольевич достал из бара бутылку дорогого коньяка, налил его доверху в небольшую рюмку и залпом выпил. Не закусывая, снова выкурил сигарету и, подойдя к Анастасии, начал медленно раздевать ее. Затем Быстров разделся сам и, имитируя медленное, с чувством, как бы по обоюдному согласию, половое сношение двух партнеров, сделал свое дело.

Отдохнув после «трудов праведных», Виктор Анатольевич оделся и первым делом проверил запись в ноутбуке. Удовлетворенно хмыкнув, он начал одевать Настю. Потом, вышел и, закрыв дверь на ключ и мягко ступая, прошел к залу. Убедившись, что там уже никого не осталось, что все убрано и столы со стульями расставлены по местам, Бобров вышел на улицу и завел свою стоявшую у подъезда машину. «Теперь нужно на время убрать вахтера»,— подумал он.

— Николай Иваныч, проверь все двери снаружи, с тыла, а заодно и задний двор обойди, потом, не забудь, посмотри, закрыты ли окна в комнатах, все туалеты, мало ли что,— сказал он ему.— Но вначале все же тщательно проверь наружные двери и задний двор,— добавил Быстров, который заодно был комендантом этого здания, живший по принципу — лишние деньги не помешают.

— Хорошо, Виктор Анатольевич. А входную дверь закрывать, или вы еще побудете?

— Нет, не закрывай пока, через пару минут уйду.

— Ладно.

— Ну, будь здоров!

— До свидания!

Когда вахтер ушел, Быстров торопливо, чуть не бегом, направился к своему кабинету, взял все еще находящуюся в забытии Анастасию на руки и, быстро спустившись по лестнице, посадил — вернее, положил — ее на заднее сиденье машины через заранее открытую, — когда выходил, — дверцу. Вахтер его видеть не мог, так как в холле его не было, а высокий забор слева и справа от здания не позволял со двора видеть, что происходит на улице. Быстров сел в машину и поехал к дому Анастасии.

Настя стала постепенно отходить ото сна. Быстров услышал ворочанье, вздохи, затем тихое похохатывание и бессвязное бормотание сзади. Потом он почувствовал, как его хлопнули по плечу. Он затормозил, обернулся и увидел, что Настя сидит и жестикулирует, продолжая что-то быстро говорить, при этом то улыбаясь, то меняя выражение лица на какую-то несвойственную ей злобную маску. Быстров было вновь нажал на газ, но вдруг услышал, что Анастасия дергает ручку двери, пытаясь открыть ее. Он вновь остановился и закрыл обе задние двери на ключ. Мельком взглянув на Настю, Быстров увидел, ее неестественно блестящие широко раскрытые глаза с бессмысленным выражением, подергивающиеся руки и ноги, дрожь во всем теле и бледность лица. Не зная, что делать, он вновь сел на свое место и продолжил движение.

Но вот и знакомый дом, дом Анастасии. Быстров затормозил метрах в ста от него, в тени большого дерева, закрывающего собой уличный фонарь и оттого казавшегося черным. Открыв заднюю дверь, он с трудом — Настя сильно потягивалась и плохо держалась на ногах, движения ее были резкими, неточными и размашистыми — повел ее к дому. Остановившись невдалеке, он удостоверился, что во дворе и саду никого не было, быстро прошел к задней садовой калитке и далее, буквально таща Настю за собой, — к беседке и кое-как усадил на скамью. После чего быстро ретировался.

... Когда полшестого утра Раиса Никифоровна по своему легшему обычаю вышла во двор умыться, она увидела сидящую в беседке Анастасию, которая, положив голову на руки, спала. Подойдя поближе, Раиса Никифоровна заметила, что ее лицо было бледно, как мел. Испугавшись, она стала трясти Настю за плечо. Та открыла глаза и, покачиваясь, выпрямилась. Сухие губы ее были плотно сомкнуты, зрачки сужены и не реагировали на лучи восходящего солнца, освещавшего лицо. Неожиданно Настя засмеялась, смех ее был нервным и сопровождающимся неадекватной жестикуляцией.

— Что с тобой, девочка моя? — спросила изумленная Раиса Никифоровна.

— Со мной? Все хорошо! — неестественно сиплым голосом и подчеркнуто выразительно ответила та.

Умная Раиса Никифоровна не стала спрашивать Анастасию, находящуюся в таком состоянии, а отвела ее в свою ванную комнату и, не обращая внимания на жесты и слова, заставила принять холодный душ, не вытирая, одела в теплый халат, напоила горячим чаем и уложила в постель. Когда проснулись родители Анастасии, Раиса Никифоровна рассказала им, что Настя пришла поздно, что они с ней долго разговаривали, и та осталась ночевать у нее...

А Насте приснился сон. Глубокий, темный до дна колодец, а в воде едва теплятся огоньки. Она почему-то оказывается в колодце, руки ее скользят по стенкам, и она опускается все ниже и ниже. Внизу очень холодно и темно... А со дна, видит вдруг, плывет к ней вроде как Быстров, и глаза его, подобно углям, пышут красным жаром. Вот он облаком тяжелого бурого хмеля обволакивает ее и тянет на дно. А сверху волнами несутся душераздирающие голоса и льется желтый свет... Потом неожиданно Настя оказывается идущей по дороге... но вот она поднимается по какой-то длинной-длинной лестнице... входит в комнату... лежит в кровати, в сухой и теплой постели, и милое, доброе и любимое чье-то лицо над ней... И вдруг все исчезает...

Солнце начало спускаться к горизонту, когда Анастасия проснулась. Оправившись после опьянения, как уже понял читатель, вином с наркотиком, она вышла в сад.

— Как ты? — только и спросила, оставив свою садовую работу, Раиса Никифоровна.

— Ничего... А что это со мной было? — растеряно ответила Настя.

— Ой, девочка моя, это я бы хотела узнать, что с тобой было. Где ты была вчера?

— На вечере в литобъединении. После официальной части мы пили вино, ели, танцевали... Потом... Ничего не помню...

— Как дошла до дома в таком состоянии?

— Не знаю... Не помню...

— Вот это да! Настя, ты что, много выпила?

— Нет. Вы же знаете, что я много не пью.

— Да, знаю. Но ты точно тогда много не пила?

— Точно...

— Тогда это очень странно.

— Да... — ответила Анастасия, ощущая сильный дискомфорт в нижней части живота.

Раиса Никифоровна молча покачала головой и занялась делами.

Солнце продолжало свой медленный, но неуклонный путь к закату. Стояла прекрасная предвечерняя пора «бабьего лета», как всегда рождающая некое возвышенное состояние души. Все предвещало на завтра ясный солнечный день.

... Прошло три дня. И к Анастасии пришел гость — собственной персоной Виктор Анатольевич Быстров. Время было выбрано с умом: будний день, но канун православного праздника. Родители Насти были на работе в школе, а Раиса Никифоровна — в церкви. Вероники тоже не было — ушла к подруге. Дома была одна Настя, у которой сегодня не было уроков в гимназии.

— Виктор Анатольевич, какими судьбами? — спросила она, ни о чем не подозревая.

— Вот, пришел поговорить с тобой, Настенька.

— Что произошло на вечере, Виктор Анатольевич? Почему я не помню, как добралась до дома, и оказалась в таком состоянии?

— В каком?

— Как мне сказали, я была в совершенно невменяемом состоянии...

— Может быть, ты выпила лишнего?

— Может быть... Но вы же знаете, что я много не пью!

— И совсем ничего не помнишь? А ведь мы были с тобой в моем кабинете, и нам было очень хорошо вместе.

— Хорошо?! Мы были вместе в вашем кабинете?!

— Да. Тебе было очень хорошо. И мне тоже. Я ждал твоего звонка, но не дождался, хотя ты и обещала мне завтра позвонить. И вот пришел сам,— продолжал Быстров, не смотря на одновременно испуганное и недоуменное выражение лица Анастасии.— Пришел с предложением.

— С каким?! — ничего не понимая и помня только свое состояние, в котором она находилась после пробуждения три дня тому назад, спросила Настя.

— Как с каким?! С предложением выйти за меня замуж. Хотя ты и согласилась тогда, во время нашей близости. Но, перефразируя известную поговорку: обещать — еще не выходить замуж...

— Я соглашалась?! — перебила его Анастасия.

— Ну да.

Настя пошатнулась, она почувствовала прилив тошноты и отвращения.

— Этого не может быть, *просто* не может быть, чтобы я согласилась! И сейчас говорю: нет!

— Нет? Снова нет?! — Улыбка сошла с мгновенно по-суровевшего лица Быстрова.— Ну, тогда так,— проговорил он,— вот диск, посмотри его: как нам было с тобой хорошо. Если ты и после этого не захочешь выйти за меня замуж — пеняй на себя!

Анастасия взяла диск и сделала движение, чтобы сломать.

— Да, да, ты можешь сломать его, разрезать на кусочки, но я сделал сто таких дисков, и их посмотрят сотни людей. Кроме того, есть еще «бабушкино радио», а слухи, как ты знаешь, распространяются со скоростью молнии. Тебе не только в гимназии работать невозможно будет, но и из области придется уехать. Так-то! Подумай хорошенько. Я тебя Настя не тороплю — даю три дня.— И не ожидая ответа от онемевшей от такого напора Насти, он повернулся и вышел из дома.

... Сколько так стояла Анастасия, она не осознавала, но

когда вошла Вероника, она продолжала стоять, как вкопанная, машинально вертя в руках этот злосчастный диск в серой упаковке.

— Что с тобой, сестренка? — весело спросила Вероника.

— Так, ничего...

— Ну, ты дала тогда! Хорошо погуляла на вечеринке?

Настя ничего не ответила ей, а только долго и внимательно посмотрев на нее, ушла к себе.

ГЛАВА 48

Большое испытание

Анастасия сидела за столом в своей комнате и все не решалась вставить диск в DVD-проигрыватель. Оцепенение она ощущала как спасение. Казалось, чтобы спастись, нужно было стать мертвой...

Но решившись, она включила устройство. Запись поразила ее. «Это я, спутать ни с кем невозможно! Запись качественная, видны мельчайшие черты лица... Да-а-а, хорошо подготовился Быстров. Ну, кто мог подумать, что он, при всех его отрицательных качествах, окажется таким подлецом?! А может быть, он психически больной?» Настя некоторое время посмотрела еще, но чувство омерзения, сопровождающееся физиологической реакцией тошноты, овладело ею. Она резко встала и выключила проигрыватель. Если бы кто-то видел Анастасию сейчас, то отметил на лице ее одновременно следы растерянности, глубокой печали и отворачивания. Ее продолжало тошнить, она прошла на кухню и заварила себе крепкого черного чая. Внутренним наблюдением Настя отметила про себя, что, несмотря на увиденное, еще не до конца осознанное, но сильно потрясшее, несмотря на тяжелое душевное состояние, она не потеряла владения собой. Впервые в жизни она ощущала троичность себя: поруганное тело, униженную и опущенную куда-то в низ живота, некогда парящую в выси душу и... какого-то стороннего наблюдателя. Нет, это было не сознание, которое молчало

— мыслей не было, а именно наблюдатель, бесстрастно фиксирующий состояние тела, души и безмолвие ума.

Но сознание оживало. Появились мысли о насилии, совершенном над ее телом, их сменили мысли о насилии над сознанием, что было не менее отвратительным. Настя никогда не изолировала себя плотскую от своего ума, она всегда воспринимала себя цельной. Травма одного должна была вызвать травму другого, и наоборот. А травма обоих?.. Останется ли она вдвойне поврежденной и будет вынуждена начинать жизнь снова — непонятно как и неизвестно где?..

Вдруг в сердце Анастасия остро почувствовала потребность поговорить с близким ей, родным по духу человеком. Не в уме, не в виде мысли, а именно в сердце родилось это чувство. «Господи, помилуй меня!» — прозвучало в ней, и она, вернувшись к себе в комнату, подошла к иконе и, встав на стул, поцеловала Иисуса Христа в плечо. «Господи, только на Тебя надеюсь и уповаю!» — промолвила Настя.

— Что с тобой? По лицу вижу — что-то случилось, — спросила Раиса Никифоровна Анастасию вошедшую к ней.

— По лицу? А разве оно у меня есть?

— Так, иди сюда, Настя, садись, рассказывай.

И Анастасия поведала историю, которая теперь непрошено стала частью ее жизни. Она рассказывала, а сама внутренне не верила, что *это* произошло с ней — *с ней!* — которая еще час тому назад и подумать не могла, что *такое* возможно. Но это было уже внутри нее, вокруг и, казалось, везде. В голове ее потемнело. И все, ранее бывшее с ней, стало таким далеким и нереальным, как будто его и не было вовсе... Насте хотелось покончить с собой, но было страшно. При мысли об этом сердце сильно толкало изнутри грудную клетку. Это повторялось снова и снова... Видимо, боялась ее молодая душа. Однако в голове все же вертелись мысли о том, как можно было бы безболезненно умереть...

— Впору руки наложить, чтобы покончить с этим...

Раиса Никифоровна молчала. Она долго сидела, сложив натруженные руки и опустив взор, словно глядя внутрь себя.

— Как ты можешь так говорить, родная моя, если жизнь не тебе принадлежит? Не твоя она, а Божья собственность, и человеку дана, чтобы он трудился до естественного своего срока и над собой и для людей. А так получается — работ-

ник самовольно бросает работу... Ты, доченька, встретила с огромным злом. Такое бывает с чистыми людьми. Это — твое великое испытание, а их нужно выдерживать.— И, немного помолчав, она добавила: — Такие, как этот злодей, не останавливаются. Они либо добиваются своей цели, либо их останавливают. Но ты не та, чтобы стать его игрушкой, а остановить его мы не можем: у нас нет свидетелей, и за это время ты уже несколько раз мылась — следов совокупления нет, нет и синяков, и остатки того вещества, скорее всего наркотика, уже давно вышли из организма — а если и нет, то, поди, докажи, что не сама принимала. Потому придется принять на себя потоки клеветы, лжи, сплетен и слухов, Настенька. Хотя я бы застрелила его, как дед в том фильме... отомстил за внуку! Но это самосуд, уголовное преступление.

— Я поняла, но как же мне тяжело!..— заплакала Настя.

— Да, будет очень тяжело... Но ты, доченька, не одна — я с тобой, отец Сергей и, самое главное, Господь, который знает, что ты невинна!

Настя, сильно похудевшая, спавшая с лица, с сонным выражением глаз и медленными и вялыми движениями — словно каждое движение нужно было обдумывать — производила удручающее впечатление. И хуже всего было то, что и день — такой обычный, и все вокруг — такое привычное, что не хотелось верить, что «это» было с ней. Ей стало казаться, что вот настанет утро и под лучами солнца все «это», как роса, испарится...

«От судьбы не уйдешь... Она везде найдет и прижмет, если тебе такой рубеж предопределен,— про себя подумала Раиса Никифоровна.— И большинство женщин, подобно ребенку, меняются в жизни, в зависимости от условий ее — насмотрелась я:— среди хищников и она становится такой, растит детей-хищников, грызется с мужем-хищником, избавляется от родителей, так и не смогших стать членами ее стаи, сдав их в дом престарелых... Но Настя не такова, она, верю, выдержит, ведь мы рядом!»

Настя, будто прочитала ее последнюю мысль, и власть и притяжение жизни несколько укрепились в ней. Она вытерла слезы, выпрямилась, губы ее были плотно сжаты. Она чувствовала себя не то чтобы спокойно, но увереннее.

- Тебе завтра в гимназию?
- Да...
- Иди как ни в чем не бывало. Что придет — то придет.
- Да уж...
- *Этот* когда придет за ответом?
- Сказал, через неделю.
- Может, позвонить ему, сказать, чтобы быстрее делал, что задумал? Чтобы не жить в ожидании — это хуже некуда.
- Не знаю...
- Я бы позвонила и сказала только одно слово, когда он поднимет трубку: «Нет!»
- Я подумаю. Может, вы и правы.
- ... Анастасия думала недолго. Когда в трубке раздался весьма знакомый голос, она однозначно и твердо произнесла свой ответ.
- Ну что ж, ну что ж, пеняй на себя! — сказал Быстров.
- ... На следующий день в гимназии, идя из класса в учительскую, Анастасия увидела выходящего из кабинета директора Быстрова. «Началось», — подумала она и внутренне стала готовиться ко всему. «Все» не заставило себя ждать.
- Назавтра директриса Нина Петровна вызвала Настю.
- В нашем городе, Анастасия Петровна, появилась некая особа легкого поведения, которая с поразительным проворством или, вернее, упорством совращает лица мужского пола, начиная с еще малолетних школьников и до их почтенных отцов. Вы не знаете такую?
- Я? Нет, не знаю.
- Да? Так о ней уже весь город говорит!
- Весь город?..
- Вы не знаете, — продолжала Нина Петровна, — а я ее прекрасно знаю.
- Быстро же у нас клевета распространяется, — дрогнувшим голосом произнесла Анастасия.
- Клевета? Если уважаемые люди — не один, не два — говорят мне об этом, указывая на конкретное лицо, кому я должна больше верить — им или без году неделя принятой на работу незнакомой девице?
- Мг... Понятно...
- Вот если вам понятно, то лучше увольнитесь по собс-

твенному желанию. Я костыми лягу за репутацию гимназии, поэтому мне здесь такие не нужны! — Лицо директрисы посерело и его скривила брезгливая гримаса.

— Таких, как я? А вы знаете меня? — еле сдерживаясь, чтобы не заплакать, спросила Настя.

— И знать не хочу. А если это и клевета, то Бог разберется, но без нас, увольте, я разбираться-дознаваться не желаю. Если учителя начнут вам смеяться в лицо и плевать в спину, если мальчишки начнут от вас требовать «своего», если родители станут активно настаивать на том, чтобы убрать вас из гимназии, мне останется только одно — уволить вас по статье, а ее, статью эту, будет очень и очень тяжело стереть из жизни. Поэтому давайте по собственному, да и с концом... А вздумаете по наущению кого-то возбуждать дело о клевете, так я вам ничего конкретного не сказала, не обвинила ни в чем. И никто вам ничего конкретного не скажет: будут только смеяться, игнорировать, избегать, вы станете изгоем, дети перестанут слушаться. Да и каково будет преподавать ли-те-ра-ту-ру?! И это изо дня в день, изо дня в день! Неужели понравится?

Настя представила, как она рассказывает ребятам о любви Базарова и Анны Одинцовой, и они сально улыбаются, а то и смеются между собой и нахально разговаривают вслух, вставляя, якобы не к ней относящиеся, обидные слова; как после урока ей некуда деться, — не в учительскую же идти, терпеть там унижения, когда даже и не относящееся к ней будет восприниматься как обидное, сколько бы хорошего она ни говорила и ни делала. Что от нее останется через пару месяцев? Так и с ума сойти можно. А нужно ей это?

От такой резко произошедшей, ошеломляющей перемены в отношении к ней и от того, *что* она представила себе, Анастасия почувствовала бессилие... Она поняла, что ни говори — хоть кричи, хоть зови на помощь, — ее не послушают... Снова появились мысли о смерти... Но она внутренне начала молиться: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!»... Произнеся так молитву несколько раз и ощущая в сердце образ Христа, Настя почувствовала, что ей стало лучше. И решила: «Нужно написать заявление».

— Дайте лист бумаги, — тихо проговорила она...

... Иван, зная, что Анастасия сегодня вечером будет сво-

бодна, так как уроки у нее теперь послезавтра, взял билеты в театр. Зайдя в гимназию, он сразу направился в учительскую. Смешки и «понимающие» взгляды весьма смущили его. Он еще раз повторил:

— Могу я видеть Анастасию Петровну?

— Молодой человек, — ответила женщина средних лет, поправляя пучок волос на затылке, — вы не перепутали? У нас здесь дом просвещения, а не дом терпимости!

— Что, что? — изумился Бескрайнов.

— То, что слышали! — ответила та под вновь раздавши-
еся смешки и переглядывания учительниц.

Иван вышел в коридор, ему стало не по себе, он, не понимая ничего, тем не менее, почувствовал, что произошло что-то неладное, и весь путь домой не мог прийти в себя.

Дома Анастасии нигде не было. Наконец Иван нашел ее, сидящей в саду, в зарослях на пеньке. Она, понурил голову, казалось, что-то рассматривала на земле.

— Настя, что случилось?

— Ничего, — односложно ответила та.

Тогда Иван пошел к бабушке и, рассказав, с чем столкнулся в гимназии, спросил, что произошло с Анастасией. Та поведала ему все — так и так узнает...

Весь вечер Иван просидел у себя в комнате, затем тихо, не желая привлечь к себе внимания, вышел на улицу и пошел куда глаза глядят по ночному городу. Хотя стоял еще конец сентября, но листья деревьев под светом фонарей блистали всей красочной палитрой октябрьской осени. Но ни эта красота, ни тишина и покой улиц по эту пору, нарушаемые лишь изредка проезжающими машинами, не могли, как обычно, успокоить его.

«А что если предложить Насте выйти за меня замуж? Как она к этому отнесется? Наверное, воспримет как жалость с моей стороны...» — мысли теснились в его голове.

Так и не придя к окончательному решению, Бескрайнов вернулся домой и, стараясь не разбудить бабушку, прошел к себе. Поздний час и события прошедшего дня сыграли свою роль, и он заснул крепким сном без сновидений.

На одном из советов Ангелов был поставлен вопрос о духовной битве. «Всякое осуществленное добро возбуждает у темных духовные корчи,— сказал один Ангел.— Даже представления о добре приводят их в неистовство».— «Да, но устрашающий добра, погружается в нестроение»,— добавил другой. «Воинство темных постоянно изо всех сил норовит, так или иначе, помешать деятельности светлых работников. Однако альтернативы возрастанию добра не было и нет»,— констатировал наш Ангел. «Что касается людей, то война в духовной сфере для них более серьезна, нежели война —наземная». И духовное убийство в большей степени противозаконно и чревато последствиями, чем физическое».— «А еще, говоря о людях, мы должны помнить, что человек отличается скрытыми возможностями, превышающими возможности Ангелов. Посмотрите, что пишет Апостол Павел, глубоко посвященный в Мудрость, в посланиях Коринфянам: —Разве не знаете, что мы будем судить ангелов?»,— процитировал наш Ангел. «Свет создает тень, а не наоборот, и при внесении Света, тьма исчезает,— вступил старый Ангел.— Тому, кто держится Истины и является активным борцом за нее, она содействует».— «Но огонь может быть и потушен. В серых житейских буднях может постепенно убавляться дух людей и может снова неуловимо войти в обиход бессердечие, пошлость и своекорыстие. Сад души требует полива значительно больше, нежели земной»,— добавил до того молчавший Ангел. «Обсуждая вопросы о духовной битве, не должно помнить о людях — адептах зла. Про них гласит древняя мудрость: —Не совершайте зла (даже) в неведении, ибо всякое зло, как бумеранг, возвращается к метнувшему его. Каждый, восставший против Любви, будет (рано или поздно) поражен в делах своих!» — завершил обсуждение наш Ангел.

ГЛАВА 49

Вероника сомневается

Веронике все случившееся с Анастасией не давало покоя. Она и не предполагала, что такое может произойти в их тихой, спокойной и счастливой — а она воспринимала ее именно так, — жизни. Умом своим она отвергала наветы на сестру и всячески оправдывала ее, но кто-то внутренний все пытался проникнуть в мысли, как бы говоря от первого лица: «Я — чистая, а Анастасия — грязная; я — девушка, и мне преимущество перед ней, а не ей передо мной!» Вероника не знала, что со всем этим делать. А тут Раиса Никифоровна собралась к отцу Сергию, и она напросилась пойти с ней.

По дороге, глядя на Веронику и замечая мелькавшую улыбку в ее глазах, Раиса Никифоровна проговорила:

— Будь поосторожнее в мыслях, коза-стрекоза! Знаю, что у тебя здесь, — сказала она, показывая на лоб, — кишмиш. Настя чиста, ибо была без сознания в то время. Поняла меня?

— Да, бабушка.

— А все остальное выкинь из головы-то!.. Дым густой, а борщ пустой!

... Предупрежденный о визите Раисы Никифоровны отец Сергей ждал в саду. После соблюдения правил приветствия, подобающих по такому случаю, он пригласил гостей в дом, где матушка Пелагея уже готовила чай. Увидев, что гостья пришла не одна, она принесла еще один чайный прибор.

— Ну, рассказывай, Раиса Никифоровна, с чем пришла? — спросил Сергей, наливая гостям чай.

— Беда случилась, батюшка, беда... — проговорила та.

— Слушаю, сестра. — Священник мысленно помолился.

Поведала Раиса Никифоровна ему горькую историю Анастасии, все рассказала, ничего не утаила и совета попросила: что делать, как быть?

— Ничего тебе, сестра, сейчас говорить не буду. Нужно молиться, все в руках Божьих. Обдумаю все и тогда дам тебе

знать. А ты потом организуешь мне встречу с Анастасией. Пока же будь с ней рядом — я так понял, что она больше не работает в гимназии,— но ни словом, ни намеком о том, что случилось. Она пусть выговаривается, коли захочет, ты же не возражай, не спорь, не утешай,— просто слушай и переводи разговор на другие темы. И с другими близкими людьми пусть общается — главное, чтобы Настя не замыкалась в себе. Хорошо?

— Да, отец Сергей, я все поняла.

— Ну, вот и ладно. А ты, егоза, с чем пришла? — спросил батюшка, обращаясь к Веронике.

— Я? Просто за компанию.

— Ах, за компанию?.. Чем жива?

— Да ни чем она, батюшка, не жива,— с некоторой горечью в голосе ответила Раиса Никифоровна.— Пока не определилась с тем, где ей учиться.

— Это зря,— глядя на смущенно улыбающуюся Веронику, сказал священник. Потом он сам улыбнулся и ласково потрепал ее по плечу.— Образование от слова образ. Его всякий человек создавать должен. Сколько тебе стукнуло?

— Восемнадцать,— бойко произнесла та.

— Ну! Уже пора определяться и поступать! Посмотрю, что у нас там в N-ске и окрестных городах,— взглянув на Раису Никифоровну, сказал он.— А ты, хозяйка, выберешь, за тебя это никто не сделает. Ладно?

— Ладно, батюшка! — весело ответила Вероника.

— Вот и лады... Угощайтесь вареньем! А может меду? — перевел отец Сергей разговор на другую тему.

Когда они уже прощались, Вероника, сильно покраснев, вдруг обратилась к нему:

— Я очень хочу с вами поговорить...— и еще более смутившись, проговорила: — Ну, пожалуйста...

— Вероника, как же ты обращаешься к батюшке? Я же тебя учила! — возмутилась Раиса Никифоровна.

— Ничего, ничего,— успокаивая ее, сказал Сергей и обратился к Веронике: — Пойдем ко мне.

Войдя в кабинет, он усадил девушку в кресло, а сам сел рядом на диван. Комната была вся уставлена шкафами с книгами. В красном углу висела большая икона «Господь Вседержитель» и теплилась лампада. Стол в соседнем углу

был завален бумагами, среди них стоял подсвечник.

— Слушаю тебя, дочка,— и, видя не покидавшее ее волнение, сказал: — Успокойся и расскажи, что у тебя на душе.

— Батюшка, получается, что Анастасия теперь падшая? — И слезы блеснули у нее на лице.

— Ах ты, милая моя! Падшая? — Никак нет.— Он на несколько секунд задумался.— Ты слышала что-нибудь про Марию Египетскую?

— Нет...

— Ну, слушай...— И отец Сергей поведал ей историю этой святой женщины, бывшей в своей прошлой жизни очень далеко не безукоризненного поведения*...

Вероника, затаив дыхание, слушала отца Сергия и, когда тот закончил, облегченно вздохнула.

— Ну, я развеял твои сомнения?

— О да, батюшка! Теперь я знаю.

— Вот и прекрасно. Слава Тебе, Господи!

Вероника вышла в гостиную, где ее терпеливо ждала Раиса Никифоровна. Они стали прощаться, собираясь домой, так как отцу Сергию нужно было идти в храм. Раиса Никифоровна подошла к нему и попросила благословения. И в этот момент у Вероники в глубине души вновь промелькнуло: «И все же я чище!..» Она нахмурилась и, глядя себе под ноги, вышла вслед за бабушкой.

... Когда Раиса Никифоровна с Вероникой шли по улице — они решили походить по магазинам,— недалеко от поворота в переулок, ведущий к их дому, на противоположной стороне увидели шедшего навстречу Быстрова.

— Подожди.— Бабушка быстро перешла улицу.

Прохожих было мало. Раиса Никифоровна подошла вплотную к ошарашенному неожиданной встречей Быстрову и смачно плюнула ему в лицо. Тот молча поднял руки и, вытираясь, что-то пробормотал. Не обращая на него никакого внимания, Раиса Никифоровна вернулась к Веронике, и они как ни в чем не бывало продолжили свой путь.

— Какая ты героиня, бабуль! — не ожидавшая от нее такого, воскликнула девушка.

---

* Подробная история Марии Египетской — «Преподобная Мария Египетская». Православный календарь. <https://days.pravoslavie.ru/Life/life754.htm>

— Ничего! Пусть знает, свинья! — и сказала чуть помолчав: — Читала у одного писателя в книжке, что у нас страна православная, а не католическая, где можно откупиться деньгами, потому, мол, всех творцов испорченных человеческих судеб ждет раскаленная сковорода. Хорошо сказано, как про Быстрова.

ГЛАВА 50

Анастасия решает поговорить с Сергием

Бескрайнов по берегу реки шел на вечернюю службу в храм. Несмотря на прошлые мысли, в его душе царил раздрай, который не позволял прийти к какому-то определенному решению — как относится к тому, что произошло с Анастасией и к ней самой. Он вновь и вновь возвращался к прошлым мыслям, пытаясь силой воли утвердиться в них, но этого хватало ненадолго. И решил поговорить об этом со священником.

Когда Иван вошел в храм, служба уже шла. Отстояв до конца, он дождался выхода Сергия и подошел к нему за благословением.

— У меня сегодня день посещений членов семьи Раисы Никифоровны, — улыбнувшись, произнес священник.

— И бабушка приходила?

— Да, она очень переживает за Анастасию.

— Вот и я тоже с этим пришел, отец Сергий.

— Ну, пойдем, — взяв Бескрайнова под руку, сказал батюшка и повел его в свой кабинет.

Сергий пригласил Ивана сесть, и сел сам.

— Слушаю тебя, сын мой.

— Отец Сергий, я не знаю, что мне делать, как относиться к тому, о чем вы уже знаете от бабушки. Вначале я хотел буквально убить этого Быстрова!

Батюшка отрицательно покачал головой.

— Потом я решил, что все в руках Божьих, что это — испытание для Анастасии, меня и всех нас, кто близок Насте.

— Правильно, — подтвердил священник.

— Но все дело в том, что эти мысли тоже не утвердились во мне... Чтобы быть кратким, скажу одно: в голове моей теперь каша, если не сказать хуже. Одна мысль гонит другую, и я не знаю, на чем остановиться...

— Сын мой, я... — Отец Сергей зажег свечу и после недолгого молчания продолжил: — сейчас более всего, думаю, ты должен испытывать жалость к падшему...

— К падшему? — переспросил Иван.

— Да, именно к падшему. Ибо Анастасия не падшая, падший — это насильник. Откуда берутся «быстровы» — это иной вопрос. Появляются ли они как закономерность из-за сложностей человеческой жизни, всплывают ли из глубины, когда жизненный поток направляется по новому руслу, или они происходят из нравственных чудовищ, до которых никому нет дела? Непроста, загадочна и порой очень не прямая отдельная судьба. Что касается конкретного Быстрова, то он взял на свою душу страшные грехи: грязное деяние и клевету. А укрепив это чувство жалости в своей душе, далее можешь молиться за его душу и за Анастасию.

— А как молиться?

— Кроме известного тебе или из молитвенника, обращай к Господу своими словами, идущими из сердца. Доверяй сердцу, а не уму — непостоянному и неверному.

— Я понял, отец Сергей.

— Хорошо. А потом, после того как я на днях встречусь Анастасией, мы увидимся вновь, и если ты не будешь против, поговорим о дальнейшем.

— Конечно, я не буду против! — воскликнул Иван.

— Ну, посмотрим, посмотрим. Молись!

Довольный беседой, укрепившись в духе, Бескрайнов бодрой походкой направился домой.

... Настя была рада каждой минуте, когда могла оставаться одна. Она очень изменилась, осунулась, испытывала постоянную усталость и смотрела вокруг с тревогой. Она не могла делать свои прежние дела, читать, все валилась из ее рук. О смерти она сейчас не думала, но иногда мелькала мысль — уйти из дома. Однако душа ее не принимала этого. Несколько раз Анастасия выходила из своей комнаты, чтобы объясниться с родителями, но не находила их у себя. «И ладно...» — думала она, так как у нее каждый раз опускались

руки, начинали дрожать колени, и она снова возвращалась, чтобы переживать свои муки наедине. А сколько было за это время бессонных ночей и пролитых слез...

... Войдя на половину бабушки, Иван увидел там родителей Насти. Они произвели на него удручающее впечатление. Когда родителям Анастасии сказали, что с ней случилось, те просто не поверили ни одному слову и между собой решили, что это клевета с целью опорочить девушку. К тому же они, даже если бы это оказалось правдой, никогда внутренне не согласились, что такое могло произойти с *их* Настей. Даже после разговора с Раисой Никифоровной, которая убеждала их, что *это* было так-то и так-то, они не соглашались поверить и, вообще, оба с дочерью, Вероникой и Раисой Никифоровной вели себя как ни в чем не бывало, будто *этого* не существовало вовсе*. Расстраивало их только угнетенное состояние Насти. Та постоянно пыталась убедить отца и мать, что с ней это ужасное деяние *было* совершенно, но доказать ничего невозможно, так как нет ни свидетелей, ни признаков, а то видео, которое есть, снято так, что ни о каком насилии говорить не приходится. Родители, внимательно выслушивая все, в конце концов, вошли в такое депрессивное состояние, что Анастасия, испугавшись, уже пожалела об этих разговорах и оставила их в покое. Раисе Никифоровне пришлось несколько вечеров, бросив все дела, находиться рядом с соседями, чтобы чего не случилось. Постепенно, благодаря ее и забывшей на время обо всем Анастасии взаимной опеке, Тамара Ивановна и Петр Терентьевич несколько успокоились. Но Раиса Никифоровна все же видела, что неладно у них на душе и на кухонной полочке появилось много новых лекарств.

... А в это время слухи по городу шли с удвоенной силой: говорили всякое, по большей части плохое об Анастасии. Везде, где появлялись отец и мать Насти, с ними, ни-

---

* Вытеснение (подавление, репрессия) — один из механизмов психологической защиты. Заключается в активном, мотивированном устранении чего-либо из сознания. Обычно проявляется в виде немотивированного забывания или игнорирования. Как защитный механизм, вытеснение направлено на минимизацию отрицательных переживаний за счет удаления из сознания того, что эти переживания вызывает. Удаленные из сознания, эти элементы, однако, не пропадают из памяти.

чуть не смущаясь, начинали говорить «о ней». Говорили в глаза в очередях в магазине и поликлинике, а хуже всего — на работе, в школе,— и это в коллективе, в котором они проработали уже почти два десятка лет (хотя, нужно сказать, были коллеги либо делавшие вид, что ничего не знают, либо утешавшие, но прятавшие при этом глаза). Родители, подавленные, старались спорить и со слезами умолять: «Неправда, все это, неправда!» Ругатели подходили даже к дому. В церкви кивали головами, на улице тыкали пальцами, и, как водится, история обростала новыми «подробностями».

Несмотря на утешения со стороны Насти, родители слышали не раз, как она разговаривает с Раисой Никифоровной и плачет... А это их расстраивало более всего.

... Быстров, как уже понял читатель, не успокаивался. Да и не для того он это все затевал, чтобы ничего дальше не предпринимать. Не ради же самого процесса, а для своей, не дававшей ему покоя, сжигающей ему душу в огне ожидания и вожделения цели — заполучить Анастасию целиком и полностью, то бишь в жены, и не просто, а в кабалу, когда ее престиж будет полностью восстановлен, а слухи отнесут на счет некоего, притянутого за уши к делу шантажиста, создавшего видеомонтаж (а современные программы позволяют на компьютере сделать все что угодно — хоть голову приклеить (конечно, на видео) к чужому телу) и покинувшего город после своей неудачи.

Быстров с маниакальной настойчивостью то звонил и, услышав голос Анастасии, вместо приветствия задавал один и тот же вопрос: «Ну, что? Опять нет?», то караулил Настю недалеко от ее дома и шел по противоположной стороне улицы, чуть впереди нее, вопросительно глядя, то встречал ее возле церкви, куда она по-прежнему, невзирая ни на что, ходила по воскресеньям. Настю это бесконечно угнетало, и было очень тяжело осознавать, что слухи после ее молчания возростали с еще большей силой.

Не выдержав этого давления, Анастасия решила поговорить с отцом Сергием, к чему ее уже давно призывала Раиса Никифоровна. Она хотела пойти в следующее воскресенье, но узнав от Раисы Никифоровны, что к священнику идут отец и мать, решила просто отстоять службу, а разговор отложить на следующий выходной.

ГЛАВА 51

«Вот время-то!..»

Степан Алексеевич вернулся с работы, когда уже начало смеркаться. По телефону он предупредил домработницу Дарью, у которой был свободно-договорной график, чтобы дождалась его — уж очень не хотелось сегодня самому возиться на кухне: разогреть и самому себе подавать. Начинался октябрь, а он в это время года всегда немного хандрил. Когда Бобров открыл дверь, его сразу окутало тепло — ароматы разогретого ужина, улыбка и заботливый взгляд помощницы, уют милого домашнего гнезда.

Степан Алексеевич умылся, с удовольствием отужинал и, предварительно оговорив с Дарьей завтрашний день, отпустил ее домой.

В кабинете он хотел было сесть за стол — поработать, но умственная усталость вдруг навалилась на него, и он пересел в уютное кресло у окна.

Сквозь еще не задернутые шторы на Боброва глядела благодушная оранжевая луна и обильные звезды, казалось, подмигивали ему. Он зашторил окно и прикрыл глаза. Как обычно, без целенаправленной мысли, замелькали образы, обрывки информации и следы эмоций. Но дремота не окутала его, напротив, проклюнулась неведомо откуда взявшаяся злость. Степан Алексеевич попытался определить ее источник, но разум молчал, и только сердце подсказало ему — это прошлое стучалось в сознание.

Вспомнился Боброву бывший сотрудник Иванов, с которым работал практически с самого начала, оказал доверие, многому научил, познакомил с необходимыми людьми и порекомендовал. И этот человек унизил его уже в первом же общем деле и подставил, и обвинил невесть в чем, и нахамил... А сейчас Степан Алексеевич увидел его, как бы рядом, как обычно, говорящего без интервалов между словами и фразами, не дающего даже слова вставить в разговоре, не терпящего и малейшей перебивки, старающегося самому на-

чать и завершить разговор.

«А может и прав Галкин,— подумалось ему,— когда говорит: «Не тот нынче человек пошел, не тот... А ведь иные при Советской власти родились и воспитывались, но, глядишь,— не те. И откуда что берется? Да понятно откуда — нуто такое, раньше прятали, скрывали, маскировали, а теперь в царстве прихватизации и стяжательства ведь все дозволено. Вот и раскрылись...» Ну, Галкин и есть Галкин, что с него, коммуниста, возьмешь, все о своем талдычит...» Однако где-то в глубине души Бобров все же, скрывая это от себя, соглашался. Но тут же явно или мысленно осенял себя крестным знамением...

А вот припомнился ему еще один экземпляр — Лисовский, бывший крупный начальник на пенсии... Было дело, однажды привлек его к сотрудничеству, но скоро очень пожалел о том — начались «аппаратные» игры, интриги, борьба за власть, за влияние... Ну, короче говоря, все что тот умел, то нимало сумняшеса и применил...

А еще у Степана Алексеевича всегда были большие планы, громадье идей... Однако как исполнишь их, если ему довольно часто не везло с подчиненными. Вот выполняет, докладывает... а чувствуется — уже нет интереса, какое-то далекое-далекое восприятие.

Да и многие знакомые предприниматели были далеки Боброву — вот и Расстегаев этот, конкурент, не к ночи будь помянут,— главное ведь для них — бизнес, деньги, а все остальное: творчество, общественная работа, конкретные люди — вторично и даже третично... А когда говоришь об этом, улыбочка снисходительная и, как будто ребенок, что-то лопочет. А есть еще и такие — он мысленно их называет детьми,— что при уменьшении прибыли, вместо принятия эффективных мер: организация дела, управление, реклама, кадры — начинают экономить на всем. Дело порой доходит до смешного — до туалетной бумаги, тамошних же салфеток, отключения на ночь горячей воды (чтобы охранники по ночам не мылись), и даже рекламу на здании включают уже затемно, чуть ли не в полночь, когда вокруг-то уже никого нет. Таких — и тех, и других — он в партнеры не берет и дел с ними не имеет.

А вот еще один тип, с которым столкнулся в жизни Боб-

ров, но уже просто знакомый — больше бы не встречать. Мягкий, добрый прямой взгляд широко расставленных глаз с обильной поволокой, чуть трясущаяся во время разговора голова, вкрадчивый голос с очень добрыми интонациями, тело чуть наклонено в сторону собеседника, располагающая седина... Но стоит только осознать, что же он говорит, как на поверхность всплывает большая-большая, зеленая такая с пупырышками и дурно пахнущая жаба глумливости... И какая-то патологическая ненависть к православию, хотя живет в русском городе и наполовину русский. И все пытается уколоть, подколоть Боброва в его вере. Словно что-то дает ему право создавать иную реальность и противопоставлять ее, да еще воинственно! И вот еще интересный момент: написал книгу для тех, кто хочет быть здоровым — да такую толстую!..— а сам — очень больной человек...

«Вот время-то бесовское!..— внутренне возмущился Бобров.— И теорию выдумали, экономизмом называется: говорит о том, что главное — деньги и потребление. Ради этого стоит жить и работать. Здесь я с Кириллом согласен. Ведь деньги сейчас дают возможность многое делать против совести, если она еще осталась, а то и вообще ее «зацементировать». Будут деньги, любую книгу свою можно написать и издать — что хочу, ни с кем не соотносясь. Это позиция... Кто-то сказал: «Либерал может издать покрасивее «Войну и мир», но написать «Войну и мир» не может...»

Степан Алексеевич о людях никогда не судил по внешности: чертам лица, цвету волос и глаз и форме носа, когда внешность и внутренность человека могут различаться столь существенно, что говорить о принадлежности к тому или другому народу можно только с очень и очень большой натяжкой,— а только по духу, живущему в нем. И тысячу раз он убеждался в правоте Ф. М. Достоевского, особенно сейчас, в эпоху развитых информационных технологий, «двадцать пятых кадров» и Интернета, когда особенно важно уметь распознавать именно дух, ибо он и только он определяет суть человека.

А есть еще такие, кто говорит: «Литература в наших руках!» — ну, понятно, это нынешние «генералы от литературы» — и гордо при этом поднимают голову... Так и хочется сказать: «Ну, так если все в ваших руках, почему же вы ни-

чего не делаете — ни семинаров, ни школ, ни творческих вечеров, не работаете с детьми, не добиваетесь денег для издания журналов и альманахов,— ну, ничего!.. Бездельники холодные, в руках то у вас в руках, да из рук скоро может вывалиться!.. Кем вы тогда будете, без литературы?!»

Степан Алексеевич с ужасом поймал себя на том, что вот уже битый час занимается осуждением. «Так, хватит осуждать,— сказал себе Бобров.— Господи, помилуй меня! — взмолился он и вслед подумал:— Нет, таких людей человеку не исправить. Это дело Господа, Его воля. Вот и Быстров этот — негодай, каких свет не видывал, и, скорее всего, клеветал Анастасию! Но что я могу сделать?»

А Анастасия? Образ Насти (почему-то черно-белый) возник перед ним так явно, будто она была вот здесь, рядом с ним. Конечно, рассуждал он, лучшей жены и желать нельзя. И, может быть, она и не виновата вовсе. Но слухи уже есть, раз, видеофильм — два. Степан Алексеевич сам-то *верит* в ее чистоту, но партнеры его... А они ведь свет общества Зареченска и губернии, лучшие из лучших! И с заграницей только-только заладились договорные отношения, а у них там — у протестантов — мораль будь здоров! Пусть Настя невиновна и чиста, но ведь, так или иначе, а было, было! И для «моралистов» этих — местного и дальнего разлива — важно, прежде всего, это. Жены «фикать» начнут, а за ними мужья станут сальности в спину отпускать, смеяться. Что от его репутации — самого важного для бизнеса — останется? Нет, не дело это. Пусть Господь все управит: грешна — получит воздаяние, чиста — благословит, но он, Бобров, здесь ни при чем и ввязываться в дела с Быстровым по защите и оправданию Анастасии, а уж тем более жениться на ней, не будет. И совесть Степана Алексеевича чиста, не делал же он Насте предложения до случившегося. Господь уберег, Божья воля на все! Ну, а с Раисой Никифоровной и ее соседями, включая Анастасию, он как был дружен, так и будет.

Но вот в тиши комнаты мысленно предстал перед ним Галкин и, кивая головой, произнес: «Не тот нынче человек пошел, не тот...» Вспомнились его слова о мировых кризисах, о их, по его мнению, сути — вначале раздают дешевые кредиты, а затем, объявив «форсмажорные обстоятельства», требуют их срочного возврата, и многие, дабы найти сред-

ства, продают по низким ценам имеющееся имущество, которое кредиторы же и скупают... Вспомнил Бобров и о проповедуемой Кириллом Олеговичем перманентной войне Запада против России, ведущейся якобы на шести уровнях: внедрение «через все щели» убеждения в гегемонии англосаксов, фальсификация нашей истории, идеология постоянного стремления к обогащению, подрыв нашей экономики путем разрушения производства и сельского хозяйства через финансовое рабство и санкционное давление, истребление населения низким уровнем жизни и высокими ценами, некачественным питанием и поддельными лекарствами, алкоголем и наркотиками, а также военно-стратегические мероприятия... Хотя Степан Алексеевич и не понимал, почему именно сейчас все это промелькнуло в его сознании. И не успел «раствориться» в полумраке Галкин, как откуда-то заявился и конкурент Расстегаев со своей лицемерной улыбочкой... И вновь, как наяву, зазвучали его слова о том, чтобы делиться с народом (как-будто Бобров олигарх!). Вспомнилось, как после освящения батюшкой помещения фирмы, Расстегаев, тяжело вздыхая, говорил, мол, вот теперь прибыль пойдет! И тут же – «А вот в Евангелии сатана искушал всеми благами мира, если, падши, поклонится...» На слова же рабочего, слышавшего их разговор и промолвившего: «Да какие там блага, зарплату бы хоть подняли!» ответил: «Бедные тоже бывают жадными». Понимай как хочешь...

Бобров нервно отмахнувшись от этих видений, мол, что не померещится переутомленному мозгу, продолжал мысленный монолог: «Ты бы, Степан Алексеевич, занялся лучше самосовершенствованием». И верно, он свое здоровье бережет: в одно и то же время встает и ложится, ест и работает, а перед тем как лечь спать, людям не звонит, не ведет волнительных разговоров, то же, — когда ест. Бережет покой и своей домработницы... И никто у него не требует отчета: идет ли он пешком или едет на машине, или на общественном транспорте, сколько ему нужно часов для сна, времени на еду и на личную жизнь... Отчего же он стал в последнее время терроризировать сотрудников? Почему они должны у него с восьми ноль-ноль до двадцати трех ноль-ноль быть в процессе работы? Почему, когда звонит им, перестал спрашивать, может ли человек говорить? Ведь он, может быть,

ест, отдыхает или занимается своими делами. Сам же Бобров садится за телефон, когда все свои дела поделал, и нервничает, когда человек звонит, а он за рулем или домработница налила ему горячего супа...

«Да, испортился ты что-то, брат. Да и нервы стали пошаливать... Займись-ка собой!» — решил Бобров.

ГЛАВА 52

Перед мнением делового сообщества

Сегодня Степан Алексеевич не прикоснулся к папкам на стеллажах, а соответственно, и к документам. Он еще вчера вечером решил провести встречу по итогам последнего, месячной давности совещания с сотрудниками. И, как всегда, придя пораньше, чтобы подготовиться, Бобров начал просматривать все записи на этот счет в своем ежедневнике.

«Как там Кравцов, интересно, справился ли с нашими пожеланиями? — подумал Степан Алексеевич, закрыл книжку и, задумавшись, забарабанил пальцами по крышке стола.— Василий Иванович руководитель стройки, но медленно работает, а в наше время нужно все делать не только качественно, но и быстро...»

Часы пробили десять, и в кабинет заглянула секретарша.

— Степан Алексеевич, все уже на месте.

— Что, и Кравцов?

— Да.

— Это надо же! Когда он последний раз вовремя приходил?.. Зови всех.

Сотрудники гуськом вошли в кабинет и расселись — каждый на свое привычное место.

— Ну, как ваши, Василий Иванович, бытовки новой конструкции? — с легким сарказмом спросил Кирилл Олегович.

— Все построены и даже уже обжиты.

— Быстро,— отметила Лия Леонидовна.

— И люди довольны? — вмешался в разговор Бобров.

— Вот я об этом и хотел рассказать. Да, рабочим попра-

вилось, ведь с прежним положением дел не сравнить. И текучка сильно сократилась — вот что главное!

— Ну, главное, положим, первое, а текучка — вторична, — уточнил Степан Алексеевич.

Во время разговора Бобров с удовлетворением ловил на себе долгий, внимательный и необычно теплый взгляд Лии Леонидовны. С того их последнего совещания, когда он, всегда обращавший на нее особое, мужское, внимание, почему-то взглянул совершенно по-другому, хотя были рядом на работе несколько лет почти ежедневно, они виделись, и каждый раз что-то происходило между ними — незримое, но значимое. Степан Алексеевич замечал то теплоту ее глаз, то ласковость движения пухлых рук, то ловил себя на том, что любитесь ее грудью, так заманчиво облегаемой, как и вся ее фигура, лиловым платьем... «Да, приятель, — думал он в такую минуту, — совсем ты одичал, пора жениться...»

— Так надо понимать, Василий Иванович, объект будет сдан в срок? — спросил молодежавый Галкин.

— Предполагаю, что да.

— Как-то вы обтекаемо это сказали. Кто из нас главный экономист? Не отнимайте у меня мою прерогативу так говорить, Василий Иванович, — сказала, улыбнувшись Борисова.

— Ну что вы, Лия Леонидовна, разве я похож на экономиста, пусть и не главного вовсе? — в тон ответил Кравцов.

— Я так понимаю из ваших слов, Василий Иванович, что скорее да, чем нет? — спросил Бобров.

— Если без шуток, сделаем, Степан Алексеевич.

— Ну, вот это уже мужской разговор, — сказал Бобров, что-то помечая в ежедневнике.

Лия Леонидовна с недоверием взглянула на Кравцова, а Кирилл Олегович, кашлянув в кулак, хотел было что-то возразить, но промолчал.

— У вас фото объекта на данный момент с собой? — продолжил Степан Алексеевич.

— Да, конечно.

Кравцов достал смартфон, открыл галерею и, найдя необходимые фотографии, показал их Боброву.

— Ну, что ж, будем надеяться, что ничто вам теперь не помешает... Да, Василий Иванович, а как насчет оформления изобретения что ли?

— Да какое там изобретение, Степан Алексеевич! Ну, как рацпредложение, еще куда ни шло. Да и кто заниматься этим всем сейчас будет? Справиться бы и то ладно.

«А может продать эту идею конкуренту? — подумал Бобров.— Да ну, глупости! Просто подглядят, если уже не сделали этого, и переймут. У нас в России так, а жаль...»

— Ну, Бог в помощь! — завершил разговор он.

Уже от двери Галкин обернулся и спросил:

— Степан Алексеевич, а как та девушка, Анастасия, про которую сейчас так много говорят в городе? Мы с вами как-то встретились с ней, еще до этого происшествия, и вы мне ее представили...

«Вот-вот, начинается, первая ласточка,— подумал Бобров,— то ли еще будет?»

— Кирилл Олегович, я знаю о случившемся, к сожалению, не больше вашего.

— Так вы же, как я слышал, даже другом их семьи числитесь? — продолжал допытываться Галкин.

«Вот дотошный... И это только начало!» — а вслух промолвил:

— Я никак пока не выберусь к ним. Но как только что-то выясню, вам первому расскажу.

— А я вам скажу так, хоть и не знаком лично с ней и семьей, но являясь — без излишней скромности — неплохим физиогномистом, что она вряд ли та, какой ее сейчас рисуют. При советской власти давно бы уже разобрались и нашли источник этого безобразия. А я верю, что это именно безобразие, и кому-то выгодное!

— Ну, хорошо, хорошо, Кирилл Олегович,— решил от греха подальше закруглить разговор Бобров.

Все это время, пока они обменивались мнениями, Борисова, будучи воспитанной и потому вежливой, не имевшая возможности выйти, ждала окончания их разговора. Когда Кирилл Олегович вышел, она также направилась к двери. Но Бобров остановил ее:

— Лия Ленидовна! — Уже почти в дверях, почувствовав каждой частицей тела взгляд и мысль Степана Алексеевича и неуклюже повернувшись плотным телом, Борисова услышала его слова:— Лия Леонидовна, останьтесь на минутку, мне нужно обсудить с вами кое-что!

— Да, Степан Алексеевич,— проговорила она и снова вернулась к столу.

Бобров предложил ей сесть. Он чувствовал, именно чувствовал, что должен ей многое сказать. Слов он еще не находил и потому внутренне мучился и напрягался, пытаясь их найти. Лия Леонидовна нравилась ему все больше, и образ Анастасии, хотя он и не любил, так как после ухода жены и не собирался никого любить, теперь, после случившегося, не затмевал ему все и вся вокруг. Ибо сейчас... сейчас произошедшее с Настей все меняло. Даже если она ни в чем и не виновата... Степан Алексеевич понимал, что слаб перед мнением делового сообщества. А это для него, не имеющего ни семьи, ни богатства, ни власти, ни детей, было всем. И вот, когда он это все осознал, вначале потаенная давняя симпатия к Борисовой расцвела в нем, а вслед за ней появилось и чувство, а где-то и желание еще молоджавого мужчины к одинокой красивой женщине, и что не маловажно — из его круга. Как там будет с Анастасией — нет, он поможет, чем сможет, если что поддержит и ее, и семью и морально, и материально, — никто не знает, а имиджу уже будет нанесен непоправимый урон... Перекладывая с места на место какие-то бумаги, карандаши, Бобров, наконец, спросил:

— Лия Леонидовна, во сколько обошлось нам ноу-хау Кравцова? — «Боже, о чем это я? — подумал он, ведь хотел говорить о другом, но... продолжил, стараясь как можно более смягчить свой обычный деловой тон:— Вы сделали с бухгалтером смету, что там получилось? Можем мы, как намеревались в случае успеха, в том числе и экономическое, продавать это другим стройкам? «Да, как же, купят они!..» — подумал он, но не подал вида.

Борисова тонко, по-женски, чувствовавшая его состояние, понимала, что не это он хотел ей сказать, но опять же по женской природе не могущая взять инициативу в свои руки поддержала деловую тему:

— Да, Степан Алексеевич, все сделали, как вы сказали, и Кравцов уложился и в смету перестройки бытовок, и в сроки,— ответила она, и пухлых, так влекущих его губ ее коснулась легкая, нежная улыбка, а глаза слегка увлажнились, и от того лицо стало еще более добрым и привлекательным.

«Нужно сказать что-то, не касающееся работы», — поду-

мал Бобров, но вдруг, по непонятной ассоциации, он вспомнил жену, как она бросила его, как он решил, что больше с женщинами связывать свою судьбу не будет... Снова вспомнил Анастасию, как она преобразилась за последние два — три года... «Да, преобразилась,— внутренне проговорил он.— Эта современная молодежь... Сколько случаев — солидные родители, хорошее воспитание, благообразный вид и поведение — и вдруг совершенно несообразный поступок... Кто ее знает, хоть и не люблю этого Быстрова, а вдруг это правда?.. Погнался за молоденькой девушкой! У них ведь как сейчас — все поверхностно, зыбко, неустойчиво. Сегодня так, а завтра вошло что-то в голову, и, глядишь, уже другой человек». Рядом же находилась давно знакомая, не девчонка, а чуть моложе его, женщина, такая теплая, добрая и, в то же время, крепкая в своих взглядах на жизнь, а главное, из его круга. «Бизнес-круга,— подумал Бобров.— Женщина, которая знает,— он, формирующийся на основе негласного кодекса поведения (сверх ценности нетрадиционной сексуальной ориентации, как известно, не являются его нарушением), выдавит из своей среды любого, кто не вписывается. Поди, попляши тогда!»

«Нужно что-то ей сказать, обязательно сказать, не молчать, ибо так можно остаться до конца дней своих старым одиноким хрычом!» — решил Степан Алексеевич.

— Лия Леонидовна,— сдавленно промолвил он,— нам нужно поговорить... Мне нужно кое-что сказать вам...

— Слушаю вас, Степан Алексеевич,— мягко ответила та.

И этот тембр голоса Борисовой, доброта и, одновременно, собранность произвели на Боброва, годами соскучившемуся по теплу женщины, под стать себе, невероятное воздействие. Он осмелел, взял теплую, мягкую ладонь ее в свою, она чуть пожала ее. И они улыбнулись друг другу, как давние-давние близкие люди.

— Лия Леонидовна, а давайте поужинаем сегодня в ресторане,— сказал уже увереннее Бобров.

— А давайте! — ответила она.

За окном же под ярким солнцем цвела и царствовала желто-оранжево-красная октябрьская осень — любимое время года Степана Алексеевича.

Один молодой ангел как-то летел по своим делам над Зареченском, и его привлекли страсти, охватившие город в связи с известными событиями. Вернувшись, он поделился впечатлениями с нашим Ангелом. «Сердце прекрасное должно страдать на земле. Лишь вслед за испитием всей предназначенной отравы жизни накапливается бальзам в чаше души», — сказал тот. «Но сколько же врагов у этой девушки!» — «Враги оттеняют человека, он определяется их числом. Но главное — поведение человека при этом. Бесстрашие — вот основное качество, где оно, там сердце людское звучит в ответ на зов безбрежного Мироздания». — «Но героизм человеческий часто сочетается с ненавистью...» — «Не ненависть должна быть, а прощение. Прощать — означает понимать, а понимание — это знание, знать же, в свою очередь, — следовательно, подступить к Мудрости, к Истине. Ведь издревле известно — нельзя бесчестить и проклинать, т. к. все это вернется и станет мучительно бичевать пославшего. Сказано: —Соблюдайте спокойствие, иначе провалитесь в преисподнюю» — «А вот еще понятие о падшем... Как правильно понимать?» — «Падший не тот, кто согрешил или бессознательно подвергся греху, а кто отрекся от Бога, от своей совести. Темные же побуждают людей радоваться греху других. И толкают на грех, тем более что в нынешнее время религии денег и вседозволенности это делать стало гораздо легче. А еще некоторые не верят в живого Бога, а проектируют будущее. Ведь известно: —Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах» — «Да, нужно быть внимательными в мыслях, ибо темные —шепталели” настороже» — «Верно. Я говорил о спокойствии. Однако люди не могут быть неподвижны. Или они двигаются вперед, или отступают. При том для восхождения, для неустанного сражения со злом, с темной они обязаны быть мужественными, терпеливыми и радостными».

ГЛАВА 53

Роковая смесь

В 1989-м году, когда рушился СССР, Быстрову было тридцать семь лет — это один из переходных, критических возрастов мужчины. Люди тогда поголовно теряли привычные ориентиры. И хотя он не любил, как выражался, «совдепию», и взгляды у него были свои, отличные от многих, но жил то он в определенных рамках, которые тоже рушились, как и ориентиры большинства.

А время тогда было, прямо говоря, психопатическое. Ведь чем не стабильнее общество, тем больше неуравновешенных людей проявляют себя. Биологические и психологические предпосылки, конечно, сильнее всего, однако в спокойное время они влияют не прямо, а опосредованно. Катализатором же активного включения психобиологической основы человека, прежде всего, являются внешние факторы, и одним из главных в то время было крушение фундаментальных основ. Не секрет, что есть такие, не поворачивается язык сказать «люди», которых нужно назвать — человек-зверь, не признающие никаких мер, кроме страха. А вот страх-то и был потерян в те времена!

Конечно, нашего «героя» нельзя напрямую отнести к этой категории. Все же интеллигентность не позволила ему стать бандитом, как говорится, «братком», если пользоваться тогдашним сленгом. Но к тому времени Быстров сформировался как внутренний преступник, ибо он глубоко ненавидел советский строй и всегда желал ему только плохого, вплоть до разрушения. Вот и дождался!

А интеллигенция, известно, если власть не идет ей навстречу, начинает искать, кому бы повыгоднее продаться и на кого опереться в противостоянии такой власти.

Формирование Виктора Анатольевича, как уже понял читатель, шло многие годы, начиная с детства, но решающими стали годы молодости. Учась в институте, Виктор Анатольевич хотел, было, пойти по комсомольской линии, но *тот*

случай (когда он забыл закрыть дверь на ключ) сделал его замкнутым, нелюдимым... а эти качества, как известно, никак не способствовали этому пути, даже наоборот — там требовались общительность и коммуникабельность... После нескольких попыток, когда ребята подсознательно чувствовали что-то не то, он отказался... И так было во многих направлениях, которыми он спонтанно интересовался и которые требовали общения. А комплексы Быстрова усиливались, и оно от этого все более и более затруднялось...

Примерно к двадцати пяти годам у него определился аномальный, дезорганизованный характер, с затрудненной коммуникацией, в том числе и межполовой, заниженная самооценка, связанная с комплексом неполноценности. Он не стал из-за всего этого серийным убийцей, хотя они почти все — интеллигентные и образованные люди, но его большие внутренние изъяны естественно вытекали из чересчур строгого воспитания и сурового детства, принуждения соблюдать хорошие манеры при «плохой игре», то есть при отвратительном внутреннем состоянии, из умения нравиться людям при просто катастрофическом неумении построить нормальную личную жизнь. И все это у Виктора сочеталось с достаточно слабой половой конституцией. Так образовалась «роковая смесь». Он все чаще стал замечать в себе склонность к садизму. Первоначальный юношеский испуг вскоре сменился чувством приятности. Тогда молодой человек о женитьбе не помышлял, но подсознательно искал себе пару, напоминающую жесткую, нетерпимую и властную мать, каковую и нашел к тридцати годам, когда женился.

Жена Виктора, Нина, была нормальной советской женщиной — работала на заводе бухгалтером, руководила профсоюзной организацией заводоуправления, была членом партии. Все это в совокупности с перечисленными выше чертами характера неотвратно толкало Быстрова в оппозиционность. Сам, выбрав ее себе, он через непродолжительное время возненавидел жену, боялся ее и в то же время получал удовлетворение от того, что она довлела над ним. Его тщательно скрывааемый антисоветизм, подпитываясь, все более совершенствовался. Виктор жаждал свободы от законов общества, свободы от самого общества как такового. Злоба, наполнявшая его душу, затемняла сознание, делала

невосприимчивым к иному и разрушала его самого, хотя он не понимал этого и, напротив, считал свою инаковость достоинством, а себя — лучшим, чем «эти рабы», как он внутри называл окружающих. Даже неминуемо развивавшийся невроз Быстров принимал за «тонкость натуры».

Человек не может жить, оставаясь нормальным, вне социума, пусть это и будет группа единомышленников. Но Быстров боялся искать их и варился в собственном соку, скрывая убеждения от жены. Это еще более усугубляло его состояние. И трудно представить, что бы с ним могло произойти, если бы не «катастрожка» с последующими девяностыми, когда были отвергнуты социалистические ценности, то есть ценности общества, и стали внядаться западные ценности, западные «свободы». Виктор Анатольевич, состоявшийся сорокалетний неврастеник и психопат, расцвел и враз избавился от своих комплексов. Вот она — свобода! Появились богатые люди — молодцы, а бедные, то бишь не молодцы — пусть работают над собой. Образование, которое было, — к черту! — нам нужны, как на западе, потребители, не больше. И так далее, и тому подобное... «И что очень важно, — думал Быстров, — кому какое дело до моих сексуальных дел! Это сугубо мое хозяйское, личное. Нынче все можно. Плевал я на вас всех и на общество ваше, и уж теперь-то я возьму все, чего вы, плебеи, меня лишили!»

Вот, поди, объясни все эти метаморфозы с людьми некой философией человека. А существует ли таковая? Создается впечатление, что все именитые философы во все времена только и делали, что соревновались между собой в создании более прекрасного образа человека, лишь мимоходом осуждая отдельные, как исключения, порочные пристрастия его — ведь он далеко не таков, каким нам кажется, — вместо объективно-научного исследования человека. Вот эта «философия прекрасного человека» и замолчала стыдливо, когда «новые люди», возвращенные в почти тепличных условиях, вдруг начали грабить все, что плохо лежит, издеваться над остальной частью — слабыми и наивными, «ложиться» под сильных, напропалую лгать, предавать, мстить и убивать. Откуда-то взялись эти наглые, жадные до известности и славы, богатства и власти, бессовестные люди? Куда подевалась столь долго проповедуемая изначально положитель-

ность человека? Ведь те, кто вершил «катастрофку» и рыночники всех уровней и мастей,— люди сугубо реалистичные, без розовых линз и очков, прямо скажем, безжалостные,— что практика и показала.

«Другой жизни у меня нет,— продолжал думать Быстров.— И я не глупое и наглае хамье, как, в общем-то, многие, не умственно отсталое животное. И хотя мы формировались как альтернатива любой существующей политической системе, я не дурак, чтобы выступать сейчас против власти, тем более теперешней. Посему буду брать от жизни если не все, то свое!»

Виктор начал с самого доступного — стал торговать мороженым. Продукт отпускали на хладокомбинате, и киоски сдавали в аренду — любому желающему, был бы паспорт. Нина, жена, органически не принимала всего этого, он занимался бизнесом один. Поднакопив денег и наняв пенсионерку-продавца, Виктор решил почелночить. Читателю хорошо известны все перипетии этого вида бизнеса, заключавшегося в поездках с пустыми баулами в Турцию, беготне там ради закупок товара, возвращении с тяжело набитыми баулами же через таможни, аэропорты и вокзалы домой и торговле на местном рынке, хорошо описанного в большом количестве романов, повестей и рассказов того, «катастрофического», времени. Потому не будем углубляться во все это, скажем только, что Виктор мастерски мог договориться с «братками», с рэкетирами, с милицией и с кем угодно, хоть с чертом, если понадобится, и в деле преуспел. Жена ему по-прежнему не была помощницей. Силенок физических, которые при этом занятии требовались немеренные, у Быстрова не хватало, и он в один прекрасный день решил оставить это занятие и все добытые и добываемые от челночества и торговли мороженым средства вложил в покупку нескольких киосков в городе, нанял продавцов и стал заниматься только снабжением, управлением и подсчетом денег. Одновременно Виктор делал легкие деньги — «бабки», как говорили тогда, да и сейчас говорят в определенных кругах, попросту говоря, спекулировал валютой и давал деньги в рост под хороший процент. Чем дальше, тем больше его затягивал сей процесс. И вот он уже стал тяготиться самостоятельным участием во всем этом и нанял управляющего, чтобы тот делал все вме-

сто него за зарплату с премией. Однако, в конце концов, Быстрову надоело и это, ибо богатство ему было нужно не ради самого богатства, а для удовольствий от жизни. Виктор продает десять своих киосков, увольняет управляющего и продавцов, нимало не заботясь об их жизнях и семьях, вкладывает все деньги в банки и, живя на проценты, всю себя отдает «удовольствиям», понятно каким.

Жена Быстрова была фригидной женщиной и потому не требовала от мужа ничего сверх того, что тот мог ей предложить. А предложить он мог немного, ибо возбуждали его только девочки, мальчики и породистые юноши. Но когда она узнала о его пристрастиях — добрые люди, как говорится, постарались, — которые он тщательно скрывал, то это было настолько болезненно для нее, что ей стал противен даже звук его голоса, и она ушла. Свои убеждения Быстров в советское время супруге, по понятным причинам, не озвучивал. Но они были диаметрально противоположны — Нина была советской патриоткой. Поэтому сильнейшего связующего начала — общей ненависти — у них тоже не было, что облегчило разрыв.

Нина была порядочной женщиной, и делать что-либо неприятное человеку удовольствия ей не доставляло. Она была честной, смелой и принципиальной вплоть до некой рабочей злости, а таких люди не очень-то любят и предпочитают, прежде всего, добрых, снисходительных и чутких. Это рождало в ней чувство вины перед окружающими. Поэтому она уходила от Быстрова, хоть и быстро — у бога добавки не просят, — но при этом мучаясь внутри.

Для Виктора Анатольевича уход жены, — если не брать в расчет привычки, — никаких внешних и внутренних мучений не доставил. Он легко перешел на холостой образ жизни, что более соответствовало его пристрастиям — не нужно было дома ничего и ни от кого скрывать и постоянно лгать.

Чтобы не умереть от безделья между развлечениями, взвесив свои способности и возможные, в связи с ними, пути карьеры, он избрал путь литературной деятельности, тем более что писательские способности у него были большие. И Быстров весьма преуспел на нем — активная деятельность в литобъединении, публикации в газетах, выступления... Добряки есть везде и всегда, потому через некоторое время и

состоялся прием в члены Союза писателей... И вот долгожданное — выборы в ответственные секретари областной писательской организации. Их было два кандидата: маститый писатель из N-ска и он — больше активный литературный деятель. Время было горбачевско-«катастрофическое», и в моде были альтернативные выборы на всех уровнях, начиная с профорганизаций в трудовых коллективах отделов и цехов предприятий.

И тут, нужно же было такому случиться, — день рождения, среди приглашенных — инструктор горкома партии по литературе. Дома у Быстрова была богатейшая библиотека — еще прадед начал собирать. В семье воспитывалось глубокое уважение к книге. Раз попавшая на полку, она не могла быть выброшена, сдана в макулатуру или продана. Много разных книг стояло на полках — более пятнадцати тысяч томов. А инструктор был большим книголюбом, любителем порыться в томах, полистать. Посидели, выпили, пообщались, и библиофил — к полкам. И надо же было ему натолкнуться на два тома Сталина, которые и стояли где-то внизу, сбоку, в углу и принадлежали деду Виктора Анатольевича, который в конце тридцатых был членом «тройки». (Кстати, «тройки» в то время выносили много оправдательных приговоров — это потом уже все обросло тенденциозными легендами, то бишь ложью.) И вот инструктор... Тогда он, держа в руках книги, только укоризненно посмотрел на Быстрова, мол, зачем держишь? Но, как читатель уже догадался, вопрос о руководителе N-ской областной писательской организации был решен не в пользу Быстрова. Виктор Анатольевич и туда, и сюда, но никто ничем помочь не мог — кто-то и вправду не мог, а кто-то просто не хотел, а были и такие, что откровенно радовались... Хорошо еще руководителем литобъединения в Зареченске сделали люди добрые, что, конечно, несравнимо с постом ответственного секретаря писательской организации.

Руководство литобъединением дало ему возможность находиться среди обилия молодых людей и женщин, что возбуждало и подвигало, кроме сторонних походов, на внимательно-жадущее взаимодействие определенного плана с пишущими. Да и кабинет — свою независимую территорию — Виктор Анатольевич уже неоднократно использовал

в своих сексуальных действиях.

Правда приходилось тщательно скрывать свои пристрастия. Ну да это и понятно... Иначе и карьеры не сделаешь, и кабинета, дававшего ему такие возможности, лишишься. А карьеру Быстров любил. Наклонности наклонностями, страсти страстями, а уважения окружающих очень хотелось.

ГЛАВА 54

«Нужно жить, нужно противодействовать злу!...»

Анастасия после некоторых колебаний, связанных более со стыдом, чем с нежеланием встречаться, решила все же пойти к отцу Сергию и по дороге продумать предстоящую беседу. Она прошла через сад, вышла через заднюю калитку к реке и вдоль нее направилась к храму. В эту пору конца октября в уже почти голом саду стояла тишина. Косо падавшие лучи клонившегося к закату солнца золотили стволы и ветви деревьев, под которыми то тут, то там лежали пятна теней и света.

Настя шла по берегу реки. В воде плавали уже прелые темные листья. Глядя на них, Анастасия задумалась. Вернее, ум ее, все еще не совсем освободясь от сильного стресса и, главное, от его последствий, хаотично «перепрыгивал» с одного на другое.

«Несмотря на то, что со мной произошло, роль мышки меня, конечно, больше не устраивает... Интересно, отец Сергий знает о том, что со мной случилось?.. Хорошо бы уехать, но куда я уеду? В области, в Москве — там те же люди. А Москва и «раздавить» может, «перемолоть» по-своему. А из Москвы куда? Из России? — За границу? Но Россия все равно внутри останется. Дальше нее и себя не уедешь.. Нет, нет, останусь здесь, будь что будет!..»

Храм был почти пуст. Анастасия отстояла вечернюю службу и по окончании ее подошла к отцу Сергию за благо-

словением. Тот пригласил ее в свой кабинет.

— Походи, дочь моя. Не трать лишних слов, я уже с Раисой Никифоровной говорил о тебе. Знаю тебя и знаю Быстрова, к тому же собрал о нем кое-какую информацию по своим каналам... Так что я вполне уверен в твоей невинности. Но все же осторожнее нужно быть!

— Да, отец Сергей, вы правы.

— Теперь к делу. Скажи честно: были мысли о самоубийстве?

— Были, и неоднократно

— Вот... А все это от того, что ты, как и многие, не знаешь цели Бога, а Он благ. Каждое мгновение свое человек должен жить полной жизнью, чтобы не происходило, и мыслить о смерти лишь для того, чтобы взвешивать на ее весах все, что делает, думает и говорит. Вот возьми пример: как бы знал торговец, что он отпускает покупателю должный вес, и как бы знал покупатель, что он получает требуемое, когда бы не было весов?.. Велики дела Божьи, и люди, пораженные этим величием, часто принимают свой страх перед ним за страх смерти. Нужно говорить себе: смерть естественна, не страшна, как мы думаем,— это трансформация, рождение в новую жизнь, подобно тому, как плод умирает для жизни в утробе матери и рождается для новой жизни вне ее... И еще я понимаю, что тебя посещают мысли: уехать из города?

— Думала и об этом.

— Вот и я думал, и думаю, что здесь, на месте нужно доказать свою правоту. Докажем, тогда везде будем правы, достойно жить будем, а нет — везде может повториться подобное, а то еще и посильнее. А Бог все видит, и справедливость восторжествует!

— Согласна, отец! Я тоже пришла к такому убеждению.

— А как у тебя со Степаном Алексеевичем, прости за нескромность?

— Степан Алексеевич дал мне от ворот поворот, как говорится. Он придумал себе идеал и себя подгоняет под него. Но, думаю, время все разложит по полочкам, идеал испарится, подобно туману, а он останется только со своими принципами, которые чувствовать не могут, так как у них нет души... Но я не буду искать отмщения, можете мне верить,

отец Сергей. У меня уже все спокойно к нему.

— Это хорошо, Настя, а то такая страсть и такие мысли могут уподобить тебя, ты уж прости, Быстрову, который живет по принципу *homo homini lupus est*, что означает: человек человеку — волк (по лат.— прим. автора).

— Нет-нет, я все понимаю, нет, не будет ничего такого

— Да, нет такой боли, которая бы не прошла со временем, иначе жить невозможно будет? А в гимназии как?

— Никак... Оправдываться, доказывать свою правоту и чистоту смешно, еще больше будут оскорблять и смеяться. И будешь мучиться... А можно просто уйти и все, и этого просто уже нет для тебя.

— С одной стороны, это так, однако с другой...— все же за истину нужно и страдать, и бороться.

— Мне иногда кажется, отец Сергей, что наша Земля — это не место для счастья, все мы здесь находимся в силу неких обстоятельств, которые не можем постичь. А небесные создания смотрят на нас, жалеют и хотят помочь. Я в самом начале, после того, что случилось, говорят, ни на что не реагировала, не разговаривала, даже взгляд был неподвижен. Врач сказал Раисе Никифоровне, что это был посттравматический синдром...

— Да, дочь моя, мы на нашей планете должны трудиться, в том числе и душой, проходить испытания, чтобы, в итоге, найти Бога и приблизиться к Нему, живя по Его законам. То, что произошло с тобой, нужно тоже рассматривать как испытание, а правильное преодоление трудностей, связанных с ним, неминуемо приведет к возрастанию твоего духа. А может быть, и к уменьшению гордыни...

— Гордыни? — переспросила Анастасия.

— Ну, да,— подтвердил Сергей,— например, в том, чтобы стать женой не сильного, самостоятельного человека, а, наоборот, слабого, чтобы помочь ему стать сильнее, умнее и духовнее.

— Вы имеете в виду...

— Ты верно поняла меня. Иван — открытая душа и очень понятлив. Кроме того, мне кажется, да и не только мне, он любит тебя.

— Два писателя на одну семью — много. Нужно либо-либо, или муж, или писатель. А иначе ничего не получится...

— Любовь, Настя,— это и, среди прочего, когда кто-то может помочь человеку встретиться с собой.

— Я понимаю, отец, но разве можно переделать человека, который уж таким получился до тридцати лет?

— Ерунда это все! Человек может меняться до бесконечности, вспомни евангельские истории о разбойнике на кресте и о мытаре Матфее. А Мария Египетская? Даже такие люди изменились!

Анастасия непроизвольно взглянула на Распятие, висевшее на стене между книжными шкапами. «А ведь, действительно, Иван, с его-то знакомством со Светоноговым — рассказывал же мне,— мог бы стать чиновником и, как большинство их это делает, «смахивать» пачки купюр в приоткрытый ящик стола. Или и вовсе перейти в категорию людей с животным типом психики и заняться, например, надувательским бизнесом в Интернете, как многие из его поколения. Ну, на худой конец, стать офисным планктоном. Сейчас он живет на деньги от сдачи квартир, но ведь стремится к чему-то, и все серьезнее...», — размышляла она.

Отец Сергей тоже задумался, разговор с Настей навеял ему мысли о любви: «Вот у нас с Пелагеюшкой все же любовь была и есть. Ведь это когда хочешь переживать вместе все, что происходит. Когда были молодыми, радовались с ней вместе грозе, дождю и солнечному дню, цветам и ягодам, купанию в реке, первому морозцу и снежному лесу, весенним ручьям и золоту осени. А теперь вместе варим варенье и заклеиваем окна на зиму, помогаем друг другу пережить бессонные ночи и болезни...»

«Конечно,— продолжала думать Настя,— если он будет моим созданием, то будет мне больше нравиться, ибо станет частью моей души, и мы станем побратимами в жизни».

— Мой тебе совет, Анастасия, обрати самое пристальное внимание на Ивана. Я думаю — у него есть будущее, ибо он растет не по дням, а по часам. И ты, как хорошая земля, принимающая в себя низкосортное семя, своими добрыми соками делает зерна высокосортными, то есть добрыми семенами, сможешь помочь ему преобразиться. А я буду молиться за тебя, чтобы слухи оставили тебя в покое, эта обуза спала с твоих плеч, как ее и не было, и в помощь тебе с Ивановом. Радуйся, не доставляй аду удовольствия, дочь моя!

— Благодарю вас, батюшка, за добрые слова, добрые советы и будущие молитвы! Благословите меня, батюшка,— сказала Анастасия и подошла к Сергию.

... Анастасия возвращалась из храма не прямой дорогой, а решила сделать крюк и, по мосту перейдя реку, прогуляться по любимому лесу. С детства она помнит каждый овражек, всякое дерево в нем. А сколько разноцветных утренних зорь и закатов видела она здесь.

Настя ощущала лес не только своими телесными чувствами, но она как бы присутствовала во всем окружающем, ибо все, что когда-либо затрагивало ее добрыми переживаниями, тотчас становилось не частью, а ею самою. Поэтому сейчас, несмотря на спокойную ясную осень, она может очутиться — стоит только захотеть — в лесу, овеваемом приятным ветерком, под шелестящим дождем, в снежных, искрящихся сугробах и теплым солнечным летом. И хорошие ее знакомые: река, деревья, трава и цветы — садовые и луговые, — дом, в котором живет, птицы, небо и солнце, — все-все — это живое, и все это в ней самой, и все это — она сама... до осязания, до обоняния.... Настя никогда не знала, как назвать, как объяснить данное состояние, однако она внутренним чутьем понимала, что оно выше любого объяснения, любого знания, ибо она чувствовала, что есть некая общность, истинное существование, Жизнь, и она, Настя, как и все окружающее, части Ее, и в то же время все они по отдельности и есть Она целиком...

Лес встретил ее букетом острых и пряных запахов увядания: палой, прелой листвы и хвои, сырого мха, гниющего хвороста, грибной сырости и чего-то терпкого, как крепкое вино. Она любовалась рубиновыми плодами шиповника и янтарем барбариса, терпким и острым, как перец, копытнем и чувствовала, что, кроме увядания преходящих одежд леса, в нем и теперь живет могучий дух силы и вечной крепости, выражающийся своими запахами, в которых есть что-то неистребимо жизненное и которые особо чувствуются в такие дни, как сегодняшний — последние теплые и нежные дни прощающей осени. Это впереди у осени нудные дожди, иголки инея и злые морозы. А сейчас она, засыпая, видит приятный сон, и так же, как хорошо находиться рядом с человеком, смотрящим хороший сон, хорошо быть в такую

пору в осеннем лесу. Анастасия чувствовала, что сердце ее готово все и всем прощать, умиротворяется, желает, чтобы всем на земле было хорошо. Пока жива, она обязана быть такой. Ведь все различие между людьми в том, что одни живут, как обязанные, а другие, как необязанные... И в этой тишине осеннего леса она решает — нужно жить, нужно противодействовать всякому злу, каким бы большим оно ни казалось, своей честью, чистой совестью и правдой бороться с бесчестием, грязью и ложью.

Когда Настя пришла домой, Раиса Никифоровна хлопотала по хозяйству во дворе.

— Здравствуйте, бабушка! — по-семейному поздоровалась она. — Вы все трудитесь, без дела и часа не проходит.

— Будет досуг, когда вон понесут, — ответила та.

— Бабушка, я не в укор, а к слову... — смутилась Настя.

— Я знаю, Настенька. Вот занимаюсь. — Раиса Никифоровна показала вокруг себя. — В жизни любое занятие должно быть со смыслом для других людей. Иначе никто о тебе и твоём деле, когда ты будешь не в силах, не позаботится...

— Ну, что вы, Раиса Никифоровна, мы всегда о вас позаботимся!

— Верю, верю, моя хорошая! Ты откуда такая радостная?

— Была у отца Сергия.

— Поговорили?

— Да, я очень довольна, что решилась на этот разговор!

— Вот, хоть слово и не бог, но, как говорится, воскресить может.

— А еще я в нашем лесу побывала...

А Раиса Никифоровна думала, сколько же много в жизни горя и вражды, а в людях — дурости и недомыслия, а порой и глупости, жадности, ненависти... Жизнь же всем: и человеку, и любой живности на радость дана Богом. Вот с отцом Сергием поговорила, в лесу побывала, и, гляди, совсем другой человек, как будто ничего и не было. Другой тебе наплетет словес — их много, а мякина мякиной и пустые: казалось, дунь — улетят... И в душе, и в голове от них пустота.

«Эх, девочка моя, — подумала Раиса Никифоровна, глядя на взявшуюся подметать двор Анастасию, — Боже сохрани тебя думать лишь о себе: в народе говорят — соседу незаметно на ногу наступишь... И более всего опасайся трус-

сти... А еще ни на что не напрашивайся, ни от чего не отказывайся... Вот Иван...» — и вслух, подойдя к ней, сказала:

— Настенька, я очень хотела бы, чтобы ты вышла за Ивана. Конечно, он еще находится очень далеко от состояния жениха, ведь как некоторого мужика ни положишь — все не хорош, но в твоих руках...

— Да, в моих руках. Но вот руки мои к нему не тянутся...

— Настенька, не гони коней, помысли, мужчины меняются и «растут» всю свою жизнь, а противоположности, как мы знаем, дополняют друг друга!

— Вот и отец Сергей о том же мне говорит... — в задумчивости произнесла Анастасия.

ГЛАВА 55

«Неужели, неужели это со мной?»

Бескрайнов не то чтобы знал, а чувствовал, что в нем идут изменения, этому было достаточно и косвенных, и прямых доказательств. В то же время он ловил себя на наблюдении за происходящим внутри как бы со стороны. Вот и в отношении Анастасии он, что, как считал, было необычно для его прежней натуры, твердо определился — душа его сделала выбор, окончательно отметая все мысли и соблазны о других кандидатурах. Однако его всегдашняя привычка не только к самонаблюдению и рефлексии над «увиденным» в себе — к исследованию своих собственных психологических наклонностей и процессов, происходящих в нем, но и к рефлексии над происходящим с другими людьми и в целом вокруг него, не оставила его и сейчас.

Иван размышлял: если Анастасия полюбит его, то каким будет ее чувство — самоотверженным и жертвенным, когда для нее не будет ничего такого, чего бы она не сделала ему, как самой себе, чтобы доказать свою преданность? И какой будет она — гордой своим чувством, взыскательной, недоверчивой и ревнивой или, наоборот, активно стремящейся

исполнить все его желания и опасаящейся, что недостаточно сильно его любит? Скорее всего, верно последнее, но... это может быть и тайной за семью печатями. Ясно одно: нужно быть смелее — удача улыбается смелым или, как говорили римляне: «*audentes Fortuna juvat*»*... Но тут же появилась мысль: не попадет ли он в смешное положение? Ведь самая большая трагедия — это трагедия несовпадений, и так легко вляпаться в не свое...

Иван где-то читал — сейчас уже не упомнит где,— что нужно постоянно стремиться к осознанию всего происходящего в жизни, что в этом истинное благо, и что мыслящий человек отличается спокойным отношением к страданиям и всегда доволен — ведь настоящее успокоение не извне идет, а находится внутри человека.

«Что я все беспокоюсь? — думал он.— Ведь я люблю Настю, люблю не умом (это он все беспокоится), а сердцем, когда можешь вернуть человеку самое себя. Настя была в таком тяжелом состоянии первое время после случившегося — ни на что не откликалась душой, по большей части молчала, реагировала только механически. Даже взгляд ее был неподвижен. Было ощущение, что она не хотела больше жить, что какая-то чернота исходит из нее... Да, я люблю ее! И вот ведь интересно: в этом состоянии я начинаю замечать красоту там, где раньше проходил равнодушно мимо, и удивляюсь ранее не вызывавшему во мне никаких эмоций. Не дай бог перестать любить, это будет равносильно для меня теперешнего как умереть».

Бескрайнов все еще не ложился спать. Раздумья о Насте, о своей любви к ней, о жизни не давали ему покоя.

Теперь, после общения с отцом Сергием, Бобровым и Настей, после негативных контактов с Быстровым, он не равнодушно, как ранее, стал относиться к тому, что говорят другие. Одно дело, когда сам знаешь что-то о себе, и совсем другое дело, когда люди. Иногда бывает горько слышать, но... полезно. Они правы — годы-то идут, и можно выдох-

---

* *Audentes Fortuna juvat* (лат.) [аудэнтэс Фортуна юват] — смелым fortuna (счастье) благоприятствует.

нуться, так ничего серьезного и не сделал. Кто же это сказал: «Первое, что узнаешь в жизни, — это то, что ты дурак. Последнее, что узнаешь, — что ты все тот же дурак?»..

Иван глубоко вздохнул: «Неужели нельзя просто жить, без самокопаний, без рефлексий, просто жить?»

Ночь сменилась темным первых чисел ноября утром, но вот и его тьма уже подходила к концу, часы показывали семь тридцать, и близился рассвет. Низкие свинцовые тучи осеннего по эту пору неба, из которых то ли исходил сырой туман, то ли пылил мелкий-мелкий дождик, висели над землей. В них на северо-востоке стали видны вначале белесые, а затем и голубые просветы. Вначале едва, затем все звонче запели птицы. Все более и более светлело за окном, забелели березы, лаковой синевой покрылись ели, росшие у дома, заголубели осины за забором. Вскоре порозовели с востока облака, а за этим розоватый свет разлился по деревьям. От этого ожило все вокруг, еще заливицей запели птицы, внося каждая свою лепту в этот великолепный хор славословия земли восходящему светилу. Бескрайнов отрыл форточку, и острые, густые от влаги запахи осени ворвались в комнату.

Но бессонная ночь брала свое, и Иван, предупредив бабушку, что до обеда будет спать, не раздеваясь, завалился на постель и уснул.

... Бескрайнов действительно проспал до часа дня, но проснулся сам, так как они накануне договорились с Настей встретиться после ее прихода с работы и прогуляться. Он быстро привел себя в порядок и вышел в столовую. Анастасия к его радости уже сидела за столом. За разговорами и наслаждением, как всегда, вкусной едой, приготовленной Раисой Никифоровной, они не заметили пролетевшего часа. В это время темнело где-то около пяти вечера, поэтому они поблагодарили бабушку и стали одеваться.

Поскольку Ивану с Настей хотелось не только поговорить, но и побывать на природе, подышать воздухом, то они отправились в лес, любимый Настин лес, где она была почти месяц тому назад.

Они прошли вдоль леса и вышли к кустам орешника. А рядом росли дубы, сейчас уже почти без листьев, оттого суховые и молчаливые, но неизменно могучие. И густо растущий молодой подлесок только еще более оттенял их мощь.

Иван слушал птиц, вдыхал запахи, смотрел на высокие дубы, на их шевелящиеся под ветерком ветви, и опьяненная присутствием Анастасии, любовью к ней и наслаждением природой, ощущая себя ее частью, душа его, казалось, готова была взлететь к облакам. Она переполнилась такой радостью, что, не найдя никаких подходящих слов для ее выражения, Бескрайнов с ликованием глядел на Настю. Подобного давно уже не случалось с ним. Двойное воздействие двух любимых им — девушки и природы — произвело в нем резонанс. Лишь в раннем детстве, вспоминалось, когда по-другому все виделось и жадно вбиралось ребенком каждое проявление внешнего — будь то чудом природы или человеком — и каждое мгновение казалось бесконечно длинным, чуть ли не в целую жизнь, он чувствовал нечто подобное.

— Почему вы так грустны, Настя? Я готов сделать даже что-то нехорошее, только бы развеселить вас!

— И что же, например?

— Например, поцеловать вас...

— Так что же в этом плохого?

Бескрайнов сделал шаг к Анастасии, но она, протянув руку, остановила его.

— Подождите, подождите, давайте поговорим! Вот скажите, что главное: истина, добро или красота?

Иван, не отходя от Насти, ответил:

— Вернее, Красота, Добро и Истина, именно в таком порядке, ибо Красота — это форма, Добро — содержание, а Истина — мера. Толстой, кажется, на слова Достоевского: «Красота спасет мир» сказал: «Да, если только она добра».

— И были они крови не родной, а души одной...

— Что-что? — переспросил Иван.

— Да это я так, из одной книжки, — в задумчивости ответила Анастасия.

— А что вы думаете, Настя, — в ответ спросил Бескрайнов, — верно ли, что путь трудностей, ошибок, разочарований, исправления и поиска является естественным для человеческой жизни?

Он задавал свой вопрос, а думал совершенно о другом, думал о ней и о своей любви, глаза его говорили об этом. «Неужели она не видит, не чувствует?» — думал он.

А она чувствовала, конечно же, чувствовала все и видела

глаза, быстро и трепетно бьющуюся у виска жилку, слышала вибрации голоса и понимала эти невербальные знаки — их нельзя было не понять, они говорили ей об одном: «Он любит меня!».

Но Анастасия, чисто по-женски, интуитивно, чтобы испытать силу его чувства, стала отталкивать его. Странная штука — женская логика, да еще и крепкая. Но что же будет за женщина, если таковой логики не будет?

— Вы, Иван, человек интеллигентный, но путанный. Вы любите пробовать, доходить до грани, заглядывать за нее, до мурашек и жути... а потом: «А не испытать ли мне что-либо другое?» — так ведь, а?

Бескрайнов взглянул на лес — ветерок прекратился, ветви дубов были неподвижны на фоне предзакатного неба, а птицы, напротив, стали еще более активными и, не уставая, пели и пели прощальную песню, хоть и все еще невидимому из-за тонкой серой пелены облаков, солнцу.

— Да, Настя, человек, по большей части, сам творит свою историю, как повесть пишет. Но какова она будет, какой будет эпилог?! Вы правы, я такой... — он помедлил чуть-чуть и продолжил: — был до этих последних двух — трех месяцев...

— Да, Иван, да! И отношение к *случившемуся* — это тоже творение жизни, дальнейшей жизни, — сказала Анастасия, прямо глядя ему в глаза. — А тогда первой моей реакцией было — жизнь кончена. Я могла на все решиться, если бы захотела. Знаете, как дверь открылась и... захлопнулась... — она немного помолчала. — Но нет, всем нам нужно работать над собой!

— Человеческая память чувствительна, как фотопленка в теперь уже допотопных фотоаппаратах, и люди, не дающие себе труда задумываться над своим прошлым, будто стирают запечатленные на ней кадры, так и не рассмотрев их.

— Да, это так.

— Раньше, после многочисленных суетливых попыток что-то делать то в том, то в другом направлении — ну, вы помните, наблюдали это, — я иногда задумывался: «А, может быть, я уже выдохся, так и не стартовав?... Хватит, больше ничего не сделаю, хватит!..»

— Да, помню, как не помнить, все эти колебания, мета-

ния и усталость от них,— все происходило на моих глазах.

— Однажды, может быть, в конце жизни (лучше бы, конечно, раньше) человек оглянется на нее и подумает: а чего я достиг, что я сделал хорошего для людей, любил ли я их?.. Вот что важно!

— В вас, Иван, многое есть от человека! — Анастасия взяла его за руку.— И вы еще много напишете, обязательно, многое сделаете, вы очень талантливы, я это знаю!

— Я теперь думаю, что смогу! Можно и несколькими направлениями идти, меняя деятельность, что является средством от усталости, но целенаправленно, не бросая, пошагово продвигаясь к цели. И на каждом этапе: «Я могу!»

— Давай, ты сможешь!

«Ну, что нужно одинокому мужчине? — Немного ласки и тепла... А как он изменился! Отчего в нем произошли такие перемены? От бесед, от посещения отца Сергия и его молитв, от любви? Возможно... Но так резко: тридцать два года и два — три месяца. А может быть здесь что-то другое? Но что?» — задавала себе вопросы Анастасия и пока не находила на них ответы.

— Настя, ты сейчас не одна,— сам того не осознавая, почувствовав волну нежности, исходящую от нее, тоже перешел на «ты» Бескрайнов.— Я люблю тебя, поэтому все будет хорошо!

Анастасия отвернулась. Ее глаза наполнились слезами. Она хотела спрятать лицо в ладонях, но сдержала себя. Однако ощущение потери не покидало ее, так чувствует ребенок, когда теряет родителей, или мать, когда теряет ребенка, или девушка, оплакивающая своего возлюбленного, отвернувшегося от нее... И в то же время ей было хорошо, хорошо оттого, что все произошедшее ранее и происходящее теперь не оторвало ее от своей сути, а, напротив, приблизило.

Настя осторожно промакнула слезы и повернулась к Бескрайнову. Но что это с ней? Ее лицо вспыхнуло, а ее голубые глаза печальны и задумчивы...

— Вот теперь можешь поцеловать меня,— глядя на него, произнесла она.

Иван осторожно отодвинул прядь Настиных волос, нежным взглядом своим он буквально проник в ее сердце, окутал его, и оно забилось так быстро, как никогда до сих

пор не случилось с ней. Иван трепетно коснулся манящих и столь желанных, сухих и холодных по погоде губ ее. Его грудь стеснило, он, казалось, не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он обнял ее и вновь, но уже более сильно прижался губами к ее губам. Настя доверчиво прильнула к нему всем телом, и он в третий раз, уже не отрываясь, стал целовать ее. Из груди девушки раздался легкий стон, и она почувствовала, как тепло распространилось по всему ее телу.

Когда они оторвались друг от друга, заметили, что солнце ярко горело в красной закатной дымке над водой и птицы громко пели песню своей любви светилу.

— Я буду звать тебя Анастасией,— промолвил Иван и долгим ласковым с поволокой взглядом посмотрел на нее.

— Это очень торжественно, зови просто Настей,— нежно ответила она.

— Нет, нет, Анастасия!

И они, взявшись за руки, пошли домой, к их общему отныне и, как казалось им, навеки дому.

... Иван еще долго сидел у окна в этот вечер. На небе выступили яркие звезды, и он глядел на них, будто делясь своими чувствами, своими сердечными тайнами, делясь с ними, которые и сами были полны тайн и загадок. Сегодня он еще более укрепился в том, что любит Настю, любит ее той священной, пламенной любовью, которую он и помыслить в себе не мог ранее. Он сидел у раскрытого окна и вопрошал у этой ночи «Неужели, неужели это со мной?» Но ночь лишь загадочно молчала...

ГЛАВА 56

«Просто сон приснился...»

Стоял осенний, позднегоябрьский ранний вечер, когда Степан Алексеевич и Лия Леонидовна встретились у ресторана «Памфнутий». Фонари еще не горели, и в небе широко раскинувшийся двумя рукавами белел Млечный Путь, мелкая

звездная россыпь которого была похожа на летящие к земле снежинки, тем более что, усиливаясь, дул пронизывающий северный ветер. Мягкий свет, льющийся сквозь приятно зеленые шторы на окнах ресторана, влек уютом и тянул непременно войти. Что и не преминули сделать наши знакомые.

В эти часы буднего дня в зале еще было мало людей, и они легко нашли удобный, в уголке, противоположном входу в зал, свободный столик. Степан Алексеевич и Лия Леонидовна были отнюдь не завсегдатаями подобных заведений, потому принялись с любопытством изучать меню, каждый свою папку, обмениваясь оживленными комментариями по поводу его содержимого. Не торопясь, они сформировали заказ и подзвали уже дважды подходившего к ним вежливого официанта.

Налив, следуя всем тонкостям этикета, в бокалы вино, Бобров, вспомнив молодость, произнес положенный в таком случае тост, и они выпили, — вернее, она только пригубила, а он, смакуя, маленькими глотками, для храбрости все же осушил бокал до дна. Вино и уютная атмосфера зала располагали к разговору.

— Лия Леонидовна, я давно хотел с вами поговорить, но все как-то...

— Да, Степан Алексеевич, я чувствовала это... Но разве на работе поговоришь?..

Бобров стал рассказывать ей, как давно обратил на нее внимание, и между фраз, ловя себя на слове — и откуда только что взялось, наверное, давно не пил вина, — вставлял, как опытный ловелас, меткие комплименты ее внешности. Он говорил и одновременно любовался ее мягкими и округлыми чертами лица, с поволокой глазами, прилично открытой глубоким декольте грудью, теплыми вибрациями голоса... и видел, что это нравится его собеседнице.

— А вы часто ходите к Раисе Никифоровне? — вдруг спросила Борисова.

— Вы ее знаете?

— Кто же ее не знает в Зареченске? — вопросом на вопрос ответила она. — Там и Анастасия живет с родителями... Что вас влечет в эту семью?

«Боже, она и Настю знает!.. Откуда?» — но уже спраши-

вать не стал.

— Я старый друг их... — ответил он. — Еще родители были дружны с Раисой Никифоровной и родителями Анастасии. А она с детства буквально выросла на моих руках.

— Степан Алексеевич, как я поняла, вы испытываете ко мне чувства, да и я к вам серьезно отношусь. Потому, чтобы позже не было между нами никаких недомолвок и недоразумений, будьте со мной откровенны: что вас связывает с Анастасией, помимо того что вы мне сказали? Я слышала, что она была влюблена в вас...

«Ну вот, еще одно доказательство, что я прав. А сколько бы разговоров было, если...» — Бобров не стал додумывать эту мысль и отмахнулся от нее, вполне уверенный в правильности своего выбора, на что жизнь сама и указывает.

— Да, это было, но, думаю, это все же максимализм юности. Я поговорил с ней, объяснил, что по возрасту го-жусь ей в отцы... и мы расстались. С тех пор я еще не был в их семье, хотя надо бы зайти, Раиса Никифоровна давно приглашала... А хотите, зайдем вместе?

— Я слышала, что с Анастасией произошло нечто страшное... — словно не слыша вопроса, сказала Лия Леонидовна.

— Да, один негодяй воспользовался ее доверчивостью, а потом начал шантажировать, с целью заставить ее выйти за него замуж. Еще бы — разница в тридцать лет.

— А с ее стороны, вы считаете, не было инициативы?

— Нет, я хорошо знаю Настю, она как дочь мне, и считаю, что она просто не способна на такое. — «Вот-вот, начинается, и доказывай потом, что ты взял чистую и честную».

— Ой, Степан Алексеевич, люди, а молодежь сейчас тем более, так изменчивы...

Чтобы не продолжать разговор на эту тему дальше, ибо он неминуемо завел бы их в тупик или, вернее, лабиринт, из которого потом, он это чувствовал, будет очень тяжело выбраться, Бобров, сжигая где-то в потаенном уголке своей души связанный с ним негатив, долил вино в бокал Борисовой и себе снова налил полный, хотя и не был любителем пить. Они выпили и закусили, и он перевел разговор на другую волну.

— Лия Леонидовна...

— Называйте меня просто по имени...

— Хорошо, Лия, милая...

— Да, Степан, слушаю вас...

И он поведал ей о бывшей жене... О своем зароке... И снова о том, что давно обратил внимание на нее... Как подавлял в себе зарождающееся чувство, потому что женщины, с которыми он ранее пытался наладить отношения, быстро разочаровывались в нем из-за его слишком большой деловитости и сухости. Но все более и более укреплялся в своем чувстве к ней...

Она слушала его, наблюдала — черты, голос, волнение, дрожь руки с вилок. Обратила внимание на одежду — холостяк: все чистое, но не выглажено, и пуговиц не хватает, — как ни странно, это тоже понравилось. Подумала, что все запущено в его быту, в его жизни. Наряду с симпатией в душе зародилась жалость... «Хороший ты мой, человек...»

Бобров вдруг остановился и через некоторое время, помолчав, произнес:

— Лия!..

— Да, Степан?

— Лия... будьте моей женой!..

— Я согласна, мой дорогой, — не ожидая от себя такой прыти, произнесла она.

Было налито еще вино. Он подсел к ней, и они выпили на брудершафт. Вокруг людей стало заметно больше, почти все столики были заняты, в зале стоял уже шум многолюдного человеческого застолья. Заиграл оркестр, и на подиум поднялась певица. Но наши собеседники ничего этого не слышали, им было не до того, ибо их души охватывало нечто возрождающее, наполняющее большой надеждой, растопляющее многолетнюю наледь, вымывающее все наносное и ненужное теперь — их души наполняла Жизнь.

Они еще долго сидели и о чем-то — совершенно неважно для обоих о чем — говорили, но это было, на самом деле, большим молчанием, ибо неслышно говорили их сердца.

И этот разговор продолжался и продолжался, и когда они вышли из ресторана на холодную, с морозящим уже мокрым снежком вечернюю улицу, и когда ехали в автобусе, и у него дома, и когда полумрак комнаты обнял их и укрыл в своих объятиях их страстные тела...

... Но вдруг среди ночи что-то пробудило Боброва, и он резко вскочил в постели, разбудив и испугав мирно спавшую на его груди Лию. Образ Анастасии в длинном белом ангельском одеянии предстал перед ним.

— Что ты, милый? — испуганно со сна воскликнула Борисова.

— Ничего... Просто сон приснился...

— Ну, все, все, успокойся, засни, уже утро, — успокаивающе говорила она, взглянув на часы, — нам ведь сегодня на работу.

— Да, да, дорогая, будем спать, — сказал Степан Алексеевич, но подумал, что этот образ Анастасии долго еще будет жить между ними, независимо от того будут ли они видеться с ней, или нет...

Взошла луна и своим матовым оранжевым ликом заглянула в комнату. Он подошел к окну. На улице шел первый в этом году настоящий зимний, мягкий и пушистый снег.

Облетал наш Ангел землю и мысленно общался с людьми: «Не думайте, люди, об обстоятельствах, лучше помышляйте о движении. Бог не умер, Он жив каждое мгновение и помочь может только тем, кто действует. Высшая форма действия — служение, как и строение жизни — это искусство Добра, а вернее всего Добро выказывается в простоте, которая раскроет душу для каждого человека на его уровне развития, для гармонии ума и сердца. Признаками же вступления на стезю служения являются: тяготение тем, что ранее было смыслом всей жизни, отрешение от прожитого и безраздельное стремление в грядущее; неосуждение; наполнение всего дня трудом для грядущего; ощущение себя единицей всеобщего; радость труда и посвящение себя полностью на благо людей и Мироздания; осознание в сердце Наставника; бесстрашие; видение во всем вечности; духовное устремление к лучшему мирам. Человек, обладающий этими признаками, готов к служению. И слишком не огорчайтесь, не унывайте, люди. Оставьте тяжелые переживания о прошлом, прекратите осуждать себя. Давешних людей и событий, с ними связанных, уже нет в настоящем. Не старые факты вспоминайте, а что ваш подход к человеку был неправильным: вместо утешения и радования, пощадь и примирения — раздражение, огорчение, осуждение и наказание. Никогда не плачьте, а любите и радуйтесь. При встрече с конкретным человеком и занятии конкретным делом проявляйте полное внимание. При беседе — думайте о человеке, постарайтесь разобраться в его состоянии и дайте понять, что вы хотите оказать помощь. И не ставьте себе цель — сразу избавиться от крупных несовершенств, начните сперва с небольших. Есть народная мудрость: —Умей поймать за хвост малого черта, и он укажет тебе, где больший!»»

ГЛАВА 57

«Нас тренируют не бабочки и пчелки, а серые волки...»

Солнце тусклым шаром уже высоко стояло над снежной землей, когда Бобров подъехал к дому Раисы Никифоровны и Насти. Все вокруг сверкало по-зимнему свежо, по-декабрьски ярко и нежно чисто. Клубы дыма степенно расходились по морозцу и легкому ветру над белыми крышами. Деревья стояли все в серебряно-голубом инее.

Анастасии дома не было, Вероника умчалась куда-то по своим делам, а родители их, как всегда по будням, преподавали.

Раиса Никифоровна радушно встретила Степана Алексеевича.

— Как поживаешь, дорогой друг мой? Давненько мы что-то не виделись...

— За делами дня не видно, — в тон ей ответил Бобров.

— Ну, пойдем обедать. У голодных, какой разговор?

— Я не голодный... Завтракал...

— Да когда это было-то? У меня вот щи свежие. А где щи, тут и нас ищи! — Раиса Никифоровна показала рукой на кухню, откуда доносился аппетитный запах ее фирменного блюда.

Раиса Никифоровна разлила щи по тарелкам, и они сели за стол. За окнами виднелись белые слои снега, прогибавшие своей тяжестью темно-зеленые, мохнатые лапы елей в палисаднике.

— Я не знаю, Степан Алексеич, какие там у тебя личные дела, хотя кое о чем наслышана, но должна сказать, все ж в лице Насти ты многое теряешь. Это же девушка необыкновенной души — красивой русской души!

— Да, это так...

— Ну, и в чем дело? Счастье смелым покоряется, ведь что хочет женщина, того хочет бог. А уйдет время, захочешь вернуть, ан нет!

— Я знаю, что Настя для вас, как дочь родная.

— Ты прав. А для матери ребенок до ста лет дитенок.

Они поели, и Раиса Никифоровна предложила выйти в сад — погода стояла великолепная, даже в доме, сквозь стекла, чувствовалась энергия этого дня зарождающейся зимы.

Друзья прогуливались по аллее, лица и руки их ощущали приятное прохладное дуновение ветерка. А в небе за ветвями деревьев остро сверкали мелкие алмазы снежинок.

— Будет еще снег, — проговорила Раиса Никифоровна. — Смотри, друг мой, свято место, как водится, пусто не бывает. Гонит девка молодца, а сама прочь не идет.

— Это вы Ивана имеете в виду? — Бобров внимательно посмотрел на собеседницу.

— Его, кого ж еще, внука моего. Вишь, я за тебя радею больше, чем за родного.

И, как бы в ответ на слова Раисы Никифоровны, пошел густой, мягкий и крупный снег.

— Понимаете, дорогая моя Раиса Никифоровна, все вы говорите верно, однако не учитываете одного. Я кручусь, если так можно выразиться, в среде людей бизнеса. И, кстати, наша строительная компания сейчас входит в крупную строительную корпорацию, которая имеет тесные связи с зарубежными партнерами в разных странах. А у них, как вы, может быть, знаете и, уж во всяком случае, понимаете, очень высокие требования к партнерам и сотрудникам, в том числе к их моральному облику...

— Понятно, мил человек, можешь дальше не продолжать... Ничего злого не совершится, если не будет обыденного содействия...

— Что-что?..

— Да это я так...

— Я в порочном круге, поймите меня, дорогая моя, в случае с Настей, если она станет моей женой, мне придется постоянно приводить в качестве доказательства то, что само нуждается в доказательстве: ее невинность, которую нужно было бы на каждом шагу подтверждать. Безвыходность, замкнутый круг!

Раиса Никифоровна промолчала, она поняла, что спорить сейчас со Степаном Алексеевичем бесполезно. Ей вспомни-

лось, как в одной книжке прочла про Ньютона, который, пережив три пожара, когда ехал в карете, все время держался за ручку ее дверцы. До состояния двойного отрицания, которое уже есть утверждение, или, как гласит народная мудрость: «Нет, нет и еще раз да!» Боброву еще очень далеко. Ему нужно очень многое переварить в своей душе, прежде чем созреет до истинного понимания, истинной ценности и истинного поступка. А душевных сил у него для этого маловато, ведь не женится до такого возраста — ну, пусть там даже была неудача с одной женщиной, — это все одно, что перенести на ногах грипп, последствия дадут о себе знать непременно. «Эх, если бы чувство у человека всякий раз возникало в ответ на такое же у другого! — подумала она. — А какая пара могла бы получить! Ведь женщина любит в мужчине то, чего нет у нее. Ну, да что там, я то думаю о любви, а у них, у современных — вот дожидка, уже и уважаемый Степан Алексеевич причислен мною — пусть хоть и отчасти — к этому разряду — вместо любви партнерство коллег в личных отношениях».

— Да, мил друг, видно, бывало, шука клевала, а ныне и плотва — едва, — произнесла она.

— Что вы сказали? — рассеянно спросил Бобров, молча шагавший рядом, погруженный в свои думы.

— Так, ничего.

И они снова замолчали.

Декабрьский день короток. Начало темнеть, снег, шедший во все время их разговора, к вечеру прекратился. Ветерок тоже стих, и заметно потеплело.

И в отношениях наших друзей, до того глубоко духовно связанных друг с другом, что-то, пусть еще не совсем явно для ума, в чувствах уже ощутимо изменилось.

Они зашли в дом, стали чаевничать, но прежнего уюта меж ними не было. Когда Бобров услышал стук входной двери у соседей и голос Анастасии, поспешно простился и ушел, явно торопясь с ней не встретиться — был не готов.

... Раиса Никифоровна, несмотря на возраст, была достаточно молода душой, потому не переставала удивляться изменениям в жизни и, особенно, в людях, давно, казалось, ей знакомых. Вот и Бобров... А уж на Ивана она просто не могла надивиться.

Последнее время Раиса Никифоровна, если не занималась своим вечным рукоделием или чтением, любила, сидя в старом кресле у окна, размышлять. И сегодня, отложив вязание, она думала об Иване и не только. Мысли ее по сложной ассоциации улетели в область философии. «Откуда берется зло? — думала она. — Не от Бога же? Бог есть Любовь, Он добр, любящ и милостив. Так говорит отец Сергей, да так оно и есть... Вот на Земле все развивалось, как ветвистое дерево: растения и животные, человеки. Растения есть полезные, вредные и ни то, ни другое. То же среди животных: кормящие человека, приносящие иную пользу и хищники, нападающие даже на самого «царя природы». Или вот есть бабочки и стрекозы, а рядом буквально бесовские комары и мухи. А грибы? Ведь развились из одного прагриба, а сейчас есть как съедобные, так и ядовитые. Но если говорить только о животных: не будет хищников — безмерно расплодятся и ослабеют травоядные, а умножатся первые — упадет поголовье последних.

Тогда, получается, тот же закон действует и в отношении добра и зла. Не будет добра — вначале буйным цветом расцветет зло, но потом и оно исчезнет, так как не будет предмета его приложения, однако и добра при этом не будет. А если изначально не будет зла — безмерно распространится добро, но постепенно оно обесценится, ибо не с чем будет его соотнести. И разума поубавится. «Нас тренируют не бабочки и пчелки, а серые волки...» Все взаимосвязано. Но человек сам выбирает, на чьей стороне он будет...

И та, и другая сила — очень серьезны, и компромисса между ними быть не может. Чем больше возникает добра, тем больше восстает против него зла, и наоборот. Баланс... В противном случае — больной человек (крайние случаи — идиот и злобный маньяк) и больное общество — или инфантильное, как уже было, или обуреваемое разного рода чело-веконенавистническими порывами и надолго впадающее в такие состояния. Потому нужен баланс. Однако когда зло преступает границы, то добро должно быть с кулаками», — размышляла Раиса Никифоровна.

Наблюдения за Иваном привели ее к мысли, что у того, от всех последних событий и переживаний, как бы укрепилось сердце, дух. Решительность появилась в чертах его ли-

ца. Но она была какой-то уж чересчур горькой и мрачной. И бабушка стала сильно бояться за внука — как бы тот чего-нибудь не натворил и через это не исковеркал свою жизнь. Ибо суд не в руках человека: либо по закону, либо Божий, или они вместе, но только не самосуд. Даже к негодяю нужно проявлять определенное уважение — этому научила ее долгая жизнь. Конечно, и она порой срывалась, как тогда, при встрече с Быстровым на улице. Но беспокойство ее крепло от того, что она видела резкое возмужание Ивана и чувствовала, что он способен на многое.

Бабушка вспомнила, один эпизод из Иванова детства, когда тот побоялся прыгнуть с моста в реку — все ребята прыгнули, и смеялись над ним, уже сидя на берегу. А он все стоял наверху и дрожал. Ребята, громко и презрительно обзывая его трусом, давно ушли, а он все стоял... Обеспокоенная долгим отсутствием сына мать, наконец, нашла его плачущего и дрожащего на берегу реки.

— Ты что, сынок?

— Мама, я боюсь...

— Что боишься?

— Прыгнуть в реку с моста. Ребята могут, а я боюсь...

— Ну, ничего сынок, следующий раз сможешь!

— Нет, мама, если я этого не сделаю сейчас, то буду трусом, и ребята будут дразнить меня им всю жизнь!

— Завтра соберешься с силой и волей и сделаешь!..

Но он так и не прыгнул...

Раиса Никифоровна размышляла и о Быстрове — тоже ведь феномен. Но уже другого сорта, «насекомое» какое-то! Вот есть по сознанию, по душе своей мелкая букашка, а как упрется в своей целишке и лезет, и лезет к ней. Кладешь ты ей на пути преграду: былинку, камушек там или соломинку — она на время остолбенеет, замрет, но затем с утроенной энергией бросится огибать, обходить, но только — к ней, к цели! Вернуться бы ему к себе, встретиться с собой, бедолаге. Но это же нужно всю жизнь перелопачивать, искать причины проблем, анализировать, изменять себя... А зачем? Цели — вот они, в пределах досягаемости, похитрить, немного поднапрячься, еще чуть-чуть — и все в руках твоих. «А тут меняться, скажете тоже!..»

ГЛАВА 58

«Как тараканы в эпоху военного коммунизма»...

Прошло почти два месяца. В течение этого времени, ввиду всего случившегося, ни семья Анастасии, ни Раиса Никифоровна с Иваном Новый год не праздновали, но в церковь ходили на праздничные службы, каждый молясь о своем. И после храма, во все праздничные дни, они были погружены в себя, думали о своем. Иван — о том, как бы вывести на чистую воду Виктора Анатольевича, Настя, не взирая ни на что, вся ушла в подготовку к работе в своей старой школе. Вероника начала готовиться поступать в педагогический университет. Степан Алексеевич, работая, как всегда, без выходных, иногда приезжал, проводывал своих друзей. А Раиса Никифоровна стала больше читать и молиться. Звонил отец Сергей, приглашал еще посетить храм, сказал, что думает и молится о Анастасии и что матушка Пелагея очень переживает за нее. Родители Насти заботились, старались во что бы то ни стало оградить ее от неприятностей и труда по дому, что, наоборот, только нервировало. Но она сдерживалась...

Эту, отнюдь не праздничную, атмосферу немного рассеял приезд Нины Николаевны и бывшего ухажера Раисы Никифоровны, Михаила Ивановича.

Во время расспросов, учиненных, как всегда, хозяйкой своей подружке о ее детском ансамбле, концертах и домашних делах, она заметила, как бывший ухажер как-то уж чересчур нежно поглядывает на Нину. «Что-то тут не так...» — подумала она и продолжила расспрашивать подружку.

— Ну, купили нового попугая вместо «утопленника»?

— Как же? Поди, еще месяц не отставали бы «липучки»!

— Щенок, видать, подрос-то?

— Не спрашивай! — цельный бульдог уже.

— Да, как есть, — подтвердил Михаил Иванович.

«Вот тут-то ты мне и попался!» — решила Раиса Никифоровна.

— Я гляжу, вы уже знакомы? — спросила она.

— Да,— ответили они разом, и Нина Николаевна продолжала: — Познакомились и вот уже полгода как вместе.

— И серьезно у вас?.. — хотела она добавить: «... с моим бывшим ухажером»,— но передумала.

— Очень, Рая!

— Рада за вас,— проговорила Раиса Никифоровна и вышла на кухню, подумав: «Мужик умен, да мир дурак».

В гостиную зашла Анастасия. Вид у нее был не ахти. Она не ожидала встретить здесь гостей и уже хотела, было, уйти, как неунывающая гостья обратилась к ней:

— Настя, ты не заболела? У тебя температура?

— Ничего у меня нет!

Нина Николаевна, знавшая все, после обычных приветствий сказала:

— Не переживай, дочка, все эти недоброжелатели исчезнут, как — я тут в одном фильме услышала — «тараканы в эпоху военного коммунизма»...

— Это у них называется январь! Льет как из ведра. Скоро начнут температуру называть так: плюс-минус пять градусов,— заявила вернувшаяся из кухни с подносом, полным угощений, Раиса Никифоровна.

А сама в это время думала о Нине и Михаиле. Вот уж воистину — дал бог денечек, даст и кусочек. Молодец подруга, не растерялась. А мужчина что ж, он ведет себя так, как ему позволяет женщина. Но здесь, скорее, тот случай, когда люди сошлись, чтобы скрасить себе жизнь, чтобы убежать от одиночества. Однако при несовпадении душ, одиночество еще сильнее чувствуется... правда, после медового месяца. А у них, видно невооруженным глазом, этот месяц растянулся на большой срок... Ну, дай бог, дай бог. Ведь в таком возрасте понять свои несовершенства несравнимо тяжелее, чем в более молодые годы. «Да что это я? — встрепенулась Раиса Никифоровна.— Любятя и пускай себе любятся, у меня своих забот хватает!»

Анастасия вышла на веранду и встретила там Веронику.

— Настенька, выходи за Степана Алексеевича, а не то я выйду. Иначе я здесь закисну. Сколько мне осталось до сорока, то есть до фактического конца жизни... Так что долго

не думай, выходи. Зачем тебе этот Иван? — сказала Вероника и покрутила пальцем у виска.

— Перестань, он просто неорганизованный...

— Настя, ты не видела банку с солеными огурцами, которую я утром достала из подвала? Что-то с памятью у меня, наверное, авитаминоз...— спросила Раиса Никифоровна, открыв дверь из кухни.

— Бабушка, мы тебя любим! — воскликнула Вероника.

— Да, да, любите, вы меня любите...

— Бабулечка, ну, что ты, что ты, перестань о печальном!

«Одни родители, одно воспитание, в одной школе учились, десять лет учили одному и тому же, даже классная в средней школе была одна, а люди получились такие разные. Вот и верь после этого в педагогику. А может, тут другое играет главную роль?»

— Надутые губки — неотразимое оружие французских дам,— продолжила шутить Вероника.

— А вот сейчас ложкой по лбу, не посмотрю, что дама!

— Бабушка, я же шучу!..

— Шутница тут мне...— проговорила Раиса Никифоровна и вернулась на кухню.

— Вот случилось-то...— обратилась она к Нине и Михаилу, продолжая прерванный разговор.— А тут еще Степан Алексеевич от нее отошел в сторону. Кто мог подумать? Такой утес, и на тебе! А она гордая...

— Вот-вот, гордая!

— Ну, тебе этого не понять, Нина.

— Куда уж мне! Где уж нам уж?..

Через кухню в комнату прошла Анастасия. Глаза ее были грустными. Раиса Никифоровна оставила стол, вышла за ней, подошла сзади к Насте, стоящей у окна, обняла ее, а та повернуться не могла — ком в горле. Заплакали обе. О чем говорили? — Прощения друг у друга просили за что-то, а за что — не помнили...

ГЛАВА 59

Быстров застигнут с поличным

Бескрайнов уже несколько дней, с фотоаппаратом в кармане, в часы, которые раньше — в старые, добрые, как говорится, времена — назывались рабочими, дежурил в дворике, напротив дома, где помещалось литобъединение, и откуда хорошо просматривался участок у входа. Был уже март, но весны еще как таковой не ощущалось. Снег, мороз, низкое серое небо и мелкий снег с ветром — чем не февраль?

Произошедшее с Анастасией настолько сильно ударило по Ивану, по чему-то его внутреннему, глубокому, корневому, что последние дни он жил не разумом — тот какой-то неведомой силой был отодвинут в сторону и пока дремал в бездействии, не анализируя, не делая выводов, не принимая решений, — а тем, чему он не знал названия, но что вело его, заставляло ярко, остро чувствовать и понимать. Оно подсказывало Ивану, что здесь, вокруг этого места, где он сейчас находился, что-то не так, что-то не чисто, и побуждало его изо-дня в день приходить сюда и терпеливо наблюдать.

И он был вознагражден за терпение. По улице, направляясь ко входу и держа за руку лет десяти-двенадцати мальчика, шел Быстров. Бескрайнов прекрасно знал, что у того ни детей такого возраста, ни племянников с внуками не было.

— Дядя, а вы научите меня этой игре? — Услышал он голос мальчика.

— Пойдем. Вот мы уже и пришли... — ответил Виктор Анатольевич.

«Вот оно!» — прозвучало у Ивана внутри. Он «почувствовал» эту мысль. Смутная тревога, похожая на внезапную и легкую тошноту, поднялась в нем. Но он быстро подавил ее и, подождав пока за Быстровым с мальчиком закроется дверь, ринулся к ней, в два прыжка преодолев узкую улицу.

Иван, кивнув сторожу, вскочившему было навстречу влетевшему в коридор человеку, быстро, прыгая через две ступеньки, пробежал по лестнице, успел сунуть ктати под-

вернувшийся в кармане проездной в щель закрывающейся двери, не дав ее захлопнуть, и одновременно дернул ручку на себя. Внутренне он успел удивиться невесть откуда взявшейся прыти и сообразительности, но рассуждать было некогда. Ошарашенный Быстров как держал мальчика за руку, так и отскочил с ним, не отпуская, вглубь кабинета.

— Так-так, Виктор Анатольевич! — воскликнул Бескрайнов и, быстро достав фотоаппарат, сделал снимок.— Я думаю, родителям этого мальчика небезынтересно будет узнать, как это их сын попал сюда да еще с незнакомым дядей. Да-а-а... Раньше я думал, что вы чрезвычайно осмотрительны, а сейчас вижу, что самонадеянны и что у вас совсем нет чувства опасности.

— Да что вы... я просто... у мальчика способности. Да, он хочет научиться стихосложению.

Иван прошелся по кабинету, осмотрелся.

— О, да тут у вас все оборудовано!

— Что оборудовано, что? Что вы имеете в виду?

— Да вот, я смотрю, и камера у вас наготове, а от нее кабель — прямо к компьютеру,— он вывел ноутбук из спящего состояния и на экране увидел диван. Посмотрев по направлению видеокамеры, Иван увидел реальный диван, изображение которого было на экране.— А, понятно, вот и диванчик. Остается только включить камеру, и готово.

На другой стороне стола стояла большая бутылка «пепси» и два наполовину наполненных стакана. Перед глазами Ивана пронеслась картина: камера, диван, бессознательная Настя под толстым телом Быстрова. «Вот тебе и удовольствие, и запись готова! Ясно теперь, что здесь произошло...» — подумал он и подошел к столу, где стояли стаканы. Виктор Анатольевич, отпустив руку мальчика, устало опустил ся, было, на стул, но вдруг резко вскочил и бросился к стаканам, намереваясь вылить их содержимое в раковину. Но Бескрайнов обеими руками схватил его за кисти рук, освобождая стаканы из цепких и влажных пальцев Быстрова, причем содержимое первого стакана тот пытался, дергаясь, вылить на пол, а второй отдал без сопротивления.

— Да что вы себе позволяете?

— А то и позволяю! Таким же образом и фильм с Настей был снят? Но ее-то вы из банкетного зала привели, навер-

ное, уже готовую, а мальчик-то еще бодрый.

— Ну, это ни в какие ворота не лезет! Что вы несете?

— Ах, да-да-да... Попить захотели, Виктор Анатольевич? Так пейте! Вот и два стакана, налитые, стоят.

Быстров мгновенно взял, видимо, «свой» стакан и уже хотел выпить его содержимое, но Иван произнес:

— Нет, вот из этого стакана...

— Я не хочу пить! — вдруг передумал тот.

— Да вы же только что хотели, а сейчас — не хотите. Или вы именно из этого стакана не хотите?! Эй, сторож, подите сюда! — крикнул он в сторону двери, делая вид, что тот стоит за дверью.

— Уходите немедленно вон!

— Сейчас уйду, только еще немного поговорю. Мальчик, как тебя зовут и далеко ли живешь? — спросил он.

— Сережа, — ответил тот.

— А живешь где? Может, нам по пути?

— На Советской.

— А точнее?

— Дом четыре.

— А еще точнее?

— Квартира двадцать вторая.

Пока мальчик отвечал, Иван сделал несколько снимков: камера, диван, экран ноутбука и стаканы на столе.

— Ну, и что ты этим докажешь? — переходя на «ты», спросил немного пришедший в себя Быстров.

— Я ничего и не собираюсь доказывать. Я не дурак, чтобы не понимать, что прямых улик нет. Но ты, — тоже, удивляясь самому себе, стал «тыкать» Бескрайнов, — не первый год на свете живешь, и информации на тебя кое у кого достаточно, просто она либо косвенна, либо хорошо прикрыта некой «волосатой рукой», и, догадываясь о твоих пристрастиях, можно предположить, что она собой представляет. Поэтому, я думаю, даже простое сопоставление моих снимков с твоим «фильмом», будет кое-кому небезынтересно.

— Сомневаюсь...

— А ты не сомневайся. И чтобы не очень сомневался, я конфискую на пару дней этот ноутбук.

— Не имеешь права! — взвизгнул Быстров и бросился на Ивана. Но тот, с феноменальной проворностью отключив ка-

бель от камеры и выдернув сетевой кабель из розетки, сунул компьютер со всем этим в сумку, увернулся и обогнул стол.

— В ноутбуке, конечно, могут быть дневниковые записи, воспоминания, переписка, кое-какие фотографии, но фильмы-то ты в компе не хранишь. А их у тебя, милейший, много, догадываюсь. Ведь не просто так ты все это снимаешь, не для коллекции и удовольствия многократного просмотра только, но и для шантажа, наверное, а? И не будешь же ты диски на книжной полке хранить, скорее всего, они здесь, вот в этом сейфе находятся...

— Нет, нет, нет! — закричал Быстров, но ринулся не к сейфу, а, совершенно потеряв голову, к столу.

Иван бросил взгляд на стол и увидел там большой ключ.

— А вот и «золотой ключик»! Что же ты таким нервным стал, Виктор Анатольевич, а? Нельзя нервничать — мозги отключаются.— И он, отбросив наскочившего на него Быстрова, который плюхнулся на пол возле дивана, открыл сейф.

Испуганный Сережа, воспользовавшись этим, оглядываясь, открыл дверь и вышел из комнаты.

В сейфе одна из трех полок сплошь была заставлена дисками. Не выбирая, Бескрайнов сгреб их в сумку, подхватил стакан, из которого отказался пить Быстров, предварительно вылив жидкость, и, не обращая внимания на него, поднимавшегося с пола, вышел вслед за мальчиком.

ГЛАВА 60

Победа

Бескрайнова преследовало мучительное чувство. Он никогда ранее так решительно не поступал с человеком и ощущал себя как бы потерявшим невинность.

Иван догнал Сережу и пошел провожать его. Мальчик изредка посматривал на него, и тот читал в его взгляде смесь страха и любопытства. Но вот он решился и робко спросил:

— А почему вы так с дядей? Он ведь хороший, он же хотел меня игре научить...

— Да, игре, но плохой. Он хотел сделать тебе больно!

— Больно? Как это?

— Потом расскажу... Куда нам? — спросил Бескрайнов, так как они подошли к перекрестку.

Сережа повел Бескрайнова к своему дому. По дороге Иван подробно расспросил мальчика, где и как он познакомился с «дядей». Тот все ему рассказал...

Дома их встретила испуганная мать. Не успела открыться дверь, как она, видимо, ожидавшая сына, обеспокоенная его долгим отсутствием, воскликнула:

— Сынок, где ты был?! — И заметив Ивана:— А вы кто? Бескрайнов представился.

— С Сережей,— взгляд матери заметно потеплел, когда она услышала имя сына,— хотели сделать плохое.

— ?!

— Мне нужно с вами серьезно поговорить!

— Проходите...

— А супруг ваш дома?

— Нет, на работе. Но я ему все передам.

Они прошли в гостиную, и Иван, взглядом попросивший мать удалить сына из комнаты, когда тот вышел, все подробно поведал ей.

— Так что вы можете написать заявление в милицию.

— Спасибо вам! Господи, что бы было с Сережей, если бы не вы?! А в отношении дальнейших действий я должна посоветоваться с мужем. Дайте мне ваш телефон и запишите мой, я вам завтра позвоню... Что делается? — Ребенку пройти по улице опасно.

— Да!

— Ну, еще раз, спасибо вам!.. А как насчет чаю? У меня как раз пирожки готовы.

— Нет, благодарю, меня дома ждут,— вынужденно солгал Иван, так как ему нужно было срочно все обдумать и подготовиться к возможным своим и ответным действиям Быстрова. Потому, попрощавшись, он ушел.

... Назавтра позвонила мать Сережи — они с мужем посоветовались и решили не заявлять, мол, дело все равно не откроют, так как доказательств нет, да и преступления как

такового тоже нет — не состоялось. Так что педофилу тому ничего не будет, а мальчика ни за что ни про что осрамят...

Бескрайнов понял их, но все же решил продолжить действовать в этом направлении, более, конечно, для очистки совести. Он зашел еще раз в приснопамятное здание, что-то подсказывало ему, что хорошо бы поговорить со сторожем. И зашел не зря.

В ответ на распросы Ивана тот вспомнил, что после вечеринки он, отправленный Виктором Анатольевичем на обход, забыв один ключ, решил вернуться за ним тем же путем, через запасной вход — пока далеко не ушел, — и тогда-то заметил, как Быстров вдали по коридору тащит на руках девушку или женщину — не разглядеть, — руки и ноги которой болтаются — пьяную, наверно...

После этого Бескрайнов зашел в местное отделение милиции. Там внимательно послушали его, но за дело не взялись — нет заявлений: родители Сережи отказались: «Вы сами это сказали. А Анастасия, даже если бы и захотела подать — поздно: нет уже улик и, по вашим же словам, нет свидетелей. В обоих эпизодах — преступление недоказуемо». Но негласный надзор все же решили установить — попросить вахтеров и кое-кого из бывших сотрудников в отставке, ныне членов ЛИТО или отделения Союза писателей.

... Быстров же, после неожиданного «визита» Ивана, притих, затаился. И только мысли бурлили в голове его, как кипящая вода в кастрюле: «Ну, что за люди? Как были рабами, так и остались! Не то что на Западе, там бы я был защищаемым законом сексуальным меньшинством. Вон даже мигранта в Германии, изнасиловавшего несовершеннолетнюю девочку, оправдали — ему, оказывается, очень хотелось, четыре месяца воздержания не шутка...»

Но, как ни успокаивал себя Виктор Анатольевич, покоя он нигде и ни в чем не находил. Все ему казалось, что за ним следят, что все знают о том вечере и обсуждают его. В одну из таких минут он подумал — а не уехать ли ему к тетке, которая давно звала к себе. Та жила одна — все померли, и не на кого оставить квартиру и все нажитое. «А Настя и другие, — подумал, презрительно ухмыльнувшись, Быстров, — оправятся и станут жить как ни в чем не бывало, считая себя пострадавшими от сурового времени, от «дермократии»,

как они выражаются. И если бы только эти люди, а то весь народ таков,— мысли его вернулись в привычное русло.— Что с ним ни делай — упадет так, что, кажется, уже и не поднимется никогда,— а глядишь, со временем станет жить, как будто ничего и не было, да еще и выше станет как победитель своего состояния. А ведь такая победа над самим собой и есть высшая победа из всех мыслимых. Нет, с таким народом каши не сваришь, не наш это народ, не подходит нам. Ведь мы — люди, место которых на площадке усеченной пирамиды, что изображена на американском долларе, а не в ее теле или, тем паче, в основании, люди, достойные быть свободными. Нет, этот народ не тот — они все считают себя людьми, до какого состояния бы их не опустили...

... Быстров решает позвонить Ивану и предложить встретиться. Нужно же как-то разрешить ситуацию. А в том, что это удастся, он несколько не сомневался — из скольких жизненных положений удавалось ему выходить без потерь, ну, или почти без них. «А уж этого простачка уломаем»,— подумал Виктор Анатольевич и набрал номер.

Он предложил встретиться и поговорить. Договорились увидеться на нейтральной территории — в кафе.

Бескрайнов шел по скверику, через просветы в сером небе уже мелькал солнечный блеск, тут же отражаясь на еще по-зимнему рассыпчатом снеге.

Когда Иван вошел в кафе, Быстров был уже на месте. Он пил кофе и предложил Бескрайнову сделать заказ. Тот отказался и сразу перешел к делу:

— Что ты хотел мне сказать?

— Понимаешь, Иван... Уезжай, мы сами разберемся!

— Нет, Виктор Анатольевич, теперь я уж точно не уеду, пока ты не уберешься отсюда, а не то...

— А то?

— Несдобровать тебе, не советую — нас много, ты один, вернее, останешься один. Ибо информация о тебе попахуче будет, чем твоя!..

— Поехали, Иван, в ресторан, станцуем там с девочками «лебединое озеро»...— Быстров пытался купить его, соблазнить, сделать своим, хотя и сомневался в успехе этого, но нутро требовало.

— Виктор Анатольевич, я знаю, что ты умеешь вести раз-

говору. Но...

— Думаешь, я зверь? Нет, я такой же, как и ты, как и все. Просто смелый, независимый. Люди? — Дерьмо! Дети? — Обкуриваются и трахаются по подъездам и лестничным площадкам!.. Некоторые начинают говорить о послесмертии, но я-то знаю, что все там спят до следующего рождения, и одному во сне кажется, что это рай, а другому — ад!..

«Да это же одинокий хищный зверь, который, при случае, не остановится ни перед чем...» — подумал Бескрайнов.

Крайне неприятен был разговор, но нужно было говорить ради Насти. Ведь этот тип опоганил ее, и нужно сделать так, чтобы Настю реабилитировать и не огласить то, что этот сделал с ней. Любое же разбирательство в суде или где еще, нанесет ей непоправимый вред. Вот и приходится...

— Мне некогда, давай по существу! Зачем вызвал?

— Ну, по существу, так по существу... — сказал Быстров и положил на стол бумажный сверток, крест-накрест пережатый скотчем.

— Что это?

— Иван, это все, что у меня есть, в обмен на ноутбук и диски, и на твое молчание...

— Виктор Анатольевич, — сказал, усмехнувшись Бескрайнов, — деньги мне не нужны.

— Что же тебе нужно? — воскликнул тот.

— Реабилитация Насти.

— Согласен, — проговорил Быстров. — Но как?

— Почему ты считаешь других глупее себя? — вопросом на вопрос ответил Иван, и так как тот ничего не сказал, недоуменно глядя на вдруг поумневшего человека, то он продолжил: — Да, Быстров, мудрость не всегда с годами приходит. Ты умен, в этом не откажешь, однако мудрый никогда не дойдет до таких глупых проказ и не попадет в такое положение. Хотел чудесно прожить, и так, чтобы никто не встрял и ничто не помешало? Но в жизни так не бывает. Знаешь, чем порядочный человек отличается от своего антипода? Да куда тебе, что это я, ведь ты весь соткан из подлости. Но все же отвлекись от всего этого своего, сосредоточься на ситуации, о которой мы говорим, не думай, что все, глядишь, и рассосется... Нет, дорогуша, не рассосется, это я тебе обещаю!

Бескрайнов стукнул ладонью по столику, чашки задрожали и из той, что стояла со стороны Быстрова, кофе пролился на скатерть. Тот растеряно посмотрел на расплывающееся коричневое пятно и начал смеяться и юлить. Иван вспомнил прочитанные в одной книге слова: «Опасайся, если кто-то боится тебя. Подлый человек всегда подозревает самое бессовестное в самых прямодушных людях».

Тогда он, не помня себя, как-то интуитивно, а может быть, от отчаяния, крикнул ему в лицо:

— А ты знаешь, что Настю убили ножом в спину, когда она вчера вечером возвращалась домой?!

— Что?! Настю убили?! Когда? Вчера? — резко подняв брови и ошарашено глядя на Бескрайнова, почти закричал Виктор Анатольевич и, пытаясь скрыть растерянность, торпливо спросил: — Значит, похороны завтра? А где тело?

— Нет, похороны не завтра. Пока идет следствие тело в морге... А вот скажите мне, — растерявшись от неожиданного со своей стороны поворота и потому вдруг перейдя на «вы», спросил Иван, — на кого подумают в первую очередь? А тут и ваши диски — шантаж как принуждение и последующее убийство.

— ...Нет, нет! Я не убивал! Я просто не мог это сделать! Я только хотел, чтобы она вышла за меня, — вот и все! Я вам все честно расскажу, только помогите мне уйти от этого обвинения и от обвинения в педофилии, прошу вас! — взмолился Быстров.

— Я сделаю это только при одном условии, Виктор Анатольевич. — Бескрайнов овладел собой. — Так же, как ты оклеветал Настю, ты распространишь информацию о том, что опоил ее снотворным со спиртным, и когда она была без сознания, *имитировал*, — он сделал ударение на этом слове, — изнасилование, без прямого физического контакта, записав все на видеокамеру, чтобы затем шантажировать и добиться женитьбы на ней... Мы гарантируем тебе невозбуждение дела, а ты навсегда уедешь из города, так?

— Да-да, так все и сделаю, и уеду в Томск, там у меня тетя живет.

— Срок тебе — неделя, и ни одного дня больше!

Не прощаясь, Иван встал из-за стола и, оставив задумавшегося Быстрова, вышел на улицу.

На семинаре ангелов-стажеров был поставлен вопрос, что важнее: критика неправильного поступка или правильное действие? «При определенных обстоятельствах критика делается безрезультативной и порой даже вредной, не в пример плодотворному действию. А вы что думаете по этому поводу?» — спросил наш Ангел. «Известно, что даже джины содействовали царю Соломону возводить храм...» — заметил один из ангелов. «Это правильно, если человек твердо уверен в нерушимой победе Света, к которому он непреклонно движется. Тогда он, прежде всего, избавлен от всякой боязни, в том числе боязни недоброжелателей и смерти, ибо источником боязни является тьма. Ведь тьма исчезает от появления света. Значит, сердце, наполненное Светом, уже победитель мрака» — сказал наш Ангел. «А какое равнодушие к клевете иногда замечается у некоторых самоотверженных людей! Часто менее сильный духом человек нашел бы порядком оправданий, чтобы сдаться и отступить!» — возмутился ангел-стажер. «Да, есть такие клеветники, что если поместить их среди нас, то они будут рьяно высматривать пятна на наших одеждах», — подтвердил Ведущий. Ангелы-стажеры один за другим стали делиться мыслями на заданную тему. «Более всего мешает человеку развиваться страх» — «Каждому человеку необходимо твердо стоять в чести и бесстрашии» — «Да, отважно бороться, одолевая любя и укреплять Жизнь» — «Каждый, приступивший к своему действительно человеческому этапу жизни, обязан добиться нерушимого владения собой. Необходимо вести себя так, дабы после совершенного действия не вставал вопрос: —Как ли я сделал?» Необходимо оценивать всякое слово, подобно семену перед посадкой его в землю. И только по урожаю — оценивать свой посев. Орудие Света — радость, и меч Света — «Любя побеждай!» — резюмировал наш Ангел.

ГЛАВА 61

«Много храбрых, на полатах лежучи...»

«Все в руках Всевышнего,— думал Иван, гуляя по саду.— А для всех нас происшедшее с Настей — великое испытание: для Анастасии — не сломаться; для меня самого — что я люблю: тело со всей красотой ее или душу? Тело поругано, но душа, дух ее не таковы. Да, тело — храм души, но ведь и реальные храмы были разрушены и осквернены, но разве Дух Божий был истреблен? — Нет, восстановились храмы и Дух Божий обитает в них, как и прежде, а может быть, еще и более. Так и моя любовь к Анастасии должна только возрасти после произошедшего». И Иван не только так думал, но и чувствовал все более сильную любовь в своей душе.

Бескрайнов вспомнил отца Сергия, то, что тот прочел ему из книги Святого Макария Великого. Эти слова врезались в его впечатлительную память, и сейчас он воспроизвел их в сознании: «Я не видел ни на земле, ни на небе большей красоты, чем душа человеческая». Конечно, пообщавшись с такими людьми, как Быстров, кто-то может и разочароваться в ней, но, слава богу, что таких людей не большинство. А вот душа Анастасии — вершина, по крайней мере, для него, Ивана, пока недостижимая...

Его мысли прервало появление Раисы Никифоровны.

— Ну что, герой?

— Да какой я герой, бабушка!

— Ну, не скажи — такого зверя своротил! Много храбрых, на полатах лежучи, у многих и молебен пет, а пользы нет, а ты, вишь, справился. Хоть и подумать про тебя никто и не мог...

Иван смущенно молчал — не привык к похвалам с ее стороны.

— Как ты себя чувствуешь, бабушка?

— Да как ответить? Как сказал один знакомый «профессиональный» больной, которого, по его словам, залечили, если вам скажут, что у вас что-нибудь вроде плохой печени

или увеличенной щитовидки, то знайте, что вы попали в лекарственный лабиринт, из которого вам уже не выбраться.

— В этом, безусловно, что-то есть...

— А то!.. Ой, что это я? — Ты ведь голоден, небось! Пошли есть.— И она, а за ней и Иван, направились в дом.

— Мы люди не гордые, правда, Ванюш.— Бескрайнов удивленно взглянул на бабушку, он давно не слышал свое имя в уменьшительном варианте.— Нет хлеба, подавай пироги. Ну, будем угощаться,— и она захопотала на кухне, разогревая и подавая на стол.

Бескрайнов подошел к широкому окну. За стеклом был тихий солнечный день. Солнце растопило уже почти весь снег, и везде, переливаясь капельками солнца и неба на земле, бежали ручьи. Он вновь почувствовал в душе простое и тихое, но в то же время издревле сильное и всегда новое природное чувство рождения жизни. Это пришла весна, и пришла она не только в природе, но и в нем, в его душе светило солнце, бежали и звенели ручьи. Чувство возрождения охватило всего его.

— Виктор Анатольич-то думал, что как кулик в своем болоте велик, так и он вечно будет свое иметь. Но Бог правду видит! А что касается Насти, то глубокая вода не замутилась. Согласен со мной?

— Да, бабушка, дорогая, согласен!

— Вот и хорошо, садись, ешь, а то остынет!

За едой и беседой они не заметили, как прошел час.

... Иван поднялся, чтобы помыть посуду, как делал это нередко ранее. Но Раиса Никифоровна остановила его:

— Мужчина не должен работать на кухне, если на ней женщина — не мужское дело. Мужчина должен трудиться на своем поприще, а все в доме должна делать женщина!

— А если женщина тоже работает? — спросила вошедшая Анастасия.

— Тогда мужчина должен стараться не стать женщиной! — ответила Раиса Никифоровна.

— То есть можно помогать, только бы не стать «ею», так? — переспросила Настя.

— Точно так,— согласилась Раиса Никифоровна. Она радовалась, что к Насте вернулись чувство юмора и радость жизни — а ведь раньше и надеяться трудно было...

Появилась Вера, на ее лице было одновременно лукавство и любопытство.

— Уходи отсюда, безобразница! — полушутливо-полу-серьезно сказала Раиса Никифоровна, пытаясь упредить поворот беседы в ненужное русло.

— Ну, пусть,— проговорила Настя.

— А, может, я хочу познакомиться с Иваном Анатольевичем? — улыбаясь, спросила Вера.

— Иван-то наш, молодец, нагнул-таки Быстрова! — уловив в словах Вероники интонацию уважения к внуку, воскликнула Раиса Никифоровна.

— Как это? — притворяясь, поинтересовалась та.

— Как-как, взял за нежное и немного потянул вниз...

— Женщины любят удачливых мужчин,— сказала та и протянула, как бы знакомясь, руку Бескрайнову, а другой рукой вложила в нагрудный кармашек его рубашки георгиевскую ленту.

— Да какой я удачливый! Просто решил сделать так, и все. Не воспользоваться *тем* представившимся случаем — было все равно, что сразу признать себя побежденным.— Иван выбрал ленту, однако не отдал, а держал в руке.— Какое-то мгновение было колебание: делать или нет, напасть самому или сдаться обстоятельствам? Ведь в жизни больше заранее сдавшихся и переставших бороться,— признался он.

— Поздравляю вас, Иван! Не всякий может похвалиться таким поступком,— проговорила Анастасия. «Он умен, горд и свободолобив, и может сломаться, только если падет духом,— подумала она.— Таким нужен духовный лидер, и лучше, если это будет подруга, жена».

— Ну, что вы, Настя, какой там поступок, какой герой, у меня полно недостатков. Если бы я был смелым, как вы считаете, то уже многого бы добился...

— Как сказал один мудрый человек, наши недостатки есть продолжение наших достоинств,— сказала Анастасия. «Смелость в решительную минуту, а не бравада в обычное время, и скромность — хорошее сочетание», — решила она.

— Уж лучше идти напролом, чем, потеряв и предав свое... приспособливаться к обстоятельствам...— он хотел сказать «свое чувство», но постеснялся произнести прилюдно.

— То есть старое, как мир, быть или не быть? — спросила молчавшая до сих пор Вероника.

— Да, получается так, — ответила за Бескрайнова Настя. И подумала: «Неправдоподобность в области чувств есть вернейший признак истины — говорил Толстой»*.

— Некоторые говорят, что добра нет, а есть только зло, рассказывал отец Сергей, — сказала Раиса Никифоровна. — Но когда видят добро с кулаками, то меняют свое мнение.

— Я тоже так думал всю свою сознательную жизнь, вернее, бессознательную.

— А теперь стал совсем сознательным?

— По крайней мере, гораздо сознательнее.

— Ну, то, что самокритичным стал, уже видно, а остальное — поживем, посмотрим, да? — сказала бабушка.

— Согласен.

...Весеннее настроение и чувство возрождения необоримо звало Бескрайнова побыть одному на природе. Он зашел к себе, оделся по погоде, не забыв про резиновые сапоги на меху — подарок Светогонова любившему бродить в любую погоду другу. Выйдя из дома, он дошел до моста, перешел по нему через реку и по полю направился к лесу.

Молчаливый лес только просыпался от зимнего сна под ярко-голубым небом и настойчивым весенним солнцем. На небольших полянах между деревьями росли подснежники — белые с зеленым пятнышком колокольчики с серо-зелеными плоскими листьями. Почки на ветвях деревьев уже набухли. Раздавалась звучная дробь дятла и свирканье синицы — первые весенние птичьи звуки вновь рождающейся жизни.

Бескрайнов вытащил блокнот и ручку и стал писать быстро, без остановки, не исправляя, о том, что видел и слышал, о дыхании оживающей земли, о птичьих звуках и цветах, о зовущем ввысь небе, о дуновении весеннего ветерка. Его душу охватил восторг, и если бы кто-то увидел его сейчас, то мог с уверенностью сказать, что перед ним счастливый человек. Так долго бродил и писал Бескрайнов, стараясь

---

* «Опять повторяю, что неправдоподобность в деле чувства есть вернейший признак истины». Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Том 2. «Отрочество. Юность». Государственное издательство «Художественная литература». — Москва, 1935 г.

не упустить ни малейшего штриха окружавшего его великолепия природы.

Когда он вернулся в сад у дома, то услышал и воробьиный гимн весне. Юркие, они беспрерывно летали над головой, по кустам и меж ветвей и чирикали. Было тепло, и с подсолнечной стороны старая трава на земляных, свободных от снега, проплешинах заметно старалась вновь зазеленеть. Иваном обуревало естественное по весне желание лечь на землю и напитаться ее жизненной энергией.

Образ Анастасии возник перед ним с небывалой силой. Иван видел ее как бы рядом с собой, и все в нем дышало ею. Всю весеннюю радость, что получил он в лесу и здесь, в саду, он готов был отдать ей, Насте, любимой, и, отдавая сказать много ласковых, хороших слов, объяснить ей свои чувства и рассказать ей о ней самой такое, что она, может быть, и сама не знает о себе. Ведь любящему со стороны виднее.

Бескрайнов зашел в дом, но ни у бабушки, ни на половине соседней Насти не было. Видимо, ушла куда-то. Он пошел к себе, переоделся и аккуратно переписал сделанные в лесу записи в тетрадь.

В этой же тетради, с обратной стороны, им были сделаны записи о Быстрове. Иван бегло пролистал страницы... «Вот есть жестокое, открытое осатанелое зло, однако чаще оно бывает скрытым, питающимся завистью, давними комплексами и застарелыми обидами. Такое зло голыми руками не возьмешь, будучи глумливым и хитрым, увертливым, ушлым и изворотливым, оно может прикрываться чем угодно. Оно на словах может уважать добро, но издевается над ним и порядочностью своими подлыми делами, совершаемыми в тиши и неведении для других. Оно долго изучает свою жертву, узнает все ее слабые места и, не колеблясь, использует их, вонзая в нее свое смертельное жало. В отношении добрых людей, ничего плохого не сделавших носителям такого зла, глумливости их нет предела...»

ГЛАВА 62

«Бог жив, и есть живая связь с Ним!»

Весна была уже в разгаре, припекало, когда Бескрайнов с отцом Сергием подходили к дому священника, куда тот пригласил его после утренни. В ранние часы, когда Иван только направлялся в храм, небольшой морозец еще щекотал нос и щеки, а после него на землю на непродолжительное время упал густой туман — весной такое бывает, — сквозь который виднелись только сосны, росшие по берегу реки, дома по другую руку и столбы электропередачи, а вся даль скрывалась за белой завесой. Сейчас же можно было с удовольствием подставить лицо теплым солнечным лучам, слушать звонкую весеннюю капель и смотреть как высоко и быстро плывут облака. О царствовании долгой зимы напоминали только пятна снега, что еще белели по оврагам и ложбинам, виднелись и небольшие участки его в лесу, притаившиеся в местах, спрятанных от солнца. Но воздух наполнился журчанием ручьев, стекавших к реке. Она уже вскрылась, и началось половодье. Кора деревьев освободилась от ледяного плена, начала зацветать ольха — предвестница весеннего тепла.

... Матюшка Пелагея, привыкшая к тому, что муж часто приводил кого-то из храма к себе домой, и зная, что он случайного человека не пригласит, спокойно накрыла на стол и присела рядышком.

— *Ab ovo usque ad mala**,— сказал хозяин, указывая на стол.— Так чем же закончились ваши взаимодействия с Быстровым? — спросил отец Сергей после молитвы — в продолжение их разговора по дороге из церкви.

— Я вернул ему все, предварительно сделав, на всякий случай — понимая, с кем имею дело,— копии материалов.

---

* *Ab ovo usque ad mala* (лат.) [аб ово усквэ ад мала] — букв. «от яйца до яблок» (у древних римлян обед начинался с яиц и кончался фруктами), полный обед; иносказательно — с начала до конца.

— И рад бы индюк не идти, да за крыло волокут... Хорошо. Однако, имея дело с *такими* людьми и поступая соответственно, что может стороннему человеку, не знакомому с тобой и с обстоятельствами, показаться отрицательным, не следует принимать этот образ действий глубоко в свою душу, не делать *своим*, а как бы стряхнуть это с себя, как небходимое, но неприятное, *не свое*.

— Да, отец Сергей, согласен.

— Сколько же ты пережил, сын мой!

— Я не думал тогда об этом. Но эти события стали разделительной чертой в моей жизни. Раньше, ну, вы знаете, я все думал — кто я? — и тогда передо мной стоял только один вопрос — не дерьмо ли я?

— Сила зла есть та, которой мы сами наделяем его. Что или кто может быть сильнее Бога? Поэтому нужно верить, ибо вера — это сила человека, и делать все ради спасения людей, и даже если не получится, то хоть будет уверенность, что делали правильно и жили не зря. И, в любом случае, как учил апостол, радоваться жизни в каждый ее момент, и как не радоваться, если у нас есть мерило, с которым мы все и всегда можем соотнести — Учение Христа!

— Верно, отец. Но есть и такие — даже у вас,— кто проповедует любовь, а любит лишь себя.

— Каким бы ни был дом — в любом смысле — красивым, большим и благоустроенным, но если в нем нет дружбы, взаимоуважения и любви, он разрушится под очередным сильным порывом ветра. То же в отношении всех человеческих построений. Вот и в отношении литературы — ты же, сын мой, имеешь, как я знаю, отношение к ней — нужно стараться, чтобы литература обрела и не сдавала позиций русскости. И слушай людей из народа, тогда не будет в твоих творениях того, от чего люди будут в сомнение входить...

... «Слово умирает уже на кончике языка,— подумал Сергей.— О многом хочешь сказать, а не передашь всего... Но какое это чудо, что в наше время, в обществе умирающих душ, в обществе «победившего Хама», несмотря на усилия «зомбоящика», находятся такие люди, как Настя и Иван, чистые, что опровергает негативистский тезис — современное общество, якобы, состоит из богачей-воров и бедняков-подонков. Но все же, к сожалению, такие, как

Настя с Иваном и Раиса Никифоровна, единицы. Общество сейчас повсюду, за исключением, может быть, мусульманских стран, глубоко потребительски уродливое. Вот недавно увидел по телевизору, как в Китае молодая женщина, уронив дорогой смартфон в отверстие уличного туалета, нырнула за ним, и поскольку она долго не показывалась, за ней нырнул муж... за ним мать... за ней отец... двое соседей... В итоге женщина и мать отравились и умерли, а остальных еле спасли. И все это ради какого-то гаджета... А вот наши молодые люди — Иван и Анастасия — явно не из тех. И что интересно: именно несчастье сделало из нее женщину, а несчастье любимой сделало его мужчиной... И пришла вдруг Сергию на ум богоухольная мысль, что не его беседы, не молитвы, не богослужения как моральная помощь и психологическая поддержка изменили их, а *нечто иное, разбуженное* этим несчастьем. Но он отогнал эту мысль от себя...

... После трапезы они также помолились, Сергей и Иван поблагодарили матушку Пелагею за вкусный и сытный обед, и батюшка предложил гостю прогуляться, тем паче что день порадовал отсутствием осадков. Они оделись и вышли.

День, действительно, был ясный, светлый. Легкие облака покрывали прорывавшееся сквозь их просветы ярко голубое небо и оттого сами казались голубоватыми. Лес стоял трехступенчатый — впереди сиротливо голые еще белые березы, за ними — такие же голые темные иные лиственные, а далее — серо-зеленой стеной высились сосны и ели. Было уже не холодно, а приятно тепло. По реке кое-где, больше у берега, плавали еще не успевшие днем растаять после ночного морозца небольшие льдинки, и на лежащем в воде бревне тоже лежала небольшая корка льда. Мужчины шли по берегу, наслаждаясь свежим воздухом, и беседовали.

— Вот вспоминаю, сын мой, твои прежние метания. Да, в жизни бывает основное и не очень. А человек часто тратит свои, данные Богом силы на пустяки, забывая, что он не хозяин своему таланту, а только проводник. И если он этого так и не поймет, то может однажды оказаться бездарным.

— Все так, дорогой отец,— промолвил Бескрайнов.— Но сейчас, поверьте, я почти другой человек. Вот хочу написать... Простите, по привычке! Пишу роман о красоте человеческой души, несмотря на ошибки, отступления и падения

ее, а также о людях, которые, когда все спят в своих «низеньких домиках», молятся о них, а при свете дня помогают им словом и делом, о тех, кто, иносказательно говоря, на колокольне жизни... Хочу ударить в колокол, разбудить людей от потребительской, рабской спячки, показать им, что Бог жив, что есть живая связь с Ним!

— Это большое и хорошее дело, Иван. Хорошо сказанное слово до души достает. Благослови тебя Господь! — А сам подумал: «Какой молодец! — Все произошедшие с ним самим и с Настей перемены относит к живой связи с Богом и благодарен людям, которые заботились и заботятся о попавших в трудные обстоятельства...» и продолжил: — Мы не знаем цели Бога на свою жизнь. Но поскольку Он благ, то и цели Его благ... Потому все время свое человек должен посвящать данной ему жизни и каждую мысль, слово, поступок взвешивать на ее весах. Иначе его жизнь будет бесплодна, а он сам вроде безумного...

Они немного помолчали...

— Так как же все-таки у вас с Анастасией?

— Да, простите, отец Сергей, забыл сказать. Мы решили пожениться!

Тот радостно сверкнул глазами на Бескрайнова из-за густых бровей.

— Что ж, сие есть дело доброе! Бог вам обоим в помощь! — сказал он и по-православному благословил Ивана, а в его лице и их союз с Анастасией.

Выглянуло солнце и осветило их, радостно шагавших к храму, где у отца Сергея сегодня были хозяйственные дела.

... Проводив настоятеля, Бескрайнов решил прогуляться по городу, благо погода стояла на редкость хорошая.

На перекрестке центральных улиц, уже поворачивая к дому, Иван неожиданно столкнулся с Ларисой. На ней было короткое бледно-желтое пальто. После дежурных фраз приветствия он хотел продолжить свой путь, но не тут-то было.

— Я слышала, ты женишься?

Бескрайнов утвердительно кивнул головой.

— Зачем она тебе? Она же тебя высушит!

— Как это? — поразился Иван.

— А вот так! Нужно жить для радости, а какие радости будут у вас? И смех, и грех... — засмеялась Лариса. — Разум-

ное, доброе и вечное будет меж вами, да? Надейся, мг...

«Может, она пьяна? Да нет, вроде бы не шатается». Он подошел ближе. От нее пахивало вином.

— Иван, я честная, как пятилетняя девочка, поверь, хоть и немного взбалмошная. А в тихом омуте черти водятся, как говорит народная мудрость.— Тут она икнула.

Он стоял и слушал — не хотелось обижать человека, хоть она ему была никто. Вспомнилось где-то прочитанное — все происходит не просто так, и любая встреча имеет определенный смысл. Конечно, ведь он принял, может быть, самое важное в жизни решение, а потому должен быть испытан. «Вот и это одно из испытаний. А что касается Ларисы и иже с ней, то, как явно и непроизвольно проявляется внутреннее у человека, если он духовно сыт,— все будет для него светлым днем, а если духовно голоден, то темной ночью... И какая же разница между Анастасией и Ларисой,— две противоположности. А ведь я с последней был близок... Так можно метаться и размениваться без конца. Да, если бы не встреча с Настей, где бы я сейчас был и что бы со мной было? Мы с ней созданы друг для друга и можем быть счастливы!»

— Какие новости, Лариса? — спросил, решив перевести разговор на другую тему, Бескрайнов.

— Любая новость хороша, за исключением той, по поводу которой пишут некролог.

— Лариса, ты очень привязана к этому городу? — сказал он и, не дожидаясь ответа, продолжил:— Уехала бы отсюда и начала жить по-другому, как бы ничего и не было.

— Я бы уехала, да денег нет,— вдруг серьезно сказала та.— А без денег куда уедешь?

«Опять я про уехать куда-то. А зачем менять место жительства, когда человек не изменяется сам?»

— А ты сам так живешь? — спросила Лариса.

— А как нужно? — Внутренне улыбаясь, он решил узнать, что она имеет в виду.

— Сдаешь квартиры в Москве?

— Да.

— Сколько выходит?

— Все мои.

— На тысячу баксов в Индии можно прекрасно жить...

— М-м-г...

— Что — «мг»?

— Мир большой, а человек маленький... — уклончиво ответил Бескрайнов. — В каком-то фильме я услышал такие слова: «По ночам деревья спрашивают друг друга: как они (люди. — *прим. авт.*) живут без корней?».

— Ой, Иван, хватит! Ты что? — От Насти своей заразился этим вирусом — читать нравоучения. Она-то этому горазда! Корни, доброта и любовь — это все хорошо для старости. А я в свои двадцать пять хочу быть жестокой и легкомысленной. От старости мы никуда не уйдем. Но важно, что мы будем вспоминать, — разговорилась Лариса, достала из сумки какую-то сиреневую бутылку и, звучно чмокнув пробкой, сделала большой глоток. — И вообще, жизнь, Ваня, делится на два этапа: сначала нет ума, потом здоровья... — она сделала еще глоток и протянула бутылку Бескрайнову.

Тот отрицательно покачал головой.

— Ты мне лучше подскажи: что делать, чтобы хорошенько похудеть? — произнесла Лариса, оглаживая свой живот, и, расстегнув пальто, фамильярно показала Ивану складку на нем.

— Есть меньше... и пить, — ответил тот, глядя в сторону и думая, как бы побыстрее отделаться от пьяной девушки.

«Много неприятного вокруг, но надо прощать и сострадать, — думал Иван, — и, главное, любить божественное в человеке, тогда будет смысл, в том числе и таких вот встреч. Нужно ей как-то еще дать понять, что она может быть другой... После нас ведь остаются дела...»

— Лариса, я не буду тебя перевоспитывать... — начал он, но та, пошатываясь, вдруг грубо оборвала его:

— Чем ты, мерин, будешь меня перевоспитывать?! У тебя и инструмента для этого подходящего нет!

«Да... Говорить бесполезно, тем более в таком состоянии, а может быть, и вообще. Такие люди не меняются или меняются с очень большим трудом. Сказать ей: «Замолчи! Ты мне омерзительна, и я бы убил тебя», — это все эмоции, да еще не так поймет. А как хочется именно теперь, когда я обрел себя, помочь человеку, тем более в таком свинском состоянии... Но кто я ей, чтобы она прислушивалась к моим словам и воспринимала адекватно мои действия и меня са-

мого? Это нужно делать долго, исподволь и находиться рядом, когда провидение через жизненные обстоятельства, как и в моем случае, поставит человека перед выбором — быть или не быть, и если он сам попросит о помощи. Да и смогу ли я это сделать после того, что между нами произошло, и в связи с моими новыми обстоятельствами?.. Это должен быть другой человек. Дай бог тебе, душа, встретить его!..»

— Прощай!..— сказал он вслух и пошел.

— Будь здоров!

Поворачивая за угол, он услышал звон стекла разбивающейся об асфальт бутылки...

ГЛАВА 63

«Прекрасно познать жизнь, красоту мира и оставить после след своей души!»

Степан Алексеевич проснулся на даче от грома, могуче пророкотавшего в ночи, еще затемно, задолго до рассвета. Жена же его спала как ни в чем не бывало и даже не пошевелилась, когда он встал. Бобров оделся, так как сон напрочь пропал, и вышел на веранду. Еще почти голый — только почки набухли и кое-где появились еще крохотные зеленые листочки — лес стонал от ветра, стволы качались под его порывами. Но из всего шума особенно выделялся скрип привезенного лет десять тому назад из Румынии и посаженного у изгороди бука. Эти тоскливые звуки почему-то сильно действовали на нервы и бередили душу Боброва.

А ветер все усиливался и уже властвовал даже над дубами, бил по их верхушкам, раскачивал стволы и дико завывал среди ветвей. На Степана Алексеевича повеяло холодом, хотя по все прогнозам сегодняшняя ночь предполагалась тихой, спокойной, достаточно теплой и уж тем более без грозы. До нее дело не дошло, — видимо, гром заблудился и вместо мая попал в апрель, — но полил сильный дождь. Бобров закрыл окно веранды и, вернувшись в дом, прошел в

кабинет, где, стоя у иконы, долго шептал знакомые слова молитв, стараясь отвлечься от всех мыслей. Но спокойствие все не приходило, и он опустил на колени.

— Господи, спаси, Господи, сохрани!

... Но вот в наступившей после бури тишине на болоте, что немного в стороне, за лесом, по заре проснулся журавль, и раздалось его красивое трубное звучное курлыканье. Чуть погодя, к нему присоединилась самка, и их курлыканья слились в одну череду звуков. Все птицы слышали журавлинный клич и запели во весь голос, и лес загудел, уже не от ветра, а от их любовных трелей, как будто пели небо и земля, каждое дерево и ветка в дождевых искрах.

Небо на востоке прояснилось и заалело. Взору Боброва, вышедшему на балкон кабинета, открылась поляна с еще чуть зазеленевшими березками. Природа после ночи и дождя оживала и радостно давала о себе знать многозвучием голосов и многоцветьем небесных красок и оттенков.

Проснулась жена и с веранды позвала его:

— Степ, пойдем завтракать! Ты не забыл, что хотел сегодня встретиться с Бескрайновым?

— Нет, Галочка, помню.

Бобров знал о том, какие изменения произошли в Иване — не с Иваном, а именно в Иване! — и хотел «приобрести» этого человека для своей фирмы, для своего дела, ведь личности, которые могут в экстремальных условиях быстро найти выход и не только принять верное решение, но и исполнить его, на дороге, как говорится, не валяются.

Завтрак проходил приятно, и ласковость Степана Алексеевича к Галине Борисовне с каждым днем не уменьшалась, а только усиливалась — поскольку они почти идеально подходили друг другу. И что интересно, чем дольше они были вместе, тем больше им не требовалось никакое общество других людей, которое есть один из способов избежать одиночества.

Однако между взаимными приятностями и ухаживанием мысли Боброва были о предстоящей встрече. И подруга его, понимая это, не настаивала на своих вопросах и просьбах по работе и хозяйству.

После завтрака тянуло в сон — почти бессонная ночь давала знать о себе, — и Степан Алексеевич немного вздрем-

нул, предварительно поставив будильник на час вперед.

Проснувшись, все же не по будильнику, он набрал номер Бескрайнова.

— Иван, как наша встреча сегодня, в силе?

— Да, Степан Алексеевич, как договаривались в четырнадцать часов. А где?

— Вот и я думаю. Погода ясная, не холодно, весна-то какая кругом — ранняя и звонкая, — может, на природе, а?

— Хорошая идея, тем более что я тоже думал отдохнуть эти выходные где-нибудь в лесу.

— Вот и замечательно! Давайте я заеду за вами, и махнем ко мне на дачу. Тут лес — красота! Разведем костерок, посидим, поговорим, а потом к нам обедать.

— Насчет обеда не обещаю — Раиса Никифоровна хочет сегодня нас с Настей попотчевать своими фирменными блюдами, — а вот посидеть у костра, согласен, обожаю.

— Все, Иван, выезжаю. Вы дома будете?

Бескрайнов назвал место встречи, и Степан Алексеевич пошел заводить машину.

... Можно ли представить себе что-нибудь лучше, чем, набродившись по лесу и достаточно устав, сидеть у пылающего костра, смотреть на чуть приоткрытые, готовые вот-вот распуститься почки на ветках, создающие зеленоватую дымку окрест, слушать пересвист весенних птиц и хрустально-звонкий говор родничка под старым дубом! Бобров с Бескрайновым и были такими счастливыми.

— Иван, у меня освободилось место руководителя стройки на одном объекте, — Степан Алексеевич перешел к основному вопросу их встречи после разговоров о том и о сем во время прогулки, — я хочу предложить это место вам.

— Степан Алексеевич, конечно, очень благодарен вам за доверие, но скажу прямо: я, хоть и избавился с некоторых пор от метаний, все же не избавился от пристрастия души.

— Ну, и в чем же это пристрастие? — Бобров был явно недоволен, ибо ожидал сейчас прошлой «тянучки», которая ранее постоянно исходила от Ивана.

— Я остановился на литературе, вернее, на писательстве. Всеми остальными увлечениями жертвую ради этого.

— Это серьезно? — Он испытующе поглядел на него.

— Очень! И разве я сейчас похож на несерьезного чело-

века? — спросил, выдерживая взгляд, тот.

— Я бы не сказал! Но все же не отбрасывайте так в сторону и мое серьезное предложение. Ведь вполне можно и совмещать,— и Бобров процитировал своего любимого Кольцова:

*Пишу не для мгновений славы:
Для развлечения, для забавы,
Для милых искренних друзей,
Для памяти минувших дней*.*

— Да, можно совмещать, но только не с должностью начальника стройки или прораба — времени и сил не останется для главного, тем более что я уже определился с ним, с основным своим занятием. А вот должность механика или работника техотдела — другое дело,— сказал Иван и добавил: — Я ведь, Степан Алексеевич, решил продать две свои квартиры в Москве и купить для нас с Настей дом здесь, в Зареченске.

— Вот это я понимаю! А работу вам подберем.

Под лучами ярко светившего солнца лес, буквально на глазах, все более зеленел. «Природа живет по своим законам: необходимость одного проистекает из другого; все взаимосвязано, начиная от простейшего и кончая сложным...» — подумал Бобров.— А человек волей своей, стараясь повлиять на нее, ради своих целей, порой калечит. А вот другой человек — целый мир, поди, пойми со своей меркой...»

— Я рад, что у вас, Иван, проснулся характер, ибо нет большего зла для мужика, чем его полное отсутствие, которое напрямую и проявлялось у вас ранее. Тошно было наблюдать, честное слово.

— Когда человеку семнадцать, ему кажется, что он все уже знает. Но если он и в тридцать так думает — получается, что он по-прежнему юноша. Вот и я был таким. Вы правильно заметили — проснулся, это, и правда, было, как просыпание, но резкое, как от звонка будильника.

— Мудрец Саади — тридцать лет употребил на приобре-

---

* А. В. Кольцов. Стихотворения. Серия «Русская муза». Москва: Художественная литература, 1989. «Пишу не для мгновений славы...»

тение познаний, тридцать — на странствия и еще тридцать — на размышления, созерцание и творчество. И говорил, мол, — привожу не дословно — как прекрасно познать жизнь, красоту мира и оставить после себя след своей души!

— Ну вот, видите, у меня еще все впереди,— сказал и улыбнулся Бескрайнов, а сам думал: «Говорить ли с ним об Анастасии? Не получится ли, как в той истории, когда делили апельсин, но вот беда — он лишь один?»

— Степан Алексеевич, а ведь Настя вас так любила...— все же произнес он.

— Я знал, Иван, что вы поднимете этот вопрос... Понимаете, я многое мог бы вам рассказать, объяснить, но... не буду этого делать, не обессудьте. Я женат, у меня прекрасная жена, Галина Борисовна, я ее люблю, продолжать тему с Анастасией я не буду и в силу этого, и в силу того, что, знаю, у вас с Настей все серьезно. Так ведь?

— Да, это так!

— Вот... Все видно невооруженным глазом, и очки не нужны, а, как известно,— сказал он, улыбаясь,— чтобы носить очки, мало быть умным, нужно еще плохо видеть.

Они немного помолчали. В глубоко голубом небе золотом сияло солнце.

«Видимо, он воспитывал себя на роль порядочного и успешного западного бизнесмена, с такой же женой, семьей. А тут...— подумал Бескрайнов.— С другой стороны, было ли лучше для меня, если бы он ответил Насте взаимностью?... Ладно, нужно уйти от этой темы, Бог ему судья!»

— Хочу дать вам совет пожившего человека. Не примите как поучение. Старайтесь в отношениях с любимой женщиной избегать излишества, чтобы жизненность не иссякала для труда, а, напротив, была через край. В душе должно быть Небо, берегите его. Тогда будешь добр с людьми, не будешь уставать в работе, не будет тоски и уныния. Все должно быть, как в природе, разумно. Теряет силы человек, когда его душа опустошена. А вы ведь творческий человек!

Иван, немного подумав, перевел разговор на иную тему:

— Наверное, у вас сложности на работе, Степан Алексеевич? Вот и предложение ваше о том говорит...

— Да, как говаривал один, не к добру будь помянут, государственный деятель — «кадры решают все!»

— Вы не любите Сталина? А я так к нему положительно отношусь... Но, ладно, мы не об этом.

— Конечно, не об этом.— Бобров пристально посмотрел на Ивана и подумал: «А этот парень, и впрямь, стал серьезным!» — Дефицит у меня порядочных и одновременно исполнительных, работающих людей. А если лодырей прогнать, кто же останется? Я часто говорю: «Если вы плохо себя чувствуете, идите к врачу и, при необходимости, на больничный, если не хватает информации и навыков — учитесь, но задача должна быть выполнена, и хорошо». Ведь, и вправду, если работать, так работать, а нет... Я сам на службе, как говорится, и днюю, и ночью. Мне сотрудники часто говорят: «Неужели у вас дома нет? Что вы все время сидите допоздна?» Хорошо еще, что жена моя в этой же организации трудится... А вот еще иллюстрация: взял как-то на работу по рекомендации друзей честного грамотного парня. Смотрю, ходит как в воду опущенный. Спрашиваю, что с тобой случилось? А он рассказывает: «Приходишь, а мужики: — Помоги со склада трубы взять, нержавейка ведь!» — Да это же чужое!» — говорю. Теперь не здороваются, за километр обходят... Ни друзья, ни враги...» А молодые, девяностых годов, что вытворяют? — Не люблю, говорит, Россию, терпеть не могу ветеранов и совок, кому это, мол, сейчас нужно? Эх!..— Степан Алексеевич горестно махнул рукой.

— У французов есть выражение — *comme il faut*, что означает: порядочность.

— Да уж... Лучше не думать. А, с другой стороны, как не думать, если ты руководитель.

— Вот и получается, что распустились люди.

Бобров вновь с интересом посмотрел на Бескрайнова. «Происшествие с Настей, видимо, что-то сильно задело внутри у него, и нечто природное, подобно Илье Муромцу, дремавшее глубоко в его натуре, характерное,— зная Раису Никифоровну и его мать,— всколыхнулось и заняло свою, предназначенную от рождения нишу».

Иван и Степан Алексеевич, еще недавно, какие никакие соперники, выходя на дорогу, мирно шли по опушке леса и любовались распускающимися ярко зелеными листочками деревьев. Жизнь возрождалась, и свежий весенний воздух был наполнен этим возрождением.

ГЛАВА 64

Глубинная основа

«Как это получилось, — думала Раиса Никифоровна, — что в Иване, без должного мужского отцовского воспитания, вдруг проснулся мужчина, причем настоящий? Видимо, у него в экстремальной ситуации, когда чувства к Насте были настолько оскорблены и он подсознательно был поставлен перед выбором — как тогда, в детстве, *прыгнуть* или *не прыгнуть*, а он *не смог*, — прорезался и обрел реальную силу природный острый ум и мужество, унаследованные им через мать от деда, мужа моего*...» Она была немного осведомлена в этой области, любила раньше читать научно-популярные статьи.

Иван тоже раздумывал о том, почему он так поступил, он — нерешительный, вечно колеблющийся... Размышляя так, вспомнил, что в той критической ситуации отключился его вечно рефлексирующий ум и возобладало в нем что-то глубинное, будто некая *основа*, его сущность. Что это было? Может быть, что-то, идущее от далеких предков, что руководило его поступками и действиями тогда, когда сознание не довлекло над ним. Ну, не слова же отца Сергия, конечно, ибо он еще только-только стал думать над ними, а не то чтобы применять в жизни. И не вера, ибо она еще в зачатке была у него. Он чувствовал и знал, что не это, а именно внутренняя сила. И понял Бескрайнов, что человек должен найти, отыскать в себе эту силу, эту основу и укрепить ее, и выявить ее в своей жизни. И если каждый это сделает, то жизнь наша станет совершенно иной и страна и народ, и общество станут другими, когда земные законы и правила поведения и жизни, и само поведение и жизнь людей будут естественно вытекать из этой основы — вечной, глубинной, заложенной, может быть, от создания мира в наши ДНК. Он, конечно, продолжал ходить в храм, слушать проповеди отца

---

* По всем правилам генетики сын наследует не от отца, а от матери, вернее от ее отца, своего деда.

Сергия, беседовать с ним, но чем дальше, тем он яснее понимал, что это — методы совершенствования души, что *основа*, которую он открыл в себе — алмаз, а совершенствование позволяет обработать, огранить этот драгоценный камень и сделать из него бриллиант. Но если нет алмаза, то и бриллианта не будет. Поэтому *основа* первична. И еще он понял, что само учение Христа, Его истинное учение, нашедшее свое выражение в заповедях блаженства, несколько не противоречит основе, что оно и *основа* едины, как произросшие из одного корня. Это понимание удесятирило его силы, его стремление к совершенству, к истинной жизни. И еще он понял, что говорить об этом кому бы то ни было бесполезно, ибо каждый должен прийти к этому сам, из своего опыта. Ведь если бы ему кто-то стал рассказывать о некоей основе, то он, Иван, в лучшем случае просто промолчал и ушел, а в худшем — высмеял бы рассказчика. Он теперь четко осознал, что Бог ведет лично каждого по пути познания и ведет именно через перипетии жизни, используя часто «ньютонское яблоко», которое в его случае оказалось тем, что произошло с Анастасией.

А молитвы других людей за него? Да, Иван знал, что и отец Сергей, и бабушка, и, может быть, кто-то еще о нем молился... Но он твердо знал, что сработала, прежде всего, его *основа*, а не чьи-то молитвы Богу (могли ли они молиться о том, что он совершил, или чтобы он стал таким, каким был с Быстровым?) Бабушка и родители Анастасии были в шоке после случившегося, отец Сергей утешал, укреплял и проводил беседы со всеми, выяснял, что да как, психологически поддерживал. Иван обратился бы непосредственно к Богу, чтобы Тот был сам судьей и учителем Быстрову и помог преодолеть наветы против Анастасии, он уже понимал, что Бог — живой и с Ним можно входить в контакт: задавать вопросы, получать ответы — но не имел к этому навыков. Да и откуда? Воспитание не то, и глядя в жизни на верующих, как они по любому поводу шли в церковь и обращались за помощью не к Богу, а к священникам (а ведь какой еще попадетя — думал Иван), не знал, как это делать. А еще, живя в Москве, наблюдал, как некоторые священники живут, и видел, что частенько далеко не как «святые отцы». Поэтому он вначале не верил, а теперь уже понимал, но де-

лать еще не умел. Умная же психологическая поддержка отца Сергия — настоящего священника, священника для душ человеческих, а не только работника церкви-организации, видимо, и позволила проявиться в полной мере его природной основе, которая возобладала над его расхлябанностью и над возможной порабощенностью, если бы он, с помощью близких, попал под влияние обычного цитатно-догматического давления.

И эта положительная природная *основа*, раз проявившись в нем, уже не могла утонуть в его обычной прежней расхлябанности и давала ему силы понять, что *он есть* («аз есмь»), и не подпасть под чью-либо личность, а проявить в жизни свое, данное ему Богом золотое «Я».

ГЛАВА 65

Гром и молния

Виктор Анатольевич Быстров отдыхал на даче. Было тепло и безоблачно. Ветер, дувший с юга, заметно ослаб, был уже не таким знойным и приносил на веранду запахи местных цветов и садовых деревьев. Супруга Нина Михайловна гостила у подруги в Москве, а дети: сын Анатолий и дочь Мария — студенты университета в N-ске готовились там к экзаменам.

День был хорош. Но настроение Быстрова не соответствовало погоде. Он нервно, насупив брови и наморщив лоб, туда-сюда ходил по веранде.

«Везде и во всем хаос,— думал Виктор Анатольевич.— Вместо проверенного столетиями западного пути экономического развития и гуманизма все более и более поднимает голову некая национальная идея, иначе говоря, идея своего особого, так сказать, исконного пути. А вот, как они, мы никак жить не можем, вернее, не хотим!

Опять же идет какое-то выпячивание православия. Хотя католичество, а еще более — протестантизм, уже давно доказали свою действенность для экономики и для обществен-

ной жизни. Нет, я не против православия, не против сходить и в церковь на праздник, но необходимо реформирование местной религии. Православие должно стать другим, более приспособленным к нуждам современного бытия.

Тут один умник из Патрушевска написал роман — то ли «Замкнулся круг», то ли «Круг замкнут», ну, что-то вроде этого,— и говорит устами одного из главных героев, что вопрос только в том, опирается ли ум человека на Высшую мудрость и волю, или на несовершенные человеческие знания. И в соответствии с этим, якобы, и цель прогресса: духовное, умственное и культурное развитие (естественно, как *он* это понимает) или бессмысленное (опять же, как *он* считает) накопление и потребление. Ну, это — старая *их* песня — противопоставление одного другому. А мы, мол, демократы, либералы суетимся под ногами и только мешаем исправлять *им* положение, в создании которого *они* нас — нас! — обвиняют. Вот головотяпы! Из-за безмозглости народа и его «выразителей» мы и попали в такое положение с экономикой и всем прочим. Ведь сколько ни говори: вера и традиции, а лучше не станет, ибо они — только помеха свободе. А нам для прогресса нужна именно свобода!..»

Стояло во всей своей красе лето конца мая. Небо было ясным, светило солнце, листья деревьев под ветерком тихо шелестели. Все вокруг веяло и дышало будущим плодоношением. Казалось, не было места ничему дисгармоничному, злему. «Будет хороший вечер»,— решил Виктор Анатольевич. Но тут взгляд его упал на западный, темный от туч участок небосвода, сильно контрастирующий с яркой голубизной всего остального неба, и ему стало не по себе. «Гроза идет, судя по изменению направления ветра»,— подумал Быстров. И как бы в подтверждение его опасения в небе началось какое-то движение: вначале невесть откуда появились легкие облачка, затем они стали, словно под какую-то слышимую только им музыку, соединяться в танце, приобретая темные тона и превращаясь от этого в небольшие тучи. Темь с запада надвигалась, постепенно поглощая своих маленьких «сородичей». Небо все более заволакивало, похолодало, ветер подул сильнее. Сверкнуло, и буквально через секунду прогремел гром. Затем полил сильный отвесный дождь. «Вот и гроза!» — подумал Быстров и, поспешно за-

крывая дверь, ушел в дом.

Но и в доме мысли не оставляли его. Даже полбутылки холодной, из холодильника, «соса-сола» не остудили его голову. Виктор Анатольевич нервно шагал по комнате.

Он взял валяющуюся на фортепиано белую ленту и, сложив ее петлей с опущенными концами, булавкой прикрепил к халату на груди. Затем, сев к инструменту, открыл крышку и заиграл бравурный марш.

«Если бы не было у нас экономических, гражданских и политических пережитков, все было бы не так тяжело,— продолжал внутренний диалог Быстров.— И *они* еще говорят: «А не случился ли кризис из-за того, что страна вышла на хороший уровень, ведь, якобы, для Запада был невыгоден рост могущества России и потому он кризис целенаправленно делает? Какая ложь, какая фальсификация фактов! — Западу своих проблем хватает».

Виктор Анатольевич встал, поправил на груди белую ленту и решительно подумал: «Вот придет время, и мы всех и все расставим по местам, *мы* будем определять, а не какие-то выскочки и назначенцы! Дай свободу, и все устроится само: рынок и беспрепятственное движение капитала регулируют экономику, парламент решит юридические и общественные вопросы. Поэтому нужно сделать Россию парламентской республикой. Необходима полная свобода и западная (!) демократия. И цена этого не важна, а важен результат, ибо такая цель оправдывает *все* средства!»

Гром и молния заставили его слегка вздрогнуть.

«И еще один герой того романа — как там бишь его? — ну да неважно,— писаки из Патрусевска говорит, что такие, как мы, это — «зараза, инфекция», что мы разжигаем бесовство вот уже на протяжении многих лет, что мы буквально грозим «распадом телу страны и гибелью ее душе». Это же надо! *Они сами* — инфекция, которую надо немедленно вывести! — Быстров разъяренно стукнул кулаком по столу.— И вообще, русский народ, в силу своих несоответствующих реалиям качеств, должен служить интересам цивилизованных народов. В этом вся истина земная и природа жизни современной. А наша задача ему, народу, в этом «помочь!» — и он, резко повернувшись, энергично зашагал по комнате.

Старинные напольные часы пробили три четверти. Быст-

ров вновь вышел на веранду и в некотором раздумье застыл у окна. Через некоторое время часы стали бить семнадцать, и в этот момент в липу рядом с домом ударила яркая молния и раздался грохот. Виктора Анатольевича ударной волной отбросило назад, и он, зацепившись за ножку тяжелого, столетнего стола, упал на пол, сильно стукнувшись обо что-то затылком. Последнее, что он увидел перед тем, как потерять сознание, это всполохи огня за окном...

... Очнулся Быстров от звона колокола недалеко расположенной сельской церкви. Он невольно взглянул на часы — было около восемнадцати часов. «К службе звонят», — подумал он и встал. Сильно болел затылок и правое плечо. Несмотря на это Быстров подошел к окну: гроза закончилась, дождь тоже перестал, дерево догорело, только еще тлела и дымилась часть ствола и кое-где на земле угольки. Из-за тучи выглянуло солнце и осветило синий с золотым крестом купол церкви, стоящей на пригорке посреди села...

... А в это время за тысячу километров на запад тоже грохотало и сверкало. Только это была не гроза, это были выстрелы орудий, ракетных установок, минометов и танков, очереди автоматов и пулеметов — это была война. С одной стороны русские люди — местные и добровольцы из большой России, прибывшие помогать, — воевали за свое достоинство, за право жить, как они сами хотят, разговаривать на родном языке, защищая жизнь своих родителей, жен, сестер и детей. А с другой — наемники из частных западных военных компаний, члены нацистских батальонов и отравленные ядом бандеровщины, одурманенные национальным величием, ни на чем не основанном, а по большей части — просто насильно, под угрозой уголовного преследования и больших неприятностей для семьи, взятые в армию и посланные убивать своих кровных братьев, — такие же русские люди. Но некоторые из них старались избегать этого, как могли, например, выбирая «начинку» из снарядов и делая на них надписи: «Пацаны, простите, что большим не можем помочь!» Там царила преждевременная смерть, гибли и калечились мужчины, женщины, старики и дети, разрушались дома и инфраструктура, травилась природа. Только цена такой гибели была разная — одно дело погибнуть, защищая родную землю и близких, а другое — лишая людей этого.

На совещании о совершенствовании человека наш Ангел сообщил: «Сознание — это только как бы служба вестей для глубинных уровней психики. Ум способен на время отклоняться от первопричин, но в свой час он снова сосредоточится на них со всей силой духа. Все в мире тянется к теплу и свету. Катаклизмы и страшные явления смятения духа побуждают человека искать главных дорог совершенствования. И оно заключается не в невозможности что-либо прибавить, а, наоборот, в невозможности что-либо отнять» — «Показателем верного пути к совершенству является Культура, — сказал другой Ангел. — Если кто-то будет наиптывать людям, что Культура не нужна, без сомнений это невежда, которому так мило в атмосфере злословия, сплетен, клеветы и прочей пошлости» — «А чтобы победила Культура, нужно к обычному постижению прибавить сердечное пламя», — добавил третий. «А вот еще очень важно, — продолжил наш Ангел. — Если человек убежден, что говорит лишь от себя, то он подобен дереву с отмершими корнями. Такое дерево обречено только на гниение. Лишь питающие корни в силах поддержать крепкий и здоровый ствол, украсить его красивыми ветвями, богатыми полезными плодами. Поэтому большое значение имеет связь с Иерархией Света» — «Да, дарования и таланты человека не случайны. Они живут в нем и оберегаются нами. И неумеренная застенчивость (не путать со скромностью), которая движется именно самолюбием может мешать человеку, и закрыть к действию энергию его дарований. К тому же нельзя, обладая добротой, не развивать в себе приспособления и такта, имея огненную мощь духа, не развивать в себе возможностей для полного понимания встречного человека», — завершил Председательствующий.

ГЛАВА 66

Полеты мысли

В начале июля, когда лето уже начало, как это всегда бывает в средней полосе России, набирать силу, наши Иван и Анастасия решили сыграть свадьбу. «Пир горой» был назначен не в ресторане или кафе, как это сейчас принято, либо в ином каком заведении, а в их общем доме, где они, собственно, и жили, но порознь.

Отец Сергей на своей старой «Ладе» ехал на свадьбу. Ярко-зеленый лес, который был виден в боковое окошко, как бы говорил своим видом: «Чудо началось, и наступило время исполнения надежд. Вот и птицы поют об этом, и всё — молодая листва, бездонное голубое небо и солнце — говорит о том же!» И в такт этому у Сергея появились мысли о возможности возрождения страны, возрастания и восхождения к вершинам духа людей, реализации, несмотря ни на что, спасительного промысла Божьего. «Но возможно это будет только тогда, — подумал он, — когда у каждого человека в душе громко зазвучит голос его совести и когда звучание его самого совпадет по частоте с этим голосом. Тогда и человек будет счастлив, и все люди, и мир станет Божьим... Но когда это будет, Господи?»

Торжество почтили своим присутствием все знакомые читателю по дням рождения Анастасии и Раисы Никифоровны люди. Не было только, по известным причинам, одного Быстрова. Степан Алексеевич с Галиной Борисовной также были среди гостей, «мед и пиво пили, по усам текло, в рот не попало», потому как, несмотря на стремление Ивана с Раисой Никифоровной сделать их центральными своими гостями — и по месту посадки за столом, и по сути, — чувствовали себя, как говорится, немного не в своей тарелке. Сказав свои слова и дослушав до конца все тосты и поздравления, они «танцевать» не остались и, тепло попрощавшись с новобрачными, уехали к себе за город.

Раиса Никифоровна, взглядывая на Ивана, думала о том,

как еще совсем недавно она отчитывала его, называла шалопаем, не способным ни в чем разобраться, с жизнью, подобной пустой бочке. И вот она видит совершенно другого человека — цельного, уверенного в себе, знающего ради чего он живет на земле, мужчину, одним словом. Не иначе как Господь помог, простер длань свою и отвел темные силы, затмевавшие ему разум и делающие душу его бессильной.

А отца Сергия, по принципу маятника, вдруг посетили «еретические» мысли. Он думал о том, как один его прихожанин (был ли тот верующим, он не ведал, но в церковь приходил), когда сильно заболел, дал обет Богу, что если выздоровеет, то станет священником. Он выздоровел и стал. «Но чем же это отличается от лечения в платном медицинском центре? — думал Сергий.— Внес аванс в виде обещания, получил исцеление и оплатил услугу! А где же труд самого человека? Где преодоление? Где осознание, покаяние, исправление себя и работа лечения? Вот Иван — в церковь почти не ходит, иногда забегает, а больше верующий, чем тот. Не усомнился, как Петр, «не поглядел себе под ноги», а смело, не задумываясь, «пошел по воде» и покарал зло! В чем же еще роль верующего, как не в преодолении зла вовне и внутри себя? Как Лев Толстой в своей последней поездке задумался — да, непотворение злу... а если зло внутри тебя?.. (цитирование не дословное — Авт.) Но это возможно, когда люди *верят Богу*, а у нас многие *верят в Бога, а не Ему*, то есть не слышат, а если и слышат, то не слушаются Его голоса, звучащего в них. Тогда, получается, они — идолопоклонники... А идолов можно сделать из всего, не только из денег и богатства. Моисей боролся с ними, но закон и ритуалы стали таким фетишем, какого не было до того. Идола можно сделать и из Евангелия, и из Христа... Против этого всегда выступал Христос, и выступает поныне, ибо Он жив! А если и далее рассуждать об истинной вере, о вере Богу, о том, что ставится на первое место: ритуалы и правила или сострадание и любовь, то поневоле приходишь к выводу — существуют две церкви: церковь Души и церковь как организация...»

... От человека к человеку переходила очередь сказать тост, поздравить новобрачных, высказать свои добрые пожелания. Царила радостная, как это всегда бывает на свадь-

бах, атмосфера. И Раиса Никифоровна радовалась и продолжала думать о внуке. «День долог, а век короток. А иногда бывают дни, которые определяют весь век человека. Если бы была жива дочка, она бы гордилась теперешним Иваном, не презирала бы его, как втайне некоторые матери презирают своих никчемных сыновей».

Оттого что близкие Ивану люди думали о нем и думали положительно, душа его, бессознательно постигая эти мысли и эманации, производимые ими, витала в горних просторах, а проше говоря, читатель, у Бескрайнова было очень хорошо на сердце, как не бывало, может быть, с самого детства. И в этом полете он был не один, а с Анастасией. Женщине же нужно спасать, если не все человечество, то хотя бы одного мужчину, а для этого ей нужно быть, подобно природе, спокойной, терпеливой и любящей, всегда в своем уме. И Настя находила в себе силы для этого полета.

Они оба чувствовали сейчас как никогда, что представляют собой одно целое. Это чувство было настолько сильно и величественно, невыразимо не только словами, но и мыслями, что и Иван, и Анастасия стали испытывать единственное, но очень сильное желание — твердое и светлое желание души — сделать друг друга счастливыми.

Вероника же вдруг вскочила и выбежала во двор. Раиса Никифоровна, заметив это, вышла вслед. Та сидела на скамейке, закрыв лицо руками, и плечи ее содрогались в плаче.

— Ты что, милая, Верунчик, что с тобой?

— Бабушка, почему меня никто не лю-би-и-ит...

— Почему ты так решила? Мы все тебя любим!

— Я не о том...— объясняла Вероника, размазывая тушь со слезами по щекам.— Вот Степан Алексеевич нашел свою любовь, у Насти с Иваном все хорошо! А у ме-ня-я-а...

— И у тебя, родная моя, все будет хорошо! Только... ты должна стать сама собой. Ведь какова сама, такая и цена!

... Оставим же, дорогой читатель, Раису Никифоровну и задумавшуюся Веронику, оставим и наших возлюбленных — Анастасию с Иваном, ведь им о столь многом нужно сказать друг другу, оставим и всех наших друзей за столь приятным обедом,— не будем мешать, оставим со спокойной совестью, так как они счастливы, а, как известно, счастливые люди не нуждаются в постороннем сочувствии...

ГЛАВА 67

«Весь твой багаж ждет тебя там ...»

После того случая на даче что-то произошло с Виктором Анатольевичем. Не так чтобы в жизни его что-либо изменилось, но вот здоровье подкачало. То ли от того сильного удара при падении, то ли по другой какой причине, ибо не сразу, а через время это произошло, но был с ним инсульт. А причиной, как выяснилось при томографии, послужил маленький тромб в сосуде головного мозга...

Быстров сдержал слово, данное Бескрайнову, — распространил по всем людям, которым он давал прежде смотреть видео с Настей, и наиболее активным, хорошо известным в городе, источникам сплетен и слухов, дабы не сомневаться, что слово его заглохнет на корню, информацию о том, что он опоил Настю снотворным со спиртным и, съмитировав с ней, безсознательной, изнасилование, записал все на видеокамеру. И сделал он это с единственной целью, чтобы затем шантажировать девушку на предмет согласия выйти за него замуж... Иван же, со своей стороны, а также родители Насти, она сама и Раиса Никифоровна, как и было гарантировано Быстрову, никак не преследовали его и оставили в покое. Виктор Анатольевич хотел выполнить и второй пункт устного — навсегда уехать в Томск, но... Господь не дал, как сказал бы отец Сергей.

И вот наш «герой», до того столь активный в жизни — ну, впрямь «живчик», — неподвижно лежал на больничной койке после реанимации, правда, в самой лучшей больнице города. За окном буйствовала редкая в августе непогода. Лил дождь, и сильные порывы ветра раскачивали деревья больничного парка. Сознание вернулось к нему, однако... как говорится, лучше бы не возвращалось. Ибо мысли, в такт погоде метавшиеся в израненной голове измучили его сильнее, чем это вынужденное лежание в палате.

И прежде всего — мысли о Насте. Откуда взялось в ней столько терпения и прощения?! Ну, впрямь — святая. А раз-

ве получила она религиозное воспитание? Нет. Откуда? И родители, и Раиса их — всегда были атеистами. Ведь она могла сразу заявить... Но не стала. Ну, здесь, прямо скажем, он хорошо сработал: и характер учел, и наркотик свое действие оказал. А от этого дурачка — Ивана, — кто мог такой прыти и ума ожидать? Ишь как дело-то все обстряпал — его, старого прохиндея, вокруг пальца обвел, как пацана какого... Уверил в смерти Насти. Нет, это он, Быстров, правильно сделал, что согласился, ибо если она и впрямь была бы убита, то сразу бы подумали на него, косвенных улик предостаточно, да и с этим мальчиком он поторопился... Фотографии Бескрайнов предъявил бы, а там и камера, подключенная к компьютеру, и экран монитора, с которого виден этот «угол», что и на видео с Настей, да и этого Сережу «притащил» бы. Одно к одному, второе к третьему — можно при желании сложить сюжет. Тем более убийство — все варианты будут рассматривать, любые факты и даже предположения. Нет, единственный «прокол», который он допустил — не проверил подлинность гибели Насти. Если бы убедился, что она жива, то можно было бы просто плюнуть и уехать в тот же Томск... И как это он, такой хитромудрый и многоопытный мог дать себя облапошить этой простофиле Насте и этому увальню Ивану, которые даже не подключили к делу таких мощных — по зареченскому, конечно, масштабу — людей, как Раиса, Бобров и тот же Сергей?.. А теперь что ж кулаками махать, теперь уезжать надо, как поправлюсь — сам же себя охаял, оправдав Настю. Какое теперь литобъединение, какое отделение Союза писателей? — Уехать и начать все сначала! Все сначала... а страсти мои тоже сначала, ведь я без этого уже не смогу?! А если и там найдутся такие же «Елены Прекрасные» и «Иваны-дураки»? Да, я буду строить там жизнь, такую же, как здесь. А мне уже шестой десяток, и что же, не дай бог, к семидесяти годам вновь пускаться в бега? Куда и как? А если там люди окажутся менее благородными — надо признать — чем здесь?

Кровь прилила к голове Быстрова, она раскалывалась, и лицо пылало. «А что если весь народ такой? — вдруг подумал он.— Глядишь — увальень увальнем, простак простаком,— возьмет дубину, да как умело «заиграет» ею, будто всю жизнь упражнялся, да по голове, по голове, как сейчас.

О, бедная голова моя!»

Мысли о народе привлекли в его больной, раненый мозг и другие мысли. А если они, какие бы мы усилия не прикладывали, никогда не возьмут западный путь, хоть им кол на голове чеши! Какой-то примитивный национализм, что ли, ориентируются на своих исконных, «суконных» простофиль! И опять же это православие — а если не удастся переделать его *полностью* под наши ценности? Оно же будет только укреплять этих «иванушек».

О, Боже, вся жизнь черту под хвост! Он хотел жить, как хочет, в свободе своих мыслей, чувств и желаний, как и подобает свободной личности. Но свобода его наткнулась на преграду, и эта преграда — пусть в данном случае в лице Ивана и Насти — народ. Вера его дала сильную трещину, и он внутренне ужаснулся, леденея от мысли: не живой ли он уже труп, если все мысли и надежды его тщетны.

«Разве я и мои единомышленники, а мы индивидуалисты, сможем преодолеть народ, эту массу —насть” и —иванов””? Так ведь никогда и не придет время, когда мы все расставим по местам и будем все определять. А ради чего тогда жить? Ведь если этого не произойдет, мы рано или поздно снова окажемся в проклятом советском прошлом! Ведь они уже сейчас считают нас чем-то вроде вредных микробов...»

«А если они правы?..» — по всем законам психологии, кто-то внутренний возразил ему. Но эта мысль — не мысль тут же покинула его голову, так как, словно кинолента, вся жизнь Виктора Анатольевича быстро-быстро стала прокручиваться перед ним. И вот она остановилась на одном кадре: бабушка, его бабушка, умершая, когда ему было три годика, держит его на руках и теплой рукой ласково гладит, и он слышит нежный бабушкин голос. Он прижимается к ней, крепко обнимает и целует ее. Тепло окутывает все его тело... и он взлетает. Но почему так легко ему стало, будто не было его жизни, всей тяжести последнего месяца и особенно последних дней? Вот какая-то белая птица летит рядом... Нет, это не птица, а человек... Но почему у него крылья?

— Вы не знаете, почему мне стало так легко? Где все тяжести моей души? — спрашивает Быстров.

— Не волнуйся, Виктор, весь твой багаж ждет тебя там, — и Ангел, а это был он, поднял палец вверх.

ГЛАВА 68

Встреча со старыми знакомыми

Бескрайнов, устроившись в фирму Боброва механиком и взяв несколько дней отпуска за свой счет, по делам продажи квартир поехал в Москву. Решая свои вопросы, он обдумывал, стоит ли встретиться с Надеждой. Ведь они были не просто знакомыми — дружили как ни как, общались более полугода. Теперь вот он провел в Зареченске еще полгода, итого будет более года их знакомству. «Может, у нее сохранились какие-то планы на мой счет,— думал он.— Я-то уже все решил. А она? Надо бы расстаться по-человечески...»

Когда он приехал к Надежде, вся семья была в сборе. Георгий Иванович читал свой любимый «Русский репортер», тетя, Нина Ивановна, сервировала стол к обеду. Сама же Надежда, открывшая ему дверь, никогда не занимавшаяся, благодаря тете, домашними делами, была нарядно одета и явно бездельничала. «Ну прямо *jeune doree!**» — чуть не сказал он вслух (а ведь раньше такие слова и в голову бы ему не пришли).

Та же мохнатая собачка лежала у стола и сквозь пряди шерсти бусинками глаз глядела на Ивана.

Нина Ивановна поприветствовала Бескрайнова:

— Молодой человек, скоро будем обедать! Давненько вы у нас не были.

— Да,— промолвил Иван,— только что из Зареченска.

Он чувствовал себя скованным, и это, как он понял, проистекало оттого, что старые знакомые и обстановка буквально втискивали его в прошлый образ вольно порхающего человека, во многом и бабника, при свидании с Надеждой думающего только о том, как бы «раскрутить» ее на близость, и страдающего от ее холодности и от держания его на расстоянии.

---

* *Jeune doree* — золотая молодежь (франц.)

В ожидании обеда они прошли в комнату Надежды. В обстановке ничего не изменилось, и сама Надежда была такой же подтянутой, красивой и спокойной, как ранее. При неожиданном появлении Бескрайнова лишь легкая тень удивления пробежала по ее лицу, но тут же скрылась за непроницаемой маской. Но Иван, в отличие от себя прежнего, даже и не пытался проникнуть в ее внутренний мир, что-то уяснить в ней, не мучился и не искал возможностей, чтобы разгадать ее. Видимо, это не прошло мимо внимания Надежды, и она несколько раз с интересом взглядывала на него. Теперь они как бы поменялись местами.

И пока они говорили о том и о сем, Бескрайнов отметил про себя, что его теперь не то что не тянуло убеждать ее не лишать себя маленьких радостей, например, полюбоваться природой, посидеть на показе моды, в театре, говорить ей о раскрепощении, о радости, о счастье, о необходимости пользоваться в жизни всем, чем можно, и, прежде всего, своей красотой ради покорения мужчин и успешности дел, а даже было абсолютно все равно, что она обо всем этом думает и как к нему относится. Его уже, и как мужчину, совершенно не волновала ее возбуждающая артикуляция и соблазняющие части тела.

Надежда вновь внимательно поглядела на Бескрайнова, ожидая, видимо, что он, как всегда, начнет разговор первым. Интерес Надежды раньше импонировал бы ему. Но сейчас... «Как парадоксально устроена жизнь,— подумал он.— Когда раньше я пытался вызвать ее интерес ко мне, она была холодна и даже очень, что коробило меня. Теперь же, когда она стала мне безразличной, я вызываю ее интерес...»

Нина Ивановна пригласила их к столу.

Во время обеда Иван старался вести с женщинами пустой светский разговор, всячески избегая тем о Зареченске и своей жизни там. И его не покидало чувство, что рядом, незримо, сидит Анастасия, и каждое слово, каждый жест, каждый взгляд свой он соотносил с ней. Когда обед подходил к концу, машинально участвуя в беседе, он стал думать, как бы не только проститься и уйти, но и вообще завершить это начинающее уже тяготить его знакомство. Надежда, с ее амбициями и не меняющимися желаниями и мыслями, была уже даже где-то неприятна Бескрайнову.

Та, видимо, прочитала его мысли и, когда они вышли из-за стола, увела его не в свою комнату, а в прихожую.

— Судя по тому, что вы, Иван, больше не толкуете мне о моей красоте, которая, мол, пропадает зря, как и жизнь уходит, не предлагаете себя в качестве садовника моего сада, подразумевая, что вы должны владеть мной, как и я вами, и так далее и тому подобное, я делаю единственно верное заключение, что вам все это уже не интересно.

— Надежда... — начал, было, Бескрайнов.

Но она засмеялась своим тихим клекочущим смехом, как иногда это делала, и он, не думавший возражать сказанному ею, не захотел даже говорить что-нибудь дежурно вежливое.

— А ведь я так и не нашла себе мужчину, который лелеял бы и...

Но тут Бескрайнов с такой тоской поглядел на свои ботинки, которые лишь его благовоспитанность не позволяла ни с того ни с сего вдруг сразу надеть, что Надежда оборвала фразу на полуслове.

— Да-а, быстро вы сдулись, Иван! — вдруг воскликнула она.

— Сдулся? — Его несколько покорило это выражение, и он стал обуваться.

— Ну, да...

— А разве я надувался? — пошутил он, но Надежда не приняла этой шутки.

— Ладно, все... Будьте счастливы, — проговорила она, опуская глаза, и добавила: — в своем Зареченске.

Бескрайнов вышел. Дверь закрылась. Он немного постоял, подумав: «Видимо, я сюда уже никогда не приду», и спустился по лестнице.

... Квартиры его — на Полянке и в Новых Черемушках — были в хорошем состоянии, и затруднений по их продаже не могло возникнуть. Необходимо было только предоставить возможность квартирантам найти себе новую жилплощадь.

Дав ход этим делам и оставив риэлтору свой зареченский номер телефона и адрес электронной почты, Бескрайнов, будучи в Москве, не мог не встретиться со своим давним приятелем Светогоновым. Пройдя то, с чем он столкнулся в Зареченске, Иван в душе уже не опасался, что Виктор будет

по привычке поучать и заботится о его женитьбе. Он даже в душе улыбнулся этому. Но все же не так ладно было на сердце у Бескрайнова — ведь так и не создал он ничего за это время.

Он взглянул на часы — было тринадцать часов. Нужно срочно звонить Светогонову, а то тот непременно закатится с приятелями обедать в излюбленный ресторан. А вечером у него может быть уже запланировано какое-нибудь культурное мероприятие, и они не смогут встретиться — в столице Иван задерживаться не был намерен и сегодня вечером хотел уехать, для чего оставил чемодан в камере хранения.

Как обычно в нашей теперешней «трудовой» стране потоки машин и людей заполняли дневные улицы, и Москва в этом отношении не была исключением, даже наоборот. Светогонова звонок Ивана застал уже садящимся в автомобиль. Виктор искренне обрадовался другу и, как и следовало ожидать, тут же изменил свои планы, предложив встретиться у станции метро «Чистые Пруды» — там недалеко есть хороший ресторан. Так что Ивану не пришлось куда-то ехать по московским пробкам.

Обед, как всегда, был хорош. Ринувшегося, было, Ивана заказывать, Светогонов остановил одним движением руки. Читателю, думается, не интересно будет описание блюд, закусок и вин, которыми Виктор угощал приятеля. Бескрайнов, боясь обидеть его, не сопротивлялся, но ел и пил в меру. А вот разговор у них все как-то не ладился. То ли от того, что Светогонов, будучи по природе своей или же по необходимости психологом, нутром, как говорится, чувствовал произошедшие в Иване изменения, то ли от того, что у Бескрайнова в голове все вертелось некогда сказанное Виктором: «Ты для меня существуешь только тогда, когда я думаю о тебе...»

Нет, они обменивались фразами, замечаниями, но настолько несущественными по сравнению с их прошлыми разговорами, что Бескрайнову было как-то не по себе. С одной стороны, он хотел бы поговорить со своим старым приятелем, рассказать об изменениях, произошедших в нем, а с другой — побаивался, что тот, со свойственным ему скептицизмом и даже где-то цинизмом, начнет высмеивать все это, ибо в душе своей, и Иван это знал, невысоко ценил его. Све-

тогонов же, который привык поучать Ивана и побуждать к разумным, конечно, как сам понимал, действиям, то есть дозлеть над ним, подсознательно не хотел признать того «подросшим» и, как знать, может, даже духовно значимым. Потому-то они оба и избегали серьезного разговора, тем для которого у них было предостаточно.

Подвыпив, Виктор стал рассказывать приятелю свежие анекдоты и истории из жизни московского beau monde*.

Бескрайнов смеялся, отчасти довольный хоть такой заполненностью времени их общения. Уже в конце, когда Иван стал поглядывать на часы — его поезд отходил с Курского через час,— Светогонов все же спросил, вкладывая в свой вопрос многое:

— Ну, ты доволен Зареченском?

— Да! — коротко, но с чувством ответил Иван. И Виктор в этом ответе получил подтверждение своему интуитивному пониманию приятеля и опасению начать сейчас серьезный разговор.

— Я рад за тебя! — сказал он, и они расстались, не загадывая, встретятся ли они когда-либо вновь...

ГЛАВА 69

Анастасия

Анастасия проводила Ивана в Москву спокойно, хоть и знала о Светогонове, о его желании сделать Бескрайнова человеком, как он это понимал, знала о том, что Иван непременно (так как сам об этом говорил) зайдет и к Надежде с родителями, ибо была совершенно уверена в своем муже, благодаря тем переменам, которые в нем произошли.

Перемены же воследовали и в самой Анастасии, да иначе и быть не могло, ибо все случившееся с ней, глубоко-

---

* Beau monde – высший свет (франц.)

чайшие переживания ее на грани жизни и смерти, восторжествовавшая справедливость, поступок Ивана и любовь к ней, преображение его и, главное, ее чувство к нему, — все это во взаимосвязи не оставило душу и разум девушки без кардинальных последствий. А произошло удивительное просветление духа, какого не было ранее и которое высоко подняло ее в понимании жизни, в самой жизни и в работе.

Настя принципиально вернулась в гимназию, откуда вынуждена была уволиться из-за навета. Директор и сотрудники встретили ее хорошо, и никто даже не вспоминал о прошлом инциденте. Правда возрождается, казалось бы, из небытия. Приходит время, когда она показывает, кто виновен и кто невиновен, кто по злу, из личной корысти, от извращенной животной самости, в помрачении ума или в ослеплении ложной теорией виноват в несчастье других.

И новыми предстали перед ней люди. Нельзя сказать, что она плохо относилась к ним ранее. Она всегда любила людей. Но все же ныне, после всего пережитого, Анастасия стала воспринимать их по-новому, как дорогих учеников, не ее собственных, а в великой Школе Жизни, в которой и она была ученицей. И как умиляет в ребенке его говор, его неуверенные шаги, его потешные промахи, так и ее умиляло сейчас в людях то, что они принимали за злое, за обиду, за оскорбление. Вместо прежних своих вполне юношеских самолюбия и вольности она чувствовала сейчас к ним исходящие из сердца жалость и сострадание. Принципом Анастасии стало — не давать сердцу успокоиться, везде находить предмет деятельной любви — не страсти, не любви, как к суженному, а мягкой, жертвенной, снисходящей к ближнему любви. Когда стыд перед всем животным в себе свидетельствует о существовании не только физическом, но и нравственном, о существовании Человека.

Продумав всю ночь после отъезда Вани, не потому, что испытывала тревогу, а просто давно не была наедине со своими мыслями, она заснула лишь под утро и, проснувшись, когда уже рассвело, испытала давнюю радость утра, видеть которое — счастье.

Но еще большее счастье дала Анастасии любовь с ее радостями, волнениями и сладкими приливами жизни, чего она раньше не испытывала. Дорогой ее Иван стоял за каж-

дым малейшим ежедневным событием и наполнял собою его. Ибо она неустанно работала над его душой, поднимала в глазах своих и окружающих людей любимого человека все выше, стремилась сделать его выражением духа и правды. И Анастасия добилась того, что он, даже будучи вдали, смотрел на нее постоянно и мысленно советовался с ней.

ГЛАВА 70

«Чтобы стать и быть полезным Тебе!»

Ухал Бескрайнов в Зареченск, наблюдал по привычке за мелькавшими в окне поезда полустанками, лесами и перелесками и думал. А думалось ему о том, как много насилия в мире и в конкретной окружающей жизни. Это и насилие физическое, сведениями о котором изобилуют ежедневные теле- и радиопередачи, и насилие лжи, бескультурия и бездуховности, которых с избытком хватает вокруг, насилие психологическое. Изнасилованным всем этим может быть любой человек... Важно то, поднимется ли он, и каким поднимется. Изнасилованной может быть и целая страна... А тогда, в этом случае, думал Иван, сможет ли народ вновь полюбить (или не разлюбить) свою *такую* страну? И сможет ли ему в этом помочь православная вера, какая-то философия, мировоззрение? Сможет и смогут, наверное, если он обратится к своим корням, к своей генетической памяти, вспомнит себя. Это может растянуться на годы, а может произойти мгновенно, как озарение (лучше бы мгновенно!) Это не суть важно, главное, чтобы была достигнута цель. История живет не минутами, часами и днями, как человек, а веками и тысячелетиями. И тогда такой народ и себя возродит, и страну, и культуру, тогда и потомство родит достойное имени Бога, достойное былого величия и великого будущего. В противном случае и вера, и философия, и мировоззрение останутся лишь умственными построениями и не затронут ни *сердца*, ни *души*, ни *жизни* и *судьбы* людей.

Психологический роман

Он достал теперь постоянно носимый с собой ежедневник и стал писать:

«Страна моя, большая, любимая и родная, скромная и светлая, любовь и радость рождаешь ты в душе моей. Как много твои леса и поля, горы и равнины, реки и моря, города и села подарили мне доброты и красоты. Благодаря этому хочется мне неизменно делать добрые дела для людей, знакомых и не знакомых, для всего народа. Я забыл свою тоску и уныние и оставил позади самокопание. Любовь к тебе переполняет сердце, и твоя любовь ко мне вдохновляют меня на писательский труд, который я избрал для себя, для служения тебе. И сейчас я молю Бога только об одном — послать мне способностей, умений и навыков, сил, разума и ясного понимания всего, взволновавшего мою душу, чтобы как можно лучше написать обо всем этом, чтобы стать и быть полезным матери-Земле нашей, чтобы стать и быть полезным Тебе, Господи!».

ПРИМЕЧАНИЯ:

Эпиграф к Части I — эпиграф к книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) Александра Николаевича Радищева (1749—1802) — символический образ российского крепостничества. Перевод фразы на современный русский язык: «Чудовище тучное, гнусное, огромное, стозевное и лающее». Это несколько измененная Радищевым строка Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1768) из его поэмы «Телемахида» (1766). Ее 514-й стих читается так: «Чудище обло, огромно, стозевно, илайй...» Поэма написана на известный сюжет из древнегреческой мифологии — приключения Телемаха (сына Одиссея и Пенелопы). Так поэт описывает огромного трехголового пса Цербера, который, согласно мифам, охраняет вход в подземное царство Аида, то есть в ад, преисподнюю. Фразу можно перевести так: «Чудовище тучное, огромное, с мордой, у которой три пасти». Что касается частицы «и», то это обычный случай у В. К. Тредиаковского, который иногда вводил в стих дополнительную гласную (не имеющую никакого значения с точки зрения содержания) для благозвучия, чтобы возместить недостающий для метра слог. «Лаяя» у него — существительное, означающее «пасть». «Словари и энциклопедии на Академике».

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3051/%D0%A7%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%89%D0%B5

Эпиграф к Части II — Александр Сергеевич Пушкин. «О втором томе "Истории русского народа" Полевого» (3). Статьи и заметки 1824-1836. Критика и публицистика». Собрание сочинений А.С. Пушкина в десяти томах. Том шестой. Государственное издательство Художественной Литературы. Москва, 1959, С. 324.

Эпиграф к Части III — Восточная мудрость.

Прообразом иллюстрации к вставке явилось изображение:
на стр. 5, 105, 193 и 296 — с <http://christianimagesource.com/>
на стр. 23, 123, 213 и 320 — с [coloring pages angel – sandboxpaper.co](http://coloringpagesangel.com/sandboxpaper.co)
на стр. 46, 140, 236 и 334 — с [Imgspace - Religious Angel Drawings | gmspace.com](http://imgspace.com)
на стр. 68, 157 и 254 — Русский музей. Бруни Н.А. Херувим. Около 1901. Дерево, масло. 26x35.
на стр. 87, 172 и 278 — с <https://ru.depositphotos.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	3
ЧАСТЬ I.....	4
Глава 1. «Стань человеком!».....	6
Глава 2. Зареченские пенаты.....	11
Глава 3. Замок из слоновой кости.....	14
Глава 4. Надежда.....	19
Глава 5. Корни — и что выросло... ..	24
Глава 6. Музыка души.....	30
Глава 7. «Господь труды любит», или Свое дело.....	35
Глава 8. «Без царя в голове», или Две стороны одной медали.....	40
Глава 9. В храме.....	47
Глава 10. Здесь и сейчас, или Персона нон грата.....	55
Глава 11. В Москве. Воспоминания.....	61
Глава 12. Детство и отрочество Виктора Быстрова.....	64
Глава 13. «...И стали они жить в том человеке еще вольготнее...».....	69
Глава 14. Сам себе бог.....	74
Глава 15. Просто психология, или «Неужели это написал я?..».....	78
Глава 16. «У каждого по-своему...».....	84
Глава 17. «Голову сломать можно!..».....	88
Глава 18. И вновь в родных местах.....	91
Глава 19. «Куда бежишь, и от кого?».....	95
Глава 20. Страсть Быстрова.....	100
Глава 21. Бескрайнов решает приступить к роману.....	106
Глава 22. Запросы ребенка из детской песочницы.....	109
Глава 23. «Нет веры, нет силы...».....	113
Глава 24. «Проявляются, да еще как!».....	117
Глава 25. В беседке. На реке. Тяжелые мысли Боброва	124
Глава 26. Соблазн.....	128
ЧАСТЬ II	132
Глава 27. «...Всякому слову свое время».....	133

Глава 28. Песня. Серьезная молодежь. Неожиданное появление Быстрова.....	136
Глава 29. Чувство доверия к отцу Сергию.....	141
Глава 30. Что может быть хорошего от «Америкэн бой?».....	145
Глава 31. «Хорошего человека мы приобрели сегодня!».....	148
Глава 32. Кто есть Учитель?.....	152
Глава 33. Родители.....	158
Глава 34. Вечерний город. Знакомство под дождем. «Свято место пусто не бывает».....	160
Глава 35. «Утро — это начало маленькой жизни...» Разговорчивая подруга.....	165
Глава 36. Юность Быстрова.....	169
Глава 37. «Познай себя!» Картина «Не ждали».....	173
Глава 38. «И не такое еще преодолевали!».....	177
Глава 39. «И тогда жизнь отреагирует...».....	184
Глава 40. Чувство неотвратимости.....	189
Глава 41. «Во Христа крестятся, но во Христа не облакаются».....	194
Глава 42. Давление Быстрова.....	199
Глава 43. Молитва Иоанна Кронштадтского.....	203
Глава 44. «Так не более ли Господь?».....	207
Глава 45. Признание.....	214
 ЧАСТЬ Ш.	 219
Глава 46. «Или пан, или пропал!».....	220
Глава 47. Шантаж.....	224
Глава 48. Великое испытание.....	230
Глава 49. Вероника сомневается.....	237
Глава 50. Анастасия решает поговорить с Сергием.....	240
Глава 51. «Вот время-то!».....	244
Глава 52. Перед мнением делового сообщества.....	249
Глава 53. Роковая смесь.....	255
Глава 54. «Нужно жить, нужно противодействовать злу!».....	261
Глава 55. «Неужели, неужели это со мной?».....	267

Глава 56. «Просто сон приснился...».....	273
Глава 57. Нас тренируют не бабочки и пчелки, а серые волки...».....	279
Глава 58. «Как тараканы в эпоху военного коммуниз- ма».....	284
Глава 59. Быстров застигнут с поличным.....	287
Глава 60. Победа.....	290
Глава 61. «Много храбрых, на полатях лежучи...».....	297
Глава 62. «Бог жив, и есть живая связь с Ним!».....	302
Глава 63. «Прекрасно познать жизнь, красоту мира и оставить после след своей души!».....	308
Глава 64. Глубинная основа.....	314
Глава 65. Гром и молния.....	316
Глава 66. Полеты мысли.....	321
Глава 67. «Весь твой багаж ждет тебя там...».....	324
Глава 68. Встреча со старыми знакомыми.....	327
Глава 69. Анастасия.....	331
Глава 70. «Чтобы стать и быть полезным Тебе!».....	333
Примечания.....	335

Академия российской литературы
Библиотека журнала «Приокские зори»

Яков Шафран

ВОСХОЖДЕНИЕ

18 +

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», книга предназначена для людей старше 18 лет.

Компьютерный набор,
компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета,
редактирование и корректура: Я. Н. Шафран.
Оформление: Я. Н. Шафран, В. В. Радько

Контакты автора:

E-mail: bonnyans@yandex.ru

Сайты: <https://www.proza.ru/avtor/byans>

<https://www.facebook.com/y.shafran?fref=ts>

Тел.: 8-953-443-14-69

Подписано в печать 20.01.2020 г.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,76
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 001

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Полиграфинвест»
300028, Тульская область, Тула, Сурикова 20
Тел.: (4872) 71-02-92

Яков Шафран — член Академии российской литературы, член Российского союза писателей, член Союза писателей-переводчиков МГО СПР, лауреат всероссийских литературных премий «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного, зам. гл. редактора всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», создатель, гл. редактор и составитель литературно-художественного альманаха «Ковчег».

ЯКОВ ШАФРАН

ВОСХОЖДЕНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

ISBN 978-5-6043697-4-6

9 785604 369746